Михаил Кривич Ольгерт Ольгин

ТОВАРИЩ ЧИКАТИЛО

true crime | настоящие преступники

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фамилию Чикатило в нашей стране слышал каждый, об одном из самых жестоких маньяков, орудовавшем с 1978 по 1990 год, сняли множество фильмов и телепередач. Пресса смаковала и до сих пор обсуждает подробности его преступлений и судебного процесса. Эта книга — уникальное документальное расследование, она написана по горячим следам и на данный момент является самым полным и точным рассказом о злодеяниях, ходе расследования и суда над Ростовским Потрошителем.

- Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин
  - Вступление
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
  - Часть 1
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
    - Глава VIII
    - Глава IX
    - Глава X
  - Часть 2
    - Глава XI
    - Глава XII
    - Глава XIII
    - Глава XIV
    - Глава XV
  - Часть 3
    - Глава XVI
    - Глава XVII
    - Глава XVIII
    - Глава XIX
    - Глава XX
  - Послесловие
  - Послесловие
- notes
  - 1
  - 2

Михаил Кривич, Ольгерт Ольгин
Товарищ Чикатило

Вступление
Врата ада

Глава I
Охота за «языком». Середина восьмидесятых

От пригородной платформы отошла в сторону Ростова-на-Дону очередная электричка, оставив на грязноватом бетонном перроне с десяток человек. Время ни то ни се: до конца рабочего дня остался еще час-другой, ехать в город по делам или за покупками уже поздно.

По платформе, спиной к ушедшей электричке, идут двое. Рослый дядька лет сорока, может быть, чуть постарше, в приличном темном костюме, при галстуке, обличающем в нем казенного человека, держит и левой руке коричневый, не очень новый портфель, набитый, надо полагать, деловыми бумагами. Справа от него, стараясь не отстать, шагает паренек лет одиннадцати в дешевых синих джинсах местного пошива и клетчатой рубашке с коротким рукавом. Похожи на отца и сына. Мальчик не достает своему спутнику до плеча и потому, обращаясь к нему, задирает голову. Дядька утвердительно кивает, смотрит на часы и прибавляет шаг. К лестнице у конца платформы он подходит первым, спускается к путям, мальчик идет за ним.

Платформа уже пуста. С противоположной платформы поджидающие поезда пассажиры провожают отца и сына безразличными взглядами и забывают о них, как только те исчезают из виду.

Конец лета, день теплый, но не жаркий, легкие облака наплывают на солнечный круг, ветерок несет запах деревьев и сухой травы, солнце появляется в голубом просвете, и рельсы вдруг вспыхивают ярким блеском.

Мужчина и мальчик о чем-то спорят, похоже, что выбирают дорогу покороче. Они идут по шпалам, потом переходят на утоптанную тропку между железнодорожной насыпью и лесной полосой справа. Здесь рядом идти тесновато, и старший шагает впереди, словно показывая дорогу. Потом останавливается и машет рукой — пора сворачивать. Оба исчезают среди деревьев.

Один — навсегда.

* * *

Когда-то, лет тридцать назад, в этом степном, безлесном

краю вдоль железных и автомобильных дорог стали высаживать деревца — защита от степных ветров и пыльных бурь, отрада взору путника, да и гарь не летит на поля и поселки. Клены, липы, вязы, рябины подросли, вытянулись, дали новую поросль, приютили в своей тени кустарник и траву. Теперь это уже не посадки, а лесок, который тянется вдоль насыпи лентой шириной шагов в тридцать. Здесь прохладно и влажно, как в настоящем лесу, пахнет опавшей листвой и грибами. Через неделю-другую сюда придут грибники. Для них, степных жителей, не избалованных северным лесным изобилием, и эта полоса деревьев — подарок.

Тропка совсем узкая, по ней, наверное, ходят нечасто. Мужчина пропускает мальчика вперед, и тот рукой раздвигает ветки кустов, чтобы не хлестали по лицу. Мальчик оборачивается, смотрит вопросительно, дядька кивает ему — верно идем, так короче. Их разделяет несколько шагов. Мужчина чуть прибавляет шаг и впивается взглядом в линялые джинсы, обтягивающие худой мальчишечий зад.

Мальчик опять оборачивается и что-то спрашивает — скоро ли, не пора ли свернуть и выйти на дорогу, но дядька словно не слышит его. Он уже совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Лицо залито потом, глаза остекленели, челюсть отвисла.

В поезде он казался спокойным, рассудительным человеком, может, малость занудным, но со взрослыми такое часто бывает. Говорил негромко, расспрашивал, откуда и куда мальчик едет, не проголодался ли, рассказывал о своей даче. Предложил зайти к нему перекусить, нарвать фруктов в саду, а потом они вместе вернутся на станцию и поедут в город. Конец дня, торопиться некуда. Еще он интересовался, что мальчик читает, советовал, что взять в библиотеке. Нормальный дядька, разве что только малость занудный…

Теперь в его глазах не было ничего человеческого. Они глядели из преисподней. Так бывает в фильме ужасов, когда лицо на экране искажается страшной гримасой, зрачки зарастают бельмами, из приоткрытого рта вырастают кабаньи клыки и жуть охватывает всех, кто сидит в тесном зальчике поселкового видеосалона. И хотя каждый знает, что все это неправда, киношные трюки, хочется, чтобы поскорее зажгли свет…

В неуловимое мгновение промелькнуло это видение в голове мальчика, и он не успел еще понять, что все происходит с ним взаправду, как жилистая рука с огромной загребущей кистью потянулась к нему и схватила за плечо, разрывая рубашку. Рука швырнула его на землю, в кусты, ветви хлестнули по лицу, он упал на спину, скатился на прогалину среди орешника, заросшую

жесткой травой, и почувствовал на себе тяжелое, скверно пахнущее тело. Цепенея, как в ночном кошмаре, не в силах кричать, он не мог понять, зачем жесткие пальцы свирепо рвут молнию на джинсах, сдирают с него одежду. Он был как в капкане, и все же, в какую-то секунду, когда пришло осознание того, что все это наяву и происходит с ним, он нашел в себе силы рвануться, выскользнуть из железных рук, вскочить и заорать, взывая неведомо к кому о помощи.

Никого не было, и крик затерялся среди деревьев.

Каменный кулак вошел ему под дых. Мальчик согнулся, задыхаясь от боли, и новый страшный толчок повалил его на землю. А дядька, огромный, остервеневший, со сползшими до щиколоток штанами, с болтающейся мошонкой, вязал парню руки шпагатом и валил его лицом вниз на мокрую траву. Он елозил по телу, наваливался стокилограммовой тушей и отодвигался, хрипло дышал и лез, лез железными пальцами в зад, мял, тискал, рвал.

Мальчик еще пытался выползти из-под него, закричать погромче. И тогда в левой руке мужчины появился нож. Несколько раз, коротко, без замаха, он полоснул клинком по шее жертвы.

Боль появилась не сразу, а сначала была новая волна леденящего ужаса и омерзения: мальчик ощутил горячие струйки крови на шее и гнусную мокроту на бедрах — там, где к нему прижималось потное тело дядьки.

Мальчик сдавленно, с хрипом кричал, а мужчина, извиваясь на нем, зажимал его рот ладонью, запихивал меж зубов землю с травой, охватывал лапищами шею и душил, душил.

Он был еще жив, когда мужчина приподнялся, повернул обмякшее тело к себе лицом. Издавая хриплые звуки, он разжал измазанные землей и кровью губы, прижался к ним ртом и впился зубами в язык. Отгрыз кусок и проглотил.

Жилистый полуголый мужчина распластался рядом со своей жертвой, он тяжело, хрипло дышал, время от времени разевая окровавленную пасть в глубокой зевоте. По телу мальчика пробежала судорога, он застонал. Мужчина приподнялся, подобрал валявшийся рядом нож и с силой ударил. Раз, второй, третий. В шею, в грудь, в живот, все ниже и ниже. Десятый, двадцатый, тридцатый…

Мальчик давно уже затих, а дядька колол и колол. Он наносил удары монотонно, левой рукой, все ближе придвигаясь к бездыханной жертве, раз от разу учащая удары, и не вынимал уже нож, а двигал им взад и вперед в одном месте. Распластался на еще теплом теле и снова забился в конвульсиях…

А когда успокоился, то поднялся на колени и начал как-то тупо, неосмысленно резать одежду и тело — сверху вниз, справа налево. Отрывистым движением, одним ударом отхватил небольшую мальчишью плоть и, зажав в кулаке кровавый кусок мяса, понесся кругами вокруг трупа.

«Я — красный партизан! — кричал дядька, придерживая спадающие штаны. — Я взял „языка“! Я захватил врага в плен! Я — красный партизан!»

А потом замолк, стал суетлив и деловит. Сноровисто, привычно снял с тела клочья одежды, распутал веревку, которой были связаны руки мальчишки, обмотал ею свернутые лохмотья. Поднялся, отерся, натянул штаны. Бросил взгляд на окровавленное тело, на свои руки, увидел кровь на ладонях, брезгливо вытер ее лохмотьями. Ногами сгреб поближе к телу прелые листья, начал присыпать труп и в эту минуту увидел на запястье грошовые часы. Наклонился, расстегнул ремешок, снял. Потом закидал тело листьями и сухой травой.

Грибники наткнутся на тело через неделю. Часы исчезнут неведомо куда.

Возбуждение почти прошло. Той же тропкой дядька двинулся к станции, не забыв прихватить с собой сверток. На опушке он бросил сверток в придорожную канаву.

Клочья одежды найдут детективы.

Через полчаса после того как двое вошли в лес, рослый дядька лет сорока с небольшим, в темном костюме, при галстуке, с коричневым портфелем в руке, вышел к станции пригородной электрички.

Глава II
Подлинная история преступлений. Осень 1992

Все, что вы успели прочесть и что вам прочесть предстоит, если не отпугнет вас жуткость происшедшего, — чистая правда. Без придуманных неожиданностей, от которых кровь стынет в жилах, без закрученных криминальных сюжетов, выстроенных так, чтобы постоянно держать читателя на крючке.

Выдумывать ничего не пришлось. В том-то весь ужас, что ничего не пришлось выдумывать.

То, о чем здесь будет рассказано, произошло в наши дни в южном российском городе Ростове-на-Дону и его окрестностях. На тихих и шумных улицах, в парках и на кладбищах, в лесах, на пустырях и на пляжах, а чаще всего — в лесных полосах вдоль дорог. Последнее — чаще всего.

Документальная хроника преступлений — как говорят американцы, true crime story — стала сейчас модным жанром, по популярности никак не уступающим детективу.

У этого жанра есть свои каноны. Например: скрупулезное следование факту, каким бы страшным он ни был, сопоставление различных взглядов на мотивы преступлений, попытка проникнуть в психологию жертвы и преступника. Шаг за шагом хроника ведет нас по следам — от замысла до кровавого исполнения…

Хотели бы так и мы, да не очень получается. Если шаг за шагом, от замысла до исполнения, если на каждое убийство хотя бы страниц по тридцать и еще немного на предысторию, на следствие и суд, то вместо этой книги у нас в руках был бы фолиант размером с Британскую энциклопедию.

Не было еще, пожалуй, таких преступлений и таких преступников. Тут не одно кровавое злодеяние, не пять и не десять. Вмененных в вину — пятьдесят два, и бог знает, сколько сокрытого. Свидетелей на суде много, а очевидцев — ни одного.

И ни одной жертвы не осталось в живых.

Все эти убийства по сути своей до омерзения схожи, только жертвы разные. У каждой из пятидесяти двух своя судьба, у сотен их родных — свое горе. «Преступление века», как быстро окрестили его газеты, растянулось на двенадцать лет. До сих пор в нем тьма непонятного, непонятого и противоречивого — и не только для пишущей братии, но и для криминалистов, следователей, судей, экспертов. В деле этом столкнулись

интересы личные, политические, ведомственные. И все это, начавшись в тихие «застойные» времена, продолжается на фоне ломки устоев, долгие годы державших Россию во мгле, в трудное, тревожное время, когда здесь и там стреляют в открытую, и льется, льется кровь, и почти спокойно мы читаем за завтраком в газете: «Убито десять… ранено тридцать пять…».

Впрочем, наша страна это уже проходила. Мы привычные.

Мы постараемся написать правдивую книгу. Она вместит далеко не все, что известно о невероятно долгой серии кровавых преступлений. И напротив, что-то существенное не войдет в нее по той печально простой причине, что не все известно.

Размышляя о произошедшем вновь и вновь, мы то и дело ловим себя на мысли — может быть, обо всем этом лучше было бы написать роман. Психологический, детективный, жуткий.

Может быть, и лучше. Может быть, кто-то уже пишет его.

А пока — подлинная история преступлений.

Глава III
Человек из преисподней. Лето 1992

Суд в советские годы обеднел и обветшал: и суд как действо, и суд как здание. Когда и семнадцатом году с глаз российской Фемиды сорвали повязку, а заодно реквизировали ее старомодный инструмент для взвешивания добра и зла, богиня правосудия, ослепленная, должно быть, кровавым революционным светом, принялась, подобно богине мщения, карать без разбора — как прикажут.

А для этого особого антуража не требуется. Суд, за исключением разве что высших инстанций, из учреждения почтенного, респектабельного, в некотором роде величественного превратился во второразрядное заведение — на одной ступеньке с трестом столовых.

И поныне российские суды ютятся большей частью в потрепанных, для суда не приспособленных домах, где протекают потолки, сыплется со стен штукатурка, зимой стоит холод собачий, а летом нечем дышать. Судейский народ, не избалованный ни народным уважением (хотя суд и зовется народным), ни высоким жалованьем, то грозит забастовкой, то прекращает работу из-за полной невозможности ее продолжать в таких условиях. Уж на что Москва, казалось бы, всегда считалась привилегированным городом, и то собралась в июне девяносто второго чрезвычайная конференция судей Московской области и полдня решала, объявлять ли частичную забастовку, прекратив напрочь слушать уголовные дела. На этот безумный шаг судей толкнули неустроенность и мизерная зарплата. Министр юстиции лично отговаривал судей от жеста отчаяния — и на сей раз отговорил. Один из московских районных судов в конце 1991 года вынужден был закрыться по случаю морозов, и более трех месяцев уголовные дела просто-напросто не рассматривались. А среди томящихся в камерах в ожидании суда есть не только злодеи, но и невинные…

Правда, в какой-то момент мелькнула надежда: с уходом коммунистов поосвобождались самые приличные в городах и поселках здания — особняки бывших райкомов и обкомов, разные дома политического просвещения и партийные учебные заведения, где правоверных учеников накачивали марксистско-ленинской теорией. Сгоряча решили отдать эти дома самым нуждающимся — детям и правосудию. Трудно сказать, как насчет детей, но суды где сидели, там и сидят. И по всей стране, на

окраинах и в столице, судебные процессы, как при Горбачеве, Брежневе, Хрущеве и Сталине, идут в тесноте и неуюте.

Ростовский областной суд являет собою исключение. Крепкий двухэтажный особняк, выстроенный еще при царе, с парадным подъездом под навесом и высоченными потолками, с колоннами и лепниной по фасаду, выкрашенному сообразно российской бюрократической традиции в официальный желтый цвет. Место престижное: на Социалистической улице, зеленой и тихой, в двух шагах от главной ростовской улицы — еще недавно Энгельса, а ныне, как и встарь, Большой Садовой, хотя таблички с именем немецкого капиталиста, возлюбившего пролетариат, еще не сняли.

Здание областного суда в Ростове называется Домом правосудия. Если сравнивать со многими другими судами, потянуло бы и на Дворец правосудия. Внутри просторно. Порядок охраняют вежливые милиционеры. В вестибюле снуют судейские дамы, среди которых немало хорошеньких и модно одетых. Даже посетители, в российских судах обычно жалкие и неприкаянные, здесь выглядят почище, поприличнее. Все же областной суд, здесь рассматривают либо дела особой важности, либо кассационные жалобы. И то дело, которое слушается на первом этаже, в самом вместительном зале заседаний под номером 5, необычно не только для Ростова — для всего мира. Часто ли бывало, чтобы сведения из Ростовского областного суда подхватывали на лету и разносили по миру газеты и телевизионные выпуски?

Судебное заседание начинается ровно в десять утра. За несколько минут до начала у входа в пятый зал, возле высокой дубовой двери, уже стоят несколько женщин с хозяйственными сумками в руках. Сумки со всей очевидностью не пустые, из чего следует, что женщины с утра успели походить по магазинам, купить кое-что из продуктов. Всякий знает, что за продуктами надо ходить с утра, пока не расхватали, а если отложить на потом, когда суд объявит перерыв, рискуешь оставить семью без пропитания. Правосудием сыт не будешь.

В холле, на полдороги от входа, тетка в стоптанных домашних шлепанцах выставила деревянный лоток с белыми булками, это теперь зовут словом «выпечка». Очереди нет, но выпечку помаленьку разбирают: и милиционеры, и посетители, и судейские дамы. Кто жует, кто прячет про запас. Женщины у двери тоже покупают и кладут булки в свои бездонные сумки. Сгодится.

Скоротать время до начала заседания могла бы помочь информационная машинка вроде тех, что стоят на вокзалах; там они дают сведения о приходящих и уходящих поездах, а здесь? По

замыслу создателей, машина в Ростовском областном суде способна дать любую справку как по гражданскому, так и по уголовному праву. Проверить ее способности, увы, невозможно: на какую кнопку ни жми, ответа не дождешься — машина сломана. Зато в центре табло можно прочесть наставление: «Соблюдать строго и добросовестно законы советской власти. В. И. Ленин». То ли убрать не успели, то ли не спешат, — а вдруг все вернется и вновь будем жить по заветам Ильича?

Распахивается дверь, и секретарь суда, высокая молодая женщина, приглашает в зал заседаний. «Сначала проходят потерпевшие», — предупреждает милиционер. Женщины с сумками (а они и есть потерпевшие) устремляются вперед. За ними остальные, человек десять, не больше.

Зал просторный. Он как раз под стать большому, на весь мир прозвучавшему процессу. Мест этак на двести пятьдесят. Три массивные люстры, высокие, уходящие под потолок стрельчатые окна. Деревянные скамьи изрезаны не одним поколением свидетелей и завсегдатаев: имена, даты, пронзенные стрелами сердечки, наивные непристойности. Милая российскому сердцу атрибутика общественных мест, будь то зал ожидания или университетская аудитория. Когда читаешь этот фольклор, то забываешь, где находишься. Но стоит поднять голову, как сразу все становится на свои места: под окнами громоздится массивный судейский стол, за ним три кресла. Среднее немного выше боковых и украшено гербом бывшей советской России. Его уже официально отменили, вернув двуглавого, правда без корон, орла, но здесь пока не тронули, как и ленинскую цитату. Скорее всего, руки не дошли или денег нет — это в копеечку влетает, гербы менять.

На спинках боковых кресел резьба попроще: серп и молот. Каждый предмет по отдельности заслуживает уважения, но вместе, как символ, они себя изрядно скомпрометировали.

Собравшиеся в зале на кресла внимания не обращают. Их взоры обращены на выкрашенную в светло-бежевый цвет железную клетку, которая стоит у правой стены за невысоким барьером с резными белыми балясинами. Выглядит клетка какой-то самодельной, будто сварганил ее из подручных материалов слесарь-умелец. Клетка прикрыта сверху довольно густой металлической сеткой. Внутри — скамейка, не такая основательная, как в зале, а попроще. От зарешеченной дверцы с массивным висячим замком куда-то вниз, за барьер, уходит лестница. Куда — из зала не видно.

Появляются милиционеры и несколько рослых солдат внутренних войск, в фуражках с малиновыми околышами. Ребята

крепкие, отборные — у каждого грудь колесом и вся увешана значками, которые свидетельствуют о спортивных успехах и боевой выучке. Один из них отпирает замок, заходит в клетку и внимательно осматривает ее: пристальный взгляд на скамейку, пристальный взгляд под скамейку.

И вдруг, повинуясь неслышному приказу, милиционеры и солдаты выстраиваются вдоль барьера, за которым лестница. В просветы между балясинами видно, как появляются снизу три головы: две в форменных фуражках, третья, между ними, — непокрытая, серовато-седая. Головы возникают, внезапно и зловеще, словно из преисподней. Мгновение — и они разделяются. Солдаты заталкивают согбенного седого человека в клетку, захлопывают дверь, щелкают замком.

Подсудимый занял свое место. Вокруг клетки выстроилось оцепление.

До этой минуты в зале все спокойно. Вполголоса переговариваются женщины на скамьях для потерпевших, негромко наставляет своих подчиненных прапорщик, начальник караула, техники устанавливают видеоаппаратуру, в совещательную комнату и обратно пробегает с бумажками секретарь суда. Шума не больше, чем на дневном сеансе в кино, пока свет еще не погас.

Но едва между могучими плечами конвойных, за прутьями решетки, появляется седая голова человека из преисподней, со скамей для потерпевших раздастся пронзительный женский крик:

— Сука ты, падла, пи-да-рас!

Человек в клетке сидит, согнувшись чуть не вдвое, в зал не смотрит. Седая голова неподвижна.

— Людоед! Козел вонючий! Говна не стоишь! — кричит худощавая женщина средних лет с аккуратно заколотым пучком русых волос. — Детей твоих, жену твою, всех убьем!

Голос женщины становится спокойнее, она уже не выкрикивает, а как будто увещевает человека за решеткой:

— Надо же, сидишь себе, улыбаешься… А каково было нашим детям?

Человек в клетке не шевелится. Соседки кричащей женщины согласно кивают, словно поддерживают ее. А та продолжает увещевать:

— Как же ты мог?!. Тебе ж шестой десяток… Внуки есть… — Она словно укоряет соседа, который спьяна выкинул что-то неподобающее почтенному возрасту. И вдруг снова срывается на крик: — Подлый ты! Садист! Пидарас! Сука жидовская!

Она, конечно, знает, что подсудимый никакой не еврей, что он чистейшей воды славянин, хохол, но ругательств в ее

лексиконе не хватает, и она бросает ему в лицо все оскорбительные слова, какие знаете детства, а на Руси испокон веку «жид», «жидовская морда» и все прочие слова с этим смыслом — не последние среди бранных.

Человек в клетке безучастно смотрит в пол прямо перед собой. Время от времени он начинает раскачиваться, точно на молитве, и зевает — видно, как ходят желваки под тщательно выбритой кожей. Солдаты у клетки и милиционеры бросают взгляды на женщину и сочувственно улыбаются.

Она кричит уже несколько минут и начинает уставать. Сцена затягивается и кажется уже невыносимой, когда секретарь, обрывая крик, звонко бросает в зал:

— Встать! Суд идет!

Тишина. Все подымаются с мест. Входит суд.

Мантии и судейские шапочки — это бывает в кино из зарубежной жизни да с недавних времен у нас в Москве, в Конституционном суде. Три среднего роста человека в приличествующих случаю темных костюмах движутся цепочкой по проходу. У каждого в руках по нескольку пухлых, тяжелых, слегка потрепанных уже папок в красных и синих картонных переплетах — тома уголовного дела. Судья Леонид Борисович Акубжанов первым занимает место за столом — под устаревшим гербом с колосьями. Заседатели садятся в кресла с серпами и молотами.

Начальник караула снимает оцепление у клетки, на посту остаются двое часовых при оружии. Они стоят у клетки с двух сторон, не сводя глаз с подсудимого. Каждые полчаса они будут сменяться с уставной картинностью.

Адвокат занимает место за столом перед клеткой, прокурор — за столом напротив. Судья открывает заседание, и тут же возникает какая-то процедурная загвоздка — в любом суде дело вполне обычное, — высокий суд, прихватив красно-синюю библиотеку, удаляется в совещательную комнату.

Едва трое в темных костюмах скрываются в судейском святилище, как раздастся знакомый голос:

— Пидарас! Козел вонючий! Мой муж уходит на работу чистый и приходит чистый. Никаких ножей в портфеле не носит. Твоя жена, падаль, все знала, все…

Ее зовут Полина Дмитриевна Ишутина. Она живет далеко отсюда, под Брянском. Ее двадцатилетняя дочь от первого брака Анна Лемешева была убита 19 июля 1984 года.

В обвинительном заключении история смерти Анны числится как эпизод номер 30. Тридцатая жертва. Правда, первые пять пунктов обвинения — всего лишь развратные действия. Значит,

двадцать пятая из убитых.

В каждой паузе, едва прерывается судебный ритуал, Полина Дмитриевна ведет свое обвинение. Ее горе не излечивается временем. Перед судом предполагаемый — а для нее очевидный — виновник страшной утраты. Свое горе, свою неисцелимую ненависть к этому человеку она отливает в брань и угрозы.

Она кричит. Ее выкрики заполняют пустоты в процессе. Полчаса спустя их перестаешь замечать.

Судья и заседатели возвращаются на свои места, начинается допрос потерпевших. Первая — Полина Дмитриевна.

Судья мягко говорит, что она может свидетельствовать сидя, если ей трудно стоять, но Полина Дмитриевна твердой походкой подходит к судейскому столу, подписывает бумагу об ответственности за дачу ложных показаний — что в нашей стране заменяет клятву на Библии — и возвращается на свидетельское место.

Да, она Ишутина Полина Дмитриевна, сорока пяти лет, работает школьным завхозом. Внешне почти не волнуясь, она рассказывает суду о том, что делала в тот жуткий летний день восемьдесят четвертого, где была, когда узнала об исчезновении дочери, как приезжала на опознание тела, найденного под Ростовом через шесть дней после убийства в лесополосе у железнодорожных путей, неподалеку от станции Кирпичная, близ города Шахты.

У Анны на теле были обнаружены множественные ножевые ранения, нанесенные в обе глазницы, в левый висок, не менее десяти в левое бедро, в область молочных желез и лобка. Последние — уже после смерти. Когда Анна скончалась, а убийца получил половое удовлетворение, глядя на кровь и ерзая на умирающей, он раздел жертву полностью, изрезал и разорвал одежду, отсек соски, искромсал половые органы, вырезал матку.

Сухо и кратко сказано об этом в материалах уголовного дела: «Соски молочных желез откусил и проглотил. Мстя за свою неполноценность, вырезал половые органы, их потом выбросил, а матку грыз».

Он заманил ее в лесополосу в жаркий день, предложив пойти искупаться в пруду. Она оказалась сильнее, чем он думал, и он сумел справиться с ней только после нескольких ударов ножом. Таким, знаете ли, обычным складным ножом с пластмассовой ручкой.

Анна шла из поликлиники от зубного врача — у нее болел зуб под коронкой.

Полина Дмитриевна Ишутина рассказывает почти не волнуясь, отвечает на вопросы сдержанно. И лишь когда судья,

подбирая слова и пытаясь не причинить лишней боли, спрашивает ее: «А какая она была девочка, по характеру?» — только после этого ей изменяет спокойствие. Она плачет.

— Добрая, никого не обидит…

Ее душат рыдания. Человек в белом халате подносит ей стакан воды.

Два дежурных медика находятся в зале неотлучно. Но сидят почему-то спиной к публике, лицом к судейскому столу — будто судьям может стать плохо. На рыдания, впрочем, оборачиваются.

Судья задает последний, формальный вопрос:

— Что еще вы можете добавить по существу дела?

Ишутина отталкивает стакан с водой, вскидывает голову и страшно кричит:

— Что, людоед, нажрался мяса наших детей? Пустите меня к нему! Пустите! — И, обращаясь к судье, умоляюще: — Пожалуйста, дайте его мне. Я буду его резать, я убью его. Леонид Борисович, дайте его мне…

А тот, кого требуют для отмщения, сидит бочком на скамье, не глядя на потерпевших и отворачиваясь от них по мере возможности. Руки, как того требуют тюремные правила, привычно держит за спиной: полтора года в заключении, привык. И зевает, то и дело зевает во всю пасть, будто не о нем здесь речь, не его требуют выдать для самосуда.

В Ростове и неподалеку от него, в лесных полосах, зарослях камышей, на пустырях и кладбищах он насиловал, мучил, убивал, глумился над телами. Кровавый след тянется за ним на Урал и в Подмосковье, в Ленинград и Ташкент, Краснодар и Запорожье. Двенадцать лет шли по этому следу, а он, зверь, людоед, непостижимым образом обходил расставленные ловушки, пока в 1990 году не захлопнулась за ним дверь капкана.

По ходу розыска в виде, так сказать, побочного результата было попутно раскрыто 95 чужих, не им совершенных убийств, 245 чужих изнасилований, 140 тяжких телесных повреждений и еще 600 иных преступлений, которые на фоне этого дела кажутся совершеннейшими пустяками.

Конечно, случаются следственные и судебные ошибки. И прямые подтасовки. И умышленное сокрытие истины. Хватает примеров из дальней и ближней истории России, когда страдали невинные, а виновные оставались безнаказанными.

И все же. Чтобы улики сразу по всем пятидесяти трем уголовным преступлениям оказались ложными… Пусть этот человек виновен хотя бы в одном из вменяемых ему убийств. Он и тогда — существо из преисподней. Вампир, упырь.

Если он действительно совершил все убийства, в которых его

обвиняют, перед ним будут выглядеть бледно джеки-потрошители всех времен и народов. Если какой-то уголовный процесс и можно назвать процессом века, то можете не сомневаться — этот, ростовский.

Но когда летом девяносто второго года суд после изрядного перерыва возобновил работу, процесс века, о котором столько понаписано в газетах, шел при почти пустом зале. Пострадавшие, свидетели, судья, заседатели, секретарь, адвокат, прокурор, врачи, караул, молодой сотрудник местной газеты, матерый репортер московской газеты, три студентки юридического факультета, которых больше волнует предстоящий экзамен, двое крепких парней — жмут в руках теннисный мяч, накачивают мускулы, — пожилой мужчина дремлет в последнем ряду, случайный зевака заглянет в зал и выйдет. И все!

Местная печать пишет о процессе постоянно. Казалось бы, публика должна ломиться в двери. Нет, не ломится. Те же газеты сообщили о прибытии в Ростов «единственного и мире русско-канадского театра ужасов „Вампир“. В большом шоу-представлении: оборотни, химеры, монстры, зомби, упыри и прочая нечисть в супертриллере „Кошмары в преисподней“. Кино- и фотосъемки запрещены». И можно не сомневаться, сей супертриллер собрал свою публику. А тут реальный, невыдуманный вампир. Какое канадское шоу с этим сравнится!

Может быть, людям, пережившим столько социальных и экономических потрясений, не до чужих трагедий? Может быть. Вот уж воистину бессмертный лозунг — хлеба и зрелищ! Колбасы и триллеров!

И к черту все остальное.

Итак, летний день. Ростовский Дом правосудия, зал номер пять. Допрос потерпевших. Немолодые, измученные горем женщины рассказывают о самых страшных днях своей жизни. Всякий раз, когда судья спрашивает у них что-то о погибшем ребенке, они начинают плакать, будто горе обрушилось на них только что. Дети у них были разные — ухоженные и заброшенные, здоровые и больные, смышленые и умственно отсталые. Но — были. Когда-то были.

Отпив воды и немного успокоившись, одна из женщин сказала:

— Дай нам Бог пережить все это. И вам, уважаемый судья, тоже. Одного только боюсь, что вот этого (жест в сторону клетки) признают психически больным. И не накажут. — Плечи перестают вздрагивать, голос крепнет. — Ладно, детей нам никто не вернет. Но от наказания ему не уйти. Никакая охрана его от нас не убережет. Вот принесу автомат…

Зал оживляется. Милиционеры и солдаты не могут скрыть улыбки: надо же сказать такое — автомат!

Зря улыбаются. Любой желающий может пронести в зал хоть обрез, хоть автомат Калашникова. Какой там досмотр, какие магнитные детекторы… Сядет в десяти шагах от зевающего монстра, вынет ствол и разделается с человеком в клетке, не уповая на справедливость суда.

Чудо, что его не убили до окончания процесса. Пытались один раз, да неудачно. В нашей стране слишком часто говорилось об отмщении — гораздо чаще, чем о правосудии. И хотя ношение оружия повсеместно запрещено, купить его особого труда не составляет: слишком много запасено…

Судья тем временем объявляет перерыв, все встают и взглядом провожают судейскую тройку, обремененную тяжелыми томами. Двери клетки отворяются, двое солдат-молодцев выволакивают подсудимого. Зажатый между ними, он пробегает, почти скатывается по ступенькам и исчезает в преисподней.

Народ выходит в вестибюль поразмяться. Потерпевшие держатся вместе. Среди них две маленькие девочки — должно быть, не с кем оставить. На столике, с которого продавали выпечку, теперь стоят картонки с яйцами. Двадцать четыре рубля десяток! — проносится слух. Это недорого. Несколько человек окружают столик, чтобы не упустить товар. Из зала выходит адвокат Марат Заидович Хабибулин. Женщины обступают его и вполне мирно обсуждают процесс. На адвоката их ненависть не распространяется, он человек служивый, судом назначенный.

Перерыв окончен. Обвиняемый в клетке, суд за столом. Адвокат Хабибулин обращается к судье: подзащитный намерен сделать заявление.

— Что там у вас? — резко бросает судья.

Впервые за этот день подсудимый встает в полный рост. Достает из кармана исписанные листки, просовывает их сквозь решетку милиционеру. Тот берет листки и относит судье.

Долгая пауза: судья читает исписанные от руки страницы, передает заседателям. Подсудимый ждет стоя.

— Говорите, что у вас, — произносит наконец судья.

— Там все написано.

Голос у него глухой и негромкий.

— Ваше заявление приобщено к делу. Если хотите что сказать, не тяните. Вы на суде, здесь идет устное судоговорение. Так что у вас?

Тот стоит молча, чуть раскачивается. Зевает.

Из зала кто-то кричит:

— Что ночью-то делал?

Молчит.

Газеты печатали его фотографии. На одной, снятой сразу после ареста, — средних лет угрюмый человек в очках, с помятым лицом и недобрыми маленькими глазками. Смахивает на технаря средней руки из заштатного конструкторского бюро. Другой снимок: подсудимый в клетке в первый день процесса. Бритая головка микроцефала, диковатый и бессмысленный взгляд, непомерно длинные — и сильные — руки орангутана, пестрая рубаха с расстегнутым воротом. Вот на этом фото он похож на убийцу.

Есть еще один снимок, более поздний. Он хохочет. Неизвестно, что его рассмешило, но маленький рот оскален в улыбке, похотливые глазки прищурены, скошенный подбородок прижат к шее. Мама родная, да это же классический ломброзианский тип! Что бы там ни говорила нынешняя наука о Чезаре Ломброзо, этому итальянцу в наблюдательности не откажешь. Тот же тип лица, что у Нерона. Или у Лаврентия Берии. Желания преобладают над нравственностью, даже над инстинктом. Цель оправдывает средства. Моя похоть — мое право.

Он такой же, как на снимках, — и не такой. Разве что рубашка под серым пиджаком прежняя. Приметная рубашка, с олимпийской символикой. Немало их понашили в канун московской Олимпиады восьмидесятого года. По прошествии времени мало у кого они остались: износили и выбросили.

Этот бережливый. Сохранил. В этой самой рубахе он, запасшись ножом и веревкой, выходил на поиски очередной доверчивой жертвы. Веревка нужна была не всегда, случалось, хватало одного ножа. Потом, на работе или в аэропорту, он тщательно отстирывал в туалете кровавые пятна. Не столько потому, что боялся, скорее из аккуратности.

Бережливый и аккуратный.

И серый костюм на нем чистый, не мятый, хотя не из дому его привели, а из камеры. Правда, сидит костюм мешковато. Подсудимый вообще кажется из зала каким-то сжавшимся. И роста вроде небольшого.

— Он ростом с меня, — говорит начальник милицейского наряда, добрейший гигант Александр Юрьевич Германов. — Полтора года одиночки кому хочешь роста убавят.

Отросшие после тюремного парикмахера грязно-седые волосы, большая проплешина, какие-то фатовские бачки, некрасивый, скошенный затылок. Заурядная внешность, ничем не примечательная. Повстречай такого человека на улице — вряд ли запомнишь. Малоприятная личность. В те времена, когда он

шастал по вокзалам, пляжам и улицам в поисках любовных утех, он таким не казался — во всяком случае, своим жертвам.

Никто в зале на него долго не смотрит.

— Так вы будете говорить или нет? — раздраженно спрашивает судья.

И он начинает говорить. Медленно, почти бессвязно, не поднимая глаз. Делает долгие паузы.

Судья и зал терпеливо ждут…

— У меня все время голова раскалывается… Обмороки, кошмары мучают… Крысы меня преследуют… В камере… И радиацией меня травят…

Бред? Погодите.

— Процесс с самого начала не так пошел. Фарс какой-то. Я писал Генеральному прокурору. На мне должно быть семьдесят эпизодов. Не пятьдесят три, а семьдесят.

Зал настораживается. Судья поднимает голову.

— Но тут все торопятся… Мне-то уже все равно — больше, меньше. Но ради истины… Торопиться-то зачем? Я на следствии подписывал не глядя, все на себя брал. Сейчас думаю, шести эпизодов что-то не припоминаю. Вот в Запорожье, я тогда в отпуске уже был, а не в командировке… И никаких мандавошек у меня от нее не было… Мне говорит: раз у нее были, значит, и у тебя. А у меня не было… Никому истина не нужна, лишь бы поскорее… Ну и ладно, сколько там можно разбирался…

Судья что-то быстро пишет. Он хмур и озабочен. Чем? Тем, что неожиданно поставлено под сомнение шесть убийств? Или тем, что замаячили новые семнадцать, из-за которых придется возвращать дело на доследование? Бредом насчет крыс и радиации? Какие там крысы в тюрьме КГБ?! Тогда как это понять — как расчетливую попытку прикинуться умалишенным? Линия защиты вполне может быть и такой, не зря родственники жертв этого и опасаются.

А он продолжает, не повышая голоса, бормочет, словно самому себе рассказывает:

— Суд не хочет меня слушать. А я хочу всем рассказать о своей жизни, об унижениях, о преследованиях… Чтобы все знали… Мне врачи сказали: ты больше женщина, чем мужчина… У тебя талия женская и молоко подступает. Тебе надо было в детстве операцию сделать, чтобы женщиной стал. Меня и в армии мужиком не считали… Как фамилию услышат — хохол, говорят. И еще — баба… За сиськи хватали, такие вот унижения… Я всю жизнь боролся с мафией советской. Отец у меня был командир партизанского отряда… Он не виноват, что попал в плен… До сих пор не реабилитировали. Все в Москве, в архивах… Надо в

Москву съездить, а как теперь?.. И по камере крысы бегают, и радиация тоже…

Он надолго замолкает, словно дает нам время поразмыслить над его словами. Нащупать смысл в бессвязной речи. Что-то же стоит за этим вязким потоком слов?

В зале вполголоса разговаривают, кто-то из потерпевших громко смеется. Сменяется, подчеркнуто чеканя шаг, караул у клетки.

— У вас все? — резко спрашивает судья. — Тогда садитесь. Будем разбираться. Заседание окончено. Перерыв до завтра, до десяти часов.

Все встают и провожают суд взглядом. Обвиняемого как-то быстро и незаметно удаляют из клетки, только слышно, как где-то, в самом низу лестничного марша, лязгает замок.

Документальное шоу «Вампир» объявляет антракт.

Часть 1
Похождения филолога

Глава IV
Первая жертва, которая могла стать последней. Декабрь 1978

По следам убийцы нам предстоит пройти страшный и скорбный путь, усеянный изувеченными трупами взрослых и детей. Первый шаг — насколько мы знаем из материалов следствия — был сделан 22 декабря 1978 года. Первая жертва — Леночка Закотнова.

Ее так и звали обычно — уменьшительным именем, потому что ей было девять лет.

С далекого расстояния кажется почти невероятным, что эта девочка могла стать первой и последней, единственной жертвой. И тогда остался бы жив мальчик, изнасилованный и убитый несколько лет спустя у железной дороги.

Если бы убийцу поймали и изобличили — пусть не сразу, пусть даже через полгода после убийства Леночки, цепь оказалась бы оборванной на первом звене. И, как ни страшно это звучит, одна жертва была бы принесена ради спасения пятидесяти душ.

Если бы, когда бы…

Леночка Закотнова не стала единственной. Только первой.

* * *

Место — город Шахты Ростовской области, Межевой переулок, 26. Это можно прочесть в обвинительном заключении.

Как явствует из метеорологической сводки, 22 декабря 1978 года было пасмурно и прохладно. Мы попали на место убийства безоблачным летним днем 1992 года, в один из тех дней, когда судебный процесс в очередной раз прервался.

Мы прибыли в Шахты из Ростова тем же путем, каким сотни раз ездил сюда убийца девочки.

Скорый поезд Ростов — Москва проскакивает мимо города Шахты, едва пассажиры успевают разложить вещи и усесться поудобнее. Пригородная электричка покрывает то же расстояние минут за пятьдесят, рейсовый автобус — за час с небольшим.

Поколебавшись, выбрали автобус.

За какие грехи наказана Россия такими вокзалами — железнодорожными, автобусными, авиационными? Что в столицах, что в провинции, новые и старые, большие и маленькие, они разнятся разве что помпезностью и числом

пассажиров. А так — все едино, что московское Домодедово, что желдорвокзал где-нибудь в Верхней Салде, что Варшавский вокзал в Санкт-Петербурге, что автостанция поселка Первомайский любого района любой области. Та же тяжелая, неизбывная вонь — смесь неприсмотренного сортира, дешевой парфюмерии, грязного тела, хлорки и чего-то неопределенно-дорожного. Несчастные старухи и горделивые кавказцы, неутомимые цыгане и хозяйственные вьетнамцы, дети, пьющие газировку и просаживающие монету за монетой в игровых автоматах, неведомо куда мигрирующие лейтенанты с некрасивыми, может быть, от нескончаемых забот, рано стареющими женами и не слезающими с горшка младенцами — то и дело пробегает по залу ожидания в направлении туалета встрепанная мамаша с этим самым горшком. И командированные, командированные, командированные… Будто в стране нет телефона и телеграфа. Кажется, вся армада служащих поднялась с мест, чтобы купить, продать, обменять, выпросить у поставщиков металл, запорные вентили, лес-кругляк, керосин, сахарный песок и все остальное.

Но ведь и обвиняемый в убийствах, бубнящий себе под нос что-то неразборчивое, — он ведь тоже из этого братства снабженцев, выпрашивателей и вышибал, без которых, похоже, провалилась бы в тартарары шаткая, необъяснимо на чем держащаяся система производства, свинченная кое-как за долгие годы советской власти. Он тоже подолгу околачивался на вокзалах в ожидании поезда, автобуса, самолета, а то и в поисках жертвы, ходил между скамейками, стараясь не наступить на чемоданы, узлы, сумки, авоськи, заходил в буфеты, где продают неизменно липкие лимонады, яйца вкрутую, потемневшие от времени куски чего-то мясного, на что смотреть страшно, не то что есть, сидел на таких же лавках — деревянных или обитых искусственной кожей, изрезанной без всякого смысла и умысла, просто так — как говорят в суде, из хулиганских побуждений.

Ждущие своего часа сидят на скамейках, болтаются по залу и привокзальной площади, читают без интереса, чтобы убить время, жуют, спят, подложив узлы под голову. А не хватает лавок — спят на полу, подстелив газеты. Задранные юбки открывают недреманному оку дородные и тощие телеса, несвежее дорожное бельецо. По подбородку храпящего мужика стекает струйка слюны. Рядом разливают бутылку на троих. Здесь дуются в подкидного. Там тренькают на гитаре…

Ростовский автовокзал, да и шахтинский тоже, построен недавно, архитекторами замыслен разумно, здесь несколько чище, чем в среднем по стране, но — хоть понаставь дорических

колонн и развесь бронзовые светильники — все тот же неистребимый вокзальный запах, те же приторные теплые лимонады, узлы и авоськи, зеленые ночные горшки, темные бабки в платках, тощие кошки и собаки, та же неразбериха у касс и толчея на посадке.

Потом душный автобус, короткая перебранка из-за мест — на одно из них непременно продадут два билета, — забитый барахлом проход, по которому распихивают жующих жвачку мальцов лет семи — девяти, провозимых без оплаченного места из соображений экономии.

Дьявольщина, вот таких же мальцов, когда они оставались без пригляда, он заманивал жвачкой…

Мягкий южнорусский говор, местные, узнаваемые обороты речи: «Я за тобой соскучился…» Впрочем, в голосе слишком часто слышно раздражение, и в привычном для российского юга обращении к незнакомым людям: «Мужчина, вы проходите?» или: «Подвиньтесь, женщина!» — звучит сдержанная угроза. «Пожалуйста» употребляется редко.

Шоссе ведет в Москву. Дорога идет полями, однообразие ландшафта навевает дремоту, разве что иногда встрепенешься, зацепившись взором за дорожный указатель — какой-нибудь «Красный колос». То ли колхоз, то ли совхоз, то ли поселок. Что же это за зерновая культура с колосом красного цвета? Сорго, что ли? Какая, в сущности, разница… Разверни карту Ростовской области и дивись на красное: Красный Октябрь, Краснодонецкая, Красный Маныч, Красный Крым, Красный Десант, поселок Краснозоренский, Красностепной, просто поселок Красный, а вот еще один Красный. И как это они их не путают? А по соседству Краснодар с Краснодоном, не говоря уже о Червонопартизанске. Будто кровью, залита карта этими географическими названиями. Сколько времени пройдет, покуда отмоемся!

От горизонта наплывают терриконы, обступают слева и справа. По названию города Шахты нетрудно догадаться, чем здесь занимается значительная часть населения. Удивительно, что не назвали Красношахтинском, — было бы в струю.

Город угольщиков, город Леночки Закотновой, город ее убийцы.

Да простят нас шахтинцы за то, что мы смотрим на их город сквозь темную призму нашего сюжета. Кто же сомневается в том, что здесь живут большей частью достойные люди. И на скверных вокзалах, среди грязи и ругани, точно так же преобладают достойные люди. Достойные любви и сочувствия.

Свой город любят, как собственного ребенка, а красив он или не очень — дело десятое.

Но полюбить чужое дитя не заставишь.

На автовокзале, где частенько бродил человек, убивший Леночку, такие же, как и в автобусе, озабоченные, редко улыбающиеся люди. Молодые парни в китайских кроссовках, турецких штанах и рубахах неизвестного происхождения, оплывшие женщины с варикозными ногами, жилистые хозяйственные дядьки с длинными бачками — нам уже знакома эта местная мода. То излишняя полнота, то излишняя худоба. Пылящие терриконы, скверная вода, нездоровая работа, хлеб, сало, картошка и макароны.

Рядом с вокзалом деревянная будка, на ней вывеска «Дары леса». Интересно. Объявление поменьше: «Киоск от Шахтинского лесхоза. Фитобальзам». Еще интереснее. Тут же от руки накорябан состав бальзама — экстракты шиповника, крапивы, корицы, цитрусовых, крепость 18,5 градусов. Такого не пробовали. Осторожность подсказывает — никто этот напиток на токсичность и канцерогенность не проверял, возможные последствия не изучал, ни в каких санитарных органах разрешения не просил. И все же…

— Не отравимся?

Из темного оконца будки показываются две физиономии, испитые до фиолетового цвета. Театр абсурда.

— Полгода пьем, вроде бы живы.

Отступать поздно, два стакана уже налиты. Глаза лезут на лоб, в горле жжение. Целебный фитобальзам льется в придорожную пыль. Фиолетовые физиономии смотрят неодобрительно, но молчат.

По пассажирскому обычаю ищем после дороги туалет. Он совсем рядом, в двух шагах. Подходим к двери с буквой «М» и останавливаемся как вкопанные. Театр абсурда, действие второе: два молодца в спецовках сноровисто закладывают дверь кирпичом. Не кое-как, а капитально, на цементном растворе.

И еще одна малость: все это происходит на улице Победившей Революции. Театр абсурда опускает занавес.

На стоянке такси с десяток машин. Шоферы стоят кучкой, общаются. Узнав адрес, переспрашивают лениво:

— Межевой, говоришь?

Скребут затылки, переглядываются.

— Та это не там, где ты прошлый год кирпич брал на гараж?

— Разве упомнишь — там, не там…

Город-то невелик. Не Токио, не Мехико, даже не Ростов. Уж если местные таксисты не знают Межевого переулка, то, может быть, его вообще нет в природе? Есть. Нашелся знаток родного края. Сторговываемся за полсотни — такая в тот день была такса

в любой конец. Чуть дороже двух десятков яиц.

За окном пыльная уличная зелень, частные дома за глухими заборами с воротами для въезда машин, стандартные казенные здания из красного кирпича. Несколько раз останавливаясь для уточнения маршрута, преодолеваем километра полтора и выходим из обколупанной «Волги» аккурат на углу Межевого переулка.

Вот тут это все и было четырнадцать лет назад.

Довольно широкая Советская (какая же еще!) улица, посередине трамвайные рельсы. Да, действительно, там в деле фигурировал трамвай. Наверное, такой же, как этот, что спускается мимо аккуратных одноэтажных домиков, мимо высоких голубых и зеленых заборов к мосту через речушку Грушевку. По ту сторону моста — новый район с многоэтажными домами, но нам — на эту сторону. Сворачиваем с Советской и идем вдоль по Межевому, приглядываясь к номерам домов.

Ощущение, будто засасывает в воронку. Несколько ближних к трамваю домиков, из тех, что побогаче, облицованы по фасаду кафельной плиткой, какой выкладывают ванные, — признак благосостояния, что ли? Или, напротив, бедности — что сумели раздобыть, тем и облицевали… На воротах таблички про злую собаку. Никаких сомнений: за воротами собака, она злая и, возможно, ей есть что охранять.

Дальше дома поплоше, без кафеля; переулок помаленьку сужается и превращается в ухабистую, зажатую между заборами дорожку, по которой с риском оцарапать бока еле-еле протиснется автомобиль. И заборы уже не те, что прежде: изгороди из ржавых труб, подгнивших досок или кроватных панцирных сеток. Нищета бывает и живописной, но здесь она угрюма. Из-за заборов бросают на незнакомцев подозрительные взгляды. То ли здесь так принято, то ли случайно совпало, но при нашем появлении неопределенного возраста женщины загоняют домой голенастых, с поцарапанными коленками дочек. Или внучек. У калитки стоит старушка в темном платке, ну прямо та самая… Нет, про старушку еще рано.

А вот и дом 26. Так и намалевано — черным по белому прямо на стене.

На невысоком бугре стоит жалкий флигель, который не раз упоминается в двухсот двадцати двух томах дела об убийствах. Бывший хозяин флигеля называет его землянкой — слово полузабытое, военное, из давних воспоминаний. Но довольно точное: в землю основательно вросла грязная зеленоватая сараюшка, не слишком аккуратно обшитая досками, кое-где обмазанными глиной. В окнах немытые, треснувшие стекла. Чуть

правее сараюшки, совсем рядом, — беленый дощатый сортир, к нему ведут несколько деревянных ступенек, еще правее, буквально в нескольких шагах, — другой, столь же обшарпанный домишко. На пороге встрепанная бабка развешивает белье, бросает через плечо недоверчивый взгляд.

Во всем этом жалком и грустном трущобном пейзажике есть нечто инфернальное. Неизбежное. Здесь обязательно должно произойти нечто такое…

Нет, глупости все это, люди как люди — замотанные, небогатые, и дома у них соответствующие, и жизнь несладкая; при чем тут какая-то предопределенность? И так могло повернуться, и этак. Просто стоит перед глазами, застилая взор, картина четырнадцатилетней давности.

Тогда не лето было, а декабрь, погода стояла промозглая, и узкая, вся в ухабах, дорожка была покрыта мокрым, смешанным с грязью снегом. По этой дорожке от улицы Советской, от трамвайной остановки «Грушевский мост», шли по переулку к землянке, то бишь к дому 26, рослый мужчина с несколько удлиненным носатым лицом и девочка лет десяти. Мужчина, по свидетельским показаниям, — впереди, в трех — четырех шагах.

Детективы и следователи со всей тщательностью фиксируют, во что были одеты подозреваемые и потерпевшие. Из этих записей нередко удастся извлечь ключевую информацию. Опишем одежду взрослого и ребенка, углублявшихся в темень переулка, с протокольной точностью.

На мужчине: длинное темное демисезонное пальто и цигейковая шапка, в руке сумка из ткани болонья, из сумки торчат винные бутылки.

На девочке: красное пальтишко с отороченным черным мехом капюшоном, кроличья шапка, войлочные сапожки, в руке школьный портфель.

Через несколько дней, когда в реке Грушевке найдут тело девочки, на нем будет та же одежда.

Черное мужское пальто и коричневую цигейковую шапку с матерчатым верхом тоже обнаружат, но очень нескоро — через двенадцать лет. Когда мужчину арестуют и в квартире его произведут обыск, там найдут много поношенных, ненужных вещей и среди них — пальто с шапкой. Давным-давно выбросил бы, чтоб улик не оставалось, но нет, рука не поднялась: не любил расставаться с барахлом, даже со старым, негодным. Бережливый мужик, хозяйственный…

Определенно известно, что второклассница Леночка Закотнова была бойкой девочкой. Любила поболтать с подружками. После уроков прямо в классе разучивала с ними

танцы — так было и 22 декабря. Потом разбегались по домам, норовили по дороге прокатиться по раскатанным полоскам льда, падали, отряхивались. Договаривались, когда пойдут гулять. Прощались. И Лене, и ее подружкам от школы до дома было несколько минут ходьбы.

Конечно, всякий школьный день складывался по-своему, но ничего из ряда вон выходящего не случалось. Накануне, 21 декабря, после школы Лена забежала к бабушке, потом в детский сад за младшей сестрой, там встретилась с матерью, втроем отправились домой. А перед этим, еще в школе, она рассказывала подружкам о знакомом дедушке, который дарит ей жвачку. И показывала пластинку жевательной резинки в красивой заграничной обертке. Если кто хочет, она может попросить жвачки и для подруг. Дедушка добрый, наверняка даст.

Подруги хотели: надо быть чокнутой, чтобы от такой красивой жвачки отказаться! Ладно, говорила Лена, дед меня в гости приглашает, я на всех попрошу.

Она была доброй девочкой.

Сказочно богатый, щедрый на жвачку дедушка всплывал в рассказах Лены и раньше. Но без подробностей. Что за дед, откуда взялся, где живет — не рассказывала. Должна же быть у маленького человека своя большая тайна.

Двадцать второго декабря Наташа Борошко, выйдя из школы, застала свою подружку Лену Закотнову за любимым занятием — катанием по ледяной дорожке. Домой пошли вместе. По дороге забежали к Наташе: Леночке приспичило по-маленькому. Наташа осталась дома, а Лена, сделав свои дела, сообщила, что направляется к деду. И ушла. На улице встретила другую подружку, немного прогулялись вместе и распрощались до завтра.

Уже стемнело, было около шести. Мальчишка-одноклассник, которого отец послал в аптеку, увидел со спины Лену Закотнову. Она шла по направлению к трамвайной остановке. Одна.

В последний раз живой ее видели тоже около шести на трамвайной остановке «Трампарк». Это недалеко от Межевого переулка, на той же Советской. Средних лет мужчина в темном пальто и цигейковой шапке, держа в руке сумку с бутылками, что-то вполголоса втолковывал девочке лет десяти в красном пальто. Лицо девчонки выдавало смятение, похоже, она колебалась, соглашаться или нет. И хочется, и колется. Мужчина, не повышая голоса, продолжал настаивать. Девочка наконец решилась, кивнула, и они двинулись в путь: он впереди, показывая дорогу, она следом за ним.

Он открыл калитку и, оскальзываясь на припорошенных

снежком ступенях, первым поднялся к флигельку, отпер ключом слегка перекошенную дверь, она открылась со скрипом, и пропустил девочку вперед. Быстро затворил дверь и накинул крючок. Лишь после этого нащупал в темноте выключатель. Под замызганным, в разводах сырости потолком зажглась свисающая на проводе тусклая лампочка…

Дальнейшие события известны только со слов «дедушки». Найденное при расследовании — на трупе девочки — эти слова подтверждает. Процитируем протокол допроса, признание подследственного. Дадим ему возможность воссоздать сцену так, как он ее запомнил. Хотя, конечно, могут вкрасться неточности — как-никак двенадцать лет прошло, кое-что можно и подзабыть.

Но вообще-то память у него что надо. Отличная память — всем бы такую. Полсотни человек узнать в лицо на снимках!

Вот как охотно и многословно он кололся в кабинете следователя.

> «…Мы зашли в мою мазанку. Я включил свет, как только закрыл дверь, и сразу навалился на нее, подмяв под себя, повалил на пол. Девочка испугалась, закричала, а я стал зажимать ей рот руками, срывать с нее нижнюю часть одежды, оголяя тело, расстегнул пальто. Она вырывалась, но против меня ничего не могла поделать, так как я лег на нее, прижав всем телом. Спустив с себя брюки, я стал водить половым членом по ее промежности, но эрекция полового члена не наступала, и мне не удавалось ввести его ей во влагалище. Но желание удовлетворить себя затмило весь мой рассудок, и мне хотелось любым путем совершить это… Ее крики возбудили меня еще больше. Лежа на ней и покачиваясь, как бы имитируя половой акт, я достал нож и стал наносить ей удары… У меня произошло семявыделение… как это бывает при оконченном половом акте в естественной форме, я стал заталкивать ей сперму рукой во влагалище. Руками залез вовнутрь половых органов, хотелось все рвать и трогать. Она хрипела, я ее душил, и это принесло какое-то облегчение. Когда я понял, что убил девочку, встал, оделся и решил избавиться от трупа».

Когда читаешь эти признания подряд, на каком-то дальнем эпизоде — двадцатом или тридцатом — вдруг ловишь себя на мысли, что потерял ощущение непрекращающегося кошмара. Рассказывает себе человек и рассказывает. Один случай, другой, третий. Складно рассказывает, похоже, не врет.

Если вы уже стряхнули с себя натуралистический бред, если сумели это сделать с первого раза, если вообще сумели это сделать, то, пожалуйста, забудьте его на время, выкиньте из головы, наберитесь сил на будущее. А пока — отвлекитесь на что-нибудь. Например, оцените слог.

Возможно, в протоколе допроса кое-что смягчено и подредактировано, но, обратите внимание, — ни одного непечатного выражения, сплошь деликатные эвфемизмы и термины, свойственные скорее учебникам по медицине. Ни следа ненормативной лексики. Для всего находятся правильные слова, каждое в отдельности вполне приличное.

Следователи ничего не приукрасили — он и вправду не переносил нецензурщины. Сам никогда не матерился и терпеть не мог, когда в его присутствии мужчины пересыпали речь матерщиной. Однако неприличные слова и выражения знал и по меньшей мере один раз употребил такое словцо в письменной речи, впрочем, для благообразия изобразил его латинскими буквами. В юности от чужой матерщины краснел, в зрелом возрасте молча уходил.

А слог — это от приличного образования. Он окончил Ростовский государственный университет, между прочим получивший впоследствии имя замечательного стилиста и культуртрегера М. А. Суслова. И не какой-нибудь естественный факультет, где всю подноготную выкладывают без прикрас, а филологический. Не был чужд, как говорится, изящной словесности. Впрочем, филолог нынче массовая профессия, вроде шахтера или бизнесмена. Кто только не филолог!

Как-то мы пересказывали вкратце эту историю режиссеру Ролану Быкову. «Филолог! — воскликнул Ролан Антонович. И задумчиво протянул — медленно, сквозь вытянутые трубочкой губы: — Фи-ло-лог… Вот она наша жизнь — сплошная филология. Вы бы так и назвали вашу книжку: „Фи-ло-лог“».

Нам не захотелось. В его устах это греческое слово, обозначающее почтенную профессию, прозвучало не то как ругательство, не то как оскорбление.

* * *

Много лет спустя, когда филолога арестуют по подозрению в совсем других убийствах, во время долгого следствия и не менее долгого суда то и дело будут возникать вполне обоснованные сомнения — а вменяем ли подследственный и подсудимый? И способен ли вменяемый совершить такое?

Вот в чем сволочная штука — способен.

«Я встал, оделся и решил избавиться от трупа».

Оделся он быстро, оглядел себя в зеркале — все ли в порядке, нет ли следов крови. Поправил одежду на убитой девочке. Тщательно вытер пол, затер пятна крови. Поднял легкое тело и направился к выходу.

У двери оглянулся — не забыл ли чего. Так и есть — ее портфель на полу. Подхватил и портфель, еще раз огляделся. Вроде бы теперь все в порядке. Открыл дверь, вышел в темноту — фонарей в таких переулках не ставят, ни к чему жечь электричество зазря. Аккуратно закрыл за собой дверь. Медленно, чтоб не поскользнуться и не упасть с трупом и с портфелем в руках, спустился по ступенькам на дорогу.

Как ни осмотрителен был, все же дважды оплошал. Но это по первости, дальше таких грубых осечек не будет. Сначала забыл погасить свет во флигеле. Надо же — до сих пор, уходя, всегда гасил свет, чтобы не платить лишнего за электроэнергию: при его скромном заработке и это не пустяк. А тут, когда нужна особая осторожность, — из головы вон.

Случайная эта забывчивость едва не стоила ему свободы, а то и жизни. Однако обошлось.

В Межевом ночью хоть глаз выколи. Но он хорошо знал дорогу. До того места, куда он решил идти, было всего метров полтораста. Девочка легонькая, нести не тяжело. Однако у дома, что напротив его сараюшки, он положил труп на землю, чтобы перехватить поудобнее.

Это была вторая его оплошность, и она могла выйти ему боком. Но тоже обошлось.

Минуты через две он вышел на берег Грушевки. Медленно спустился к реке и, стараясь не замочить ботинки, опустил тело в воду. Отпихнул от берега, в стремнину. Вслед швырнул портфельчик. Остальное, рассудил, сделает течение.

Назвать Грушевку рекой можно лишь с большой натяжкой. У Межевого переулка она не шире трех метров — так, ручей, речушка. Но течение действительно быстрое. Впрочем, зимой, подпитанная тающим снежком, она бывает чуть шире, но ненамного.

Мы спустились к берегу тем же путем, каким спускался убийца с телом Леночки Закотновой в руках.

Место, где он опустил тело в воду, под стать месту убийства. К воде подступают скособочившиеся хилые заборчики, за которыми ковыряются в земле здешние землевладельцы. Заброшенная свалка прямо на берегу, рядом — остов дачного

туалета. Зачем он здесь, за пределами участков, кому понадобилось строить сие убогое сооружение — кто скажет? На склоне растут больные, воистину плакучие ивы, ложе речушки загажено донельзя: скелеты перевернутых вверх колесами старых автомобилей, лысые покрышки — у нас умеют ездить до полного износа протектора. И между всем этим хламом течет река Грушевка.

Если уж искать труп в речке, то лучше в такой. Больше шансов найти.

Экскурсия закончилась. Мы бросили прощальный взгляд на Грушевку и двинулись в обратный путь по Межевому в сторону Советской — ловить такси или трамвай, как повезет. Из углового дома на всю округу раздавался голос неутомимой Аллы Пугачевой. Старушка по-прежнему стояла у калитки и провожала нас недоуменным, растревоженным взглядом, словно вспоминала что-то и не могла вспомнить.

На трамвайной остановке грудастая молодуха, шахтинская мадонна, укачивала на руках младенца. Бабушка прижимала к себе шестилетнюю внучку. Мимо пробежали двое — должно быть, брат с сестрой: ей лет одиннадцать, ему от силы восемь. Симпатичные.

Все позади, говорили мы сами себе. Чего волноваться? Бомба два раза в одно место не падает. Сколько лет прошло, и он давно уже в тюрьме. Ничего с этими детьми не будет, говорили мы сами себе.

Нам было за них страшно.

* * *

Двадцать четвертого декабря 1978 года жительница Шахт гражданка Гуренкова ехала с обеда на работу со своими сослуживцами в трамвае по Советской улице. Проезжая по Грушевскому мосту, они увидели возле речки небольшую толпу, в которой мелькали милицейские шинели. В провинциальных городах события, достойные внимания толпы, а тем более милиции, происходят не так уж часто, и компания сослуживцев не поленилась выйти из трамвая на ближайшей остановке, чтобы присоединиться к толпе и поглазеть на случившееся.

На берегу лежала утопленница. Ее, как выяснилось, совсем недавно выловили под мостом — тем самым, по которому шел трамвай. Тут же был и школьный портфельчик: его вынесло на сухое место в ста пятидесяти метрах ниже по течению. Гуренкова глянула в лицо утопленницы и вскрикнула: эту девочку в красном

пальто с капюшоном она видела два дня назад. Вечером. Рядом с ней был мужчина с сумкой. Из сумки торчали бутылки. Это точно. Где же она их видела? Да, на трамвайной остановке, примерно в это же время — часов в шесть вечера. Нет, перепутать не могла. Это та же девочка.

Гуренкова рассказала обо всем мужу, а тот сообщил в милицию.

Потерявшие голову родные искали Лену уже два дня. Опознали ее сразу. О следах насилия милиция старалась не распространяться.

Когда находят труп со следами насильственной смерти — а на теле девочки их было множество, — немедленно приходит в движение правоохранительный механизм. Милиция ведет дознание, прокуратура открывает уголовное дело, и в первую его папку ложатся протоколы обнаружения трупа, заключение медэксперта, показания очевидцев. Рассказ Гуренковой о вечерней встрече на трамвайной остановке тоже приобщили к делу. Пригласили художника Владимира Петровича Бельмасова. Пейзажист и портретист, неплохой рисовальщик, словом, профессионал, он и прежде не раз помогал милиции. По подробному описанию свидетельницы художник набросал портрет мужчины. Гуренкова глянула и сказала — очень похож.

Рисованный портрет мужчины сфотографировали, снимок размножили и раздали милиционерам — ищите. Недели две, а то и три милиция патрулировала улицы города, искала крупного носатого мужчину с удлиненным лицом, опрашивала школьников, трамвайных кондукторов и всех иных горожан, которые в день убийства могли случайно встретить подозреваемого. Видела же его Гуренкова и запомнила; наверняка он еще кому-то попадался на глаза. Город-то невелик.

Гуренкова в сопровождении милиционеров в те дни тоже немало побродила по городу. Особенно по тем местам, где имеют обыкновение собираться мужчины. Например, у пивных ларьков. А вдруг попадется на глаза оригинал, с которого портрет рисовали?

Уже перед самым Новым годом в кабинет директора местного профтехучилища И. П. Андреева заглянул старший лейтенант. Показал картинку, объяснил: этого человека подозревают в убийстве девочки. Гляньте — вдруг видели такого.

Директор глянул. И, ни секунды не колеблясь, узнал. Еще бы не узнать преподавателя своего училища! Назвал фамилию, имя и отчество, продиктовал адрес. Лейтенант попросил Андреева до поры до времени ни слова никому не говорить и поспешил в отделение милиции докладывать начальству. Какому же сыщику

не хочется выйти на след первым! А тут не след даже, а сам подозреваемый. Бери его тепленьким.

Тем временем и другие милиционеры прочесывали места неподалеку от Грушевки. И Межевой переулок стороной не обошли. Не пропустили ни одного дома. Это называется так: подворный обход жилого массива.

Сплошное прочесывание тоже кое-что дало. В первый же день парни из ближайшего отделения милиции нашли у забора дома 25, что напротив флигеля, следы крови и аккуратно их собрали. Выражаясь протокольным языком, изъяли улику. Оперуполномоченный Шахтинского УВД В. В. Файман мгновенно оценил находку и тут же составил рапорт.

А в доме 24, соседнем с сараюшкой, то бишь флигелем, или, как называл его хозяин, землянкой, проживала гражданка Л. А. Сибирякова. Она переехала сюда всего месяц назад и еще не очень хорошо знала всех соседей. Про ближайшего соседа, высокого мужчину средних лет, знала только, что он работает где-то по педагогической части и живет один, должно быть, холостяк или в разводе. О пропаже Леночки Закотновой она слышала по городскому радио и ужасно огорчилась, потому что Лена дружила с ее дочерью.

В городе Шахты, как и во многих других городах, есть кинотеатр под названием «Аврора». Зовется он так, само собой, не в честь богини утренней зари, а в память о легендарном крейсере, который в октябре 1917 года не то выстрелил по Зимнему дворцу, не то пальнул холостыми, но, во всяком случае, как написано было в учебниках истории, открыл эру социализма. Почему кинотеатры надо называть в честь крейсера — этот вопрос лишен смысла: ни почему. Или, если хотите, по той же причине, по которой в каждой области столько городов, начинающихся со слова «красный». В Москве, у Покровских ворот, тоже была своя «Аврора», но больно уж ветхая — пришлось закрыть.

Шахтинский кинотеатр «Аврора» надлежит запомнить, с ним будет связано еще не одно трагическое событие. Господи, сколько же страшных мест знаем мы теперь в Ростове и его окрестностях!

В кинотеатр «Аврора» ходила Сибирякова в день исчезновения Леночки — на вечерний, но не поздний сеанс. После кино, около семи вечера, возвращалась со знакомым и обратила внимание, что из окошек флигеля сквозь шторы пробивается свет. Хорошо, сказала она спутнику, теперь учитель стал вечерами дома бывать, окна светятся, а то темень такая — того и гляди ноги переломаешь.

Когда тело Лены нашли в реке, Сибирякову, как и всех ее соседей, вызывали в ближайшее, Октябрьское, отделение

милиции. Там она столкнулась нос к носу с учителем. Рада познакомиться, сказала она и добавила что-то об освещенных его окнах, мол, спасибо, сосед, благодаря вам хоть дорогу к дому видно стало. А он в ответ как-то сухо, но по-соседски — боюсь, вы ошибаетесь, я мазанку эту не для себя, а для старика отца в марте купил, изредка только забегаю проверить, все ли в порядке. Но давно уже не заглядывал, времени нет. Как же так, удивилась Сибирякова, буквально на днях шла домой из кино, а окошки ваши светились. Учитель замолк, стушевался, как-то сник, только моргал часто. Милиционеры тоже это заметили, глаз у них наметанный.

Учитель выглядел все более подозрительно. Улики подбирались одна к одной, все против него, и кольцо, можно сказать, неумолимо сжималось. Его уже допрашивали в отделении раз пять или шесть, однажды в присутствии жены. Он был женат, но жил с семьей вовсе не в убогой мазанке, а совсем в другом месте, и жена, между прочим, не подозревала вовсе о домишке, приобретенном мужем без ее ведома и согласия. Была небольшая семейная сцена, прямо в отделении. Ну, милиции к этому не привыкать.

А что же учитель? Он путался в ответах, его показания с каждым допросом выглядели все менее убедительными, противоречия и недомолвки буквально лезли наружу. И вдруг — словно сломалось что-то в механизме, будто кто-то придержал карающую десницу: филолога оставили в покое.

Потом он скажет об этом так: «Меня вызывали в милицию, допрашивали, я отрицал свое участие в этом преступлении, и мне поверили».

Так ему и поверили. Можно подумать, у нас такая доверчивая милиция. А в Америке полиция доверчивая? И где вообще она склонна отмахиваться от очевидного?

Как бы то ни было, учителя перестали таскать на допросы. Не то чтобы извинились или что-нибудь в этом роде, а просто перестали вызывать в отделение. Только и всего.

А что же показания Гуренковой, женщины с отменной памятью, которая видела учителя в лицо и точно описала его внешность? Ей подозреваемого просто-напросто не показали.

Почему? Именно такой вопрос и задал знакомому милиционеру муж-дружинник. А незачем. Смысла нет. С тем, нарисованным, сказал знакомый милиционер, ошибочка вышла. В нашем милицейском деле такое бывает сплошь и рядом. Но мы исправляем. Убийца, между прочим, уже найден и арестован. Это самое главное.

И директора Андреева, который не колеблясь опознал по

рисованному портрету педагога из своего профтехучилища, тоже попросили не беспокоиться. Настоящий убийца сидит за решеткой и во всем признался.

Дело приняло неожиданный оборот.

Оно обернулось делом Александра Кравченко.

Глава V
Дело Александра Кравченко: обвинение. 1979–1982

В Межевом переулке, где нашли тело Леночки Закотновой, среди нескольких десятков его обитателей жил человек по имени Александр Петрович Кравченко. Личность особо не примечательная, правда, милиции известная — по прошлым делам. Но в последнее время ни в чем предосудительном замечен не был, за прошлое расквитался.

Сразу после убийства, с ходу не обнаружив преступника, следователи и сыщики, как это обычно бывает в таких случаях, стали отрабатывать несколько версий и подступать к делу с разных сторон. Одни опрашивали видевших девочку в последние дни и часы ее жизни, другие готовили и размножали рисованный портрет носатого мужчины, третьи совершали подворный обход жилого массива близ реки Грушевки. Но в первую очередь подняли милицейские картотеки: нет ли там подозрительных личностей, судимых или задержанных ранее, которых не мешало бы проверить на причастность к преступлению. Обнаружится такой человек — надо взять у него показания, проверить алиби. Рутинная процедура, стандартный следственный ход.

И с первого же шага — невероятная удача! Картотека выводит на двадцатипятилетнего Александра Кравченко. Где проживает? В Межевом переулке, в том самом, с ухабами и без фонарей. В каком доме? Ближнем к реке. Судим ли ранее? О да, судим. За что же — какое-нибудь мелкое хулиганство или кража? Может быть, мошенничество или ограбление? Нет же, нет. Тогда за что?

За изнасилование и убийство.

Не будь он на момент преступления несовершеннолетним, непременно дали бы ему вышку.

Широко распростерла руки свои уголовная лексика! Повсеместно в народе смертную казнь именуют вышкой. Если же полностью, то — высшая мера наказания. Или, как говаривали в приснопамятные тридцатые годы, подводя под что угодно идеологический базис, — высшая мера социальной защиты. Или, как значится в ныне действующем уголовном законодательстве, — исключительная мера наказания.

Советские эвфемизмы заслуживают особого исследования. Придумывались они ради того, чтобы прикрыть срамоту, утаить правду, обмануть своих и чужих, соблюсти внешние приличия и осенить все цитатами из марксистско-ленинского священного

писания. Ни слова в простоте не скажут. И появлялись на свет божий разные бессмыслицы вроде «общенародной диктатуры», «социалистической законности» или «прослойки интеллигенции». Дьявольщина какая-то! Вещи, названные своими именами, могут вызвать в народе нежелательные умонастроения. В нашем замечательном, самом справедливом в мире социалистическом обществе преступность день ото дня должна идти на убыль, поскольку для преступлений, как следует из трудов классиков, нет социальной базы. Но пока (цитируем статью 23 Уголовного кодекса Российской Федерации) «в виде исключительной меры наказания, впредь до полной ее отмены, допускается применение смертной казни — расстрела…». Изящно, не правда ли? А если же пока преступность еще не очень быстро идет на убыль, а в некоторых районах (кое-где, иногда, время от времени — цена одинакова, означает: всегда и всюду) преступность даже возрастает, то это связано с дурным влиянием капиталистического окружения и недостатками воспитательной работы. Следовательно, перед обществом стоят две задачи: отгородиться от капиталистического окружения и усилить воспитательную работу.

Это надо прожить. Дети, рожденные после, не поймут и не поверят.

Исключительная мера, скажите на милость! Да какая она, к чертовой матери, исключительная, если и в благополучные — по нашим меркам — времена за год по стране набираются сотни расстрельных приговоров. В 1991-м, например, в России, вынесли 144 смертных приговора, а казнили 79 человек. Остальным вышку заменили долгим сроком.

Оно, конечно, не тридцатые годы, когда «исключительные» выносились сотнями тысяч, а еще больше людей казнили вообще без суда. Исполнители приговоров (на людском языке — палачи) перекурить не успевали между исполнениями (на людском языке — между казнями). Теперь лафа, кури не хочу.

В тридцатые годы от высшей меры и родилось обиходное — вышка.

Так вот, Александру Кравченко по статьям 102 и 117 российского Уголовного кодекса (плохого или хорошего — другой разговор) светила вышка. Но поскольку ему на момент преступления не стукнуло еще восемнадцати лет, исключительная мера по закону к нему не могла быть применена. Хотя, конечно, суд отмерил ему немалый срок.

Полный срок Кравченко не отсидел. Стране нужны дешевые рабочие руки. За хорошее поведение в зоне заключенный Александр Кравченко был поначалу расконвоирован, а затем

направлен работать на стройки народного хозяйства. «На химию», как это зовется в народе. Без права выезда, с обязательной явкой для отметки в органы внутренних дел, любое нарушение режима — и под конвоем назад, в зону.

Он и здесь вел себя хорошо, в нарушениях замечен не был, норму выполнял, а потому по прошествии времени был освобожден досрочно за добросовестный труд и в связи с раскаянием в содеянном. И уехал в Шахты. И стал там жить с любимой женщиной. Угораздило же их поселиться в Межевом переулке! И не где-то посередке, а в первом же доме у пустыря, прямехонько на берегу Грушевки…

Можно сказать, нежданный подарок для милиции. Такого типа надо брать немедля.

Взяли.

Правда, соседи отзывались о нем положительно: образумился, работает, почти не пьет, ну а кто сейчас вообще не пьет? Те, у кого язва и денег нет, как говорят мужики после трудового дня или во время оного, разливая по стаканам. У него вроде язвы не было. Не хуже других — на праздник выпьет малость, и все. Женился — не женился, в паспорт не смотрели, но живет с одной женщиной, семья как семья, не ссорятся, ребенка родили недавно, все как у людей. К детям относится хорошо, по натуре вроде бы добрый. Но, конечно, в чужую душу не заглянешь.

Все это, однако, общие соображения, а не доводы в пользу невиновности. Один раз убил? Убил. Значит, может и второй раз. Безукоризненная логика мисс Дулитл из бессмертного «Пигмалиона»: «Кто шляпку украл, тот и тетку пришил». Отрицает? А поначалу все отрицают. У нас и сущие ангелочки, если их как следует потрясти, раскалывались. А Кравченко с его статьями — тот еще ангел. Это он ее пришил, кто же еще?

Логика железная.

А Кравченко и вправду ох какой не ангел. Срок ему дали за дело. За жуткое дело.

Одна только загвоздка: на сей раз против него не было ни единой улики. Жил действительно рядом, а вот улик не было.

Нет улик, так найдутся. Если постараться, что-нибудь всегда можно найти. Надо постараться: город взбудоражен, начальство, того и гляди, начнет вызывать на ковер…

И тут возникает препятствие, на первый взгляд совершенно непреодолимое: алиби. У Александра Кравченко было железное алиби. Стопроцентное. В день гибели Леночки Закотновой, в шесть вечера, когда девочка, по показаниям Гуренковой, была еще жива, он пришел домой прямо с работы трезвый как стеклышко.

Тому есть два свидетеля: жена Александра Кравченко и ее подруга. Обе дали свои показания независимо друг от друга, сговориться между собой и с Кравченко никак не могли. После таких показаний остается только принести извинения за незаконное задержание и немедленно выпустить.

Нет для советской милиции такого алиби, которого нельзя обойти.

По надуманному обвинению в краже — у соседки пропало сушившееся белье — взяли жену Кравченко и стали трясти: будешь стоять на своем — пойдешь в зону. Хорошо еще, если за кражу, а то и за соучастие в убийстве. Что-то ты подозрительно убийцу покрываешь… есть у твоего мужика алиби, нет его, все едино — он убил девчонку, больше некому. Ему не впервой. Будешь упорствовать — сделаешь ему только хуже. За добровольное признание ему жизнь сохранят, как сохранили в прошлый раз. Отсидит и выйдет, вернется к тебе, дура, а будешь стоять на своем — его шлепнут, как пить дать шлепнут, ребенок без отца останется. Подумай, дура, о ребенке, если о муже подумать не желаешь.

Примерно таким был набор аргументов, с которым милицейские сыщики подступили к жене Кравченко. Кто и что мог ей посоветовать? Какой адвокат, если до самого недавнего времени не допускался он к процессу до окончания следствия? А уж при задержании, когда следствие еще и не начиналось, об адвокате бессмысленно было и заикаться. Это вам не зарубежный детективный роман, в котором полицейские, схватив человека, произносят заговоренные слова «Миранда — Эскобедо», что означает ссылку на прецедент, на решение Верховного суда, согласно которому представители власти обязаны напомнить задержанному, что всякое слово, им сказанное, может быть истолковано против него, что он вправе не отвечать до прихода своего адвоката, а если своего адвоката нет, но он нужен, то бесплатно предоставят казенного. И там, надо думать, в полиции не ангелы работают, и там с этими Эскобедо, судя по разрозненным сведениям, не всегда носятся как с писаной торбой. Однако есть опора на закон. Надежда на справедливость.

Жену Кравченко после допросов не домой отпускали, к ребенку, а отправляли в камеру, по сравнению с которой и хибара в Межевом — что твой дворец.

И женщина сдалась. Да, муж пришел домой не в шесть, а полвосьмого, сказала она. И не трезвый как стеклышко, а изрядно выпивши.

Что и требовалось доказать. А к тому белью, оказывается, она никакого отношения не имеет. Извините за недоразумение.

Теперь пришла очередь подруги. Пришить ей кражу ну никак не получалось. За что же взять? Наивный вопрос: за лжесвидетельство. Тут логика еще проще, чем у мисс Дулитл. Жена Кравченко отказалась подтвердить алиби мужа, а ты на нем настаиваешь, значит, лжешь, иными словами, пытаешься ввести в заблуждение правоохранительные органы и тем самым сознательно покрываешь убийцу. За это у нас в кодексе есть статья. По ней и сядешь.

Трое суток женщина держалась. Трое суток провела в кутузке, отказываясь называть белое черным. По закону подозреваемого могут задерживать, не предъявив обвинения, сорок восемь часов. На сорок девятом обязаны выпустить.

Пошли четвертые сутки — не выпускают.

От беспомощности, от ужаса женщина потеряла голову. И отступилась от своих показаний. Ничего не знаю, ничего не видела. Спасибо, сказали ей, распишитесь вот тут и вот здесь. И выпустили.

Было алиби да сплыло.

Теперь можно было приниматься за Александра Кравченко.

Ему первым делом прямо сказали, что лучше признаться во всем, тогда, глядишь, до вышки дело не дойдет. Он честно недоумевал — в чем признаваться? Не то что не убивал — девочку в глаза не видел. Он и не волновался особенно, настаивал на алиби. Есть же свидетели, видели, когда он с работы ушел, когда дома появился.

Он не знал еще, что никакого алиби у него уже нет. Следователь давил — он умел это делать. Кравченко стоял на своем. Первый сокрушительный удар ему нанесла жена, когда на очной ставке показала все, что ей было велено. Второй удар он получил в камере, и не один, а десятки — нешуточных, хорошо поставленных, по голове, по ребрам, по почкам, в пах, куда попало. Бил его здоровенный уголовник, которого ради этого специально подсадили к Александру.

Прямо скажем, не новый прием в арсенале советского правосудия; в известные времена он был доведен до высокого совершенства. Раньше били на допросах, потом — в камере. Не знающие тюремных нравов и обычаев полагают в наивности, что все это дела давно минувших дней, порочная практика тоталитарного режима. Вспоминают Декларацию прав человека, Международную амнистию и все такое. Может быть, с москвичом или питерцем, идущим в камеру по крупному хозяйственному делу, с человеком, у которого и друзья, и деньги, и связи в печати, такой прием не рискнут использовать — побоятся огласки, — а с убийцей и насильником чего церемониться! Он-то

со своей жертвой не церемонился. Может быть, невдомек следователю или милицейскому оперу, что убийцей и насильником этот человек станет не то что после следствия — только после суда, что не обвиняемый он даже, а подозреваемый? Подумаешь, открытие! Учились мы на юрфаке, не надо объяснять нам, что такое презумпция невиновности. Только здесь вам, извольте заметить, не университетские аудитории. Здесь, голубчик, камеры и кабинеты следователей. «Право есть возведенная в закон воля господствующего класса», — как сказал выпускник юридического факультета В. И. Ленин. «Наседки» в тюрьмах — это, конечно, не профессия, но специализация. Что им сулят следователи и тюремные власти, что из обещанного выполняют — какая, собственно, разница. «Наседки» делают за разные поблажки агентурную работу, выманивая у подследственных большие и малые тайны. Стукачей и слухачей хватает и на воле. Сокамерник Александра Кравченко был из другой породы: он не выпытывал, а пытал. Выколачивал. И не по личной воле, не по извращенности натуры, а исключительно угождая начальникам.

Он получал приказ и исполнял его. Так ли уж важно, за сколько сребреников?

И кто больше преступал закон — отдававший приказ или исполнявший его?

Годы спустя, уже в начале девяностых, когда вернутся к делу Кравченко, без большого труда обнаружат следы громилы, который по наущению следствия истязал Александра. В соседнем крае, в Ставропольском следственном изоляторе, он «воздействовал» на несчастного председателя колхоза, арестованного по подозрению в недозволенной хозяйственной деятельности. (Кстати, большинство этих законов, подавляющих предпринимательство, долго никто не отменял, хотя на практике ими не пользовались; но еще долго немало людей, радевших не столько о своем кармане, сколько об общем благе, маялись по многочисленным российским лагерным зонам.) Добровольный помощник следствия с могучими кулаками и повадками громилы сделал жизнь несчастного председателя сущим адом. Он каждый день избивал его в камере, глумился, грозил «опетушить», что на тюремном языке означает изнасиловать. И не в одиночку избивал, а вместе с помощником, своим товарищем по камере, который за наркотики согласился бы сделать что угодно.

Эта славная парочка сломала председателю семь ребер. После этого не то что в хозяйственных нарушениях — в убийстве отца родного признаешься.

Александр Кравченко продержался недолго. Он признал себя

виновным в убийстве. А признание, как говаривал черной памяти Андрей Януарьевич Вышинский, — царица доказательств.

Постулаты товарища Вышинского были официально отвергнуты, дела, хотя и далеко не все, пересмотрены, приговоры отменены; практика же оказалась живучей, ибо она проста. Той простотой, что хуже воровства.

Одной «царицы», однако, для суда недостаточно, ему требуется и что-то объективное. Нет улик — значит, плохо искали. Если хорошенько поискать, то найдутся.

И нашлись. На штанах Кравченко обнаружили колючки репейника, который растет на берегу Грушевки. Блестящая улика, достойная того, чтобы войти в анналы криминалистики. Единожды без злого умысла побывав на берегу этой малой и неполноводной речки, мы тоже проходили рядом с репейным кустиком и могли за милую душу нацепить себе на штаны точно такую же улику. Нам-то что, разок почиститься, а Александру она стоила жизни.

Не будем ломиться в открытую дверь. Не станем разжевывать, что человек, живущий в десятке шагов от колючих зарослей, может унести на своей одежде колючки, и не убивая никого. Более того, Амурхан Хадрисович Яндиев, следователь Ростовской областной прокуратуры по особо важным делам (важняк, как говорят профессионалы), ни на минуту не сомневается в том, что и эта тухлая улика сфабрикована следствием. В самом деле, долго ли послать сержанта на берег Грушевки, чтобы нарвал репьев и налепил на изъятые при обыске штаны подследственного?

Но было и кое-что посерьезнее. Следствие представило суду заключение экспертизы: на свитере Кравченко обнаружены следы крови той же группы, что у убитой, а также микроскопические частицы ее одежды.

Откуда они взялись? Были ли вообще? Имеют ли такие улики достаточную доказательную силу? Подтверждены или опровергнуты выводы экспертизы? Сейчас, когда Александр Кравченко по этому делу полностью оправдан, такие вопросы носят академический характер: если объявить сто предупреждений о неполном соответствии и тысячу самых строгих выговоров, если даже осудить кого-то и, что почти невероятно, приговорить не к штрафу и не к условному заключению, жизни-то не вернешь. Хорош он был или плох, но крови Лены Закотновой — и частиц ее одежды — на нем нет.

На суде «явившийся с повинной» Кравченко путался, как не выучивший урока школьник. Он ошибался, называя возраст убитой, не помнил, как она была одета, не мог сказать, куда

подевался нож. Даже свои показания о месте преступления менял несколько раз.

Приговор был — исключительная мера. Вышка. Расстрел.

Как же так? Мы, наивные, законопослушные, даже свидетелями в суд не вызывавшиеся граждане, не могли уместить это в сознании. Мы цеплялись к Амурхану Хадрисовичу, чтобы он нам объяснил: хорошо, тебя отметелили в камере, но кто мешает рассказать об этом следователю, дабы восстановить справедливость? Не будешь услышан — тогда на суде, в присутствии адвоката и с его помощью, не поздно еще отказаться от признания, которое у тебя вырвали силой. Суд-то открытый, гласный…

Важняк Яндиев, слушая эти слова, печально улыбался. Так взрослые улыбаются детям, когда те излагают им свои версии о тайне деторождения.

Когда совершено преступление и заведено уголовное дело, почти автоматом запускается механизм поиска и изобличения преступника. В двух руслах протекает работа: следственном и поисково-оперативном. Следователи прокуратуры и милицейские оперативники действуют одновременно и почти независимо друг от друга. Следователи больше связаны процессуальными ограничениями, у них меньше сил и средств, работа у них больше кабинетная — допросы подозреваемых и свидетелей, анализ фактов, добытых сыщиками по горячим следам. У оперативника руки связаны меньше, чем у следователя, а людей у него больше. Он, как правило, первым попадает на место преступления: когда что-то случается, звонят не в прокуратуру, а в милицию. Оперативник без труда пройдет в камеру предварительного заключения, надо будет — подсадит к задержанному агента, тихого стукача или громилу, вроде того, что ребра ломал. О своей агентуре — добровольной и платной, среди правопослушных граждан и в преступном мире — он не обязан сообщать следователю. Конечно, следователь вправе запросить такие сведения, но он делает это очень редко: раздобыла милиция факты — и на том спасибо.

Конечно, следователь и сыщик делают общее дело и работают в контакте, но следователю нет резона вдаваться в детали милицейских методов. Если он и подозревает что-то не вполне законное, то старается не замечать. Так удобнее, так быстрее дела передаются в суд, где доказательства выглядят более убедительными, а в том, чтобы дело поскорее ушло в суд, одинаково заинтересованы и милиция, и прокуратура.

Пожалуется подсудимый следователю, тот выслушает, пусть даже доброжелательно, пообещает что-то, — а когда вспомнит? И

вспомнит ли? В камеру же, где тебя каждый день метелят, вот-вот возвращаться, а там все начнется по новой. И когда дойдет до суда, такая охватит тоска, такая обрушится безнадега, что скорее бы приговор и — в зону. По лагерной присказке, в зоне тоже люди живут. Кому зона — кому дом родной. Раньше сядешь — раньше выйдешь. Исключительно наши пословицы, чисто советского происхождения.

Александр Кравченко пытался сопротивляться, подавал жалобы: «Я писал явки с повинной только из-за того, что от некоторых работников уголовного розыска и тюрьмы слышал угрозы в свой адрес. Некоторые детали этого преступления я узнал из актов экспертиз, и потому в моих заявлениях есть некоторые подробности, которые я узнал от своих следователей…» Все без толку. Признание было? Было. Так что вам еще требуется?

Он не надеялся, что его оправдают, но рассчитывал на зону, ждал ее как избавления от мучений в следственной тюрьме.

Ростовский областной суд под председательством судьи В. А. Алексеева приговорил его к расстрелу.

Еще долго судьба Александра Кравченко раскачивалась на качелях российского правосудия. Дело перекочевывало из Ростова в Москву и обратно. Несколько раз возвращали его на доследование. Ничего нового, впрочем, не выяснили, не добавили ни единой улики.

В декабре 1980 года коллегия Верховного суда России заменила Александру смертную казнь пятнадцатилетним заключением. Однако в августе 1981 года высший судебный орган России, Президиум Верховного суда, вновь направил дело на доследование. Весной 1982-го оно слушалось в очередной раз. И хотя новых доказательств вины Александра Кравченко доследование не дало, коллегия Ростовского областного суда под председательством В. В. Постаногова вновь — решительно и бесповоротно — вынесла смертный приговор.

«Сомнений в виновности Кравченко тогда у меня не было», — много лет спустя сказал судья Постаногов.

Верховный суд: оставить приговор без изменения.

Президиум Верховного Совета: ходатайство о помиловании отклонить.

Двадцать третьего марта 1983 года двадцатидевятилетний Александр Кравченко был расстрелян.

В 1991 году Верховный суд Российской Федерации на четвертом слушании дела отменил приговор, приведенный в исполнение восемь лет назад.

Глава VI
Дело Александра Кравченко: оправдание. 1991

В иных местах, в иные времена история расстрела невиновного всколыхнула бы общество, дала бы пищу для дискуссий и газетных выпадов, для размышлений на тему о суде неправедном, о несовершенстве третьей власти. Ничего подобного не случилось: промелькнули две-три статьи, что-то сказали по радио, матери расстрелянного парня принесли официальные извинения; тем и закончилось. И в этой книге история Александра Кравченко прозвучит лишь как побочная тема. В беспомощности разведя руками, вернемся к главному персонажу, носатому человеку с удлиненным лицом, к владельцу мазанки по Межевому переулку, дом 26. Это он, арестованный по подозрению в совсем иных, не менее страшных деяниях, рассказал на следствии среди прочего, что Лену Закотнову изнасиловал и убил не тот парень, а он, филолог. Убил при обстоятельствах, которые читателю уже известны.

Когда учителя взяли и стали разматывать длинную кровавую цепь, он начал колоться, по собственной инициативе признавался в одном преступлении за другим. Он рассказывал и о таких убийствах, которые следствию были не известны, и о таких, по которым преступники разыскивались уже много лет, но с его учительской личностью никак не связывались.

Через два месяца после ареста, в начале девяносто первого года, он вспомнил, что зимой 1978-го убил в Шахтах девочку.

> «…Убийство этой девочки у меня было первым преступлением, и я сам без чьего-то напоминания искренне рассказал об обстоятельствах ее убийства. На момент моего задержания по настоящему делу следственные органы не могли знать, что это убийство совершено мною. После того как я принял решение искренне рассказать о всех совершенных мною преступлениях, я решил рассказать все с самого начала, то есть с этого первого убийства, ибо именно после этого преступления я начал убивать других своих жертв. На первых допросах я не мог правдиво сказать о месте совершения убийства Закотновой, так как в это время члены моей семьи проживали в этом же городе Шахты, и если бы я сказал, что убил ее во флигеле, то жители

этого города легко бы установили их и могли бы уничтожить мою семью.

Позже мне стало известно, что члены моей семьи поменяли фамилии и выехали из города Шахты, и вот после этого я уже дал более правдивые показания о месте убийства этой девочки и сделал это даже с выходом на место в этот флигель…»

Если филолог что-то путает, то не случайно. У него отличная память. Он показал сначала, что совершил убийство прямо на берегу Грушевки — мол, не утерпел, не довел до дому. Он переживал за родственников, боялся самосуда. Потом рассказал об убийстве со всеми подробностями. Выглядело правдоподобно. Все концы сходились.

Но так ли уж важно, где произошло убийство? Мы лукавим, задавая этот вопрос, ибо уже много говорили об истинной цене признаний обвиняемого, о том, к чему приводит слепое поклонение «царице доказательств» и сколько неправедных приговоров на ее совести.

Обвиняемый добровольно признался в убийстве Лены Закотновой. По теперь расследование вели другие люди. Другая эпоха стояла на дворе.

Следователь по особо важным делам Амурхан Яндиев не счел возможным принять признание на веру. Ему нужны были объективные доказательства. Он поехал за ними в Шахты.

По прошествии стольких лет не так легко найти очевидцев и свидетелей, чьи показания приобщены к делу, однако при нашем не отмененном пока паспортном режиме — не так чтобы особенно сложно. Гораздо сложнее оказалось получить в руки дело Кравченко. Яндиева мотали и так и этак, отказывали под разными предлогами. Да если бы его одного! Знаменитый его московский коллега, следователь по особо важным делам Российской прокуратуры Исса Магометович Костоев, пять лет возглавлявший следственную бригаду по розыску серийного убийцы, сам Исса Костоев, как почтительно говорили в Ростове, публично давший клятву восстановить справедливость в отношении Кравченко, — и он лишь с огромным трудом, после долгих проволочек получил из архива дело Кравченко.

Вопиющие беззакония обнаружились сразу же, едва дело оказалось в руках новых следователей. Когда в конце семидесятых годов с упорством добывали улики, обличающие Александра Кравченко как убийцу, то все остальное, что могло хоть намеком указать на причастность к преступлению кого-то другого, перепрятывалось из следственных материалов в

оперативные. Эти материалы до суда не доходят. В суд дело поступает из прокуратуры. А что там всплывает в ходе розыска и дознания, какие случайные и сопутствующие обстоятельства — это внутренние проблемы, не для огласки. Суду все знать необязательно.

Если бы суд знал больше, чем он знал, то версия следствия могла не устоять. Следователи сами решили, что суду нужно, а что — нет.

Ни в Ростовском, ни в Верховном суде тогда, в конце семидесятых, так и не узнали о мужике с винными бутылками в сумке, о непогашенном свете в мазанке, о директоре училища Андрееве, который не колеблясь опознал по рисованному портрету учителя. И следов крови у дома 25, что напротив хибары, — их как бы и не было вовсе, хотя рапорт Файмана лежал и ждал своего часа. Но лежал не там: не в следственном деле, а в оперативных материалах. Никому тогда и в голову не пришло предъявить Гуренковой на опознание учителя и Кравченко: с тем или с другим, а может быть, и не с ними вовсе видела она Лену незадолго до убийства? И никто не удосужился заглянуть хотя бы в дом, где в тот вечер светились окна, а может быть, поискать на полу следы крови. И ведь были они там, никуда не делись. Кровь не оттирается…

Важняку Амурхану Яндиеву, когда он вошел в дело, было сорок четыре, когда дело пошло в суд, — сорок восемь. Он ингуш; роста небольшого, сухой и жилистый, с мятыми ушами борца. На ковре имел в свое время успехи. Какой малец из Владикавказа, Махачкалы или Грозного не мечтает стать мастером по вольной борьбе? Амур-хан им стал. Он, кстати, из Грозного. Упорен до невозможного. Кабинетной работе предпочитает осмотр, выезд на место, неформальную беседу. За день проходит на своих двоих многие километры: служебной машины до сих пор нет, все только обещают продать «Жигули» в личное пользование и оплачивать бензин, потраченный на казенные разъезды. Раскручивая дело учителя и заодно восстанавливая историю Кравченко, он неделями ходил по Шахтам, с улицы на улицу, из дома в дом, и очень многое узнал. После этого признание филолога обросло достаточным числом улик, чтобы стать похожим на доказательство.

Тертый российский народ не слишком-то охоч давать показания, сотрудничать с милицией и следствием не рвется. Скажешь слово по неосторожности — глядишь, затаскают по отделениям, по следственным кабинетам, по судам. И вдвойне обидно, когда тебя, властям на помощь пришедшего, с работы отпросившегося, детей оставившего дома без присмотра,

одергивают и обрывают, смотрят на тебя с подозрением: если ты не сам преступник, то в одной с ним компании. Проутюженный советской карательной машиной человек без крайней надобности в эту машину не лезет. Сунешь палец — руку оттяпают. А то и голову.

Не хотели шахтинские старухи говорить с человеком из прокуратуры. Но Амурхан и не спешил вытягивать из них показания. Он присаживался на лавочку у дома и заводил разговор о нынешнем житье-бытье. О лютых ценах, о малой пенсии, о том, что сахара на варенье не достать, о детях и внуках, от которых теперь уважения к старшим не дождешься, хотя и молодых тоже понять можно — не они сами себе такую жизнь устроили.

Так за разговорами и пересудами узнал он про старушку с Межевого переулка, которая задолго до убийства Лены видела, как от флигелька учителя в сторону Советской улицы мчалась девочка, на вид лет десяти, — не Лена, другая. Старушка оказалась памятливой, рассказывала так, словно все вчера случилось: «Глаза со страху выпучены, бежит босиком, дело было летом, несется к трамваю, а следом за ней этот самый, штаны незастегнутые придерживает, чтоб не упали…»

Не та ли памятливая старушка провожала нас подозрительным взглядом, когда мы приезжали в Межевой переулок, на место преступления?

Бабка почуяла неладное, крикнула девочке — беги ко мне в дом! Та не услышала, а в это время как раз трамвай подошел. Девочка прыгнула в вагон, двери закрылись, и трамвай ушел.

Яндиев пытался найти эту девочку, которая давно уже выросла, может быть, вышла замуж. Он обошел весь город, побывал в школах. Не нашел. Никто ничего не вспомнил.

Или не захотел вспоминать? «Что там было у них? — спрашивает сам себя Яндиев. — Можно себе представить. Такие воспоминания нормальный человек загоняет поглубже. И лишний раз не бередит. Я все думаю — слава богу, трамвай тогда подоспел…»

Ох и наследил же летом и осенью семьдесят восьмого года филолог в небольшом шахтерском городе!

> «В тот период меня просто неодолимо влекло к детям, появлялось какое-то стремление видеть их оголенные тела, половые органы, хотелось совершить половой акт, а потенция у меня в это время уже ослабла. Сказалось, видимо, еще и то, что, когда я перебрался в город Шахты и устроился на работу в ГПТУ-33, семья

оставалась в Новошахтинске, и какое-то время я вроде был как безнадзорный, скиталец никому не нужный…

В тот период я часто бывал в центре, где всегда много детей, ходил по школам. Заходил прямо туда и всегда узнавал, где имеется туалет… А так как меня влекло больше к девочкам, старался быть ближе к женскому туалету и, когда никто не наблюдал, заходил туда и подглядывал за находящимися там детьми. Были случаи, когда меня заставали за такими занятиями. Я тогда сразу уходил без лишнего шума…

Чтобы дети как-то шли со мной на контакт, я иногда покупал им жвачку, угощал их, чтобы они только какое-то время были со мной. Кому конкретно давал жвачку, я не запомнил, но знакомства на этой почве с детьми у меня возникали».

Узнаете стиль филолога? Университетское образование чувствуете? «Скиталец никому не нужный…», «неодолимо влекло к детям…». Какие обороты!

Яндиев довольно быстро нашел свидетелей, которые не раз прогоняли никому не нужного скитальца из школьных туалетов. Они и тогда знали, что «доброго дедушку» лет сорока с небольшим неодолимо влечет к детям, а в обмен на дружбу он предлагает иностранную жвачку, твердую детскую валюту в России.

Без колебаний опознала филолога по его фотографии Г. Г. Ищенко, работавшая в те годы завучем десятой школы. Снимок, как полагается, в числе других показал ей следователь Яндиев. А кто, спрашивается, мешал той зимой походить по городу с рисованным портретом? Тем более что директор училища Андреев опознал своего учителя без колебаний.

У Андреева, перенесшего инсульт и уже не работающего директором, Яндиев, разумеется, тоже побывал. И узнал любопытную подробность: после единственного визита к нему человека из милиции, когда Андреев, только глянув на портрет, сразу сказал, кто есть кто, ни директором, ни его педагогом никто больше не интересовался. Ни разу.

Конечно, всюду можно встретить разгильдяев. Но в такой дикий непрофессионализм верится с трудом.

Следственная группа Амурхана Яндиева сделала все, что требовал от нее служебный долг, выполнила все рутинные процедуры. По их настоянию, в частности, была проведена физико-техническая экспертиза. Она подтвердила, что ножевые ранения на теле Лены с высокой вероятностью могли быть

нанесены одним из 23 ножей, которые при обыске нашли на последней квартире учителя. А именно — ножом под номером 22. И еще Яндиев доставил учителя в принадлежавшую ему некогда мазанку, давно и за бесценок проданную. Перед объективом видеокамеры тот уверенно показал на манекене, как действовал, как держал жертву, как наносил удары ножом. Он ничего не забыл, не путался в показаниях, как Александр Кравченко. Он охотно разъяснил подробности, которые ставили следствие в тупик.

Когда тело Лены вынули из Грушевки, у девочки ее же шарфом были туго завязаны глаза. Зачем? Глаза завязывают, чтобы жертва не видела дорогу, не смогла потом ее найти. Но девочка шла к дедушке добровольно, по пути в мазанку завязывать ей глаза не было смысла. Значит, завязал глаза потом. Может быть, уже после убийства вспомнил о старом поверье, будто в глазах жертвы остается последнее, что она видела при жизни, — страшный лик убийцы? Он же филолог!

Все это слишком умозрительно. Как в историях про Шерлока Холмса. В жизни проще. И невероятнее.

> «Во время совершения преступления я шарфом завязал Закотновой глаза, так как мне страшно было видеть ее взгляд…»

Он вообще не мог подолгу смотреть людям в глаза. Отводил взгляд на служебных совещаниях, когда ему давали поручение или выговаривали за упущения в работе. Не выдерживал взглядов учеников в школе и подчиненных в учреждении, после того как изменил педагогическому призванию и занял высокий пост начальника отдела снабжения. Не мог заглядывать в глаза своим жертвам. И этой, первой, и многим следующим.

Первой он глаза завязал. Позже он стал выкалывать их ножом. На черепах, в пустых глазницах, оставались следы, эксперты сопоставляли их с ножами из богатой учительской коллекции и в свойственной им крайне осторожной манере делали заключение: «Не исключена возможность, что раны нанесены тем же инструментом…», «Вполне вероятно, что нож под номером 22…».

Он был чувствительным, этот никому не нужный скиталец…

Замечательно, конечно, когда справедливость торжествует. Хотя бы дюжину лет спустя, хотя бы после нескольких дюжин безвинных смертей. Здесь нет иронии: для истины не бывает слишком поздно. Лишь бы пришла.

Но почему, бога ради, почему она так запоздала?

Еще в начале 1979 года все могло стать на свои места. Вряд

ли напуганный учитель (а он не из храброго десятка) долго бы запирался, припертый к стене многочисленными свидетельствами. Да, прямых очевидцев нет, но косвенных улик — более чем достаточно. Вспомним, как он краснел, бледнел, заикался, моргал маленькими глазками на первых допросах, как потел и отмалчивался. И не надо было бы разрушать недозволенными приемами чистое алиби Александра Кравченко. У филолога никакого алиби не было и в помине. И следов он оставил за собой — будь здоров. Оперативник, рассчитывающий на повышение по службе, может только мечтать о таком преступнике — дилетанте.

Что же все-таки произошло?

Сейчас на этот счет можно строить разве что предположения — более или менее правдоподобные. Вот первое из них, довольно серьезное.

Будем считать, что в то время у филолога были крепкие покровители. Они имели право цыкнуть — и цыкнули: это наш человек, не трогать!

Такое в советские годы бывало. Хотя покрывать убийц даже в худшие времена не всегда решались: если человек особой ценности не представляет, проще сдать его и забыть.

Кто же мог быть таким покровителем? Из материалов дела ясно следует, что еще до первого убийства филолог стал добровольным помощником, внештатным работником — читай, осведомителем — органов внутренних дел. То есть милиции. Конечно, невелика фигура, но все-таки… И еще: в свои армейские годы он служил в Берлине, в спецвойсках связи, сидел на кагэбэшной линии Берлин — Москва. Такая вот у филологии необычная предыстория.

Подобного рода специалисты, говорят, и после увольнения из КГБ насовсем не уходят. Знают слишком много. Их долго еще держат на коротком поводке. Доводилось слышать — но за достоверность не поручимся, — что учитель уже в восьмидесятые годы, работая снабженцем, в многочисленных разъездах по стране пользовался литерными билетами, которые положены лишь избранным. Тем, кто разъезжает с особыми заданиями и не вправе тратить драгоценное служебное время на нудное стояние в очередях за билетами.

Спецслужбам литерные билеты положены.

Не станем, однако, пускаться в спекуляции. Служил в ГБ, не служил — не знаем. А почему бы и не служить? Партийный, грамотный, в университетах марксизма-ленинизма то на одном факультете поучится, то на другом, щелкает их как орешки, здоровьем природа не обделила, энергичный, общественник,

словом, на хорошем счету. А то, что грешок есть, — как бы сказать помягче, ну, определенный нездоровый интерес к малолеткам, — так кто ж без греха? С грешком даже лучше: легче одернуть, когда занесет, проще в узде держать.

Все может быть. Есть еще одно соображение: при наших-то сложностях с пропиской очень уж легко, подозрительно легко менял филолог города и квартиры: Новошахтинск, Шахты, Новочеркасск. Остается только удивляться, как просто, на зависть соседям, получал он казенные (может быть, явочные?) квартиры. И это в стране, где жилье, случается, ждут всю жизнь! Да и покупка в марте семьдесят восьмого года флигеля и Межевом переулке у гражданки Фесенко, прямо скажем, за бесценок тоже как-то странновато выглядит на фоне повсеместно нерешенных жилищных проблем. Купил задешево домик, пусть не в центре, однако же не где-нибудь в богом забытой деревеньке, а в промышленном городе, и никто — ни родственники, ни сослуживцы — об этом не знает. И будто не в Советском Союзе: ни тебе прописки, ни осложнений с милицией…

Странно все это выглядит. Но повторим: настаивать ни на чем не будем. Люди более осведомленные — тот же Яндиев — гипотезу о причастности учителя к темным делам ГБ выслушивают с улыбкой. Может, и впрямь ни при чем тут Галина Борисовна, как ласково кличут госбезопасность. Но окончательно сбрасывать эту гипотезу со счета повременим.

Есть еще одно предположение, с нашей точки зрения совершенно неосновательное, однако в некоторых кругах дискутируемое со всей серьезностью. Изложим его здесь, чтобы больше к нему не возвращаться.

Читаем в молодежной газете юга России «Наше время»:

> «Дождь льет всю весну, и кажется, что он льет только на Ростов. Может, небо плачет, может, моет нас из жалости. А воды в кранах нет, и небесной воды, видимо, не хватит отмыть всю нашу грязь. Кто-то кого-то укусил в троллейбусе. Кто-то справил нужду в рояль. Кого-то застрелили из обреза. А в местном облсуде все судят и судят сатану, и этому мрачному спектаклю пока конца не видно».
>
> *(Статья «Судят сатану?!», 15 июля 1992 года)*

Слово «сатана» произнесено. Как видите, не в переносном и не в теологическом смысле, а в прямом: дьявол в зале суда.

Продолжим цитату, не обращая внимания на стилистические огрехи:

> «Возникает вопрос: что это? Психические припадки разлаженной внутренней нервной системы или же управление извне? То есть обычный земной человек — кем-то ловко управляемая машина, способная на любые кровавые подвиги. Существует и еще много далеко не научно-материалистических версий. Например, что маньяк-убийца принадлежал к секте сатанистов, которые импотенцию лечили путем поедания половых органов молодых людей. Не чураются подобными лекарствами поклонники религии „вуду“ и современные американские и европейские сектанты Армии Люцифера… Никто не обратил внимания на „графику“ ран на трупах. Не исключено, что там были чудовищные „подписи“ сатаны. Хотелось бы отбросить всю эту мистическую ерунду и опираться только на научные факты и результаты судебной медэкспертизы, но… сам объявил себя сатаной, и, может быть, стоит посмотреть на это не как на бред обреченного преступника».

Не станем обсуждать цитированное, но в его контексте название одной из предыдущих глав приобретает новый, инфернальный смысл. Может быть, он не в фигуральном смысле существо из преисподней? Тогда почему бы не допустить, что до поры до времени его прятала от милиции, скрывала от правосудия неземная темная сила? Сам филолог мистики не чужд, он не прочь потолковать о судьбе, которая сводила его с жертвами. Когда он в городе Ростове, в парке Авиаторов, мучил и убивал добрую доверчивую девушку Наталью Голосовскую, заманив ее в парк обманом, когда наносил ей удары ножом, она сопротивлялась и кричала, а совсем рядом проходили люди — убийца явственно слышал их голоса, различал слова, — и ни один из прохожих не услышал шума борьбы и криков о помощи.

Он сам объясняет это так: «Иногда мне казалось, что я закрыт от других людей черным колпаком, сквозь который звуки проникают только внутрь, и колпак оберегает меня». И намекает на охранявших его духов, на свою потустороннюю, дьявольскую сущность.

А не было ли «черного колпака» и тогда, в Шахтах?

Оставим дьявольское дьяволу, но не будем списывать на него упущения следствия, преступную небрежность, пренебрежение служебным долгом и традиционное, Салтыковым-Щедриным превосходно по статьям расписанное российское разгильдяйство.

Тогда, в Шахтах, все было проще: какие еще нужны улики, какие свидетели, когда есть вполне подходящий кандидат в

убийцы, надо только нажать немного — и он заговорит. Нажали, заговорил. Еще на ком-то сошлись странные обстоятельства? Посмотрим: партийный товарищ, можно сказать, интеллигентный, очки, дипломы, солидная служба… Нечего и время на него тратить. Какая сейчас задача? Спихнуть дело в суд и забыть. И получить премию. Расстреляют — хорошо: нет человека — нет проблем. А если выйдет ошибка, то мы тоже не святые. Потом разберутся, поправят. А не разберутся — этот парень, Кравченко, тоже не сахар, он уже один раз от расстрела ушел, авось и во второй раз уйдет.

Может быть, они рассуждали не совсем так. Или совсем не рассуждали — держали нечто такое в подсознании. Все мы дети своей эпохи и заложники господствующей идеологии. Жила бы страна родная, и нету других забот… И что такое жизнь отдельного человека по сравнению с грандиозными целями, стоящими перед нашим обществом!

По поводу незаконного обвинения и осуждения Александра Кравченко Российская прокуратура уже возбудила уголовное дело. Перед матерью извинились за то, что ее сына расстреляли по ошибке; извинились ли перед женой и ребенком, встречались ли с ними вообще — не знаем. Знаем доподлинно, ибо было при нас, что руководитель следственной бригады Исса Костоев оставшуюся жизнь обещал потратить на то, чтобы наказать виновных и восстановить справедливость.

Но это только одно страшное последствие давней ошибки. Другое — страшнее, ибо оно повторялось многократно.

Тогда, в декабре семьдесят восьмого года, мелкий пакостник с высшим образованием, шлявшийся по школьным туалетам в надежде чего подсмотреть, а при случае и залезть в трусы малолетке, стал убийцей. Он почуял запах крови. Понял, что для удовлетворения его похоти нет ничего лучше крови. Что он возбуждается от крови и от нее же получает наслаждение.

Но главное, что он понял тогда: глупость, будто наказание неотвратимо. Выдумка для простаков, лозунг для невежественных. Человеку умному, тонко организованному, с необычными желаниями можно и должно получать удовольствие сообразно его натуре и без дурных последствий.

Только не следует торопиться. Надо ждать подходящего момента.

Следующую жертву он изнасиловал и убил два с половиной года спустя.

Глава VII
Страшные находки, тщетные поиски. 1981–1984

Ростов-на-Дону, как и многие другие русские города, выросшие на берегах больших и малых рек, тянется довольно широкой полосой вдоль одного речного берега. Так безопаснее: по меньшей мере с одной стороны город защищен от внезапного нападения. А с трех других можно возвести стены и сторожевые башни. Их остатки есть, конечно, и в Ростове, на бывшей его окраине, а ныне — почти в самом центре. Оттуда, с верхних этажей домов, видна широкая река, к которой сбегают большие и малые здания, а за рекой — идиллический сельский пейзаж: поля, рощицы, водоемы…

Левый берег Дона, место загородное, пляжное и прогулочное, хотя пути-то всего — мост перейти, ростовчане называют странным словечком, вызывающим у приезжих улыбку: Левбердон. Послеоктябрьская склонность к аббревиатурам, все эти наркомпросы, межрабпомы, коминтерны и предместкомы не миновали городскую топонимику. И вроде не такой уж большой выигрыш во времени произношения: что тебе левый берег Дона, что Левбердон. Однако привыкли, и ухо ростовчан это диковатое слово не режет. Пусть будет Левбердон.

В лесопосадках на Левбердоне, рядом с кафе «Наири», в полусотне метров от дороги с оживленным движением, 4 сентября 1981 года был найден полностью обнаженный труп молодой девушки. Тело было прикрыто июльскими газетами — столичной «Правдой» и местным «Комсомольцем».

Люди из уголовного розыска тут же прочесали местность вокруг. Они без труда обнаружили разбросанную женскую одежду: красную кофту, платье, изодранное белье. И еще — полутораметровую палку со следами крови.

Это было убийство из тех, которые называют зверскими. Бесчисленные ссадины и кровоподтеки по всему телу, правая грудь без соска, страшные разрывы в низу живота, появившиеся, по заключению экспертизы, уже после смерти. И во влагалище, и в прямой кишке — кусочки дерева, от той самой окровавленной палки. Смерть же наступила немного раньше, от сдавливания шеи руками.

Ее личность установили довольно быстро: Лариса Ткаченко, шестнадцати лет, учащаяся ПТУ. В день, когда ее убили, она вместе с соученицами должна была ехать в пригородный совхоз

отбывать очередную сельскохозяйственную повинность; редко кому из студентов и школьников удастся избежать этих, не очень обременительных, но и не особенно радостных осенних принудработ. Она съездила домой, в пригородный поселок, за теплой одеждой, вернулась в Ростов, но до училища, откуда автобусы должны были увезти ребят в совхоз, так и не добралась. Товарищи уехали без нее, не очень-то волнуясь. Мало ли что могло дома случиться. А может, решила увильнуть: кому охота задаром вкалывать.

* * *

Почти год спустя, 12 июня 1982 года, исчезла двенадцатилетняя Люба Бирюк из станицы Заплавская. Уходя на работу, мать, как это часто бывало и раньше, послала девочку в ближайший поселок купить продукты и сигареты. Днем в поселке — он называется Донской, — на автобусной остановке возле магазина, ее повстречал отчим. На Любе были белое платье в цветочек и босоножки.

Больше никто ее не видел. Розыски ничего не дали. Девочка числилась пропавшей без вести — до следующего лета.

Следующим летом, а точнее, 27 июня 1983 года, в лесной полосе, тянущейся вдоль автотрассы Новочеркасск — Багаевка, неподалеку от поселка Донской, нашли труп, пролежавший не менее года и являвший собой зрелище тяжелое. Тело без одежды, вернее, то, что от него осталось, было присыпано пучками травы. Эксперты пришли к выводу, что это останки девочки, умершей, без сомнения, насильственной смертью от множественных колото-резаных ран на голове, шее и груди. Всего они насчитали 22 раны, нанесенные, по всей вероятности, ножом с клинком, заточенным с одной стороны. Следы ножа были обнаружены и в глазницах.

Неподалеку от тела были найдены белые босоножки. Мать Любы Бирюк их опознала. Тело ей не показали — там уже нечего было опознавать.

* * *

В том же 1982 году, 14 августа, в Ленинское районное отделение внутренних дел города Краснодара поступило заявление от гражданина Н. П. Олейникова: исчез его девятилетний внук Олег Пожидаев. Мальчик приехал из

Ленинграда к деду погостить. Накануне, 13 августа, пошел на пляж и не вернулся.

Как положено, открыли розыскное дело, присвоили ему номер 4226. Никаких следов мальчика не обнаружили. В декабре 1988 года его признали умершим и дело закрыли: за шесть лет не нашли, чего дальше искать…

* * *

Двадцать седьмого октября 1982 года недалеко от платформы Казачьи Лагеря пригородной линии Ростов — Шахты, в лесной полосе вдоль железнодорожных путей, военнослужащий Я. В. Шумей наткнулся на слегка присыпанный листвой, полностью обнаженный, разложившийся труп, о чем с военной четкостью незамедлительно доложил командиру.

Заключение экспертов: молодая женщина, возраст от 16 до 19 лет, множество колото-резаных ран, смерть — от тяжелых повреждений сосудов шеи, сердца и легких.

Позже выяснится, что ее звали Ольга Куприна и что ей было 16 лет. Поведения не ангельского — курила, гуляла с парнями. Десятого августа она поссорилась с матерью и ушла из родного дома в хуторе Бакланники Семикаракорского района Ростовской области. Домой больше не возвращалась. С неделю прожила на соседнем хуторе у подруги Натальи Шалопининой (и та исчезнет, и ее труп найдут под деревьями, но — через два года), приехала с подругой на автовокзал, намереваясь отправиться в Ростов, а оттуда на электричке — к родной тетке в Шахты. Купила билет, попрощалась с подругой и пропала.

* * *

Двадцать первого сентября 1982 года в лесополосе на 1131-м километре железнодорожного перегона Шахтная — Кирпичная (это возле города Шахты) найдены истерзанный труп девятнадцатилетней Ирины Карабельниковой и ее разодранная окровавленная одежда. Четыре года спустя на этом месте отец девушки установит памятник. Неизвестные будут его ломать, отец — восстанавливать. Памятник этот, весь в цветах, виден из окон поезда.

* * *

Десятилетняя Оля Стальмаченок не пришла на занятия в музыкальную школу. Ее труп нашли четыре месяца спустя под столбом высоковольтной линии в полутора километрах от Новошахтинска, на пахотном поле. У девочки ножом было вырезано сердце.

* * *

Сбежала из дома и не вернулась слабоумная шестнадцатилетняя Лаура Саркисян. Тело найдено вблизи 1131-го километра железной дороги. Счет километров — от Москвы до Ростова.

* * *

В ростовском парке Авиаторов, который тянется вдоль дороги, соединяющей автовокзал с аэропортом, найден обнаженный, частично разложившийся, со следами многочисленных ножевых ранений труп Ирины Дуненковой, страдавшей болезнью Дауна тринадцатилетней девочки.

* * *

Мать двоих детей, бродяжка Людмила Куцюба двадцати четырех лет, лесополоса у того же проклятого перегона Шахтная — Кирпичная.

* * *

Восьмилетний Игорь Гудков, все тот же радующий взор пассажиров и насыщающий воздух кислородом парк Авиаторов. Это уже конец лета восемьдесят третьего года. Девятое августа.

* * *

Пока довольно. Это сейчас, когда собраны 222 тома уголовного дела, разрозненные факты выстраиваются в жуткий, однообразный ряд. До поры до времени трупы со следами насилия, с ножевыми ранениями и вырезанными органами не кажутся еще никому звеньями одной цепи. Почерк похож, мотивы

со всей очевидностью сексуальные, но ни единого очевидца, никаких прямых улик. В девяносто втором году суд сказал, что кровь этих девочек, мальчиков, женщин — на руках одного человека.

Кто мог знать это летом восемьдесят третьего?

Попробуем поставить себя на место людей, которые случайно или по долгу своей несладкой службы находили присыпанные листвой еще свежие, или полуразложившиеся, или уже превратившиеся в скелеты трупы. Попытаемся воссоздать сцены, декорации, действующих лиц.

Идет по роще, лесной полосе, городскому парку здешний служащий или случайный прохожий — солдат, путевой обходчик, праздный дачник, мальчишка-школьник, егерь, осматривающий свои угодья, старушка, направляющаяся за покупками. И вдруг средь бела дня, под сенью дерев наталкивается на мертвое тело. Без одежды. В крови. Или с жуткими следами разложения. Страшный труп, присыпанный листьями, прикрытый газетами.

Ужас — вот обычная и естественная реакция нормального человека, если только он по роду занятий не связан с судебной медициной. И в ужасе от страшной находки человек вызывает милицию.

На место происшествия немедленно прибывает желто-синий «газик» — если он вообще есть в отделении и если в данный момент не в разгоне. А то добираются милиционеры на попутках, приходят на своих двоих. Если дело происходит в городе, тут как тут и следователь угрозыска, и эксперты. Если же в селе — скорее всего, явится один участковый, может быть, прихватит с собой двух понятых. Жарко, люди в пропыленной милицейской форме (вариант: дождь, люди в промокших насквозь плащах и фуражках) обступили труп. Одни привычно делают все, что положено: фотографируют, обмеряют, прочесывают местность поблизости, берут пробы травы и грунта, ищут следы и отпечатки — на земле, на одежде, на покойнике. Другие — те, кто труп нашел, понятые, новички из милицейских — отворачиваются, не выдерживая вида и запаха, стоят поодаль с зелеными лицами, кого-то тут же рвет.

Возле мертвого тела одни работают, другие терпеливо ждут. Закуривают видавшие виды милицейские ребята, перебрасываются фразами, иной раз и засмеются — работа есть работа. У всякой работы есть то достоинство, что рано или поздно она кончается. Фотограф упаковывает свою аппаратуру; вещдоки, коли они есть, собраны, описаны и по всем правилам уложены; труп грузят в спецмашину и увозят в морг. Милицейские уезжают на желто-синих машинах или топают на своих двоих, позеленевший народ расходится думать нелегкие

думы. На сегодня все.

А дальше? Дальше рутинная работа. Пишутся протоколы, выясняются личности погибших, оперативники обходят окрестности в поисках хоть каких-то свидетелей, роются в картотеках пропавших без вести. Опросы, расспросы, допросы. Это большое для милиции везение, когда найден свежий труп, а в соседнем доме или на соседнем хуторе гуляет пьяный мужичонка с пятнами крови на пиджаке и с бумажником убитого в кармане и соседи в один голос говорят, что эти двое вчера водку пили и один обещал другого прибить, если тот долг не отдаст. Такое неудобно даже называть оперативно-розыскной работой — так, легкая прогулка. Берут подозреваемого под белы рученьки и передают в прокуратуру следователю. Возбуждается уголовное дело, в котором и новичку с заочного юрфака все понятно. Это, можно сказать, редкая удача, когда оперативникам подворачивается очевидный кандидат в убийцы.

Такой, например, как Александр Кравченко.

По соседству с местами, где обнаруживали трупы, не оказывалось мало-мальски подходящих подозреваемых. Непонятно, что приводило жертву в лесополосу, в парк, на пахотное поле — нечего ей там было делать. Для всех этих преступлений не удавалось отыскать хоть сколько-нибудь правдоподобный мотив. Отсутствовали следы и вещественные доказательства, которые могли бы вывести на преступника. Нет, каждый раз, конечно, что-то обнаруживали — например, старые газеты на трупе Ларисы Ткаченко. Но точно такие же газеты побывали в руках сотен тысяч граждан — у одной только «Правды» какой был тираж!

Убитых находили не у собственного дома, не у дома знакомых или родственников, а невесть где, в странных каких-то местах. Среди них немало было людей неблагополучных — или детей из неблагополучных семей: бродяжки, рано повзрослевшие девочки не очень строгих моральных устоев, а то и слабоумные, психические больные. Попадались среди жертв и совсем другие — умные, чистые, привязанные к семье; но и с перекошенной судьбой хватало. Встречались и такие семьи, где не сразу хватались сына или дочери, а хватившись, и не думали заявлять в милицию. Бывало, что от милиции и узнавали о том, что человека давно уже на свете нет…

В управлении внутренних дел Ростовской области следственно-оперативный отдел по расследованию особо тяжких преступлений возглавляет подполковник Виктор Васильевич Бураков. Он начал работу по этой серии убийств в 1983 году, со случая Любы Бирюк. К началу 1984 года на нем висели

одиннадцать неустановленных трупов.

> «Я вовсе не оправдываюсь, — говорит подполковник Бураков, седеющий, крепкого сложения сорокашестилетний человек, — я и не думаю оправдываться. Да разве мы не хотели как можно скорее разыскать убийцу? Моему сыну тогда было девять лет. Сын сыщика подвергается точно такой же опасности, что и дети всех прочих граждан. И жена, и сестра. Мы не могли спать спокойно. И не спали. В буквальном смысле. Однажды после десяти бессонных ночей я попал на месяц в больницу с нервным истощением. Лет пять или шесть весь отдел — без отпусков. Это пятьдесят человек. Иногда наступало отчаяние, хотя мы и продолжали лихорадочно работать».

За первые пять месяцев 1992 года в России было совершено 8364 умышленных убийства. Это — без убийств по неосторожности, в состоянии аффекта. Число это сообщил начальник российского уголовного розыска генерал Владимир Ильич Колесников, для ростовского дела человек не посторонний: в восьмидесятые годы, в самый разгар серийных убийств, он служил здесь начальником угрозыска, потом заместителем начальника управления внутренних дел Ростовской области.

Из тысяч убийств по необъятной нашей родине на Ростов и ближайшие города в год приходится до четырех сотен. Составляя пропорцию к общему населению, можно убедиться, что цифра выше среднего. И в абсолютном исчислении много, и в относительном. Много — но объяснимо.

По части преступности Ростов всегда был не на лучшем счету. С давних времен в кругах, близких к уголовным, ходит присказка: Одесса-мама, Ростов-папа. Не только мелким жульем, карманными воришками, мошенниками разного ранга, но и крупными аферистами, солидными ворюгами и по многу лет уходившими от наказания преступными бандами известны были эти прекрасные южные города — города веселых, талантливых и остроумных людей. Нашей литературе эти края дали, пожалуй, больше талантов, чем многие иные, вместе взятые; но и душегубы ростовские и одесские тоже ходили в лидерах. И сегодня они не последние в уголовном мире.

Одесса — город портовый, а во всем мире портовые города, будь то Гамбург, Марсель или Стамбул, славятся своим особым колоритом, от которого местной полиции одна только головная боль. Ростов — город степной, хотя он и находится недалеко от моря. Но, во-первых, отсюда до моря ехать и ехать, а во-вторых,

море-то Азовское, внутреннее и заштатное, самое удаленное от оживленных морских путей.

И тем не менее Ростов-на-Дону стоит среди южных городов особняком. Он расположен на перепутье больших дорог: с севера на юг, с востока на запад. Из Москвы на Кавказ, с Поволжья в Крым. С Урала к Черному морю, с Украины в Среднюю Азию. Через него идут грузы и тянутся потоки людей. Здесь быстро богатели — и богатеют, всю жизнь нищали — и нищают. Здесь скапливаются оружие, наркотики, валюта, собираются горячие головы и привычные к оружию руки, смешиваются племена и народы. Здесь — южнорусский Вавилон.

Партия стрелкового оружия продана одной из враждующих между собой кавказских группировок. Где? В Ростове.

Из зоопарка сперли семейство аллигаторов и продали на Запад за доллары. Где, спрашивается? В Ростове, где же еще.

Ростов-папа.

«И не забудьте про экологию», — добавляет следователь Амурхан Яндиев.

Недели не проходит, чтобы местные газеты не сообщили о загрязнении Дона. Во всей области только три города имеют сносную питьевую воду. Летом купаться в Ростовском море — это большое пригородное водохранилище — категорически запрещено, более того, опасно для жизни, о чем публично оповещают газеты. А осенью, когда завершился процесс над филологом и судья зачитывал вынесенный убийце приговор, газеты писали о взрыве на насосной станции городских очистных сооружений — с человеческими жертвами и катастрофическими последствиями. Добрый месяц, пока очистные сооружения не починят, нечистоты миллионного города будут сливаться в Дон. «Ростовский Чернобыль» — кричали газетные заголовки. Хотя, с другой стороны, есть места, где с водой и воздухом еще хуже.

«И не забудьте про экономику», — добавляет следователь Амурхан Яндиев.

Всплеск преступности на юге России он аргументирует тем, что нищенская жизнь выводит людей на тропу криминала — кражи, грабежи, разбой. Одно тянет за собой другое, и люди теряют человеческий облик.

В подкрепление своих слов Яндиев рассказывает о случае убийства и изнасилования четырехлетней девочки одним негодяем. Больше всего потрясает не само преступление, а поведение преступника: совершив свое черное дело, он сразу же отправился купаться на экологически небезупречное Ростовское море.

Соглашаемся и насчет экономики. Правда, бедность не

только на юге, но и на севере, где ее, пожалуй, даже побольше — земля хуже родит. И на западе хватает, не говоря уже про восток.

Как бы то ни было, в Ростове-папе и в родной его области совершалось по четыреста убийств в год. В центре — больше всего, в районных городах и промышленных поселках поменьше, еще меньше в селах. Убивают по пьянке, из ревности, из корыстных побуждений, убивают при ограблениях, когда жертва пытается защитить свое добро, убивают в перестрелках между бандами и при нападении на милиционеров.

Тогда, в начале восьмидесятых годов, убийств, судя по статистике, было несколько меньше, но тоже хватало. Но и на этом фоне преступления, совершенные в лесных посадках и на городских окраинах, выглядели жутко. Изощренные, зверские, бессмысленно жестокие. На трупах десятки ран, рты забиты землей, выколоты глаза, отрезаны или откушены соски, вырезаны и унесены с места преступления половые органы, иногда они запихнуты во вспоротый живот.

А расследование не движется с места. Десятки людей, от районных оперов до начальников следственных отделов, а то и выше, ломают головы, рассылают запросы, выезжают на места, опрашивают и допрашивают, — а в папках, заведенных на каждое дело, не прибавляется ничего существенного.

Озабоченное начальство из областного уголовного розыска начинает наконец осознавать, что районным детективам, которые привычны скорее к пьяным дракам и мелким кражам, такие изощренные преступления, без улик, мотивов и свидетелей, просто не по зубам. И с запозданием — а может быть, это сейчас, когда смотришь назад, кажется, что они слишком медлили, — усматривает в серии нераскрытых убийств единый криминальный почерк. И принимает наконец решение: соединить в одном производстве дела по убийству Игоря Гудкова и Иры Дуненковой в Ростове, Любы Бирюк в поселке Донском близ Новочеркасска, Оли Стальмаченок в Новошахтинске, двух тогда еще не известных молодых женщин (потом установили — Иры Карабельниковой и Оли Куприной) в лесопосадках у станций Шахтная и Казачьи Лагеря.

Чтобы дать делу кодовое название, нужно найти нечто характерное, какой-то общий внешний признак: время суток, криминальную деталь, предмет обстановки.

Нашли — ландшафт.

Объединенное дело назвали так: «Лесополоса».

А версия? Если все содеянное на совести одного человека, то надо бы понять или хотя бы предположить, что его вело, зачем ему все это понадобилось. Что побуждало его насиловать девочек

и мальчиков и убивать столь изощренно и извращенно?

По великому правилу Оккама не следует искать сложных ответов, если существуют простые. Не надо умножать сущности. Самое простое решение приходит в голову сразу же, самым первым: преступник ненормален. Этот вампир, каннибал, сексуальный маньяк — психически больной человек. Психически здоровый на такое просто не способен.

Более убедительных версий не нашлось, и эта, первая, стала рабочей.

И опять началась рутина: стали поголовно проверять людей, состоящих на учете в психиатрических диспансерах. Невероятно нудная, однообразная работа, оправданная, однако, всеми обстоятельствами этого безумного дела. Во всяком случае, так тогда казалось.

Одного за другим отрабатывали подозреваемых, проверяли, куда, когда и с кем они ездили в последнее время, уточняли диагноз и особенности заболевания, поведение во время обострений, склонность к насилию и сексуальным аномалиям, алиби на время совершения преступлений. Но это все попутно, на всякий случай. Главное, что тогда интересовало детективов, — это группа крови. Самая важная на тот момент, если не сказать жестче — единственная верная улика. Остальное — на уровне предположений: то ли так обернется, то ли этак. А группа крови — это объективный факт.

В деле прибавлялись трупы, их изучали все тщательнее и время от времени находили сперму — в количествах небольших, но достаточных для анализа. Она попадалась на изорванной и изрезанной в клочья одежде жертв, на коже, во влагалище и в прямой кишке. И всякий раз медицинская экспертиза давала заключение, что сперма относится к антигенной группе АВ, то есть содержит оба характерных для крови человека и его выделений антигена — А и В. Это так называемая четвертая группа крови, она годится для переливания только тем пациентам, у которых та же группа, — и никому больше. Правда, эти пациенты находятся в привилегированном положении, поскольку для них годится любая кровь, так что, если бы неизвестный убийца оказался в больнице с большой кровопотерей, врачи могли влить в него любую кровь, которая оказалась бы под рукой. Но как донор он особой ценности не представлял.

Теоретические эти рассуждения и сведения из области гематологии не так уж далеки от предмета уголовного расследования. Зацепка у криминалистов была вполне крепкой: считалось аксиомой, что у человека кровь, сперма и все другие

выделения, содержащие белок, — например слюна, — всегда одной и той же группы. Это предопределено генетически, или, проще говоря, кому что на роду написано. Следовательно, у преступника (или у преступников, если их несколько и все они действуют в едином ключе) обязана быть кровь четвертой группы.

Отсюда и главная проба: анализ крови на групповую принадлежность. Стандартный анализ.

У всех, кого по самому отдаленному подозрению проверяли по делу об изнасилованиях и убийствах, брали кровь на анализ. И если она оказывалась не четвертой группы, то сразу отпускали с извинениями. А в специальной карточке, заведенной по этому случаю, делали отметку: проверен по «Лесополосе».

Но если группа крови совпадала, то проверку продолжали. Вот тогда уже смотрели алиби, следили за передвижениями, консультировались с психиатрами. До той поры, пока не убеждались, что подозреваемый совершенно непричастен к убийствам.

Долгая, нудная и, что хуже всего, безрезультатная работа. Одновременно в проверке сотни людей, десятки из них в психушках и не меньше — сидят в кутузке…

Не тот, не тот, опять не тот. А что-то забрезжит похожее — так группа крови не совпадает или алиби безукоризненное.

* * *

И вдруг — удача. Она всегда бывает вдруг.

В начале сентября восемьдесят третьего года в Ростовском трамвайном парке, где посторонним вроде бы делать нечего, милицией был задержан молодой человек без определенных занятий, к трамваям отношения не имеющий, разве что как пассажир. Назвался Шабуровым. Подержав сутки для приличия — не зря же задерживали, — его собрались было выпустить, как вдруг он сделал по собственной воле признание, удивившее уголовный розыск: он, Шабуров, вместе со своим товарищем Калеником угнал автомобиль. И после небольшой паузы второе признание, уголовный розыск ошеломившее: они с Калеником вместе убивали детей.

Зачем? А ни зачем. Просто так. Убивали и убивали.

Нравилось.

Сообщника тут же арестовали, а вслед за ним еще двоих: Турова и Коржова. Те тоже убивали. Все вместе и по отдельности.

И все четверо — психически неполноценные. Не сумасшедшие, чтобы вовсе уж не отвечать за свои поступки, но

все же не вполне нормальные.

Значит, такая четверка кандидатов в убийцы: В. Шабуров, Ю. Каленик, Л. Туров, Л. Коржов. Все четверо живут в Первомайском районе города Ростова, том самом, где находится парк Авиаторов. Все учились в одном и том же доме-интернате для умственно отсталых детей и, закончив учебу, стен заведения не покинули. Куда, скажите на милость, им деваться, не вполне психически здоровым, без родных и близких, без собственного дома? Остались жить, как пишется в официальных бумагах, на обеспечении школы-интерната.

Так и жили, уже взрослые, при детском доме. Что тут поделаешь, что возьмешь с Богом обиженных? Дурачков на Руси всегда жалели.

Слово «дурак» в нашем богатом оттенками языке многозначно. Оно бывает бранным или, по меньшей мере, презрительным, но бывает и ласковым, почти нежным — вспомним хотя бы сказочного Иванушку, который глуповат и недотепист только с виду, а на самом деле умнее и хитрее всех прочих. «Дурачок ты мой», — вполне может сказать любящая мать, гладя по головке несмышленое еще, но, конечно же, любимое дитя. Самое жесткое из значений — психически больной, сумасшедший. Пациент соответствующей лечебницы или диспансера, ученик специальной школы, воспитанник особого интерната. Да и народное название психиатрической больницы — психушка либо дурдом — отсюда же. Наш филолог, между прочим, тоже побывал на обследовании в таком заведении, а точнее — в главном дурдоме страны, официально называемом так: Всесоюзный научно-исследовательский институт общей и судебной психиатрии имени профессора В. П. Сербского. Там многие побывали — и крутые уголовники, и правозащитники; при всей печальной своей известности, скорее политической, нежели медицинской, институт этот в научном мире все же пользуется авторитетом, и считается, что оценки его экспертов — сегодня, во всяком случае, — политической окраски не носят.

Ростовских дурачков, взятых по «Лесополосе», в Москву отправлять было незачем. С ними и на месте все было понятно.

С этого момента, с ареста четверки, начинается полный своеобразия двухлетний этап расследования. Следователи, и в Москве, и в Ростове, называют его — без насмешки и без всяких кавычек — делом дураков.

Мы так и не поняли до конца, кого они имеют в виду — подследственных или тех, кто больше двух лет держал их за решеткой, пытаясь навешать на них всех собак.

Всего четыре дня прошло после задержания, а Кале-ник

признался уже в семи убийствах. Оказывается, у него были еще сообщники. В следственную тюрьму один за другим попадают Тяпкин, Пономарев, Величко. Все из того же первомайского интерната. Идет по городу молва о банде сумасшедших маньяков, обрастает подробностями, становится почти истиной. Хотя в следственных кругах от прямых ответов уклоняются. Уголовное дело пополняется все новыми материалами, далеко не все они безупречны. Многие, можно сказать, не выдерживают критики. Но областное руководство, вплоть до обкома КПСС, требует немедленных разоблачений: надо успокоить народ. Москва тоже проявляет нетерпение. Пора, давно пора заканчивать дело. Задержанные раскололись, «царица доказательств» — вот она, голубушка. Не совсем по-царски выглядит, хромает на обе ноги, однако наличествует и может быть при необходимости представлена суду.

Дураки легко кололись, охотно подписывали чистосердечные признания, но как-то странно. Непоследовательно. Сегодня признается, назавтра откажется. А если не откажется, то все перепутает. Один раз забудет место убийства. Другой раз скажет про внешность жертвы что-то совсем уж несусветное. Потом ошибется в возрасте или в одежде.

Ну и что с того? Они же дураки! То есть, простите, умственно отсталые. Могут и напугать.

Их непоследовательность то и дело заводила уголовный розыск в тупик. Каленика спрашивают: такую-то убил? Да, убил. Где, когда, при каких обстоятельствах? Тогда-то, труп ищите там-то. Проверяют — все совпадает, все обстоятельства соответствуют, кроме самой малой малости: в день и час убийства смиренно кающийся убийца сидел в тюремной камере под неусыпным надзором тюремных служащих. Они его на часок в лес отпустили, что ли?

Без связи с потусторонними силами такого не может случиться. Однако советские следователи того периода были все как один материалисты. Ничего оккультного и потустороннего допустить не могли.

Дураков допрашивали, вывозили на места происшествий.

А убийства продолжались.

В сентябре 1983 года — неизвестная женщина, найдена в лесополосе на окраине Новошахтинска. В октябре — Вера Шевкун, лесопосадки у хлопчатобумажного комбината в Шахтах. В декабре — Сережа Марков, у пригородной платформы Персиановка, свыше семидесяти прижизненных и посмертных ножевых ранений.

Дураки тем временем сидели в следственной тюрьме.

Отстаивая и творчески развивая версию, уголовный розыск пришел к заключению, что банда психически больных маньяков обезврежена еще не полностью. То есть часть банды уже за решеткой, а остальные, желая снять подозрение со своих товарищей, продолжают черные дела.

Сами умыслили или кто-то им подсказал? Сами-то вряд ли. Дураки же.

По делу Шевкун и Маркова арестовали умственно отсталых, дебильных М. Тяпкина и А. Пономарева. Оба однокашники Каленика. Убивали? А как же! Ножом? А чем же!

И снова пошли чистосердечные признания.

Но теперь-то, надо надеяться, банда убийц уже обезврежена? Как бы не так! Безумных маньяков в городе Ростове гораздо больше, чем может предположить психиатрическая наука.

Десятого января 1984 года в парке Авиаторов найден изуродованный труп Натальи Шалопининой — той самой девушки, которая год назад провожала на автовокзал свою подругу Ольгу Куприну, вскоре убитую при невыясненных обстоятельствах.

Двадцать второго февраля в том же парке — труп Марты Рябенко, с отсеченными сосками и вырезанной маткой.

Двадцать шестого февраля опять же в парке Авиаторов берут на месте преступления инвалида с детства, умственно отсталого И. Бескорсого. Вернее, на месте неуклюжей попытки совершить преступление — изнасиловать женщину. Куда ему, инвалиду…

Несколько дней допросов — и Бескорсый берет на себя изнасилования и убийства Шалопининой и Рябенко. Смог, сумел. Вышло. Изнасиловал и убил.

Банды маньяков прибыло. Не интернат для умственно отсталых детей, а прямо вертеп какой-то. Рассадник преступности.

Дело продолжает разбухать. В одно производство объединено уже 23 убийства — это на октябрь восемьдесят четвертого года. Дураки сидят в камерах.

В одном только восемьдесят четвертом году — одиннадцать убийств. Потом окажется, что их пятнадцать. Это был пик деятельности филолога, время разгула его страстей. До этой отметки больше ему никогда не подняться.

А дураки — все до одного — в это время дают показания, то подтверждая, то отрицая сказанное на предыдущих допросах. Нелепость их показаний то и дело торчит ослиными ушами в материалах следствия. Когда оно попадет в руки Иссы Костоева и его бригады, сразу же обнаружится такая, к примеру, мистическая подробность: один и тот же орган, отсеченный убийцей у одной и

той же жертвы, оказывался, если верить материалам дела, сразу в трех, достаточно удаленных одно от другого местах.

Несмотря на подсказки, дураки путались и невольно путали своих следователей. А те сами стали пленниками и жертвами собственных методов — родных, классических. Сейчас поговаривают, что на дураков оказывали физическое воздействие. Не знаем. Но можете быть уверены, что с ними особо не церемонились. Один скончался во время следствия, другой пытался покончить с собой. И надо ли бить психически больного человека, чтобы он сказал то, что требуется психически здоровому? Так ли уж трудно вколотить в его нетвердый разум нужную подсказку, намекнуть на детали и обстоятельства? Хотя, наверное, надолго не вколотишь. Не случайно же они потом так путались.

И следствие путалось вместе с ними. Оно пожинало то, что посеял угрозыск.

> «Следователям не было нужды нажимать на этих людей, — полагает Амурхан Яндиев. — Еще раньше оперативные службы выжали из них все, что требуется. Но как следователи могли поверить показаниям психически больных?»

Может быть, они и не очень верили, но руководство области — читай, обком партии — по-прежнему предпочитало версию о банде сумасшедших. Напомним, это происходило в восемьдесят четвертом году, когда тяжело болевшего Юрия Андропова сменил совсем больной Константин Черненко, до начала перестройки оставалось несколько бесконечно долгих месяцев и коммунистическая партия обладала абсолютной властью, какая и не снилась монархам и их наместникам. Обкому виднее, как вести сельское хозяйство, управлять промышленностью, развивать культуру и отправлять правосудие. Ему, обкому, до всего есть дело, и он за все в ответе. Партия сумеет отличить преступника от невиновного.

Что же касается профессионалов, то у них, независимо от партийной принадлежности, были большие сомнения в малосерьезной версии об умственно отсталых сексуальных маньяках. Сомневался, а если говорить прямо, решительно отвергал версию руководитель следственной группы из Москвы Владимир Иванович Казаков (он потом войдет в бригаду Костоева). Об очевидных ошибках милиции и прокуратуры, о малоприятных последствиях этих ошибок задумывался главный сыщик области Виктор Васильевич Бураков. Вот уж действительно нонсенс: подозреваемые за решеткой, а зверствам конца не

видать!

Но только осенью следующего года, когда слово «перестройка» начало понемногу входить в обиход, когда следствие взял в свои руки Исса Костоев, дураков стали выпускать на свободу. Нельзя сказать, что выпускали по-людски, хотя бы для порядка извинившись на прощание, какое там извинение, но из тюрьмы всех освободили.

И на том спасибо.

Они и говорили спасибо. Какие бы они ни были, не их вина, что они такие. За что отсидели они в родной советской тюрьме кто два, а кто и три года? Ни за что. У кого-нибудь есть вопросы, пожелания, претензии? Нет вопросов? Тогда все свободны…

Их освобождение Иссе Магометовичу Костоеву далось нелегко. Партийную власть никакая перестройка не отменяла, да и вообще перестройка — она далеко, в Москве, а здесь свой обком, с которым просто так не поспоришь, свои порядки, которые просто так не переломишь. Судьбу невинных людей решили не доводы защиты, не логические аргументы и не апелляция к закону, а хорошие отношения с Генеральным прокурором страны А. М. Рекунковым.

Сторонникам же «версии дураков» Костоев сказал примерно так: «Кончайте безумствовать, не то сядете вместо них».

Тем и закончилась история. Никто вместо кого-то другого не сел. Приказано не безумствовать. Москва приказ подтвердила. Есть не безумствовать. Вопросы, пожелания, претензии? Все свободны.

Было бы наивно полагать, будто все следователи прокуратуры зациклились на группе выпускников специнтерната. Шли и по другим направлениям. В таком многоплановом деле неизбежно возникают боковые ветви, которые просто так не отрубишь, — разве что сверху прикажут не трогать. Но не настолько уж непонятливые наверху сидят, чтобы встревать без особой надобности в следственные дела. Кого вы там ищете — мужиков, охочих до мальчиков? Сексуально озабоченных? С большим желанием, но ослабленной потенцией? Это хорошо. Это правильно. Особенно с точки зрения усиления социалистической морали.

Вот документ, датированный 20 ноября 1984 года:

> «Главному врачу кожно-венерологического диспансера Ростовской области тов. Омегову В. К.
>
> Следственной группой Прокуратуры РСФСР расследуется дело по факту совершения на территории Ростовской области ряда убийств лиц женского и

мужского пола по сексуальным мотивам.

Преступник до настоящего времени не установлен.

В связи с возникшей необходимостью при расследовании настоящего дела прошу Вас в кратчайший срок представить мне в УВД Ростоблисполкома по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Энгельса, д. 296, каб. 24, списки лиц мужского пола, проживающих на обслуживаемой территории (с указанием Ф. И. О., года рождения, места жительства, диагноза), обращавшихся к врачам-венерологам по поводу вензаболеваний в период с 10.01.84 г. по 10.02.84 г., а также лиц, обращавшихся к врачам-специалистам по поводу нарушения деятельности предстательной железы, с жалобами на отсутствие влечения к женщинам, неспособность к совершению нормального полового акта.

Следователь следственной группы Прокуратуры РСФСР, прокурор-криминалист, мл. советник юстиции В. И. Казаков».

Как там насчет врачебной тайны — это прокурору-криминалисту виднее: в конце концов, на то он и прокурор. Но относительно неспособности к совершению нормального полового акта он как в воду глядел. А написать это письмо (правда, с большим запозданием) побудило его вполне медицинское соображение.

На теле семнадцатилетней Наташи Шалопининой, девушки, скажем так, не самых строгих правил, зверски убитой 9 января 1984 года в парке Авиаторов, нашли специфических насекомых, у лиц такого поведения чаще всего и обнаруживаемых: лобковую вошь. Насильник и убийца непременно должен был подцепить эту заразу. А если так, рассуждало следствие, то рано или поздно — и скорее рано, может быть, даже на следующий день, поскольку чесотку в укромных местах долго не вытерпеть, — он обратится к врачу. Любой врач отправит такого пациента в кожно-венерологический диспансер, если он с самого начала сам не догадается туда пойти. Там эту невинную, по меркам венерологов, болезнь вылечивают без труда. А если и не придет на следующий день, то долго все равно не выдержит. Очень чешется.

Ход советника юстиции Казакова был совершенно точным. Он мог оказаться решающим. Он должен был вывести правосудие на подлинного убийцу.

Выстрел оказался холостым.

Примерно через полчаса после убийства Шалопининой

предполагаемый пациент кожно-венерологического диспансера вышел из парка и сел в междугородный автобус, отправляющийся из Ростова в Шахты. День уже шел к концу, и пора было возвращаться домой, к семье. Возможно, он почувствовал мучительный зуд уже в тот же вечер. Во всяком случае, оказавшись опять в Ростове (он часто приезжал туда — то устраивался на работу, то подавал жалобы в партийные органы), он, не мудрствуя лукаво, просто зашел в аптеку на улице Энгельса, прямо под окнами гостиницы «Интурист», и без обиняков, хотя и понизив голос, спросил пожилую аптекаршу, что помогает в подобных деликатных обстоятельствах. Провизоры старого закала, повидавшие на своем веку самых разных больных с самыми разными болячками, на такие вопросы отвечают не хуже врача. Иногда даже лучше. Пожилая дама достала с полки серую ртутную мазь и рассказала вкратце, как ей пользоваться. Покупателя она не разглядывала. Люди, которые спрашивают шепотом, не любят, когда в них вперяют взгляд. Каждый считает, что его случай особенный. А случаев этих — если б вы только знали сколько.

Он заплатил положенные копейки, сунул ртутную мазь в портфель, сказал «спасибо» и ушел.

До диспансера убийца так и не добрался.

Потом, через восемь лет, уже на суде, он будет открещиваться всеми силами от болезни, которую считает постыдной. Иногда будет казаться, что ничто другое его не волнует. День за днем он будет невнятно бубнить, что зря, дескать, все время упоминают эту лобковую вошь. Не было у него никаких насекомых. Не лечился он никакой мазью. Мало ли что у девчонки нашли, у него вшей отродясь не было.

Он застесняется.

Он действительно чувствует себя неловко. Насиловать и медленно убивать, надругаться над трупами, пожирать человеческую плоть — преступно, но не стыдно. Подцепить лобковую вошь…

До диспансера, значит, он так и не дошел. Мы сделали это вместо него — по иному, Бог миловал, поводу.

Еще одна зацепка для следователей, еще одна волна проверки в восемьдесят четвертом — гомосексуалисты. «Версию дураков» не отменяли, но одновременно просматривали соседние подозрительные зоны. Коль скоро сексуальный маньяк — или маньяки — преследовал и настигал мальчиков, разумно было поискать среди голубых.

Искали своеобразно. Так, будто все сторонники однополой любви непременно преступники. Впрочем, если строго следовать

букве российского Уголовного кодекса того времени, так оно и есть: закон карает за мужеложство. Конечно, за факт, а не за склонность или намерение.

В данном случае уголовный розыск не интересовали ни пристрастия, ни даже протокольная фиксация любовных утех. Все это можно было оставить на другой раз. Их интересовали сами голубые. Все. Уж если проверять, так чтобы никого не минуло.

Эту историю мы знаем со слов Ирины Николаевны Стадниченко, женщины не совсем обычной профессии, о существовании которой — естественно, профессии — знают, бьемся об заклад, весьма и весьма немногие. Она юрист венерологического диспансера. Того самого, куда так и не дошел излеченный аптекаршей филолог.

Заседания суда Ирина Николаевна из профессионального интереса посещала регулярно. Как-то мы разговорились в перерыве, получили приглашение зайти на работу, лучше вечером, во время дежурства, чтобы поменьше отвлекали, — и заявились в диспансер в тот же день, предвкушая любопытную беседу.

Это был в высшей степени запоминающийся вечер.

В нем было все: необычность обстановки, импульсивность собеседницы, резкость и неожиданность суждений.

К концу вечера мы стали сострадать сексуальным меньшинствам. Правда, другие заботы вскоре оттеснили это чувство на второй план.

Ночное дежурство в диспансере оказалось не более чем приработком. На мизерную зарплату юриста в таком своеобразном учреждении прожить крайне трудно, и Ирина Николаевна взяла еще половину ставки ночного сторожа. Строго говоря, мы имели вечернюю беседу со сторожем и были приняты в крохотной комнатенке, где Стадниченко — сторож дежурит и ночует. Время от времени беседа прерывалась: кто-то из врачей загонял машину в гараж (сторож должен отпереть ворота), на площадке второго этажа устроился на ночлег пожилой бомж, не подозревая, в какое заведение он попал по воле случая (и бомжа ради его же блага надлежало вытурить), по крыше дворовой постройки бегал красавец Эрик, любимый пес Ирины Николаевны, афганская борзая чистых кровей, изредка взлаивал и никак не хотел слезать к своей хозяйке.

Всякий раз, из галантности и любопытства, мы выходили вместе в ночную темень означенного медицинского учреждения; свет в холлах и на лестничных переходах отчего-то не желал включаться. «Держитесь за перила, — приговаривала наша хозяйка, — не бойтесь, не заразитесь. Все тут

продезинфицировано…» Однако, наслышанные про местные нравы и обычаи, памятуя о том, что здесь не только амбулатория, но и стационар, мы невольно, как от розетки под током, отдергивали руки от любых предметов, включая перила.

Хотя, конечно, знали точно, что сифилис через перила не передастся.

Перила, кстати, там дубовые, а над парадной дверью — витражи цветного хрусталя с алмазной гранью.

Знаете ли вы, что было раньше в здании ростовской венерической лечебницы?

Не тратьте время попусту на разрешение загадки. Отгадка без подсказки невозможна. До революции 1917 года там была ростовская хоральная синагога.

У ростовских евреев, должно быть, в те годы водились деньги.

Ирина Николаевна утверждает, что венерологический диспансер в синагоге — это не чисто ростовское явление, а какое-то заклятье либо тайный умысел коммунистических антисемитов. Ибо в Омске, Томске и Новосибирске, а может быть, и еще где-то, такого же рода диспансеры расположены именно в бывших иудейских храмах. Почему-то православные церкви отдавали преимущественно под склады и мастерские, лютеранские кирхи и молитвенные дома протестантов — под клубы и студии, а вот синагоги…

Бог им судья.

Ирина Николаевна Стадниченко, юрисконсульт и ночной сторож на полставки венерологического диспансера, — бывший офицер милиции, старший следователь. «Я мент», — говорит она о себе и показывает фотографию красивой женщины в милицейской форме. Еще она мастер спорта по выездке и конкуру (фотография красивой женщины в седле) и мать двух почти взрослых дочерей (фотография красивой женщины с двумя красивыми детьми).

Отчего она ушла (или ее ушли) из милиции — это для другой книги. Для этой важнее всего, что с некоторых пор Ирина Николаевна стала защитницей гомосексуалистов. Кое-кто называет ее матерью голубых.

Хотя она им, скорее, сестра.

Это не вопрос склонностей или предпочтений, тем более не намек на извращенность. Если и есть пристрастие, то — к справедливости. Наглядевшись в милиции на предвзятость и нетерпимость, она готова защищать любых гонимых.

Среди бесправных классов нашего многослойного общества голубые занимают место в самом низу. Во всяком случае, ниже проституток и бродяг.

Когда в Ростове проводили социологический опрос, выясняя отношение широкой публики к гомосексуализму и гомосексуалистам, — что, ответьте, делать с ними, — то примерно тридцать процентов опрошенных ответили: судить. Столько же: сажать. Столько же: стрелять. И только каждый десятый сказал: а зачем с ними что-то делать? Пусть себе живут, как им хочется.

Это — со слов Ирины Николаевны. Не исключено, что она, глядя на проблему со своей колокольни, что-то преувеличивает; возможно, ростовчане не столь свирепы и гораздо более терпимы к голубым. Но то, что гомосексуалисты, особенно в провинции, живут в атмосфере презрения, подозрительности, даже ненависти, — в этом можно не сомневаться.

Вспомним мнение следователя Яндиева о корнях преступности: экологические потрясения и нищета. Добавим с уверенностью: нетерпимость, дефицит сочувствия.

В восемьдесят четвертом году за голубых взялись крепко. Их выявляли всеми правдами и неправдами, у всех поголовно брали кровь на анализ — та группа или не та — и таскали, изо дня в день таскали на допросы. В интересах следствия, чтобы не проморгать возможного преступника…

> «Чушь собачья! — обрывает наши предположения Ирина Николаевна. — Все делалось для показухи. Чтобы начальство видело — они ищут, а не сидят сложа руки. Нашли где искать серийного убийцу! И среди голубых есть выродки, но, в общем-то, они народ, не склонный к насилию. Они любят жизнь, благоговейно относятся к плоти. Нет, они не способны на зверства. И знаете, кто их допрашивал? Первый педераст милиции. О нет, он о своих особенностях широкую публику не оповещал, но у меня-то глаз наметанный…»

Звание и фамилию милицейского чина Ирина Николаевна из деликатности умалчивает. Она называет другие имена — своих подопечных и подзащитных, которые не пережили те месяцы или чудом уцелели. Покончили с собой Анатолий Отрезнов и Виктор Черняев. Не выдержали допросов и умерли старый актер, пенсионер Руслан Владимирович Грибов-Чарский и совсем молодой парень Женя Валуев. По нескольку месяцев провели в следственной тюрьме без всякой вины Толя Иванов и Сергей Зеленский (Зеленского потом отправили в зону), а Жора Дивизоров сказал следователям: вам самим надо бы показаться психиатрам.

За это били. И давали сроки за распространение

порнографии, за мужеложство.

Но, конечно, месяцы — это вам не годы, которые провели за решеткой столь же безвинные дураки.

Ирина Николаевна не молчала. Она врывалась в милицейские кабинеты, вплоть до одного из самых высоких в Ростове — кабинета Владимира Колесникова. Несколько лет спустя Колесников шагнул еще выше и возглавил российский угрозыск. Следователь по особо важным делам Исса Костоев, человек резкий и бескомпромиссный, разгребавший после милиции завалы в «Лесополосе», позже скажет о генерале Колесникове: «Порядочнейший человек, классный профессионал, сильная личность». Но Ирина Николаевна Стадниченко срывала злость на высоком милицейском чине, защищая своих голубых «детей».

Он, надо отдать ему должное, умел выслушивать даже не очень приятные вещи. И принимать решения.

Гомосексуалистов оставили в покое. Что ж, оставим и мы эту тему, процитировав напоследок ростовскую защитницу угнетенных меньшинств: «„Лесополоса“ сплотила голубых».

Вернемся к теме милиции.

Мы бросили уже немало увесистых камней в ее адрес, прошлись по оперативникам и уголовному розыску. Давайте скажем и несколько слов в защиту.

Милиция вкалывала, не зная покоя и отдыха, но дело не шло. Прежде они не встречали таких преступлений, столь растянутых во времени и разбросанных в пространстве. Трупы чаще всего находили в лесных полосах между автотрассами и железнодорожными путями, и практически невозможно было определить маршруты преступника и жертвы — ситуация допускала слишком много вариантов. Единственным поисковым признаком оставалась для сыщиков группа крови, точнее, групповая принадлежность спермы; впрочем, совпадение этих групп у одного человека считалось аксиомой.

И вдобавок: удручающий некомплект личного состава, или, попросту говоря, острая нехватка людей. Вернее, толковых и квалифицированных людей; абы каких всегда и везде достаточно. Мало кто позарится на скромную милицейскую зарплату за каторжный и неблагодарный труд. А техника? Наконец-то в Ростове стали появляться новые милицейские машины — «Волги» и «Москвичи», исчисляемые единицами. А у нынешних преступников — все больше «мерседесы» и «вольво»…

Отдадим должное ростовскому угрозыску и бригаде Виктора Буракова. Наломав поначалу известное количество дров, они тем не менее проделали гигантскую черновую работу. Например: многие преступления из серии «Лесополоса» совершались вблизи

автотрасс, а значит, с высокой вероятностью убийцей мог оказаться водитель. И вот у 165 тысяч шоферов берут пробы крови. Представьте себе размах операции и умножьте на поправочный коэффициент ее некоторой незаконности…

Именно так: по закону, чтобы взять у подозреваемого биологический образец, будь то кровь или хотя бы моча, требуется постановление следователя, утвержденное прокурором, — во-первых, что ты подозреваемый, во-вторых, что назначена экспертиза по таким-то мотивам и в связи с такими-то обстоятельствами. Конечно, к процессуальным нормам наша милиция — вероятно, как и чужая полиция — относится с известной вольностью. Не раскроем особой тайны, если скажем, что уголовный розыск, не в первый раз и не в последний, пошел на хитрость — если можно так назвать действия в обход закона. Водителям говорили, будто есть указание Минздрава записывать отныне в паспорта и водительские права сведения о группе крови, как это делают в цивилизованных странах, чтобы в случае, не приведи Господи, дорожной аварии не ошибиться при переливании. По просьбе милиции газеты, радио и телевидение на все голоса убеждали население в необходимости такой меры. Население соглашалось. В результате у многих водителей появились соответствующие записи в паспортах — и в ту пору это стало, может быть, самым большим достижением в деле «Лесополоса».

Ничего другого массовые анализы крови так и не дали.

Шесть лет спустя стало ясно — и не могли дать. Но для этого должно было пройти шесть лет.

Когда в середине восьмидесятых убийства на какое-то время прекратились, появилось сразу несколько новых версий. Если маньяк куда-то исчез, то, значит, он или покончил с собой, или сел в тюрьму по другому делу, или переехал куда-то далеко от Ростова. Начались новые тотальные проверки: самоубийц (их в области до десяти человек за сутки), новичков в местах лишения свободы (счет уже на тысячи), переехавших из области в другие края (в адресных бюро перебрали вручную пять миллионов карточек).

Как, по-вашему, спрашивает Виктор Васильевич Бураков, эта работенка времени требует? Она для бездельников?

А как насчет компьютеров, Виктор Васильевич? Зачем же карточки руками перебирать?

Насчет компьютеров точно так же, как и насчет полицейских «мерседесов». Блокнот и проездной билет на автобус…

Брали, допрашивали, держали в кутузке, отпускали, не отпускали, перетряхивали списки голубых, брали кровь у

водителей, рылись в картотеках, наблюдали, прочесывали, предупреждали. А что поделывал тем временем наш дедушка, наш учитель, филолог? Скоро ли он из тени переберется на свет и проявится во всем своем жутком обличье?

Он, надо вам сказать, учительские дела совсем забросил и стал работать по снабжению. Завозил на свое предприятие оборудование, металл и прочие технические штучки. Иногда успешно, чаще не слишком. Среди сослуживцев ничем особо не выделялся, с начальством то и дело не ладил, на замечания и выговоры обижался, уходил в очередные отпуска, изредка болел, но так, несерьезно, часто мотался по командировкам, из дальних поездок не забывал привезти домой что-нибудь вкусненькое, смотрел телевизор, нянчил внука…

И убивал, убивал, убивал.

Глава VIII
Интервью с человеком из клетки. Лето 1992

Интервью у предполагаемого убийцы мы взяли в те дни, когда Ростовский областной суд уже три месяца подряд слушал дело о пятидесяти трех убийствах на сексуальной почве, совершенных с особой жестокостью.

Большинство участников процесса и тогда не сомневались в том, кто истинный убийца. Не говоря уже о сторонних людях — корреспондентах, публике в зале. Словами «убийца», «маньяк», «чудовище» пестрели газетные заголовки — будто нет такого понятия, как презумпция невиновности.

Но еще не начались прения сторон. И суд не произнес слова «убийца».

В то время, когда нам удалось получить интервью — страницы, исписанные дерганым почерком грамотного человека, от волнения пропускающего иногда буквы и запятые, — до приговора было еще далеко. Он тогда был — подсудимый. Филолог. Предполагаемый преступник. Учитель. Снабженец. Муж, отец, дед.

Человек из клетки.

Медицинская экспертиза признала его вменяемым. Ответственным за свои поступки.

Его семья была вывезена из Ростовской области под чужой фамилией из-за опасений мести со стороны потерпевших.

Хотя при входе в здание суда и в зал заседаний никого из посетителей не обыскивали, документы не спрашивали и сумки не проверяли, вероятного убийцу охраняли с заметной тщательностью. Вопреки обыкновению, его содержали не в следственной тюрьме, а в изоляторе КГБ, то есть по-старому КГБ, а теперь — общественной безопасности, в приличной, по российским тюремным меркам, двухместной камере. Он имел возможность читать газеты и слушать радио.

Но свидания с ним были невозможны.

В считаные секунды перед самым началом заседания судья Акубжанов разрешал иногда фотокорреспондентам снять несколько кадров, запечатлеть согбенного человека в клетке, который делал вид, будто не замечает вспышек. Он позировал, не глядя в объектив. Входя в клетку, он не забывал быстрым взглядом окинуть зал и посмотреть, есть ли на первых скамьях корреспонденты.

Прямое интервью с человеком из клетки исключалось.

Мы задали ему вопросы в письменном виде и получили в ответ листки с отрывистыми фразами, будто филолог куда-то очень торопился, будто не было у него долгих пустых вечеров в тюремной камере.

Правда, его охрана и сокамерник уверяли, что ростовский Джек-потрошитель засыпал мгновенно и спал подолгу.

В сбивчивых его ответах было полно оборванных, недоговоренных фрагментов, повторов, пустых фраз. Самое удивительное в том, что ему нечего было сказать. Ничего особенного. Он был обыкновенным человеком. Как все. Советским человеком. Сыном своей невразумительной эпохи. Учителем, снабженцем. Читателем газет, слушателем радио, телезрителем. Мужем, отцом, дедом.

И все было бы ничего, если бы не обвинения в убийствах.

Но летом девяносто второго суд еще не сказал: убийца. И мы не могли переступить невидимый порог и прямо спросить его: вы убили? Убивали? Хотели убить? Вас действительно неодолимо влекло к вашим жертвам? К девочкам? К мальчикам? Что вы чувствовали, когда искали жертву? Когда убивали? Когда возвращались домой?

Ответы на такие вопросы могли быть истолкованы ему во вред. Нет, мы не симпатизировали филологу. Какие там симпатии! Но вся предыдущая история ростовского дела, включая расстрелянного Кравченко, «Лесополосу», голубых и дураков, побуждала нас проявлять сдержанность. Не забегать вперед.

И как нам ни хотелось, мы не задали ни одного вопроса, имеющего отношение к обстоятельствам преступлений, к следствию и судебному разбирательству.

Только к нему самому — до ареста. До того дня, когда он стал человеком из клетки.

> ВОПРОС. Какие события детства, с вашей точки зрения, оказали наибольшее влияние на формирование вашей личности?
>
> ОТВЕТ. Мы жили на оккупированной территории в 1941–1943 годах. После боев собирали трупы, по частям, в крови… И детей разорванных видел на улицах. Свист пуль, взрывы, пожары — хаты горели. Прятались в подвалы.
>
> Голодные моры, организованные режимом Сталина. В 1933 году, по рассказам отца и матери, моего старшего брата Степана в голодовку украли и съели. И меня об этом родители всегда предупреждали: никуда не ходить

из дому.

1947 год, голод и холод постоянные были в детские годы. Я умирал с голоду, лежал в бурьянах.

Отец — командир партизанского отряда, был в плену у немцев, его освободили американцы. Был репрессирован, работал в лесах Коми. Отпустили больного туберкулезом, кровью харкал…

И еще — обида, что деда, Короля Ивана, раскулачили, выслали. Дети умирали с голоду. А дед был середняк, трудяга.

В. Ваши политические убеждения?

О. Я был 25 лет в КПСС, окончил четыре университета марксизма-ленинизма. Был ярым борцом за победу коммунизма во всемирном масштабе.

Очень переживаю, что всю свою жизнь я потратил на убеждения утопические, безжизненные, оторванные от жизни… Крах идей коммунизма для меня явился личной трагедией, ударом по моим убеждениям. Осталась одна тревога.

В. В каком духе вы воспитывали своих детей?

О. Мы с женой воспитали двух детей. Они труженики, скромные. Мы их не баловали, мы с женой работали 40 лет на благо родины, не жили в роскоши и детям привили уважение к честному труду.

В. Верите ли вы в Бога и бессмертие души?

О. Как мама меня учила, когда была война и отец на фронте, а потом в плену, исчез бесследно, а мы умирали с голоду и холоду, — я всегда, всю жизнь, молился и обращался к Богу. И Бог мне всегда помогал…

Не представляю Бога как дедушку, а как высшее начало, Всемирный Разум. Это наш Создатель, наш Хранитель, высший Авторитет, что оберегает нас всех от болезней и несчастий.

Оказало влияние, что я закончил четыре университета марксизма-ленинизма, где главным был атеизм, и филологический факультет. Это вселяло в мою душу тревогу, вызывало раздвоенность мышления. Теперь, слушая проповеди и молитвы, сам молюсь. И верю в бессмертие души.

В. К каким людям вы испытываете особую признательность?

О. К жене. Я люблю ее, уважаю. Признателен за то, что она терпела мое половое бессилие, — фактически у нас не было полноценных половых актов, а только

имитация. И она страдала из-за этого, из-за моего характера и беспомощности. И защищала, когда меня травили на работе.

В. Вы как-то заявляли, что вы больше женщина, чем мужчина. В чем это выражается?

О. В детстве я больше гулял, дружил с девочками. И сейчас лучше контакт с женщинами как с подругами. С мужчинами не нахожу общей темы для разговора.

Ко мне приставали с детства мальчишки как к девочке. И в армии, и потом в тюрьме, и в командировках. И в конце концов, я уже не сознаю, к какому полу я больше отношусь. Такая раздвоенность.

Мне нравятся ухаживания мужские…

В. А близкие друзья у вас были?

О. Нет, близкого друга не было. Я сам в мечтах, в фантазиях. В обидах от несправедливости.

В. Как вы предпочитаете отдыхать, где обычно проводили отпуск?

О. За все сорок лет работы нигде не отдыхал — ни в доме отдыха, ни в санатории. Не люблю праздного отдыха, не терплю безделья. Весь отдых — в домашних хлопотах.

В. Вы не раз утверждали, что стали жертвой общества. В чем это выражалось?

О. Смысл жизни и том, чтобы оставить след на земле. Любому делу — работе, учебе, творчеству — я отдавался целиком, пока у меня не отбивали охоту. Били по рукам и по мозгам. Меня выгоняли с работы, из жилья — на вокзалы, в электрички, в командировки. А я человек домашний, деревенский. Люблю семью, уют, детей, внуков…

В силу своего характера — замкнутого, робкого, стеснительного, особенно в детстве, — я не смог приспособиться к этому обществу, жил своей жизнью. Не мог найти ответы на вопросы, которые меня мучили. И по сексу, и по семейной жизни. Сейчас эти вопросы правильно решаются, а раньше одно их упоминание считалось позором.

В. Назовите ваши любимые книги. И музыку.

О. В школьные годы вся литература и музыка были настроены на всемирную победу коммунизма насильственным путем. Поэтому я восхищался военной литературой, особенно партизанской: «Молодая гвардия», «Подпольный обком действует», «В плавнях».

Нравилось и потому, что отец был командиром партизанского отряда. А музыка…

И как один умрем
В борьбе за это…

Наш паровоз вперед лети,
В коммуне остановка…

Революционные песни: вперед к победе коммунизма во всемирном масштабе. Тогда в книгах и музыке не уделялось внимания человеческим отношениям, воспитанию любви и добра.

В. А газеты, телепередачи?

О. «Правда», «Известия» — любимые газеты. Из телевизионных передач — «Время», международные передачи. «Советский Союз глазами друзей» — особенно нравилось.

В. Сумели бы вы изменить свою жизнь, если бы удалось вернуться в прошлое, лет на двадцать назад?

О. Я мечтал о постоянной работе на одном месте. Жить в деревне, иметь побольше детей.

Моя трагедия в том, что я не выдержал современных перегрузок городской цивилизации. Надо было раньше жениться в деревне, трудиться без командировок. Отрыв от семьи привел к тому, что я одичал. Постоянство в семье, в труде — это облагораживает.

В. Какие черты вашего характера вы считаете главными? Вы человек общительный или сдержанный, скрытный?

О. Черты характера, свойственные мне, — открытость, искренность, необъятная доброта. А замкнутость, отчужденность — напускное, под влиянием окружающей неблагоприятной агрессивной среды.

Никаких комментариев к этому интервью мы давать не станем. К тому времени, когда оно было получено, интервьюент находился в заключении 20 месяцев. Нам не известно, что побуждало его выставлять себя в лучшем свете, сетовать на судьбу и клясть коммунистическое прошлое. Можно только предполагать: он рассчитывал на смягчение своей участи.

Глава IX
Линии жизни, линии смерти. 1984

Из всех вопросов самый сложный — почему.

Когда он с леденящим душу спокойствием рассказывал следователям о замышленном и совершенном, когда вспоминал — легко или натужно — о произошедшем и содеянном год или десять лет назад, то называл более или менее точно даты, описывал, как выглядели жертвы и во что были одеты, что было у него в руках, как наносил удары, какие сладострастные чувства испытывал, что делал после изнасилования и убийства. Временами отвечал сдержанно, временами — словоохотливо и с подробностями. Он мог ответить почти на все вопросы: когда, где, что, чем, как, куда.

Только не «почему».

«Меня неодолимо влекло…», «Я внезапно почувствовал, что…», «Случайно увидел на автобусной остановке… на улице… возле кинотеатра…».

Резонные мотивы. Убедительные.

Этот мальчик нравился ему больше других? Именно та умственно отсталая девочка была предметом его мечты? Он увидел нечто манящее в облике вокзальной девки?

Нет же, конечно. Все случайно, все по стечению обстоятельств. Непреодолимой, заданной, целеустремленной была только его похоть.

Он хотел. И для него, простого советского человека, испытавшего — действительно, без намека на иронию — немало лишений, жившего нелегкой — действительно — жизнью, терпевшего — действительно — тьму обид, это хотение стало главным. Оно многократно умножалось невозможностью удовлетворить его и нежеланием подавить его.

Не станем сейчас говорить про клинику. Возможно, он безумец. Но и тогда остается вопрос: мог ли он, такой обстоятельный, предусмотрительный, расчетливый, преданный муж, любящий отец, умиленный дед, мог ли он загнать свою похоть внутрь или изгнать ее из себя?

Едва ли не каждый человек хоть изредка, да удерживается от греха нравственными тормозами. И никто не бросит в него камень, если он мысленно раздевает чужую жену или берет на мушку личного врага.

Хотя и это грех.

Но не тот грех, который подлежит наказанию.

Последствия — подлежат. Почти две тысячи лет назад верным учеником Иисуса святым апостолом Иаковом сказано было: «Похоть же, зачавши, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» (Иак. 1: 15).

И, знаем мы, более пятидесяти смертей.

Но, говоря о рождении смерти, апостол имел в виду не жертву, а согрешившего. И не смерть на плахе, а смерть души.

Здесь мы говорим о другом: о жертве. О ее смерти.

Всякий раз, слушая и читая протоколы допросов, заключения судмедэкспертов, описания вещественных доказательств, мы, преодолевая чувства жути, страха, омерзения, пытались понять, хоть намек найти — ну почему? Он на этот вопрос ответить не может. Вдруг сами догадаемся…

Нет, не выходит. Что, как, где, когда — уже знаем. С его слов или с чужих. Но почему?

Ответим неопределенно. Например, так.

Судьба. Провидение. Злой рок.

И похоть.

И вот он вышел на охоту. Он в командировке, или ходит по магазинам, или поехал на пляж. Он не какой-нибудь праздношатающийся, у него дел невпроворот, и по работе, и по дому. Возможно, он еще не уверен в своих желаниях, не очень-то надеется на удачу. Если ничего не выйдет, никто подходящий не подвернется, он просто побродит там и сям, поездит и вернется домой, к жене и детям.

Его очередная жертва вышла на улицу, сбежала из дома, поехала на вокзал, потеряла дорогу в большом городе. Она так и не узнает никогда, что ничтожный поворот судьбы — и не встретится на ее пути этот высоченный словоохотливый дядька с портфелем в руке.

Две линии на карте жизни изгибаются, петляют, тянутся совсем рядом, расходятся и сближаются вновь.

И вдруг — вспышка. Роковое пересечение: линии жизни и линии смерти…

* * *

Жизнь у Марты Михайловны Рябенко не заладилась с утра. Насилу поднялась с постели, выглянула в окно — вот уж поистине февральская мерзость: сыро, пасмурно, слякотно. И не выспалась. И после вчерашнего голова трещит. Надо бы подлечиться, что она в последнее время и делала иногда с похмелья, но дома, как назло, ни капли спиртного. Может, оно и

к лучшему: и без того на работе косятся, того гляди выгонят.

Марта Михайловна глянула в зеркало и осталась собой недовольна. Сорок пять лет, понятное дело, не девочка, но сегодня видок — хуже некуда. Помятая, будто каток проехал. И морщины откуда-то понабежали, и мешки под глазами. Аж смотреть тошно. Ладно, хватит ныть. Каждый кузнец своего счастья. Все в наших руках.

И хотя руки дрожали, Марта Михайловна умылась, причесалась и навела красоту. Нет, еще ничего. Если выспаться как следует, да к парикмахеру сходить, да косметика импортная — мужики еще заглядываться будут. Не всякий, конечно, но который понимает. А всякий и не нужен. Как раз и нужен такой, который понимает. Нет, это еще не конец. Сорок пять — не возраст.

Настроение малость улучшилось. Марта Михайловна оделась, заглянула к внучке — та еще спала — и отправилась на работу не завтракая. Все равно аппетита никакого.

На работе настроение опять поехало вниз. И отчего так бывает: если с утра не заладится, то весь день наперекосяк? Сперва поругалась с начальством, потом колготки зацепила о стул, хорошие колготки, гэдээровские, а после обеда позвали в отдел кадров и как снег на голову — сокращение. Может, еще и не уволят, но будьте готовы. Нашли, понимаешь, юного пионера! Думают, я просить их стану, умолять. Да видала я их всех в белых тапочках! Отработаю, сколько там осталось, обойду с бегунком кассу взаимопомощи, местком, библиотеку, в которую сроду не заходила, что там еще положено обойду, — и будьте здоровы. Получу деньги под расчет, хватит, чтобы отдышаться и оглядеться. Без работы не останусь. Тут вам не капитализм.

Прямо с работы пошла к подруге. Во-первых, поплакаться, во-вторых, просушить намокшие в слякоти сапоги, а заодно и согреться — хорошо бы чем-нибудь покрепче. Без перебора, не так, как вчера, а самую малость. Не надеясь на подругу, по дороге прихватила бутылку — и правильно сделала. У подруги своего не оказалось.

Выпили немного. Согреться-то согрелась, а вот просушиться и душу облегчить не получилось. Подруге было не до нее, своего мужика ждала. Так прямо и сказала: не до тебя. Марта Михайловна немного обиделась. Но виду не подала. Оделась, недосохшие сапоги натянула — и пока, подруга!

Початую бутылку оставлять не стала — заткнула пробкой и взяла с собой. Самой пригодится.

Добралась до дома. Настроение поганое, под стать погоде. Повозилась с внучкой — не полегчало. И что за день такой

проклятый выдался! Налила себе в стакан, на три пальца, не больше. Вроде бы немного отошло. Добавила совсем чуть-чуть, на донышке. Наконец-то отпустило. И погода за окном получше стала. Темень, правда, много не разглядишь, но, похоже, уже не так сыро, как с утра. И потеплее.

Что толку дома-то сидеть! Выйти бы, на людей посмотреть, себя показать. Время, можно сказать, детское.

Она сунула ноги в замшевые сапоги, надела зеленое пальто с меховым воротником, повязала узорчатый шерстяной платок, глянула на себя в зеркало и вышла из квартиры.

На улице было гораздо холоднее, чем казалось из комнаты. Она шла куда глаза глядят, в голове слегка шумело: с обеда ничего не ела, только прикладывалась помаленьку. Много ли надо невезучей женщине за сорок? Ей опять стало ужасно жалко себя, но это чувство скоро прошло.

Марта Михайловна быстро шагала по улице, стараясь согреться. Она продрогла и рада была бы зайти куда-нибудь, где потеплее, — но куда?

Она проходила мимо автобусной остановки, когда большой заляпанный грязью автобус приветливо распахнул двери, словно приглашая ее внутрь. Она вошла не задумываясь, хотя ехать ей было решительно некуда. Но внутри, казалось ей, так тепло, так уютно…

Автобус был, как обычно, нетоплен и набит битком. Но все равно лучше, чем на темной улице. Она стояла, держась за поручень, прижимаясь к чьей-то большой спине, и задремывала. На остановках она вздрагивала, открывала глаза и опять проваливалась в дремоту. Она не очень понимала, куда едет и сколько остановок проехала. Народу в автобусе стало меньше, теплая спина вышла, можно было и сесть, но Марте Михайловне уже надоела поездка. Она прижалась лбом к стеклу, увидела за окном голые деревья, площадку с обелиском и поняла, что едет к аэропорту. Сначала она огорчилась — попутала нелегкая, занесла на окраину, — но потом оживилась. Все-таки людное место, можно в тепле посидеть, поглядеть телевизор, в буфет зайти, пива выпить, а потом на автобус — и домой. Как-никак завтра на работу, надо выспаться. А может быть, послать ее куда подальше, эту работу, все равно выгоняют…

Стакан пива не помешал бы.

В хмуром аэропортовском буфете измаявшаяся за день, с тяжелым взглядом буфетчица открыла ей бутылку «Жигулевского» пива и пальцем показала на поднос с гранеными стаканами — сама возьмешь.

По телевизору показывали какую-то муру.

Пиво было теплое и почти без пены. Она допивала его с отвращением.

Надо бы проветриться.

Марта Михайловна вышла из здания аэровокзала, пересекла площадь и направилась вдоль дороги, ведущей к центру. Новочеркасское шоссе, вспоминала она. Или нет, проспект Шолохова. Черт с ним, какая разница.

Ее покачивало. Она понимала, что не совсем твердо держится на ногах, но ей было наплевать. Надо проветриться, и все будет нормально. И совсем не холодно на улице, можно расстегнуть верхнюю пуговицу пальто, а то дышать нечем.

Она остановилась неподалеку от автобусной остановки, возле общежития авиаторов. Прислонилась к гладкому тополиному стволу, расстегнула пуговицу, поправила платок. Глубоко вздохнула, стараясь проветрить мозги, и в этот момент услышала за спиной глуховатый мужской голос: «Далеко путь держите?»…

* * *

В тот промозглый февральский день с самого утра не заладилась жизнь и у сорокавосьмилетнего снабженца из города Шахты. Директор объединения «Ростовнеруд», где работал снабженец, после планерки попросил его остаться в кабинете и без свидетелей устроил разнос. Может, и за дело, кто бы стал спорить, но что за манера орать и к тому же тыкать! Они же оба люди с высшим образованием, сам он обращается к директору исключительно на «вы», так какое тот имеет право тыкать ему, словно последнему грузчику?

Ладно, металл в срок не завез, что есть, то есть. Ну, не успел! Мне что, разорваться, что ли? Будет вам ваш поганый металл, съезжу за ним, вот сегодня возьму и съезжу.

Он не такой дурак, чтобы говорить это вслух. Он молча смотрит поверх директорской головы, пользуется своим высоким ростом, чтобы избежать взгляда. На него глядит с портрета ласковым взором лысый с бородкой человек, который столько сил потратил, жизнь свою отдал до срока, лишь бы создать самое справедливое на свете общество, а вот из-за таких паразитов, как этот директор, никакой справедливости не добьешься. Был бы жив тот, который на портрете, все было бы по-другому. При нем, при лысом, времена были суровые, но справедливые, не то что нынче, когда все пораспускались и всякая шушера позволяет себе слишком много. Мне, человеку партийному, с университетским дипломом, тыкает, будто какому-нибудь шоферу, и вообще

унижает, как этой шушере вздумается.

Больше всего ему хочется выскочить из этого кабинета, увешанного почетными грамотами, с длинным, впритык к директорскому, крытым сукном столом, за которым он мается на планерках, выбежать на улицу, на свободу, вдыхать сырой и холодный воздух, брести куда-то, бездумно и бесцельно… Как это все надоело!

— Значит, договорились, — уже спокойно произносит директор, — завтра ты в Батайске, и чтобы без металла не возвращался. Кровь из носу, но металл должен быть здесь. Да ты слушаешь меня или опять где-то витаешь?

Тот стряхивает с себя оцепенение и, чтобы побыстрее уйти, отвечает:

— Конечно слушаю. Я сейчас все запишу и завтра же отправлюсь. Так я пойду, хорошо?

Директор кивает и, глядя ему в спину, бормочет под нос: «Послал Бог начальничка отдела снабжения… Надо убирать его, пока не развалил дело окончательно».

Он это говорит себе уже не первый раз.

А тот, кого директор мечтает убрать, идет не торопясь в канцелярию оформлять командировку. От мысли о предстоящей поездке, пусть и совсем недальней, на душе у него становится легче. Будет металл, не будет — дело десятое. Лишь бы выбраться отсюда.

— Вы надолго не исчезайте, — говорит ему канцелярская дама, печатая приказ. — Сегодня двадцать первое, послезавтра ваш мужской праздник. Поздравлять вас будем, так что вы уж возвращайтесь.

Он не задержится. Он любит праздники на работе — 8 марта, 23 февраля, канун Нового года, ноябрьские. Немного водочки в отделе, женщины устраивают стол, расставляют покупную и принесенную из дома снедь; поздравления, скромные подарки. Потом можно будет добавить и потрепаться, все настроены благодушно, каждый тебе друг-приятель, даже директор, не то что в будни. А если кто-то и тыкает, то по дружбе, необидно.

Он идет к себе в отдел. Его стол в углу небольшой комнаты, возле окна. Над столом висит принесенный им самим плакат с портретами членов Политбюро. Постойте, а где портфель? Вот, лежит на стуле, кожаный, добротный. Он любит хорошие портфели. Ему не нравится, когда чужие трогают его портфель. Один раз женщины в отделе нехорошо над ним подшутили, сунули туда кирпич. Он обнаружил его только дома. Тащил тяжеленный кирпич и ничего не заметил, погруженный в свои мысли. Веселые шуточки, ничего не скажешь. Его буквально

трясло от гнева. Но он тогда сдержался, сделал вид, будто ничего не произошло.

Садится за стол, разворачивает «Правду», проглядывает. Вспоминает, что завтра политсеминар. Ничего не случится, разок можно и пропустить. Откладывает газету и раскрывает блокнот. Кто-то из сотрудниц подходит к его столу, но он делает вид, что занят срочной работой. Сидит, уткнувшись в блокнот, обложку держит приподнятой, чтоб не видели, что он пишет. Это его важная тайна. От нее зависит благополучие коллектива.

Никто в его блокнот не заглядывает. Кому-то наплевать, что там делает начальник, а кто-то давно уже знает его тайну.

Он рисует крестики.

Так проходит два часа. Когда все уходят на обед, он не торопясь надевает пальто, берет портфель и выходит в коридор. Навстречу — приятель из отдела главного механика. Ну, не приятель, откуда у него среди таких людей приятели, просто знакомый, вместе сидят на партсобраниях и за столом по случаю праздника. «Опять с утра вздрючку получил?» — спрашивает на ходу знакомый. Вопрос вновь швыряет его в омут глухого раздражения, постоянной обиды. «Уйду, ей-богу, уйду…» Мало этих вечных издевок и начальственных выволочек, так в придачу еще проклятый линолеум. Кто-то украл, а повесить хотят на него. Не пройдет! И вдобавок разговоры о пропавшем аккумуляторе. Копеечные дела, а шуму сколько…

Мрачный, рассеянный, он приходит домой. Достает что-то из холодильника и съедает на кухне не присаживаясь. Спроси у него, что он съел, — не вспомнит. Идет в комнату, начинает собирать портфель: полотенце, мыло, бельишко, веревка, ножик — что еще может понадобиться снабженцу в короткой командировке? Можно отбывать. Нет, еще надо оставить записку жене, чтобы не беспокоилась. Хорошо, что не застал Феню дома. Обязательно стала бы уговаривать не уезжать на ночь глядя, а отправиться завтра с утра пораньше: за день как раз и обернешься. С вечера какая работа?

Нет, если ехать, то прямо сейчас. А вечер можно перекантоваться в Ростове. Он — одинокий волк, он любит рыскать, бродить без пригляда по большому городу. Сам по себе, один, на свободе, вдали от директорской приемной, от канцелярии и поганого своего отдела материально-технического снабжения, вдали от служебных свар и дрязг, в которые он по воле рока всегда оказывается замешанным. Все правы, только он виноват. Надоело.

В приличное расположение духа он приходит только в пригородной электричке. Хоть один раз за день повезло — успел

вскочить в последний вагон. Правда, пришлось немного припустить. Зато успел. А шел бы не торопясь, как некоторые, — гулял бы целый час по платформе.

Отдышался в тамбуре, проверил замочки на портфеле и пошел по вагонам, зыркая сквозь очки направо-налево. Народ какой-то пустой, неинтересный: бабки с корзинами, мужики в ватниках, какие-то тетки с малолетними детьми, то здесь, то там парочки, сидят впритирку, о чем-то перешептываются. О чем, о чем — о том же. Сговариваются. А вон сидит одна, разодетая, в дубленке коротенькой, ляжки джинсами обтянуты. Вот бы такую сейчас! Аж в жар бросило. Нет, к этой чистой студенточке и соваться нечего, ей зубы не заговоришь. Сразу получишь от ворот поворот, а то и крик поднимет, на весь вагон. Этого только не хватало.

Дошел до головного вагона, пошел назад. В моторном шумно, трясет, не почитаешь. Пошел дальше, выбрал место у окна, развернул недочитанную в отделе «Правду», поправил очки и стал читать на первой странице самое важное сообщение: «В Политбюро ЦК КПСС». За этим надо следить. Тут судьбы страны решаются.

Остановка. За окном уже почти ничего не видно, густые сумерки. Ввалились новые пассажиры, человек десять, в мокрых пальто и куртках, присыпанных быстро тающим снежком. Среди них паренек, на вид лет пятнадцать, не больше.

Паренек прошел по вагону, оглянулся и сел напротив. На ловца и зверь бежит! Неужто повезло? Паренек трет руки, замерзли, наверное, в окошко глядит, будто там что-то можно увидеть.

Газету — в сторону!

— Далеко путь держим? В Ростов или дальше?

Паренек не отвечает, пялится в окно. Неразговорчивый, значит. Ничего, разговорим.

Сложил газету, сунул в карман пальто. Снял теплую шапку из коричневого меха крысы-нутрии, поправил взмокшие седеющие волосы.

— Учишься, работаешь?

Паренек посмотрел на него без всякого выражения и снова отвернулся. Надо помягче, чтобы войти в доверие. Проявить, так сказать, отеческую заботу.

— Ты бы снял, парень, куртку. Совсем мокрая, простудишься…

Он протягивает руку и дотрагивается до живота, как будто проверяет, сильно ли намокла куртка. И тут же получает резкий удар по руке. Паренек вскакивает, глаза злые:

— Паш-шел, ка-аз-зел!

И уходит в тамбур.

Ничего себе молодежь пошла! Настроение снова портится безнадежно. И правда, обидно. Ну что я ему такого сказал, из-за чего он, собственно, взвился? Я же хотел по-хорошему… Может, пойти за ним в тамбур? Нет, чести много. Таких пруд пруди. За каждым в тамбур не набегаешься.

Он снова вытащил газету и принялся за чтение. «Были обсуждены вопросы, связанные с обеспечением бесперебойного функционирования народного хозяйства…» Как же оно будет функционировать бесперебойно, если честных, преданных делу коммунистов третируют, как последнего мальчишку? Это опять навело его на мысли о несговорчивом пареньке, но он постарался сразу же отбросить их от себя. Когда надо было, он умел управлять своими эмоциями. Он никогда не выставлял их напоказ, не давал им перехлестнуть через край на людях. И если боялся в какой-то момент лишиться самообладания, то первым делом загонял свои чувства внутрь.

На площади у ростовского железнодорожного вокзала дул порывистый ветер, норовил сбить шапку, вырывал портфель из рук. Сутулясь, пряча лицо от ветра, он зашагал к автобусной остановке.

Он вышел из автобуса в самом центре, на углу улицы Энгельса и Ворошиловского проспекта. Вечерняя толчея, людская круговерть притягивали его и отталкивали одновременно. Он брел не торопясь по улице Энгельса, заглядывая в лица прохожим. В отличие от толпы, неведомо куда спешащей, ему, одинокому волку, торопиться некуда. Люди скорым шагом неслись с работы домой, на их неулыбчивых лицах написаны были каждодневные, скучные, неизбывные заботы. Они забегали в магазины, покорно становились в очереди, набивали сумки банками, бутылками и кульками, так же скоро двигались дальше, убегая от холода, от мокрого снега, от пронизывающего ветра, от надоевших дневных тягот.

Они разбредались по норам. У одинокого волка норы нет.

Стекла очков покрылись каплями, из посиневшего носа текло.

Он прошел изрядный кусок Энгельса, аж до памятника Сергею Мироновичу Кирову, под ногами которого высечена на постаменте пронизанная оптимизмом цитата: «Успехи действительно у нас громадные. Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить». Эти кировские слова, особенно «по-человечески», всегда брали его за живое. Ему хотелось быть таким же ладным, таким же веселым и уверенным в себе, как человек на пьедестале. Чтобы прочно стоять двумя

ногами на земле, а потом, после смерти, — в бронзе или камне на постаменте.

Мимо прошла девочка со школьным портфелем, и одинокий волк подумал, что два портфеля — ее и его — могли составить хорошую пару. Он представил себя с этой девочкой в одной постели, а в ногах портфели вытворяют что-то несусветное. Представил и засмеялся. Настроение снова пошло вверх. Он не стал даже догонять девочку, ему хватило сладострастного видения. И к тому же неохота было идти против ветра. Главное, что не все еще потеряно. Он еще всем докажет…

Подошел автобус в сторону автовокзала и аэропорта. Он прыгнул в открытую дверь как молодой — так ему, во всяком случае, показалось. Вспомнились другие строки, многократно читанные на том же проспекте Энгельса, в витрине лучшего в Ростове-на-Дону магазина «Цветы»:

Дождики всю землю поливают.
Льдины тают каждую весну.
Девушки хорошие бывают
Не в одном Ростове-на-Дону.

Но играть не стану я в молчанку,
Безо всякой лишней суеты
Я признаюсь честно: ростовчанки —
Люди всесоюзной красоты.

Эти два четверостишия хорошего поэта Льва Ошанина он знал наизусть с университетских времен и почему-то вспоминал их всякий раз при виде девочки или женщины, когда начинало стучать в висках, а к низу живота приливала горячая волна, будто он, как бывало с ним изредка в школьные годы, обмочился на уроке.

Он чувствовал — что-то должно произойти. После осечек грянет выстрел. Провидение отправило его в командировку, а не жалкий директор.

От надышанного автобусного тепла его очки запотели, все кругом было в тумане, плыло цветными пятнами. Он аккуратно протер стекла носовым платком, надел очки и осмотрел публику. Среди пассажиров женского пола не было никого, кто вправе был бы претендовать на звание дамы «всесоюзной красоты». Наплевать, при чем здесь красота? Идет охота! Чем плоха, например, вон та, в черной меховой шапочке, возле передней

двери? Он протиснулся ближе к двери и услыхал ее голос с легкой хрипотцой, обращенный к коротышке в фетровой шляпе: «Мужчина, вы на следующей выходите?» И когда она, протиснувшись мимо шляпы, вышла из автобуса, он, расталкивая публику и цепляясь за чьи-то руки, выпрыгнул вслед за нею. Закрывающаяся дверь автобуса едва не защемила портфель.

Его звездный час еще не наступил. Хриплоголосую в черной шапочке ждал на автобусной остановке крепкий мужчина с военной выправкой.

Остановка называлась «Институт ядерных исследований», этого места он побаивался — говорили, что здесь сильная радиация. Пусть эта парочка нахватается излучения и сдохнет. Он сел в следующий автобус. Не доезжая одной остановки до аэровокзала, сошел и отправился дальше пешком; все равно времени полно, девать некуда. Ветер стих, а может быть, здесь его и не было, стало не так мрачно, похоже, небо прояснилось. Одинокому волку вдруг ужасно захотелось есть. Он с вожделением представил себе круг копченой колбасы и крутые яйца, много крутых яиц. И в эту минуту взгляд его упал на одинокую женскую фигуру, бредущую по направлению к остановке. Фигура держалась на ногах не совсем твердо.

Только подойдя к ней совсем близко, он понял, что женщина немолода. Но он не мог позволить себе еще одну осечку.

Она остановилась и прислонилась к дереву, будто размышляя, куда идти дальше, и непослушными пальцами поправляла платок. Он подошел сзади и, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и безразлично, спросил: «Далеко путь держите?»

Линия жизни и линия смерти сошлись, как сходятся два железнодорожных пути, и пошли рядом. Так им идти совсем недолго, какие-то сотни метров.

Потом они пересекутся.

* * *

И на прохладном воздухе голова Марты Михайловны не прояснилась до конца. Тяжелое чувство прошло, но осталось кружение в голове, приятное возбуждение, которое бывает, когда на вечеринке встают из-за праздничного стола.

Мужчина, обратившийся к ней так вежливо и непривычно, ей сразу понравился.

Зря про нее болтают, будто она после третьей рюмки готова пойти с любым. Им только языком чесать, а еще называются подруги. Нет, с любым она не пойдет. Мужчина должен ей

понравиться, произвести хорошее впечатление. Ей нужен человек солидный, положительный, на которого можно опереться. Хотя, по правде, если он будет несолидный, а какой-нибудь петух молодой, он на нее и глаз не положит. Прошло времечко, чего зря говорить. Этот с портфелем вроде бы ничего. Рассудительный, в беседе приятный, вот, жизнью ее интересуется.

Они медленно шли — она и не вникала, куда именно, — он спрашивал, а она рассказывала ему о своей жизни, которая непонятно с какого момента вдруг перекосилась, о том, что раньше, когда был жив дядя-генерал, все было иначе: благополучнее, надежнее, чище.

Он знал прекрасно, куда они идут. Не в подробностях — они его не волновали, — но в общем знал определенно. Сто шагов в ту или другую сторону дела не решают. Была бы цель, место найдется.

В этих местах он бывал прежде и вел женщину к известной ему цели мимо домов и гаражей, по асфальтовым дорожкам и нахоженным тропинкам, через железнодорожные пути — к роще, вечерней, сырой, мрачной роще, к памятнику погибшим авиаторам, до которых ему нет дела. Они останутся там вдвоем. Он и эта так вовремя подвернувшаяся баба.

Внезапно накатившая еще в автобусе волна возбуждения схлынула, оставив легкую пену приятного желания. Знать бы, за какие грехи он лишен радости обладания, простой радости, которую запросто могут изведать эти вечно гогочущие жалкие пигмеи, рассказывающие к месту и не к месту непристойные анекдоты, хвастающие своими мнимыми победами. Его так называемые сослуживцы — второразрядные инженеришки, шоферы, экспедиторы, — все они имели то, чего он безжалостно был лишен. Даже у последней шантрапы, вроде того мальчишки, который отшил его в электричке, все получается. У него — нет. За что? Как хочется сорвать обиду, выместить накопившуюся злость на этих грязных подонках, недостойных его мизинца, на мужиках и мальчишках с их наглыми, мерзкими гениталиями, которые в любую минуту способны налиться здоровой горячей кровью. Оторвать им всем, скотам, эти самые места, чтобы не кичились своими победами, не ржали как жеребцы, не радовались, когда другие страдают…

Он вполуха слушал, что говорит ему подвыпившая, не первой молодости женщина в зеленом пальто — про родственника-генерала, про неприятности на службе, — а сам представлял себе сладостные сцены соития и уверял себя в одном: сегодня все получится. Должно получиться. Не может не получиться. Надо только настроиться. Она не девка. Не малолетка. Не лопоухий

пацан. С ней получится. Он же здоровый мужик, в конце концов, раньше же у него получалось — и с той, и еще с той. Не всегда, но получалось, черт вас всех возьми!

Они остановились у развилки. Одна дорога вела в глубь рощи, другая — к памятнику, который напоминал ему огромный фаллос, упирающийся в низкое зимнее небо. Он что-то говорил ей, она смеялась. Смеялась нетрезво и напряженно, собственно, ничего смешного в его словах не было, и ей гораздо больше хотелось бы оказаться в постели, на чистой простыне, чтоб по-людски, но она боялась, что и такого, случайного, ненастоящего, тоже не будет. Потому и смеялась, что опасалась спугнуть.

Они свернули на асфальтированную дорожку, ведущую в парк. Свет уличных фонарей и окон далеких уже домов туда почти не доходил. Час был поздний, и людей в парке этим февральским вечером уже не было.

Они скрылись в темноте.

Где-то там, в сотне шагов от магистрали, соединяющей аэропорт с миллионным городом, среди голых и мокрых деревьев, линии, сошедшиеся случайным образом, пересеклись. И одна из них оборвалась.

Он вышел из темноты и вдоль дороги, стараясь не приближаться к фонарям, направился в сторону аэропорта. Он боялся, что на руках или на одежде у него остались пятна крови. Хотя старался не запачкаться. Вдобавок он обтерся после всего ее шерстяным платком.

Проклятие. И с ней ничего не получилось. То, чего она ждала от него, то, чего он ждал от себя, так и не произошло.

Ему опять пришлось доставать нож из портфеля.

Через несколько минут он уже был в аэропорту. Быстро прошел в туалет, достал из портфеля мыло и полотенце, умылся как следует, вытерся, привел в порядок одежду. Многие умываются в вокзальных туалетах и поправляют одежду, в этом нет ничего необычного. Вот почему удобнее всего убивать около железнодорожных станций, вокзалов, аэропортов. А если ничего такого поблизости нет, тогда уж лучше в глухом лесу.

Он побродил по залу ожидания, выискивая себе местечко среди дремлющих пассажиров, перекинулся парой слов с двумя молодыми ребятами в милицейской форме — они отчего-то попросили у него документы и тут же их вернули, — пожелал им спокойной ночи, устроился поудобнее в дерматиновом кресле и задремал.

Ему ничего не снилось. Сны редко снились ему.

Утром он опять умылся, в автобусе доехал до автовокзала и укатил в Батайск за металлом.

Памятник погибшим авиаторам, за которым осталась лежать присыпанная землей и сухими листьями Марта Рябенко, стоит как раз на полпути к автовокзалу. По дороге он не вспоминал о вчерашнем и в окно не глядел.

Домой из Батайска приехал вечером. Как раз за сутки обернулся и поспел на работу к светлому мужскому празднику 23 февраля.

* * *

И вот что по-прежнему не дает нам покоя: по каким законам природы, предопределенно или же случайно, повинуясь Божественному промыслу или дьявольскому умыслу, сходятся, расходятся, искривляются и пересекаются эти самые линии жизни и смерти? Почему избежали страшной участи девочка со школьным портфелем на улице Энгельса и молодая женщина у ядерного института, в двух шагах от того же парка Авиаторов, а вот Марта Михайловна Рябенко, единственная женщина в летах на его пути, не какой-нибудь несмышленыш, не пациент психдиспансера, не девица, промышляющая по вокзалам, запуталась в грубо сотканной паутине? Почему линия смерти, скользнув по линии жизни паренька из электрички, вильнула и ушла в сторону, а потом настигла Диму Пташникова?

* * *

Десятилетний Дима Пташников, ученик третьего класса новошахтинской школы номер один, больше всего на свете любил собирать почтовые марки. Это часто бывает с десятилетними учениками третьих классов из самых разных городов.

Сказать, что ничего другого он не любил, было бы явной натяжкой. Ему нравилось все, что нравится десятилетним: гонять мяч, читать книги о приключениях, слушать загадочные истории, собирать грибы, ездить к морю и пирог с яблоками. Еще он любил собак и кошек, гулять по своему городу, любил родителей, бабушку и деда, даже учиться любил, что не так уж часто случается с мальчиками. В школе у него было много друзей. Он был очень общительным. Охотнее всего общался с теми, кто собирает марки.

Филателисты, независимо от возраста, находят друг с другом общий язык.

И для любого филателиста, будь он третьеклассник или

убеленный сединами коллекционер, нет лучшего занятия в свободное время, чем пополнение коллекции. Перед этим меркнет поездка на рыбалку, книжка про космических пришельцев и праздничный обед с пирогом и компотом.

Вот этому занятию, самому интересному в мире, и посвятил последний день своей жизни юный филателист Дима Пташников.

В субботу 24 марта 1984 года он купил наконец вожделенный каталог советских марок. Его продавали в киоске «Союзпечать» у автовокзала. Дима много раз проходил мимо киоска, разглядывая выставленный за стеклом каталог, один раз даже попросил посмотреть. Тетка в киоске глянула на него с подозрением, но книгу все-таки дала. Дима полистал ее немного, посмотрел цену на обложке и отдал, чтобы не расстраиваться. Даже если три месяца экономить на мороженом и на кино, денег все равно не хватит.

И вот накануне дед, узнав о его несбыточной мечте, дал денег на каталог. В два часа дня Дима, хоть и был немного простужен, направился к автовокзалу и уже совсем другим тоном обратился к тетке из киоска. Та сразу поняла, что покупатель пришел с деньгами, а не просто поглазеть.

Деньги у него были уже сосчитаны, без сдачи.

Книгу, о которой давно мечтаешь, не читают стоя на одной ноге, не листают грязными руками. Ее надо сунуть, под мышку или спрятать в сумку и отправиться домой. Вымыть руки, положить книгу на стол, раскрыть ее, проглядеть, а уж потом без спешки погрузиться в чтение и созерцание.

Так должно быть в идеале, так следует поступать, но каждый из нас покупал желанные книги и знает, как трудно удержаться от соблазна. Дима не смог дотерпеть до дома. В привокзальной толчее, ничего и никого не замечая, он стал листать каталог, и насморк как будто прошел, и сердце колотилось от радости, когда он видел знакомую марку: вот эта у меня есть и эта тоже… Конечно, его коллекция не такая богатая, как у настоящих взрослых филателистов, но и бедной ее не назовешь. А то, чего не хватает, можно купить или выменять на другие марки. Он даже знает, у кого и на что.

Разглядывая картинки, он настолько погрузился в свои мысли, что не заметил, как к нему подошел высокий человек с портфелем. Заглянул в книгу, помолчал немного, как бы обдумывая первую фразу, а потом произнес с доверительной интонацией:

— Марками интересуетесь, молодой человек? Хорошее занятие. Я тоже до марок большой охотник.

Охотник до марок, вступивший в беседу с парнишкой у

газетного киоска, только что приехал в Новошахтинск, где прожил когда-то добрых десять лет, из соседнего города Шахты, где он сейчас жил и работал. Здесь у него осталось немало знакомых, он время от времени наезжал сюда то по делам службы, то по старой памяти. И в магазины зайти не мешает: хотя города совсем рядом, а снабжение, сами понимаете, разное. То, чего нет и отродясь не бывало дома, запросто может оказаться по соседству. А если ничего особенного не окажется, то в погожий весенний денек, когда не надо идти на работу, неплохо и просто так прогуляться по знакомым местам.

Выйдя из рейсового автобуса, он неторопливо направился к хорошо знакомому газетному киоску, чтобы купить любимую «Правду», — к счастью, эту газету, в отличие от «Известий» и «Комсомолки», никогда особенно быстро не раскупали. И тут он увидел мальчика с большой книгой, который настолько увлекся чтением, что ничего вокруг не замечал. Сердце его дрогнуло.

Сам книге не чуждый, более того, завсегдатай библиотек и любитель разного рода литературы — много лет спустя, во время долгого судебного процесса, он будет перечитывать вечерами в камере взятый из тюремной библиотеки «Овод» Этель Лилиан Войнич, — он симпатизировал детям с книжками. Педагогический опыт подсказывал ему: если дети читают, с ними легко найти тему для разговора. А заговорив, ничего не стоит найти общий язык. Когда имеешь дело с детьми, которые дружат с книгой, не нарвешься на черствость и грубость. В отличие от малообразованной молодежи, среди которой то и дело встречаются люди именно с такими отвратительными чертами характера. Хотя и к малообразованным можно найти свой подход. Можно, но непросто. Не всегда получается.

А этих, которые с книжкой, — бери голыми руками.

Их и еще недоумков.

Вот и сейчас мальчишка прямо загорелся, когда узнал, что подошедший дядечка тоже интересуется марками. И не вообще, а теми самыми, что и он. Только коллекция у этого взрослого куда богаче. Понятное дело, он уже старый, успел насобирать, сколько Диме и не снилось. Все равно завидно. Настоящие филателисты скидок на возраст не делают. Все коллекционеры равны, хоть ему десять лет, хоть сто.

Но этот коллекционер какой-то не совсем нормальный. Другой бы на его месте предложил меняться, а этот меняться не хочет, дублеты задаром отдает. Зачем, говорит, мне столько дублетов? Бери, мальчик, когда-нибудь сочтемся. Даже не верится.

С другой стороны, чего же не верить, если он предлагает

прямо сейчас сесть в автобус и поехать к нему домой в Шахты, коллекцию посмотреть. Может быть, сразу что-нибудь и отдаст.

Дима совсем было собрался ехать с новым знакомым, но вовремя вспомнил, что обещал маме вернуться к обеду.

После недолгого раздумья старший собрат-филателист согласился, что маму обманывать нехорошо, а встретиться можно и вечером. И лучше даже не у него дома, в Шахтах, а здесь, в Новошахтинске, чтобы Диме не ездить далеко, чтобы родные не беспокоились. А сам он тем временем заедет домой, сделает кое-какие неотложные дела и вернется, прихватив с собой кляссер с марками-дублетами.

Он уже звал его Димой, а Дима называл его по имени и отчеству.

Вечером, в начале седьмого, Дима мчался по проспекту Ленина на встречу с новым другом и столкнулся нос к носу с собственным дедом. Но так был увлечен, что не остановился, не рассказал деду ни о замечательной покупке, ни о свидании, а только крикнул на ходу, что скоро вернется.

Зрелый муж и юный собиратель, одержимые филателистической страстью, встретились, как было договорено, в полседьмого и двинулись в сторону Дворца культуры, где в тепле и при ярком свете можно было без спешки разглядеть сокровища, которыми взрослый решил поделиться с ребенком.

Соседи, вышедшие на вечернюю прогулку, видели Диму Пташникова неподалеку от Дворца культуры. Мальчик шагал рядом с высоким мужчиной в коричневой нутриевой шапке. Мужчина, заметили они, носил очки на резинке, чтоб не спадали при ходьбе, в руке у него был портфель. Шли они быстро и на ходу о чем-то оживленно беседовали. Дима так увлекся разговором, что едва кивнул соседям. Для такого вежливого мальчика это было необычно; соседи, во всяком случае, обратили внимание, что он возбужден. Несколько минут спустя эту же пару видел Димин одноклассник Олег Титов. Он ужасно удивился: Димка посмотрел как будто сквозь него и прошел мимо, не сказав ни слова, даже не оглянулся.

О том, что произошло дальше, можно только гадать. Занавес опустился, и страшная сцена была разыграна по ту, изнаночную его сторону. Известно лишь место: на сей раз две линии пересеклись на окраине города, в лесопосадках у поселка с мелодичным названием АТХ. Возможно, это расшифровывается как «автотракторное хозяйство». Какая разница.

Марок в портфеле не было. Там лежали нож, вазелин, веревка. Непокорных детей он связывал веревкой. Так было удобнее.

Диму начали искать в тот же вечер. Труп нашли в лесопосадке на третий день.

* * *

Тягостная, муторная цепь служебных неудач, придирок и вздорных, как ему казалось, обвинений завершилась 1 августа 1984 года. Он расставался навсегда с этим шахтинским заведением, где никто, ни единая душа не сумела оценить его способностей. Но он зря времени не терял. Добрых полтора месяца, потратив на это очередной отпуск, вместо того чтобы повозиться по дому и хоть немного отдохнуть по-человечески, он почти каждый день мотался из Шахт в Ростов то автобусом, то электричкой, то попутками. И муторное же это дело — искать работу, если хочешь устроиться снабженцем в порядочное место на приличную зарплату. Собственно говоря, снабженцы нужны повсюду, но предложения поступали большей частью от таких шарашкиных контор, что в порядочном обществе и признаться неудобно, где работаешь.

Были, правда, и солидные предложения. Например, от «Донпива» — серьезная организация, да и пиво как продукт заслуживает уважения. Служить там было бы совсем неплохо. Вроде бы совсем уже договорились, что оформят его из Шахт переводом, без перерыва в трудовом стаже. Это очень важно, что без перерыва, — надо сохранить в целости такой долгий, трудом заработанный стаж. И по больничному листу больше платят, и на пенсии благоприятно скажется. Время вон как быстро летит, не успеешь оглянуться — и шестьдесят стукнет. Когда это будет? В девяносто шестом? Кажется, что далеко, однако годы летят, как дым. После долгих десятилетий безупречного труда и активной общественной жизни приятно будет уйти на заслуженный отдых в полном здравии и при хорошей пенсии.

Да, переводом было бы неплохо. Только не выгорело. Что-то там у них застопорилось. Бог с ними, в этой ростовской «Спецэнергоавтоматике» ничуть не хуже. А зарплата с премиями даже и побольше, чем в их пивном ларьке. И место работы на удивление удобное — в районе аэропорта и автовокзала, прямо у шоссе, ведущем домой в Шахты. Отсюда легко доехать куда угодно — и в Новочеркасск, и в Новошахтинск. Хоть в Москву.

Вчера, 1 августа, директор объединения «Спецэнергоавтоматика» подписал долгожданный приказ о приеме на работу. Сегодня он первый день вышел на службу. Нет, с местом он, прямо сказать, не прогадал. Должность звучит

солидно: начальник отдела материально-технического снабжения. Не какой-нибудь исполняющий обязанности, как на прежнем месте. О прежнем и вспоминать не хочется. Здесь он настоящий начальник. И люди в отделе вроде бы неплохие, и директор мужик порядочный, не чета прежнему. Надо будет с самого начала поставить так, чтобы подчиненные не валандались без дела. А самому за письменным столом не засиживаться, почаще в командировки ездить. На воле всегда лучше.

И все было бы хорошо, когда бы не тянулось за ним это высосанное из пальца, вот уж иначе не скажешь, гадкое дело с аккумулятором и линолеумом. Украл он их, видишь ли, присвоил из корыстных побуждений. Во-первых, не присваивал, а во-вторых, если и присвоил, невелика ценность. Другие по миллиону хапают, и то ничего. Чем больше украдешь, тем больше почет. А тут из-за ерунды — и сразу уголовное дело. С простым человеком у нас не цацкаются. Сразу норовят в тюрьму засадить.

Кто затеял эту историю, гадать не надо. Конечно, директор, чтобы выжить его с работы. Инициативу, видите ли, не проявляю, из-за отдела снабжения производство, понимаете ли, чуть не останавливается. Но ведь ни разу не остановилось!

Хорошо, не понравилась ему моя физиономия — я ушел по собственному желанию. Так чего еще надо? Нет, говорят, делу уже дан ход, теперь попробуй останови. И таскает его на допросы следователь Таршин, чернявый такой, не из евреев ли? А может, из черных, из кавказцев, много их понаехало на Дон, русские фамилии носят, от коренных не отличишь. Настырный такой следователь: где получал груз, почему накладные не так оформил, кому отгрузил, как оприходовал, — до всего ему дело. Пытался он с ним по-хорошему — мол, мы оба с вами интеллигентные люди, с высшим образованием, не то что эти всякие, так зачем же в мелочах копаться? А тот гнет свое: накладные, счета, приемо-сдаточные акты, шофер одно показал, грузчик — другое. Хорошо, хватило ума удрать в Ростов. И не появляться на работе полтора месяца. Даже заявление об уходе жене отдал, чтобы отнесла начальству на подпись.

А этому Таршину он так не спустит. Уже накатал на него куда следует телегу насчет нарушения социалистической законности. И еще напишет, пока тот сам не отвяжется. Если на каждого, кто по мелочам с производства таскает, уголовное дело заводить, никаких следователей в стране не хватит. Не подъемный кран, поди, пропал, не грузовик, а так, сущая ерунда. Все тащат, все без исключения, кто втихую, кто открыто. А без этого как прожить, как хозяйство вести?

Вечером 2 августа, отработав первый день на новой службе,

он стоял в ожидании автобуса на Шахты неподалеку от аэропорта, на хорошо знакомой ему автобусной остановке. Не раз и не два бродил он здесь в поисках утех для души и тела, большей частью безрезультатно, но иногда судьба улыбалась ему, как тогда… и тогда…

Сегодня он никого не искал. Он хотел поскорее попасть домой, хотел рассказать жене Фенечке о новом месте и о сослуживцах — она всегда внимательно его слушала, сочувствовала, сопереживала, — хотел отдохнуть после работы и посмотреть телевизор. Такие простые человеческие желания.

Начал моросить дождь, зонта у него с собой не было. На этой остановке можно ждать автобуса до второго пришествия. Надо добираться до автовокзала, оттуда уехать легче — не тем автобусом, так этим. С другой стороны, каждую минуту и сюда может автобус подойти… Он пребывал в нерешительности и, боясь прогадать, топтался на месте. И тут он заметил невысокую девушку, чем-то явно обеспокоенную.

Взволнованное состояние души способствует знакомству. Он это знал отлично, он же был филологом.

Он принялся разглядывать девушку.

На вид лет восемнадцати, прилично одетая, довольно миловидная. Он по достоинству оценил изящное, хотя и недорогое платье, явно откуда-то привезенное: здесь такого не сошьют, не сумеют. В ушах небольшие золотые сережки. Скромная девушка из обеспеченной семьи. Не твоего полета птица. Двигай на автовокзал и уезжай домой.

Но ноги уже несли его к ней, а язык сам собой, как бы без подключения разума, нес какую-то околесицу, нечто приличествующее случаю, а впрочем, почему же околесицу? Самый что ни на есть обычный разговор двух попутчиков, застрявших на остановке.

— Давно ждете?

— Давно.

— И я давно. Вот проклятый автобус!

— Когда не надо, один за одним, а стоит только погоде испортиться… И долго ждать?

— Это как повезет. Бывает, что и долго. А вы, наверное, нездешняя?

— Да, издалека. А куда путь держите, если не секрет?

— В Новошахтинск.

— Надо же, как совпало: нам по пути. Поедем вместе.

— Конечно, вместе веселее…

С восемнадцатью годами он промахнулся — Наташе Голосовской было только шестнадцать. Возможно, два года спустя

она была бы осторожнее. Возможно, два года спустя он не рискнул бы подойти к ней, опасаясь получить отпор от чистой девушки, не его полета птицы.

Возможно.

К шестнадцатилетней Наташе Голосовской он подошел 2 августа 1984 года. Он был последним человеком, с которым она разговаривала. Которого видела.

«Вот уж действительно повезло, — думала Наташа, разглядывая своего неожиданного попутчика. — Немолодой, спокойный, вежливый. Одет аккуратно: серый костюм, скромный галстук, очки, солидный портфель. Чувствуется, что человек уверен в себе. Все знает — как быстрее доехать, где лучше поймать автобус. И говорит доверительно, по-родственному. О таком попутчике можно только мечтать».

Она, конечно, не ребенок, но иногда на нее нападает какая-то стеснительность. Неудобно узнать дорогу, неловко переспросить, если что-то не поняла. Взрослый человек сам должен все знать, а шестнадцатилетняя Наташа считала себя уже взрослой.

В шумном южном Ростове она немного растерялась, здесь у нее не было друзей и знакомых. Три дня гостила она у родных в Вешенской, а теперь направлялась к сестре в Новошахтинск. Дорога только одна — через Ростов, с утра ее посадили в автобус, а потом она полдня моталась по городу — искала подарки для родственников. Устала ужасно. Но кое-что купила. Вот, соски для малышки-племянницы. Все аптеки обошла в центре, еле отыскала. Спрашивать дорогу стеснялась, заплутала немного, наконец добралась до правильной остановки — так теперь автобуса не дождешься.

— Может быть, лучше добраться до вокзала и поехать электричкой? Как вы считаете?

Теперь она успокоилась. Больше всего Наташа боялась ехать в чужой город затемно. С этим уверенным в себе человеком ей бояться нечего. Он ей поможет.

А он никак не мог решить, что ему делать с этой девочкой. С одной стороны, надо бы поскорее попасть домой, поужинать и отдохнуть, чтобы утром не проспать, встать пораньше: неудобно на новом месте начинать с опозданий. И жене обещал не задерживаться. К тому же опыт подсказывал ему, что не пойдет она с ним. Правильно он определил с первого взгляда — не его полета птичка. Не то что та смазливая латышка, которую он встретил чуть больше недели назад на этой же остановке. Правда, латышка была постарше. Но все равно молоденькая. Ей он прямо сказал, чего от нее хочет и сколько может заплатить. Быстренько сговорились и в лес пошли. И опять ничего у него не вышло, хоть

девка и красивая. Пришлось и ее…

Этой денег не предложишь. Чего доброго, еще скандал поднимет, неприятностей не оберешься. Так что, с одной стороны, выходит, что нечего и соваться.

Но, с другой стороны, его неумолимо тянуло к невысокой девчонке со стройной фигуркой гимнастки.

Не получится — переживем, но почему бы сначала не попробовать?

Он снял очки, протер стекла, снова надел — оттягивал время, искал свежую идею. Ничего свежее не придумалось, чем предложить другой путь до Новошахтинска. Короче и надежнее. Там, за леском, есть еще одна дорога, на Таганрог. Она тоже проходит через Новошахтинск, но по ней автобусы ходят чаще и легче взять попутную машину.

Он не обманывал. За леском действительно проходит дорога на Таганрог. Она действительно ведет к Новошахтинску. Ну, может быть, насчет надежности тамошнего автобусного движения он немного слукавил, но вполне возможно, что на том шоссе Наташе больше повезло бы с автобусом.

Если бы только она дошла до того шоссе.

Она кивнула ему, и они пошли рядом. Перешли дорогу, немного прошли по тротуару вдоль трассы и свернули направо, на неширокую асфальтированную дорожку, ведущую в сторону Можайской улицы. Он что-то рассказывал ей о спорте, в газетах он всегда читал спортивные новости, а память у него была неплохая, и Наташа слушала его, впрочем, слушала не очень внимательно, потому что здорово устала и ей хотелось быстрее добраться до остановки и сесть в автобус, в котором, она надеялась, найдется свободное место у окошка.

Было еще светло, впереди, за невысокими деревьями, виднелись многоэтажные дома. Внезапно он почувствовал, что не в состоянии больше говорить, шутить, притворяться. Перед глазами уже стояла сцена, которая неизбежно случится. Чем быстрее, тем лучше. Больше он не в силах сдерживаться. Его терпению пришел конец.

Слова, которые он произнес, звучали вполне обычно, и странным был только голос — хриплый, отрывистый, нетерпеливый. Как будто он неожиданно поперхнулся или у него перехватило дыхание. Направо, предложил он, повернем направо, так будет короче. И резко свернул на тропинку, уходящую в сыроватую от дождя рощу.

Наташа не испугалась и не смутилась. Мало ли что у человека с голосом. Направо так направо. Если по тропинке короче, то почему бы по ней не пойти?

Она послушно последовала за ним.

Когда через несколько лет он рассказывал следователю о каком-то черном колпаке, который будто прикрывал его от чужих взглядов, делал невидимым для людей, проходивших совсем рядом, он вспоминал историю с Наташей Голосовской. Да, в это время по роще шли люди. Летом на асфальтовых дорожках среди деревьев, да и на тропинках тоже, люди имеют обыкновение гулять. Они возвращаются домой, срезая дорогу, возят в колясках младенцев, прогуливаются с детьми постарше. Более того, в нескольких десятках метров от того места, где прервалась линия жизни Наташи Голосовской, есть детский сад «Лесная сказка». И там подростки играли в футбол, гоняли мяч до темноты. Из рощи донесся до них короткий женский крик. Все слышали его, но не обратили внимания. Они были поглощены футболом.

Сколько еще людей слышали этот крик? Сколько не обратили внимания?

Не было никакого колпака. Скучно и отвратительно слушать рассуждения недавнего марксиста-диалектика о мистических силах. Вздор все это. Он знал, кого уводить, куда уводить, как уводить. Он расчетливо избегал опасности. Когда поблизости никого нет — это одна история. Когда рядом люди — совсем другая. И тогда его жертвы второй раз не кричали. А поизмываться, дабы наслаждение было острее, можно и над трупом.

Тело Наташи нашли на следующий день под деревьями, совсем недалеко от ограды детского сада «Лесная сказка».

Там, на еще не пожухшей августовской траве, пересеклись светлая линия жизни и черная линия смерти. Первая оборвалась, вторая пошла петлять и извиваться. Двадцать один раз, после этого августовского дня, по меньшей мере двадцать один раз она пересечет чью-то линию жизни. Оборвет нить. Погасит светильник.

Мимо остановки, откуда он полчаса назад увел Наташу, филолог прошел в аэровокзал. Те, кто ждали автобуса вместе с ними, давно уехали, никто не обратил на него внимания. Он, по обыкновению, зашел в туалет, как следует умылся, вытерся. Чистый и аккуратный, в очередном автобусе отправился домой в Шахты. Конечно, он запоздает, но авось успеет выспаться. Если сразу после ужина лечь спать, то, конечно, успеет.

Из Наташиных вещей пропали золотые сережки в форме сердечка и простенькие часики с синим циферблатом. Соски почему-то остались.

На суде он отрицал все факты воровства. Заверял, что не брал ни часиков, ни ученических авторучек, ни мелочи из карманов.

Настаивал на этом так, словно от мелких этих краж зависело его честное имя.

Кражи в приговоре не фигурировали. Обвинение решило на них не настаивать. Будем считать, что сережки и часики исчезли неведомо куда.

Того, что 2 августа 1984 года, в первый день своей работы в Ростове, он пытался изнасиловать и жестоко убил шестнадцатилетнюю девочку Наташу Голосовскую, он не отрицал.

* * *

В середине девяносто второго года, уже располагая сведениями, которые были к тому времени собраны следствием и заслушаны судом, мы со старательностью школьников, готовящих уроки по географии, отмечали на карте Ростова-на-Дону, на карте Ростовской области, на карте бывшего Советского Союза те места, где филолог оставил свой черный след, — примерно так же, как раньше с гораздо большим тщанием корпели над картами следователи, пытаясь найти хоть какую-то закономерность в перемещениях преступника.

Нанеся на карты пятьдесят три точки, мы сразу обнаружили несколько скоплений. Самое большое — восемь точек, восемь трупов — в лесных посадках вдоль железнодорожного полотна неподалеку от Шахт, между 1126-м и 1131-м километрами пути (а всего в лесополосах совершено двадцать два убийства). Вторая по насыщенности зона — семь точек — парк Авиаторов, между аэропортом и автовокзалом. Или, как его еще называют, роща Авиаторов.

Если и дальше заниматься статистикой и вычислять плотность страшных находок — их число, скажем, на квадратный километр, — то парк Авиаторов выйдет на первое место. От детского сада, возле которого погибла Наташа Голосовская, до той поляны, неподалеку от памятника, где нашла смерть Марта Михайловна Рябенко, никак не больше километра. И еще в этом круге с километровым диаметром были убиты Ирина Дуненкова и Игорь Гудков в 1983-м, Наталья Шалопинина, Сармите Цана и Ирина Лучинская в 1984 году.

Вступим в этот круг. Тысячи людей проделывают это каждый день, осознанно или невольно. Для этого необязательно быть жителем города Ростова. Всякий, кто прибывает сюда в самолете, следует из аэропорта в центр через это проклятое место. Зловещий круг как бы касается аэровокзала, вбирает в себя автовокзал, а проспект Шолохова, раньше носивший название

Новочеркасского шоссе, рассекает круг по диаметру.

Вот и вся геометрия.

Тут зелено и не очень шумно, несмотря на соседство взлетно-посадочной полосы.

Итак, от аэровокзала идем к центру Ростова по правой стороне проспекта. Так, как шла в свой последний путь Наташа Голосовская.

По правую руку парк, или роща, — как угодно. Указатель у поворота: «Лесная сказка». Дальше — мост через железную дорогу. Не доходя до него, сворачиваем, как Наташа, на асфальтовую дорожку, затем, как Наташа, заходим в густую рощу. Деревья стоят плотно, под ними густой подлесок, высокая темная трава. Сыровато, не очень чисто, там и сям валяется всякий хлам. Мрачно и довольно загажено. Надо, однако, сделать скидку на впечатления от узнанного — от показаний обвиняемого, от фотографий, которые еще перед глазами.

Вот здесь сделала последние шаги по земле шестнадцатилетняя девочка с золотыми сережками в форме сердечка. В сумке у нее были подарки для сестры и племянницы.

Парню, который забрел в рощу с девушкой теплым летним вечером, все представляется в ином свете. Кто-то ищет романтики, кто-то — пристанища. В темное время сюда частенько заглядывают парочки в надежде найти укромное место. Их надежды сбываются: никто не спугнет, никто не прогонит. На наш взгляд, могло бы быть и почище, но это от возраста и привычки к комфорту. Для тех, кто помоложе и без особых претензий, сойдет и так.

Со стороны шоссе доносится ровный автомобильный гул, иногда нарушаемый треском мотоцикла или ревом тяжелого самосвала. Собирает какие-то семена мужичонка, должно быть, из лесхоза. То скрываясь за густым кустарником, то возникая между стволами, пробегает парень в спортивной майке. Два подростка скорым шагом идут по асфальту в сторону домов.

Хлопаем в ладоши, чтобы привлечь к себе внимание. Напрасно. Ни труженик-мужичонка, ни бегун, ни спешащие подростки даже не оборачиваются.

Тут и впрямь неплохое прибежище для пар.

И место для убийства.

Возвращаемся на шоссе, то есть на проспект Шолохова, и вдоль него, по обочине, продолжаем идти к центру. Прямо по асфальту стелются настырные белые вьюнки. Под ногами хрустит красная рачья скорлупа; рядом Дон, рыбацкое раздолье, рачьи места. Цветочки, рыбки, парочки — сплошная идиллия.

Но: слева от моста через железную порогу, прямо возле

путей, — те самые гаражи, мимо которых он вел Сармите Цану, красивую блондинку в красном свитере. Но: впереди уже маячит, возносится над деревьями фаллоподобный памятник погибшим летчикам, устремленный в небеса обтекаемый истребитель, неподалеку от которого убита Марта Рябенко. Но: правее, не доходя до железнодорожного моста, с интервалом в полгода убиты в роще тринадцатилетняя больная девочка Ира Дуненкова и семнадцатилетняя Наталья Шалопинина. Но: в той стороне — Арзамасская улица, неподалеку от которой, на окраине парка, умер семилетний мальчик Игорь Гудков. Убийце было невтерпеж, и он не стал заманивать мальчика в глубь рощи.

Свадебные кортежи в Ростове навещают памятник погибшим летчикам. В разных городах свои обычаи — где-то молодожены отдают почести Владимиру Ильичу, где-то Вечному огню или былинным героям. Здесь — летчикам. Пусть так.

При нас сменили друг друга две свадьбы. Одна — богатая: с «мерседесом» и новенькими «Жигулями» цвета мокрого асфальта, с японской видеокамерой, снимающей жениха с невестой и их социально продвинутых гостей, которых в более чопорные времена называли нуворишами. Вторая свадьба гораздо скромнее: приехали в пыльном микроавтобусе в сопровождении видавшего виды «Москвича», снимают не драгоценной видеокамерой, а простеньким фотоаппаратом «Смена». Однако все же снимают, запечатлевают исторический момент жизни на фоне памятника. Но почему, кто бы объяснил, почему на фоне самолета? Или это и впрямь не самолет, а древний символ плодовитости?

Дальше и дальше, вверх по проспекту Шолохова несут нас уже усталые ноги. Здесь ездил, бродил, вышагивал взад-вперед неутомимый филолог. Вот уж у кого были крепкие конечности! Одноэтажные, как в деревне, наполовину вросшие в землю домики, беленные известью. Дремлющие в пыли дворовые и бездомные собаки. Институт ядерных исследований, вблизи которого, как уверяют нас пугливые горожане, уровень радиации — что твоя Хиросима. Автобусные и троллейбусные остановки с яркими пластиковыми навесами от февральского снега и августовского дождя.

В феврале погибла Марта Рябенко, и августе — Наташа Голосовская.

Все, сил нет. Останавливаемся, ждем автобуса. Оглядываем попутчиков: студенческого вида девица, девчонка лет десяти, подросток в джинсах и кроссовках и — высокий, жилистый, чуть сутулый дядька с длинными седеющими баками…

Хватит! Так недолго и весь мир записать в подозреваемые.

Но где-то, может быть за тысячу километров отсюда, из

неведомой точки уже вышла черная линия смерти и начала извиваться, прокладывая себе путь к вожделенной белой линии жизни. Отведи ее, Господи.

Глава X
Лицом к лицу с филологом. Сентябрь 1984

Проклятый 1984 год: пятнадцать убийств с января по сентябрь… Трижды проклятое лето 1984-го: на летние месяцы пришлось одиннадцать из пятнадцати убийств.

Ростовский уголовный розыск был на грани отчаяния. Версий множество, и ни единой надежной. «Дело дураков» в разгаре, они под стражей, дружно каются и во всем сознаются, но их признания рушатся одно за другим. Вряд ли кто-то по-прежнему принимает их всерьез: это скорее прикрытие, живая защита от упреков в том, что милиция вот уже столько времени не может выйти на след убийцы. Их, бедолаг, рано или поздно придется отпустить, и это понятно уже всем, кроме них самих.

Но кого искать и как искать? Единственный верный поисковый признак — сперма на телах, на одежде убитых. Иногда ничтожные количества, однако достаточные для анализа. И всякий раз экспертиза определяет четвертую группу. Она самая редкая, но редкость эта весьма относительна — в Европе с четвертой группой каждый десятый мужчина…

Виктор Васильевич Бураков летом 1984 года впервые обратился к психиатрам и сексопатологам. На кафедре психиатрии Ростовского медицинского института он собрал ведущих специалистов и попросил их составить портрет убийцы — или портреты, если убийц несколько. Специалисты ознакомились с делом — и отказались: недостаточно информации, нет методики. Единственным, кто согласился попробовать, был доцент кафедры психиатрии Александр Олимпиевич Бухановский. Его научные интересы лежали в смежной области, и он полагал, что знает, с какой стороны подступиться к проблеме.

Роль доктора Бухановского в деле ростовского серийного убийцы сейчас оценивают по-разному: от полного ее отрицания до признания ее решающей. При такой полярности суждений истина всегда лежит где-то между крайними позициями, и весь вопрос в том, к какой из них она ближе. Не пытаясь взять на себя роль арбитров, скажем только, что в дни, когда следствие блуждало в потемках, он был единственным из врачей, кто вызвался помочь в розыске преступника. Первые наброски к портрету убийцы сделаны с участием доктора Бухановского.

Что было известно? Кого, собственно говоря, искали?

Мужчину в возрасте от 25 до 50 лет (скромный интервал, не

правда ли?), ростом 170 плюс-минус 10 сантиметров (тоже, согласитесь, порядочный разброс — мысленно поставьте рядом людей ростом в метр шестьдесят и метр восемьдесят), физически хорошо развитого (вот это безусловно), с большой ступней (размер обуви не меньше 43) и четвертой группой крови.

Все.

Вот что добавил к этим сведениям Бухановский. Убийца, по его мнению, не только склонен к сексуальным извращениям — присущие ему педофилия, некрофилия, гомосексуализм, садизм и без того не вызывали сомнений, — но и, по всей видимости, страдает половой слабостью. Свою половую неполноценность он, весьма вероятно, вымещает на жертвах, как бы пытаясь компенсировать то, что недодано ему природой. Если помните, следователь Казаков в письме, направленном в кожно-венерологический диспансер, искал человека, который заразился от своей жертвы лобковой вошью, — и в то же время он интересовался всеми мужчинами, которые обращались к врачам с жалобами «на отсутствие влечения к женщинам, неспособность к совершению нормального полового акта».

Эта информация добавляет кое-что существенное к довольно размытому портрету убийцы. Хотя компания мужчин, страдающих в той или иной степени половой слабостью, тоже достаточно обширна, она все же более скромна по численности, нежели группа мужчин ростом от ста шестидесяти до ста восьмидесяти сантиметров в возрасте между двадцатью пятью и пятьюдесятью годами. Две эти, сами по себе весьма большие области, пересекаясь, позволяют существенно сузить круг поиска. А если прибавить анализ крови или спермы… Правда, для такого анализа в каждом отдельном случае требуется возбудить уголовное дело и получить постановление следователя о назначении экспертизы, однако нашим детективам не впервой обходить процессуальные нормы. При необходимости сами кого хочешь научат.

Как бы то ни было, уголовный розыск получил в руки если не козыри, то, по меньшей мере, способ, как, не подымая карту, узнать, козырная ли она. Однако воспользоваться этим преимуществом можно было только одним способом: проверить как можно больше людей. Пропустить через проверочное сито тысячи, а то и десятки тысяч мужчин. Хорошо еще, если они водят автомобиль, — есть формальная зацепка, которой можно воспользоваться. Однако на обширных степных просторах по обе стороны Дона далеко не все мужчины имеют свои автомобили или работают профессиональными водителями. Это вам не Америка, где водительское удостоверение во многих случаях

жизни заменяет привычный советским гражданам серпастый и молоткастый паспорт. Как же проверить «безлошадных», составляющих большинство не очень богатого населения?

Виктор Бураков сумел добиться — и это стоило ему немалых трудов, — чтобы по Ростовской области, а прежде всего в таких городах, как Ростов, Шахты, Новошахтинск, Новочеркасск, постоянно дежурили усиленные наряды милиции. Особенно в тех местах, которые на языке профессионалов именуются «местами массового скопления людей».

Например, на автовокзалах.

Своих людей для усиленных нарядов у Буракова просто не было — и быть не могло: штатное расписание у сыщиков гораздо скромнее, чем может показаться законопослушным гражданам. А потому решено было привлекать для дежурств блюстителей порядка из районных отделений милиции. Так из Первомайского отделения города Ростова в оперативно-следственную бригаду по делу «Лесополоса» попал летом восемьдесят четвертого года участковый инспектор капитан Александр Александрович Заносовский. Тогда капитан; потом он получил звание подполковника.

Заносовского прикомандировали к «Лесополосе» в августе. Далеко его не послали: он попал на объект, знакомый ему как свои пять пальцев, — на пригородный автовокзал. Вокзал этот расположен как раз в Первомайском районе, и участковый инспектор сотни раз бывал в этой криминогенной точке. Как работник милиции и как частное лицо.

Сейчас автовокзал привлекал внимание уголовного розыска не только потому, что через него проходят ежедневно тысячи людей и вероятность встретить здесь убийцу существенно выше, чем где-нибудь в малолюдном месте. Были и особые причины, побуждавшие пристальнее приглядываться к публике, посещающей автовокзал. Уголовному розыску уже было известно, что убитая в январе Наталья Шалопинина именно здесь сдавала свои вещи в камеру хранения. Возле ее трупа был найден жетон, по которому кладовщик выдал милиции портфель-«дипломат», а уже в нем среди прочих вещей нашли удостоверение личности с фотографией, благодаря чему и удалось быстро установить личность погибшей. И еще уголовный розыск знал, что другая Наташа — Голосовская — собиралась в Новошахтинск, куда можно — и удобнее всего — уехать автобусом, прямо отсюда.

Одним словом, капитана милиции Александра Заносовского поставили на участок не просто бойкий, но весьма многообещающий, если рассматривать его с точки зрения встречи с преступником. И капитан занялся привычным делом.

Дело это состояло в том, чтобы, не привлекая к себе особого внимания, а так, будто ты на обычном дежурстве, ходить по автовокзалу и вокруг него, наблюдать, присматриваться к людям: кто как себя ведет, не проявляет ли признаков беспокойства, не суетится ли без видимых причин, не пристает ли к незнакомым. И все остальное, что может вызвать подозрение. Или даже подозрение на подозрение. Отдаленный намек. Капитан по опыту знал, что полезно обращать внимание на поспешность в движениях, непорядок в одежде, необычный багаж. В общем, на все нестандартное, здешним обычаям и нравам не свойственное. Но не только. Например, пьяных следует проверять обязательно, хотя чрезмерное употребление алкоголя вряд ли можно считать незаурядным явлением.

Само собой разумеется, что капитан Заносовский имел ясное представление о немногих определенно известных милиции признаках убийцы, которого тщетно разыскивали по делу «Лесополоса». И о круге жертв — о мальчиках, девочках, молодых женщинах. Вот он и ходил целый день, пытаясь высмотреть подозрительных мужчин, которые искали бы контакт с возможными жертвами.

Дежурство уже подходило к концу, ноги гудели от усталости, в глазах мельтешило от встречающих и провожающих, от стариков и старух, молодых парочек, растерянных солдатиков, ищущих взводного, от спящих и орущих младенцев, от мальчишек и девчонок, уже начавших каждогоднюю предсентябрьскую миграцию к школам. Голова трещала от гула сотен голосов и режущих слух объявлений по радио, от рева дизельных моторов, скандалов у кассы и шарканья подошв. Скорее бы сменили…

Трудно сказать, что именно, но что-то не вполне обычное, вызывающее тот самый отдаленный намек на подозрение, всего за час до конца дежурства уловил наметанный глаз участкового.

Его внимание привлек средних лет мужчина в очках, прилично одетый — серый пиджак, галстук, портфель в руке. Таких людей на вокзалах всегда хватает. Они обычно спешат по своим делам и в ожидании автобуса или поезда убивают время кто как может: одни неторопливо прохаживаются по вокзалу, погруженные в собственные мысли, другие, напротив, нервничают, меряют шагами зал ожидания или тротуар перед вокзалом, а третьи усаживаются в кресло поудобнее и утыкаются носом в газету.

Этот вел себя не так и не этак. В его поведении капитан почувствовал нечто необычное. Настораживающее.

Мужчина как бы бесцельно, как бы прогуливаясь расхаживал по залу. Вдруг он изменил ритм движения, словно включилась

другая скорость. В его поле зрения появилась ничем особо не примечательная, совсем молоденькая девушка в легком цветастом платье. Он буквально спикировал на нее, что-то сказал и застыл с приоткрытым ртом в ожидании ответа. Девушка откликнулась совсем коротко, может быть, поздоровалась или сказала «да», «нет». Он подхватил ее слова и стал говорить, говорить. Выражение лица сразу изменилось: только что на нем читалась скука, а тут вдруг появилась улыбка, глаза заблестели.

Возможно, все это пустое. Даже скорее всего — пустое. Ну встретил человек дочь своих знакомых. Или племянницу. Или подругу собственной дочери. Та стесняется, не очень знает, о чем говорить, — все-таки разница в возрасте. А для него — какое-никакое развлечение. Способ убить время в ожидании автобуса.

Ничего особенного не происходило, и участковый продолжил обход. Он вышел на перрон, вернулся в зал, постоял у касс, в сотый, а то и в тысячный раз оглядел бесконечные очереди, прогулялся мимо газетного киоска, аптечного ларька, буфета, прошел вдоль кресел. Мужчина в очках по-прежнему что-то втолковывал девушке.

Участкового не покидало ощущение, что человек с портфелем ведет себя как-то не так. Неправильно, что ли. Люди такого склада к незнакомым девушкам не пристают, а со знакомыми разговаривают иначе — без напора, доброжелательнее. Сколько времени он что-то ей втолковывает, а она отмалчивается и отворачивается. Если бы они были раньше знакомы, она не стала бы так себя вести.

Девушка резко встала и, не попрощавшись, не взглянув на мужчину, пошла на перрон. Участковый проводил ее взглядом: девушка садилась в автобус.

Взгляд очкастого погас в тот момент, когда она повернулась к нему спиной. Словно где-то внутри у него щелкнул выключатель. Минуту-другую мужчина посидел в кресле, как бы для приличия, потом резко поднялся и снова принялся прохаживаться по залу, бросая по сторонам быстрые взгляды.

Заносовский уже знал, кого ищет взглядом незнакомец.

Несколько раз, заметив одинокую молодую женщину, он быстро подходил к ней, как будто внезапно узнавал старую знакомую, и пытался завести разговор. Глядя со стороны, можно было подумать, что он ошибся, принял женщину за другую. Все они отвечали ему что-то такое, что его не устраивало, и он, явно раздосадованный, сразу отходил. Он не приставал к ним — в том смысле, который обычно вкладывают в это слово. Его ставили на место, и он без спора отступал.

Заносовский посмотрел на часы. Через несколько минут его

должны сменить. Или прямо сейчас проверить этого странного типа в очках, или пусть себе гуляет дальше. Непохож он на преступника. Так, сексуально озабоченный. И навязчивый. А на вид как раз наоборот — скромный…

— Простите, гражданин…

Участковый тронул мужчину за рукав. Тот застыл, уставившись на милиционера испуганным взглядом.

— Участковый инспектор капитан Заносовский. Позвольте ваши документы.

— В чем дело? Зачем? — Голос мужчины звучал недовольно, но в то же время как-то заискивающе. Человек с портфелем был явно встревожен. И даже напуган.

— Проверка документов. Паспорт у вас с собой? Предъявите, пожалуйста.

— Хорошо, хорошо… Я сейчас…

Мужчина переложил портфель из одной руки в другую. Он сжимал ручку с такой силой, что костяшки пальцев на больших загребущих кистях стали совсем белыми. Наблюдательный капитан успел это заметить.

Взяв портфель в левую руку, мужчина полез во внутренний карман пиджака, достал бумажник, стал перекладывать какие-то квитанции и счета. Внезапно он стал суетлив и многословен.

— Вот, пожалуйста, мой паспорт, вот командировочное удостоверение, служебный пропуск. Я, понимаете ли, из командировки возвращаюсь. Домой еду. Вот, автобуса жду. Скучно, понимаете ли… Время как-то убить…

Он почему-то подмигнул капитану, неумело, словно намекая на какую-то общую тайну. И замолчал, часто и тяжело дыша.

Документы были в полном порядке. Заносовский не торопясь изучил их, вернул человеку с портфелем, извинился и козырнул. Капитан был в милицейской форме, поэтому должен был отдавать честь всем, к кому он обращался, даже подозрительным типам на автовокзалах, пристающим к девушкам.

— Все в порядке, извините за беспокойство, — сказал капитан. И добавил из вежливости: — Счастливого пути.

Мужчина быстро спрятал документы, кивнул и поспешно отошел от капитана. А того буквально через несколько минут сменили, и он направился домой, бормоча себе под нос не совсем обычную фамилию странного типа, который с такой силой сжимал ручку портфеля. Что-то в его поведении — поклясться можно — было странное. Не ведут себя так солидные люди. Облик, можно сказать, не соответствует поведению…

* * *

Прошло две недели, и наступило 13 сентября. Этому четвергу суждено было стать памятным днем в зловещей «Лесополосе».

Тринадцатого сентября 1984 года предполагаемого убийцу арестовали. Посадили за решетку. Возбудили уголовное дело.

Три месяца спустя его судили. Но не за убийства! Про убийства не было и речи. Ему вменили в вину ерунду, мелкое хищение. И выпустили на свободу.

Он оставался на свободе до ноября 1990 года. За эти шесть лет он убил, согласно обвинительному заключению, 21 человека.

И никто не знает, сколько их было на самом деле.

* * *

Тринадцатого сентября капитан Александр Заносовский уже в который раз дежурил на пригородном автовокзале. С ним был напарник, тоже из Первомайского отделения милиции, Шайх-Ахмед Ахматханов. Оба в штатском. Не в чем-то специально подобранном, а так — кто в чем пришел из дома.

Дело близилось к вечеру, оба милиционера за день изрядно намотались. После нескольких часов патрульной работы, как ты ни тренируйся и каким молодцом ни держись, ноги все равно гудят — если, конечно, работать по-честному. Лица мелькают, будто в калейдоскопе, и без навыка запомнить что-либо очень трудно.

Высокого мужчину в очках, того самого, у которого он две недели назад проверял документы, Заносовский увидел в дверях. Капитан уже почти забыл об этом типе. Отчего он так нервничал, когда у него попросили паспорт?

Столько за эти дни физиономий видано, столько документов просмотрено… Но теперь, едва увидел его, сразу вспомнил. Подождал минуту, присмотрелся. Как и в прошлый раз, высокий шел по залу, бросая быстрые взгляды по сторонам. Можно подумать, что человек убивает время в праздном шатании. Но, если приглядеться, можно заметить нервозность в его поведении и беспокойство в глазах. Как будто на охоту вышел. Как будто ждет, что вот-вот привалит удача.

Заносовский внезапно почувствовал: что-то за этим кроется. Это не пустой номер. Глаз не спускать.

Так и сказал напарнику: глаз не спускать. Будем пасти его до последнего.

И Ахматханову почудилось, что высокий мужчина в очках неуловимо похож на того человека, что изображен на листке, смятом и затертом от долгого таскания в кармане. Фоторобот,

который им раздали в милиции, казался каким-то слишком уж приблизительным. Не портрет, а схема человека. Чтобы найти сходство с оригиналом, требовалась особая фантазия.

А на фантазию лучше не уповать. Иначе будешь гробить драгоценное время на проверку добропорядочных граждан.

Как на грех, Ахматханов пришел на дежурство в ярко-желтой рубашке, которая бросалась в глаза издалека. Прямо-таки маяком светила через весь зал. Заносовский побоялся, что такой сигнальный фонарь сразу демаскирует их пару, и предложил держаться порознь. Сам он взял на себя очкарика с портфелем, хотя и предпочитал держаться от него подальше, — а вдруг тот вспомнит, как у него проверяли документы?

Ахматханову сказал: отрабатывать все контакты. Как только этот тип с портфелем вступит с кем-то в разговор, безотрывно следить за собеседником.

Договорились и разошлись, будто друг с другом не знакомы.

Мужчина побродил еще немного по автовокзалу, присматриваясь, по своему обыкновению, к публике, и, вероятно, ничего привлекательного не обнаружил, потому что вскоре вышел на привокзальную площадь. Здесь он долго гулять не стал, а сел в автобус номер семь, но не к центру, а, напротив, в сторону от города, к аэропорту. Заносовский и Ахматханов, каждый сам по себе, последовали за ним. Через две или три остановки мужчина с портфелем внезапно, как будто вспомнил про забытый дома включенный утюг, выскочил из автобуса, перешел дорогу и сел в троллейбус, направляющийся обратно, к центру города.

Не меньше двух часов он мотался по разным маршрутам, меняя автобусы и троллейбусы. Уже наступил вечер, а он продолжал делать странные пересадки, и в зигзагах, которые он проделывал, нельзя было обнаружить никакой логики. И в пути, и на остановках он не оставлял попыток заговорить с незнакомыми женщинами и девушками, но делал это как-то нервно, даже пугливо, постоянно озираясь и бросая взгляды через плечо. За два часа никаких знакомств он не завязал — то ли его сразу отшивали, то ли не хотел рисковать, боялся проявить настойчивость.

Когда сыщики, продолжая наблюдение, перебросились несколькими фразами, Ахматханов предположил, что клиент почуял слежку. Но Заносовский был уверен в себе. Опыт охоты за знаменитыми ростовскими карманниками, народом хитрым и по-звериному осторожным, у него имелся в достатке. Те, профессионалы, спиной чувствуют посторонний взгляд и то не замечали слежку. Куда уж этому, нервному любителю.

И все-таки, наверное, они ошиблись. Переоценили свое

умение оставаться незамеченными. А может быть, подвела желтая рубашка Ахматханова. Во всяком случае, человек с коричневым портфелем продолжал петлять по городу, стараясь замести следы, запутать преследователей. Лишь временами ему казалось, что он добился своего, и тогда к нему возвращалась былая уверенность, которая каким-то странным образом смешивалась с озабоченностью и испугом.

Уже и центре города, на улице Энгельса, он протиснулся в автобусе к высокой светловолосой девушке и, забыв обо всем на свете, впился глазами в вырез ее платья. Девушка поймала его взгляд и, не говоря ни слова, быстро вышла на первой же остановке.

Автобус в этот вечерний час был изрядно набит. Притиснутый толпой к пышной даме, мужчина не удержался и положил ладонь ей на бедро. Дама, не в пример высокой девушке, оказалась бойкого нрава и вдобавок с громким голосом. Она во всеуслышание сказала мужчине, что о нем думает и что надо делать с такими мерзкими кобелями. Теперь ретироваться пришлось уже ему, что он и сделал без единого слова. Заносовский и Ахматханов едва успели выскочить из автобуса вслед за ним.

На пересечении улицы Энгельса с Ворошиловским проспектом всегда людно. Светятся витрины, после дневных трудов и магазинных очередей люди хотят рассеяться, предаться на час-другой вечерним радостям: кто-то не торопясь прогуливается, разглядывая публику, кто-то спешит в кино или в гости, молодежь шатается без дела, что, собственно говоря, ей вообще свойственно, и не только на этом шумном перекрестке.

В этой толпе не до развлечений было лишь тому, кого преследуют, и тем, кто преследует. Впрочем, очкастый как будто забыл о своих тревогах. Милиционеры же твердо вознамерились довести преследование до конца, не считаясь со временем, найти повод задержать очкастого и сдать его в ближайшее отделение. А потом уже отправиться на более чем заслуженный отдых.

Заносовский решил не спешить: один раз он уже проверял этого скромного служащего, прибывшего в Ростов из ближнего города, и вынужден был отпустить его — по простой причине: задерживать было не за что. Он опасался, что то же самое произойдет и на сей раз. В конце концов, этот долговязый тип с портфелем не совершил ничего такого, за что следует доставить его в милицию. Заглядывание за вырез платья предосудительно, но законом не карается. И, если он опять покажет безукоризненные документы и правдоподобно объяснит свои скитания по городу, останется только извиниться перед ним.

Любой человек вправе распоряжаться свободным временем по собственному усмотрению. В том числе знакомиться с девушками. Независимо от возраста. Старому козлу надо с внуками сидеть, а не к молодым приставать! Только пусть об этом беспокоится его жена, а не правоохранительные органы.

Заносовский и Ахматханов по-прежнему наблюдали за своим подопечным. Тот крутился у ростовских злачных мест. Подошел к ресторану «Центральный», заговорил со слегка подвыпившими веселыми девицами в коротких юбочках. Те похихикали с занятным папашей, попросили у него закурить, но тут подошли их парни, и папаша поспешил ретироваться — недолго и по морде схлопотать. В Ростове парни крутые.

Он пересек проспект и зашел в магазин «Воды». Поднялся на второй этаж, где подают коктейли. Преследователи за ним не пошли, боясь, что он их заметит, а остались ждать у входа. Вскоре их подопечный вышел на улицу, совершенно трезвый, как и прежде, и явно не удовлетворенный своими поисками. Медленно прошел вдоль витрин и направился к парку Горького. Сел на свободную скамейку под деревом и с час просидел в раздумьях. Или просто так, бездумно, — кто знает.

Набравшись культуры и отдыха, объект наблюдения встал и направился на железнодорожный вокзал. Там он безмолвно простоял минут двадцать возле крепко спящей женщины. Должно быть, она ему не очень приглянулась, потому что в конце концов он решил ее не будить. Оглядевшись и не найдя никого более достойного, он покинул железнодорожный вокзал, пересек привокзальную площадь и вошел под своды главного автовокзала. Здесь он сделал несколько кругов по первому и второму этажам, остановился, нацелился на очередную барышню и завел с ней разговор.

Ростовчане без труда проследят мысленно его путаный маршрут по тем ориентирам, которые здесь упомянуты. Мы прошли и проехали этим маршрутом и тоже начали ориентироваться на местности. Жителям других городов останется поверить на слово: блуждания его не имели явного смысла.

Шайх-Ахмед Ахматханов, которому поручено было работать с девушками, после того как очкастый оставлял их в покое, исправно выполнял задание. Из его коротких докладов Заносовский при всем желании не мог вынести ничего существенного. Пустые слова говорил незнакомец, задавал обычные дорожные вопросы. Откуда едете, куда путь держите, не надо ли чем-нибудь помочь.

Очередной вокзальной барышне незнакомец пришелся явно

не по вкусу. Не дослушав, она резко встала и пересела на другое место. Капитан Заносовский почувствовал: пора что-то предпринимать. Приставать к женщинам в общественных местах некрасиво, может быть, даже неприлично, — но не более того. И преступник, разыскиваемый по «Лесополосе», вовсе не обязательно должен встречаться со своими жертвами на вокзалах и людных улицах. Это только одна из версий, возможно, не самая главная, и так уж случилось, что именно ее отрабатывает капитан со своими товарищами. Строго говоря, пока долговязому с портфелем давали от ворот поворот, повода для вмешательства милиции не было. Но если очередная девушка вступит с ним в беседу, разговорится, получит предложение? Что это будет за предложение? Куда оно приведет — не в лесополосу ли, не в ближайший ли парк?

Заносовский подошел к девушке, которая отсела подальше от незнакомца, и впервые за этот вечер раскрылся — показал ей милицейское удостоверение. Объяснять ничего не стал, но спросил — о чем тот человек пытался с вами заговорить? Да так, ни о чем особенном. Пустяки всякие. Много таких ходят, на ночь глядя познакомиться норовят. С ней этот номер не пройдет.

И тогда капитан попросил: если еще раз подойдет, не отшивайте его. Соглашайтесь. На все соглашайтесь. Идите, куда поведет, и ничего не бойтесь: мы все время рядом.

Девушка, вопреки его ожиданию, сразу ответила: хорошо.

Ловушка была расставлена, дверца приоткрыта, приманка положена. Но ловушка так и осталась пустой.

К этой девушке незнакомец не вернулся. Не захотел, поленился, устал, не рискнул.

Он уселся в дальнем конце зала. Устроился в кресле, обитом дерматином, прикрыл глаза и задремал.

Заносовскому и Ахматханову тоже смертельно хотелось спать. Но они не решились отдохнуть хотя бы по очереди. Оба наблюдали издалека за своим клиентом, добрых два часа не сводили с него глаз, а тот спал безмятежным сном младенца. Он всегда так спал. И дома, в собственной постели, и на работе, на письменном столе, когда после ночного приключения не было уже времени вернуться домой, и на тюремной койке. Со сном и еще с аппетитом у него никогда не было проблем.

Шел третий час ночи, когда человек с портфелем открыл глаза. Потянулся, зевнул, встал с кресла. Похоже, что отдых прибавил ему сил, и он принялся за старое — пошел кругами по залу, вглядываясь в лица пассажиров.

Его внимание отчего-то привлекла семья, расположившаяся на составленных скамейках в углу зала. Наверное, куда-то

переезжают, одеты по-дорожному, полно узлов и чемоданов. Отец, мать, две дочери, все крепкие, кряжистые. Все спят крепким сном. Что ему возле них надо?

Вот что: старшая дочь, лет семнадцати, разметалась во сне, юбка задралась, из-под нее видны розовые бедра и кружевные трусики. Очкарик смотрит, не стесняясь, не в силах совладать с собой, тяжело дышит, сопит, поправляет очки, чтобы лучше видеть. Отец открывает глаза, непонимающе смотрит на незнакомца, перехватывает его взгляд. Так и не проснувшись до конца, догадывается, в чем дело, молча поправляет на дочери юбку и тут же снова засыпает.

Нечаянное представление окончено. Долговязый ежится, будто его пробрал сквозняк, передергивает плечами и опять пускается в путь по залу.

Ровно три. От предрассветного холодка, от бессонной ночи милиционерам становится зябко. Глаза слипаются. Сникший от неудач незнакомец снова усаживается в кресло и смотрит тяжелым бессмысленным взором поверх голов спящих. Еще немного, и он опять уснет. Но взгляд его неожиданно оживляется, мужчина распрямляется в кресле и как-то даже наклоняется вперед.

Прямо к нему по проходу между креслами идет, виляя бедрами, новая барышня. Дурно одетая, грудастая, давно не мытая, густо накрашенная. Садится рядом.

Ей так же неохота быть одной, как и ему. Разговор завязывается сразу, едва ее пышные телеса касаются скамьи.

Заносовский и Ахматханов замирают.

Нет, не зря мужчина с портфелем искал свой шанс целых полдня. Он нашел его.

Не проходит и пяти минут, как девушка придвигается к нему, прижимается теплым телом. От нее исходит резкий запах, смесь пота и недорогого одеколона. Ему нравится. Женский запах. Запах чужого тела.

Ему хорошо.

Он обнимает ее за плечи и прижимает к себе. Сильнее, еще сильнее. Медленно, осторожно, чтобы не переборщить, не нарваться на сопротивление, он все сильнее сжимает желанное тело. Пытается слегка его повернуть, опрокинуть на себя. Девушка не сопротивляется, но и не делает шагов навстречу. Так, уступает. Похоже, что под кайфом.

Она кладет голову ему на колени и как будто задремывает. Или это только кажется со стороны? Он прикрывает ей голову и грудь пиджаком, пристраивает портфель этаким ограждением, оглядывается по сторонам.

Прикрывшись газетами, Заносовский и Ахматханов наблюдают за ним. Капитану приходит в голову дурацкая мысль: они подглядывают за парочкой, как похотливые и немощные старички в парках. Сколько он гонял таких, а то и задерживал. Увещевал, стыдил, а они опять за свое. Не получается, так хоть поглядеть… Сейчас он и сам занимается тем же, правда, по другому поводу.

Очкастый еще раз озирается, принимает независимый вид и воровато запускает руку под пиджак. Глаза за очками закатываются от удовольствия.

Рука по шее скользит к груди, пальцы протискиваются в вырез платья, ощупывают ложбинку меж грудей, с трудом проникают под синтетическую ткань бюстгальтера, плотно обтягивающую манящую плоть. Небольшое усилие — и ладонь уже там, прижимается к мягким округлостям, пальцы тискают, сжимают, мнут…

И это все, что сейчас можно. Так мало. Слишком мало. Сил нет, до чего хочется сорвать с девицы одежду, впиться губами в грудь, сжать зубами соски, прикусить… Не думать об этом. Все будет, все — только позже.

Она что-то говорит, но он не может сосредоточиться, не может сообразить, что она ему втолковывает. Слишком возбужден. Он переспрашивает. Что? Не здесь? А почему? Ладно, тогда пойдем куда-нибудь, где можно. Не сейчас? Почему? А когда? Утром? Так уже утро! Рассвело, вот видишь, самое настоящее утро. Зачем убирать руку — разве она тебе мешает? Ничего с тобой не случится, если я оставлю руку там, где она есть. Ладно, ладно, не кипятись. Потом так потом.

Он медленно, через силу вытаскивает руку из выреза платья, ставит на пол портфель, аккуратно складывает пиджак. Она еще несколько минут лежит у него на коленях, потом лениво садится, откидывается на спинку кресла, потягивается, зевает. Говорит, что ей пора идти. Вот только причешется и пойдет. Пусть не думает, что у нее нет дел. Еще сколько есть. Невпроворот.

Они условливаются встретиться на рынке в восемь часов. Он несколько раз переспрашивает, чтобы не перепутать место и время, шевелит губами запоминая. Договорились?

Договорились.

Ровно пять. Оба встают и вместе спускаются на первый этаж. Одновременно заходят в туалеты — она в женский, он в мужской, — одновременно выходят и расходятся в разные стороны. Верный своей задаче, Ахматханов собирается следовать за ней, но Заносовский показывает жестом — отставить. Не надо. Теперь уже нет смысла. Будем вместе брать этого. Хватит ходить

вокруг да около.

Уже не скрываясь, они садятся вслед за ним в почти пустой, самый первый утренний трамвай. Вместе с ним выходят на Буденновском проспекте в центре города. Он направляется в сторону базара, хотя до обещанной встречи еще больше двух часов. Они открыто идут в нескольких шагах сзади.

Через минуту-другую занавес опустится. Они остановят его и предложат следовать с ними в милицию. Он согласится, — а что еще ему останется делать? Но неужели за долгие часы, когда они шли за ним по пятам, человек с коричневым портфелем так и не заметил слежки? Он, такой настороженный, такой предусмотрительный…

Спустя несколько лет он сказал следователю: «13 сентября 1984 года на новом автовокзале в Ростове-на-Дону один из тех работников, который меня ранее проверял, следил за мной, прикрываясь газетой, а затем задержал меня на Центральном рынке. С ним был еще один работник. Они, видимо, следили за мной и видели, как я заводил разговоры то с одной девушкой, то с другой. Они же видели, как у меня на коленях спала одна из них с открытыми грудями и как я трогал их. Когда я встал и вышел с ней из этого вокзала, то заметил, что они тоже встали и пошли за мной. Девушка, видимо, куда-то уехала, а я поехал на Центральный рынок, где они меня задержали…»

Отличная память. Завидная наблюдательность. Почему же, зная о преследовании, он не попытался тихо и незаметно уйти, не прекратил приставать к девушкам, не воспользовался своей обычной маской положительного, тихого, добропорядочного гражданина в летах? Не мог преодолеть похоти, которая толкала его на любые знакомства, и с глазу на глаз, и прилюдно? Даже на виду у милиции? Или уверовал в свою безнаказанность, неуязвимость, рассчитывал на им же выдуманный «черный колпак»? А может быть, надеялся не без оснований на красненькое удостоверение внештатного сотрудника УВД, которое, как обычно, он носил в портфеле? Или на другие какие-то документы, лежавшие тогда — и кто знает, может, до сих пор лежащие — далеко от взгляда непосвященных, и не в коричневом портфеле, а в досье неизвестного цвета, спрятанном в одном из шкафов некоего ведомства, которое, как намекают, за своих стоит горой?

Перед самым Центральным рынком капитан Александр Заносовский прибавил шаг, нагнал высокого человека в очках и негромко произнес ему в спину:

— Приплыли, гражданин… Ваши документы!

Тот обернулся и узнал милиционера, который несколько дней

назад проверял его на вокзале. Узнал и застыл.

— Ваши документы! — громче повторил Заносовский.

У человека на лице выступил пот. Мгновенно и обильно.

«Никогда в жизни не видел, чтобы с человека так лил пот, — позже рассказывал Заносовский. — Буквально градом. В одно мгновение он стал совсем мокрым».

На взмокшем, сразу ставшем жалким лице был написан ужас. Не очень понимая, что делает, мужчина порылся в карманах и протянул капитану темно-красный паспорт.

Капитан бросил беглый взгляд на фотографию, на лицо задержанного, пролистал сшитые скрепкой страницы.

Прописан в городе Шахты, отметка загса — женат, лица, вписанные в паспорт, — двое детей, национальность — украинец, место рождения — Сумская область, год рождения — 1936.

Фамилия, имя, отчество — Чикатило Андрей Романович.

Часть 2
Чикатило А. Р. Опыт заурядной биографии

Глава XI
Детство, отрочество, юность. 1936–1970

> «Шестнадцатого октября 1936 года. Я родился в селе Яблочное Ахтырского района Сумской области. Родился от голодных родителей и голодовал до 12 лет, когда впервые наелся хлеба. Мои отец и мать чуть не умерли с голоду в 1933–1934 годах. В 1933-м они потеряли своего старшего сына, моего брата Степана Романовича, которого нашли отчаявшиеся люди и съели с голодухи».

Начало жизненного пути Андрея Романовича Чикатило теряется в глубине и во мраке недавних десятилетий.

На долю нашей многострадальной страны выпало столько бедствий, столько бурь пронеслось над каждой ее крышей, что достоверно, по документам и письменным свидетельствам, восстановить события детства не старого еще человека — трудно неимоверно. Особенно если жил он в тех областях, где волна за волной прокатывались войны, всякий раз волоча за собой послевоенные бедствия. Но и в других местах сделать это непросто — по коллективному разгильдяйству и пренебрежению ко всякого рода бумаженциям. Тут вам не Швейцария какая-нибудь, где всякий раз, как только это нужно, находятся и записи в церковных книгах, и живые свидетели в здравом уме и трезвой памяти. На необъятных просторах бывшего Союза, ныне СНГ, и обычные справки для пенсии собрать — еще как намаешься.

Слишком много было у нас лихолетий: довоенное, военное, послевоенное…

В конце восьмидесятых годов умерли престарелые родители Андрея Романовича. Младшая его сестра — не самый надежный свидетель детских лет. Из села Яблочное семья уехала давно, и односельчане мало что могут сказать о них. Вот почему вернее всего будет следовать документу, который Чикатило написал собственноручно. Конечно, нельзя исключить, что в этом документе кое-что перепугано или переврано и кое-где — умышленно или по забывчивости — автор грешит против истины. Зато сведения из первых рук.

Озаглавлен документ скромно:

> «Жизнеописание подсудимого А. Р. Чикатило — гражданина СССР, жертвы голодных моров и людоедства 1933 и 1947 годов, сталинских репрессий, застоя и кризиса перестройки».

В названии со всей очевидностью отразились три характерные черты, три ипостаси автора: во-первых, склонность к изящному слогу (филолог), во-вторых, политическая грамотность многолетнего подписчика партийной прессы (коммунист) и, в-третьих, естественное стремление приукрасить собственную личность (обвиняемый). Вполне понятно желание арестанта довести до власть предержащих именно те подробности своей биографии, которые если и не оправдают совершенные им преступления, то хотя бы объяснят их природу. Одно дело — злая воля, другое — объективные причины…

Не станем принимать его слова на веру безоговорочно, но, по крайней мере, выслушаем.

Вот, например, печальная и многократно повторяемая история несчастного старшего брата Степана Романовича. В страшный голод, прокатившийся по вине большевиков в начале тридцатых годов по Украине, действительно были случаи каннибализма. Они находят надежное историческое подтверждение, о них в последние годы достаточно много и откровенно писали.

Когда детство такое несчастное, когда убивают и съедают старшего брата, а тебя, несмышленыша, предупреждают — не ходи далеко от дома, и тебя, неровен час, съедят, — психика ведь калечится. Искривляется. И трудно предсказать, какие могут быть последствия. Пусть я преступник. Пусть. Ладно, согласен, я преступник.

Но сначала — я жертва.

Не лишено смысла.

Следователи, а потом и журналисты, прослышав версию о якобы съеденном братце, пошли по следам, но ничего такого не обнаружили. Ни в сохранившихся бумагах, ни в памяти односельчан. И о самом Степане никто не помнил. Установить, был ли он вообще, а если был, то правда ли, что исчез при подозрительных обстоятельствах, сейчас, скорее всего, невозможно.

Вполне можно допустить, что Чикатило лукавит лишь отчасти. Его родители, которые изо дня в день тяжко трудились, оставляя дома малых детей без присмотра, могли наказывать не покидать хаты, не уходить со двора, не то поймает и съест чужой дядька. Для пущей убедительности могли ввернуть что-нибудь и про мифического братца Степку. С точки зрения педагогики метод дурной. Но действенный.

> «1941–1944 годы. Помню ужасы детских лет, когда мы прятались от бомбежки и стрельбы в подвалах,

карьерах, голодные и холодные сидели в канавах; перебежки под свист пуль; помню, как горела родная хата, и зверства фашистов.

Сентябрь 1944 года. — Пошел в школу, в 1 класс — голодный и оборванный».

Этому можно верить. Деревенский ребенок с оккупированной территории знает о войне не из кинофильмов и не из романов.

«1947–1948 годы. Разгар голодовки. Я был пухлый от голода вместе с матерью и сестричкой. Мы с сестричкой ползали но траве, ели калачики, ревели и выглядывали маму с колхозного поля, когда она принесет нам кусок черного хлеба».

Калачики — это трава такая, иначе просвирник, или мальва, некоторые ее виды употребляют в пищу, когда больше есть нечего; в России сказали бы — ели лебеду.

«В школе от голодных обмороков я падал под парту. Ходил в лохмотьях. Был предметом насмешек и не мог защититься. Был слишком стеснительным, робким, застенчивым. Если у меня в классе не было ручки или чернил, я просто сидел за партой и плакал. Иногда ученики говорили об этом учительнице. Та удивлялась: „Да что, у Андрея нет языка?!“ Если мне надо было в туалет — я боялся отпроситься.

Вспоминаю, как с ужасом увидел, как увозили по улице умерших от голода — без гробов, замотанных в тряпки; и услышал разговоры о людоедстве.

Но я упорно, до потери сознания продолжал учиться. Много книг читал. Учеба мне давалась с трудом. Часто болела голова, кружилась. И внимание у меня было какое-то рассеянное. Мне и сейчас трудно сосредоточиться на чем-то».

Интересная деталь автобиографии. Со всей очевидностью она должна работать на версию будущего психического нездоровья: с раннего детства болела и кружилась голова. Может быть, так оно и было, но нельзя исключить и того, что автор подстилает соломки, дабы впоследствии ссылаться на травмированную детскую психику. Или хватается за соломинку?

«Я плохо видел написанное на доске — врожденная близорукость, сейчас у меня очки: — 4,0. Я боялся

спросить, что написано на доске, плохо различал — нервничал, плакал. Очков у нас и не было в те годы, нас не проверяли на зрение, а потом с возрастом боялся клички „очкарик“. Очки я стал носить только с тридцати лет, когда женился.

Так как в школе я не усваивал материал со слов учителя — по рассеянности, а с доски — по слепоте, то усиленно занимался дома самостоятельно, по учебникам. Так появились у меня скрытность, уединенность, отчужденность.

Когда меня дразнили „скелет“ и били, преследовали, я прятался в свой огород — ждал, когда вечером поздно придет мама с работы, плакал и мечтал, что придет мой старший брат Степан и меня защитит.

Слезы обиды душили меня всю жизнь. Я стеснялся даже того, что появился на свет.

1949 год — 13 лет, 6 класс. Вспоминаю, как в те годы, в холодной хате — каждый раз, когда оставался в одиночестве, — становился на колени перед иконой о углу и молился: „Господи, верни мне папу!“. И в 1949 году мой отец вернулся с войны. Больной, с туберкулезом легких, харкал кровью, лежал, стонал. Нужно было хорошее питание, а его не было. У матери тоже были частые головные боли, но в колхозе не лечили. И не знали болезней в то время.

Отец воевал с 1941 года. Поставили в окопы с пустыми руками: „Вот жди, как убьют товарища, тебе достанется винтовка“. Вырвались из окружения. Партизанили, уничтожали врагов чем попало. Попал в плен. Работал у немцев в шахте.

Освободили американцы. После освобождения подвергся репрессиям, так как, по сталинским канонам, мог работать на немецкую и на американскую разведку. Больного направили на лесоразработки в Коми АССР, затем — в Чувашию».

Таких биографий, таких судеб сотни тысяч. Правда, о своем отце Андрей Романович пишет несколько схематично, как-то не от души, а по-книжному, и порой возникает ощущение, будто легенда придумана недавно, уже после того как ее автор стал подследственным. И на суде отец то и дело возникает в репликах обвиняемого как-то странно, точно сошел с лозунга или плаката: мы с батькой всю жизнь боролись за победу коммунизма во всемирном масштабе… мы с батькой как заспиваем «Распрягайте,

хлопцы, кони…».

Могло быть и так.

> «1950 год. Старался в учебе опережать товарищей. Участвовал в художественной самодеятельности. Правда, в коллективных формах — хор, литературно-музыкальный монтаж. Был редактором стенной газеты во всех классах. Оформлял всю документацию пионерского отряда, потом — комсомольской группы. В школе допоздна чертил пособия по разным предметам.
>
> 1951 год. Закончил семь классов нашей семилетки. Летом работал в колхозе. Хотел поступить в ремесленное училище. Но не приняли по состоянию здоровья — худой и слепой. Я очень переживал».

Кажется, он решил бить на жалость. Знавшие его в раннем юношестве — односельчане, школьные товарищи — в один голос утверждают, что парень он был физически крепкий. Прозвище носил такое: Андрей-Сила.

Что же до пионерско-комсомольской одержимости — нет причин сомневаться.

> «Открыли впервые у нас восьмой класс, и я пошел в 8-й класс в родной школе. В одиночестве постоянно читал в витрине газету „Правда“ возле конторы колхоза.
>
> 1952 год. Летом работал в колхозе на кирпичном заводе. В печи завода однажды на меня обрушилась кладка кирпичной стены. Я дома долго лежал в крови. Болела голова. Тошнило, рвало. Со мной работали одноклассники Силенко, Коваленко.
>
> 1953 год. Умер Сталин. Был митинг. Я плакал и хотел съездить в Москву, но денег на билет не было. Мы тогда были очень идейными. Верили в скорую победу коммунизма во всем мире. Постоянно маршировали по улицам с песнями:
>
> И как один умрем
> В борьбе за это.
>
> Летом я работал в совхозе имени Крупской. Убирали сено или солому конными граблями. Мои лошади с испугу меня понесли по дороге, я упал на железные

прутья конных грабель. Меня волочило и било по каменной дороге. Очнулся в районной больнице с сотрясением мозга, лечился».

Опять о травмах головы. Возможно, сработает. Между двумя травмами — смерть вождя. Переживания и обстоятельства изложены правдиво. Мы сами, тогда подростки чуть моложе Андрея, ужасно переживали кончину вождя и учителя, и нам доводилось не раз и не два бывать на полевых работах, что приводило порой к травмам. Несколько настораживает упоминание в автобиографии повреждений только одного рода — травм головы. Однако каждый имеет право на защиту и пользуется им, как умеет.

«1954 год. Закончил десять классов. Хоть ходил я в старом, заштопанном, в латках костюме, но мне нравилась в 10-м классе девушка, Лиля Барышева. Она жила в железнодорожной будке на станции — мы были у нее однажды с одноклассниками. Мне нравилось, как она играла роль партизанки в самодеятельном спектакле. Нравились ее скромность, женственность. Нас учили в школе возвышенной любви. Мне нравились веснушки на лице Лили. Какие у нее глаза, я не знаю, своими близорукими глазами я не мог в них заглянуть.

Но были у нас с Лилей и близкие отношения. Вплотную, рядом мы сидели однажды в кинотеатре, соединив плечи, затаив дыхание. Я боялся, чтобы наши одноклассники не заметили нас, что мы сидим не шелохнувшись. Я хотел всегда поговорить с Лилей или зайти к ней домой попутно, но никогда не посмел.

На нашей сельской улице сидели ребята и девчата. И я иногда, правда очень редко, был с ними. Дело в том, что я был единственным десятиклассником на двух этих улицах. Остальные работали в колхозе или бездельничали. Меня считали слитком грамотным. Я видел, как они играли, катались по траве, как ребята щупали девчат.

Но я мечтал о высокой любви, как в кино, в книгах. если ко мне подсаживалась девушка, я стеснялся, боялся, не знал, как вести себя, робел, дрожал, старался подняться со скамейки. Родители всем детям ставили меня в пример: „Какой Андрей тихий, скромный, и учится в десятом классе, и дома работает, и в колхозе“. А меня это бесило — я был одиноким, отчужденным. И я видел один выход — проявить себя в науках, в труде и

ждать высокой любви».

Его бывшие одноклассники и вышедшие на пенсию учителя ахтырской средней школы подтверждают эти слова — насколько помнят и насколько знают. Что же касается ожидания высокой любви, о котором 56-летний Андрей Чикатило сообщает чуть старомодным слогом, то оно вполне соответствует официальному стилю эпохи: нас учили, какая любовь правильная, а какая — порочная.

Полагаем, что эти подробности будут не лишними. Читатель, без всяких сомнений, давно уже совместил в одном лице дядьку в вагоне, дедушку, учителя, филолога, очкарика, филателиста, начальника отдела снабжения — и Андрея Романовича Чикатило, который обвиняется в 53 убийствах, совершенных с особой жестокостью. Чтобы залезть в его душу и разум, если можно назвать такими хорошими словами темный внутренний мир, полезно знать об индивиде как можно больше. Психологический — и психиатрический — портрет лепится из деталей, которыми в иных обстоятельствах можно бы и пренебречь.

Обстоятельства, увы, не иные, а такие, какие они есть. И, пересилив себя, не станем опускать подробности, сколь гадкими они ни казались бы.

> «Но весной 1954 года, в 10-м классе, я однажды сорвался. К нам во двор зашла Таня Бала, тринадцати лет. Из-под платья у нее выглядывали синие панталоны. Она спрашивала сестру, которой в то время не было дома. Я ей сказал об этом, но она не уходила. Тогда я толкнул ее, повалил, а сам лег на нее. Это было под деревьями. Я ее не раздевал, не трогал и сам не раздевался. Но только я лег на нее, как у меня наступило семяизвержение…»

Вот тебе и возвышенная любовь! Правда, у классиков прошлых веков подобные случаи, кажется, не описаны (что не означает, будто в те времена их не было, — еще как было!). Однако не все происходящее становится предметом литературы.

Обратите внимание на оборот: «У меня наступило семяизвержение». Он повторит его множество раз, вспоминая совсем иные шалости. Смертоубийственные.

> «Я очень переживал эту свою слабость, хотя никто этого не видел. И после этого несчастья я решил укротить свою плоть, свои низменные побуждения. Затем написал клятву: „Pizda — орган размножения человека.

Клянусь не трогать ничьей, кроме своей жены“. Клятву спрятал в укромном месте».

Как явственно сквозь мотивы укрощения плоти проглядывает откровенное вожделение! Именно здесь — до тюрьмы один-единственный раз, насколько нам известно, — Андрей Романович, тогда еще просто Андрей, употребил нецензурное слово, начертав его латинскими буквами. Впоследствии он и этого себе не позволял. Если не удавалось избежать сексуальных тем, изъяснялся исключительно эвфемизмами. Деликатно.

«В то время я очень много читал. Особенно любил книжки про партизан, боготворил „Молодую гвардию“. Выучив уроки письменные и устные, я чертил таблицы. У меня были два любимых занятия. В средних классах я решил изобразить бесконечный ряд порядковых чисел и написал почти до миллиона. В восьмом классе решил сделать подробный атлас, по всем областям и районам. В учебнике географии на каждой странице у меня была написана фамилия генсека этой страны, так как я был убежден, что коммунизм уже наступает».

Всех нас заставляли зубрить имена видных деятелей коммунистического и рабочего движения. Этот бред надлежало знать назубок, когда принимали не то что в партию — в комсомол, а может быть, даже в пионеры, десяти лет от роду. И потом, когда выпадало распределяемое сверху счастье съездить за границу, то в райкоме, прежде чем выпустить (как они говорили — «дать добро»), то и дело вопрошали: а кто возглавляет коммунистическую партию Румынии? Монголии? Уругвая? — словно от этого и только от этого зависит твоя политическая благонадежность. Стоишь перед маразматиками с чуть ли не дореволюционным партийным стажем и мучительно вспоминаешь: товарищ… как его… дай Бог памяти… И откуда-то из подсознания — о счастье! — выплывает фамилия, словно приклеенная к названию той страны, куда тебя посылает родина. И выговариваешь ее по слогам, непременно путая ударение, но это уже сущие пустяки, ибо маразматики тоже не знают, куда его ставить.

До чего же совершенен человеческий мозг, как хороши его защитные механизмы! Вышел из райкома-горкома, и напрочь вылетели из головы фамилии знатных коммунистов. Императоров из учебника истории, какого-нибудь Фридриха Барбароссу до старости помнишь, а эти — фьюить! До следующей поездки или до следующего приема куда-нибудь, во что-нибудь. Ну кто сейчас

помнит имя главного коммуниста Парагвая при кровавом диктаторе Стресснере? Вождя прогрессивных сил при президенте Сукарно?

У всех нормальных молодых людей имена партийных лидеров вылетали из головы горохом, за ненадобностью. Андрей их записывал в учебник географии.

И еще на один мотив обратим внимание: то и дело Чикатило обращается к партизанской теме. В какой роли покорила его Лиля Барышева? Про кого он любил читать книжки? Помимо «Молодой гвардии» среди любимых книг упомянул он в интервью напрочь забытые сейчас романы «Подпольный обком действует» и «В плавнях» — о подпольщиках, о партизанах. При всяком удобном случае вспоминает партизанское прошлое своего отца. Что это — тяга закомплексованного парня к героике? В партизанщине переплетаются скрытность и вольница, тайное и бесшабашное, дисциплина и вседозволенность. Взрослеющий юнец, озабоченный мировыми проблемами и собственной сексуальной жизнью, — не в этом ли виделось ему раскрепощение?

А три десятилетия спустя неосуществленные мечтания вылились в жуткий жертвенный ритуал над неостывшим еще мальчишеским трупом…

Андрея Чикатило не раз исследовали психиатры, сексопатологи, психологи. Среди несхожих точек зрения, высказанных специалистами, была и такая: его нельзя казнить. Даже если закон позволяет — нельзя. Необходимо сохранить этот продукт фальши, жестокости, бесчеловечности и фарисейства. Оставить в живых для детальных исследований, дабы избежать распространения психической заразы, рядом с которой СПИД покажется ненамного страшнее неприличных насекомых, по поводу которых Андрей Романович обращался за советом к даме-провизору в аптеке на улице Энгельса.

Состоится ли такое исследование? Не верится. Чикатило отвечает за свои поступки — так говорит экспертиза.

Все это так. Но кто бы объяснил хоть в общих чертах, как и почему робкий деревенский паренек, наверное, не без способностей и хороших задатков, сподобился называться преступником века?

Не полагаясь на собственные силы, мы попросили профессионала составить психологический портрет Андрея Чикатило. И для этого пригласили в Ростов-на-Дону доктора Дмитрия Юрьевича Вельтищева, известного московского психиатра и психоаналитика. Нашему эксперту была предоставлена возможность познакомиться со всеми доступными материалами и понаблюдать за подсудимым во время суда.

Передав нам свое краткое заключение, доктор Вельтищев просил ни в коем случае не считать его соображения истиной в последней инстанции, а тем более подтверждением или, напротив, опровержением ранее состоявшихся экспертиз. Профессиональная зарисовка, набросок к психологическому портрету, не более.

Вот цитата из заметок доктора Вельтищева:

> «С детских лет характер Ч. отличался замкнутостью, повышенной ранимостью, сенситивностью и тревожностью. Трудности контактов со сверстниками, особенно с девочками, боязнь попроситься в туалет во время уроков, обратиться к незнакомым людям были связаны с переживаниями собственной неполноценности, которые компенсировались необычными увлечениями: рисованием карт, построением численных рядов, — а позднее увлечением идеями сталинизма, переписыванием имен коммунистических вождей. В своих фантазиях он представлял себя генеральным секретарем партии, выступающим с трибуны. Переживание враждебности окружающего порождало чувство ненависти, возрастающее с годами. Постепенно стирались депрессивные состояния — с проявлением бессильной ярости, переживанием чувства обиды и ощущении собственной неполноценности. Началась переоценка собственной личности, появились мысли о собственной исключительности. Наиболее ярко это прослеживается в подростковом возрасте, когда возникшее чувство неполноценности, связанное с неудачным сексуальным опытом, компенсировалось повышенным интересом к учебе, увлечением марксистской философией, ожиданием скорого коммунизма как избавления от несправедливости и враждебности окружающего мира».

Проследуем дальше, вдоль жизненного пути юноши Андрея.

Немногие мальчики из сел и маленьких городков успешно заканчивали в те годы десятилетку: чтобы работать в колхозе, МТС или на местной фабрике, среднее образование ни к чему. Только время тратить и мозги сушить. Но для тех, кто получил аттестат, столь же естественно было не оставаться в глуши, а двигать в культурные центры и поступать там в высшие учебные заведения.

Андрей Чикатило сразу сделал крупную ставку — поехал в Москву и подал документы не во второразрядный институт, а на

юридический факультет Московского государственного университета имени Ломоносова.

Привилегированный факультет самого престижного в стране университета.

В своей украинской провинции, напичканный идеями о всеобщем равенстве в первом на земле социалистическом государстве, он, возможно, не понимал степени риска. Сумской пединститут был несравненно доступнее, но человек, воображающий себя генеральным секретарем всех советских коммунистов, не вправе размениваться на провинциальные вузы.

Он утверждает, что преодолел все конкурсные испытания, сдал экзамены только на «хорошо» и «отлично», однако принят не был — по его словам, из-за репрессированного отца — партизана. То есть по политическим мотивам.

Такое вполне могло произойти. И происходило. И отшибало начисто политические мечтания у большинства. У Андрея Чикатило не отшибло.

А что, если бы его все-таки приняли?

Настойчивый в учении сельский парень, преданный коммунистической идее, даже будь он не семи пядей во лбу, имел все шансы на благополучную карьеру (в чем без труда можно убедиться на многочисленных примерах когда-то коммунистических, а затем благопристойно демократических лидеров). При его целеустремленности, при фанатичной вере и знании имен выдающихся коммунистов всех времен и народов да при удачном раскладе — кто знает, вдруг бы осуществилась юношеская мечта? Можно подумать, что Леонид Ильич или Константин Устинович звезды с неба хватали…

И звучит вполне прилично: Андрей Романович Чикатило, генеральный секретарь ЦК КПСС. Образование — высшее, юридическое, уроженец Сумской области, женат, двое детей. Член КПСС с 1959 года. Все как надо.

А что, неплохого генсека получила бы ленинская партия. Не хуже многих других. Как раз в восьмидесятые годы, ближе к своему пятидесятилетию, вошел бы он в полную силу и, вместо того чтобы с ножом и веревкой в портфеле шастать по пригородным вокзалам, сидел бы в президиуме, вручал переходящие знамена, обнимался с Фиделем Кастро… И где была бы тогда перестройка и все, что после нее и вместо нее?

Приятно, знаете ли, пофилософствовать за чашкой кофе, ничем особенно не рискуя. История, однако, не знает сослагательного наклонения. Андрея Чикатило не приняли на юридический факультет. Он вернулся домой и поступил в ахтырское техническое училище связи.

Профессиональное училище, по-старому ремесленное, в стране победившего социализма не закрывало пути к желанным должностям, просто делало его несколько извилистым. Более того, начать с рабочей профессии считалось для партийной карьеры признаком хорошего тона, и многие деятели, достигшие со временем высоких постов, начинали с малого, а уж потом, намеченные к повышению, завершали образование в одном из партийных учебных заведений. Бывало и так, что, пробиваясь в партийные начальники, сочиняли правдоподобную легенду о рабоче-крестьянском прошлом.

И этот путь был для него закрыт. Верный политическим убеждениям и упорный в учебе, Андрей Чикатило оказался недостаточно целеустремленным: от высокой цели его постоянно отвлекали характерные для юношеского возраста терзания плоти.

До нас дошло относящееся к 1955 году свидетельство его сверстницы, имя которой мы не считаем возможным назвать; она жила тоже в селе Яблочное, через дом от семьи Чикатило.

Девочка была дружна с сестрой Андрея. На него самого она обратила внимание, когда он вернулся из Москвы, не поступив в университет. Высокий, темно-русый, с приятной внешностью, начитанный. Не повезло в Москве, но это пустяки, жизнь только начинается.

Молодые люди стали встречаться и были неразлучны полтора месяца. В юности это большой срок. Он был ласковый и добрый, вспоминает женщина (сегодня ей за пятьдесят), но, когда они решили наконец перейти в своих отношениях последнюю черту, Андрей потерпел неудачу. Она показалась ему более сокрушительной, чем провал на вступительных экзаменах.

У него ничего не получилось.

Эко дело! В юности такое бывает сплошь и рядом, и не только в юности. Лишь последний хвастун станет утверждать, что никогда не знал поражений.

Но в юности это воспринимается острее. Несоразмерно истинному значению неудачи.

Они попробовали снова — на лугу по дороге в соседнее село. Народу ни души, тепло, трава высокая, птички поют… хорошо… И опять ничего не вышло.

И в третий раз тоже.

После третьего раза они расстались. Можно только догадываться, что пережил несостоявшийся любовник. Неудача напомнила ему о юношеской клятве, которую он так и не сумел сдержать, и вновь вызвала сомнения в собственной мужской полноценности. Противоположный пол, такой привлекательный, такой вожделенный, виделся ему все более недоступным.

Душевные терзания оказались сильнее плотских.

А во всем остальном, что в учебе, что в общественной жизни, — сплошные успехи. Примерный парень, показательный, плакатный. Даже внешне: рослый, сильный, взгляд серьезный, пронзительный. Разве что немного сутуловат. Училище связи закончил через год с отличными оценками. Работы по специальности сколько угодно, на выбор. Он выбрал то, что потруднее, — пошел в райком и по комсомольской путевке отправился на Урал, на ударную стройку. Их тогда полным-полно было, ударных строек. Почти столько же, сколько фильмов про них.

В тайге под Нижним Тагилом он строил линии электропередач. Тянул провода, карабкался на мачты. Летом жара, гнус, зимой трескучие морозы, пальцы примерзают к металлу. В вагончике, оборудованном под временное жилье, по ночам вода замерзает в ведре. Но это все пустяки. А главное, как пели по радио для поддержки строителей коммунизма, «главное, ребята, сердцем не стареть». Такая стройка — отличное начало трудовой биографии для юноши, не желающего оставаться на вторых ролях. К тому же он сохранил похвальную мечту об учебе, не забывал ленинские слова «учиться, учиться и еще раз учиться…», которые вождь пролетариата, как потом оказалось, и не произносил, и еще «коммунистом можно стать только тогда, когда овладеешь…». Чтобы овладеть знаниями, он, работая под Нижним Тагилом, поступил на заочное отделение Московского электромеханического института. Проучился два года, и тут его забрали в армию. Учеба на заочном отделении института права на отсрочку не давала, и с надеждой на инженерное образование пришлось расстаться. Но высшее образование он в конце концов получит, упорства ему не занимать.

А что же личная жизнь? Из кинофильмов и задушевных песен советских композиторов можно сделать вывод, что и в самых суровых условиях на фоне ударного труда и всеобщего энтузиазма расцветали повсеместно чистые и высокие чувства между строителями коммунизма разного пола. О существовании однополой любви в те годы упоминать считалось неприличным, хотя, надо полагать, при подавляющей численности энтузиастов и явной нехватке энтузиасток в одних краях и обратном их соотношении в других она тоже имела место.

Ладно, насчет повального распространения высоких чувств деятели искусства могли несколько приукрасить. Но ведь предавались плотской любви молодые энтузиасты? Еще как, при всяком удобном случае. Хотя и оставаясь за кадром, прячась меж песенных строф.

И наш герой пытался время от времени найти свое личное счастье, но, к сожалению, без успеха. Как и в родном селе — не получалось, и все тут. Один сексопатолог, познакомившись с делом Чикатило, меланхолически заметил: «Мы такие случаи лечим».

В пятидесятые годы не было у нас в стране сексопатологов. Ну разве что нелегальные. Если нет секса и нет патологии, так на кой ляд сексопатологи?

Вот специалисты по тропической медицине у нас всегда были. У нас же повсеместно пальмы, колибри и мухи цеце.

Летом пятьдесят седьмого года Андрей взял отгулы — энтузиасты работают месяцами, не зная выходных, — и без билета (не смог купить в кассе), с десятками пересадок, по железной дороге и на попутках, отправился в столицу на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Это был первый настоящий праздник после десятилетий сталинской казенщины. На улицах пели и танцевали, ходили настоящие иностранцы, их можно было потрогать руками. КГБ следил, но не вмешивался.

В дни фестиваля, запомнившиеся до мелочей, мы шатались по одним улицам с Андреем Чикатило, может, сталкивались нос к носу, а то и держались с ним за руки в каком-нибудь хмельном ночном хороводе. Ему, как и нам, были внове иностранцы, тянуло к ним, хотелось узнать, что у них за жизнь, как там развивается классовая борьба и скоро ли будет покончено с властью поджигателей войны, чтобы наступила наконец мировая коммунистическая гармония.

Все мы были оболванены. Ну большинство.

Андрей встретил на фестивале симпатичного комсомольца, не то австрийского, не то бельгийского, и долго с ним переписывался — пока было позволено. Год спустя, в армии, он приставлен был к секретным делам и дал соответствующую подписку, согласно которой никакие контакты, даже письменные, с иностранцами не разрешались. И не то что со знакомыми, а даже с родственниками, если таковые обнаружатся. Дружба дружбой, фестиваль фестивалем, а бдительность на первом месте.

Фестивальные празднества пролетели, и он без копейки в кармане — все в столице спустил — двинулся обратно в тайгу. Опять без билета, на перекладных. Всю жизнь любил он ездить в поездах, ему лишь бы прилечь на краешке жесткой скамьи, на худой конец прикорнуть в уголке — и тут же заснуть. А пока спишь, колеса знай себе версты наматывают.

В армии он служил сначала в Средней Азии, в погранвойсках. Потом ему дали работу по специальности — обслуживать линии связи. И не какие-нибудь, а сверхсекретные, по ведомству

госбезопасности. И не где-нибудь, а в форпосте мира и социализма в Европе, в Берлине, столице ГДР. Здесь он вступил в коммунистическую партию, в которой пробыл без малого 25 лет — до исключения в 1984 году.

Армейская служба, для многих нелегкая, а кое для кого и невыносимая, Андрею пришлась по душе. Работа по специальности, и не в дыре какой-нибудь, а в европейской столице. Конечно, режим строгий, не погуляешь, и без девушек скучно, мучают разные мысли. Но, с другой стороны, так и спокойнее. Хотя и мужское общество не всегда приятно: тут тебе и мат, и разговорчики похабные, и издевки — мол, мужик ли ты, Чикатило, или баба, как заговорим о девках, так ты краснеешь…

Отслужил Андрей Чикатило в специфической части положенные годы, демобилизовался и заехал ненадолго в родное село. Погостил у родителей, немного поработал в колхозе, но потянуло его к городской жизни. И подался он в Новочеркасск, где подыскал себе работу по специальности, на узле связи. Было это в 1961 году, а год спустя он переехал в соседний район, в станицу Родионово-Несветайскую, что в сорока километрах от Ростова. Что побудило его сменить место жительства, сказать трудно. Хотя Родионовка, как называют ее для краткости, и районный центр, но гораздо меньше, провинциальнее Новочеркасска: ни тебе серьезной промышленности, ни высших учебных заведений. Может быть, просто подвернулась ему в станице работа поспокойнее — не тянуть провода по степи, а обслуживать районный радиоузел. А может, сыграла свою роль одна история, достаточно невинная, когда бы она случилась с кем-то другим, а не с Андреем Чикатило.

Бригада, в которой он работал, — естественно, одни мужики, — тянула линию связи неподалеку от поселка Хотунок. После обеда решили немного отдохнуть. Нашли место в тенечке, в лесопосадке. Поговорили о том о сем, рассказали пару похабных анекдотов, посмеялись, перешли на извечную тему — о женских прелестях, о том, у кого какой подход к женскому полу. Словом, обмен опытом. Андрей при таких разговорах всегда чувствовал себя неуютно, краснел и бледнел, вызывая насмешки товарищей, впрочем, беззлобные. На сей раз пылкое воображение нарисовало ему с чужих слов такие соблазнительные картины, что он не выдержал, резко поднялся и скрылся среди деревьев.

Минуту спустя бригадир пошел вслед за ним — то ли по нужде, то ли решил посмотреть, что с парнем. Увидел, чем тот занимается в кустах, и не хватило бригадиру ума промолчать. Вернулся и громогласно, не подбирая нежных слов, выложил все, что видел. В ответ раздалось громогласное жеребячье ржание.

Андрей готов был сквозь землю провалиться. Над ним подшучивали не один день, правда, не при посторонних. И вполне возможно, что этот случай стал причиной увольнения из бригады. Кому же понравится, когда взрослого человека застают за рукоблудием. Вот он и решил переехать подальше от насмешек и сальностей.

В Родионовке жизнь текла размеренно и спокойно. Он получил небольшую квартиру. Его удачи по части добывания жилья, необъяснимая легкость, с которой решались для него житейские проблемы, для многих наших сограждан абсолютно неразрешимые, начались именно здесь, в Родионовке. Он выписал к себе родителей из Сумской области, купил для них — опять же удачно — хутор неподалеку от станицы. Там его сестра Татьяна вышла замуж, там и осталась жить.

Помимо чтения книг о войне, в Родионовке у Андрея появилось еще одно увлечение — он стал внештатным корреспондентом районной газеты «Знамя». Не поленимся найти старые подшивки: о чем же писал молодой Андрей Романович?

В ПЕРВЫЙ РАЗ — ЗА ПАРТЫ

Как дорогих и желанных гостей встретили педагоги выделянской восьмилетней школы первоклассников.

Их поздравляли с этим важным событием директор школы Владимир Александрович Говоров, учительницы Надежда Яковлевна Фрукалова, Прасковья Нестеровна Третьякова.

А первая учительница первоклассников Нина Афанасьевна Базылева сказала:

— Дорогие дети, даже солнышко радуется, что вы сегодня пришли в школу.

Серебряным звоном залился первый звонок.

Восьмиклассники провожают новичков в их класс. Первый урок открывается литературным монтажом «Букварь».

Валя Рожненко, исполняющая роль Букваря, показывает детям, из каких букв складываются самые дорогие слова: «Мир», «Родина», «Мама».

Родина дала детям все: и мирное чистое небо над нами, и эти светлые просторные классы.

Старшеклассники преподносят малышам изготовленные своими руками подарки.

С директором школы идем в колхозную бригаду. В бригадном доме вывешены фотоснимки лучших учеников школы. На стенде — «Голос школы» — свежий

выпуск стенной газеты, посвященный началу нового учебного года.

Школа и колхозники бригады живут дружно. Во всем чувствуется горячая заинтересованность земледельцев делами школы.

И хочется верить, что общими усилиями школы, родителей, всей общественности выделянские педагоги и школьники добьются больших успехов в новом учебном году, достойно встретят 100-летие со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

Пусть же новый учебный год явится значительным шагом в осуществлении мечты ребят — быть нужным, полезным любимой Родине!

А. Чикатило

Право же, совсем недурно. Все на месте: солнышко, серебряный звонок, самые дорогие слова, мирное чистое небо над нами, хочется верить, столетие Владимира Ильича, любимая Родина… Почти так же хорошо, как в «Правде». Недаром внештатный корреспондент читает ее от корки до корки.

Он был филологом задолго до поступления в университет. Диплом требовался ему для порядка. Как документальное подтверждение.

Этот текст из газеты от 5 сентября 1969 года мы привели всего лишь как образчик слога. За время жизни в Родионовке Андрей Романович напечатал множество статей и заметок. Сообщал о переписи населения, о спортивных соревнованиях, о трудовых подвигах родионовцев. Писал с удовольствием. Во-первых, дело архиважное, недаром Ильич говорил, что газета не только коллективный пропагандист и агитатор, но еще и коллективный организатор. Во-вторых, всех, кто имеет отношение к газете, побаиваются (мало ли какую гадость про тебя напишет) и уважают (при желании может и прославить нужного человека). А в-третьих, кому не лестно увидеть в газете статью за собственной подписью?

Иногда он подписывал статьи так: А. Чикотило, через «о» в середке, на украинский манер. В паспорте он через «а», в следственных и судебных делах — тоже, что даст ему повод заявить на суде о преследовании по национальным мотивам, умышленном искажении фамилии и прочих грехах, вполне сопоставимых, по его мнению, с вампиризмом и каннибализмом. Впрочем, в газете могла быть и опечатка.

Первую свою статейку Андрей Чикатило тиснул в районной газете по обстоятельствам романтическим. На радиоузле он

познакомился с коллегой-связисткой, которая ему сразу же приглянулась. Неопытный в отношениях с прекрасным полом, он решил добиться ее расположения, написав ко Дню энергетика о трудовых достижениях своей избранницы. Коллега была польщена и скромные ухаживания автора заметки принимала благосклонно. Товарищи по работе намеревались одно время их поженить, но ничего из этой затеи не вышло: воздыхатель оказался настолько застенчивым, что так и не решился заговорить со своей избранницей на сердечные темы. Свадьба расстроилась.

А газетное писательство, напротив, заладилось.

Вскоре наметился у него еще один роман. В библиотеке, куда Чикатило часто заглядывал, работала девушка, с которой он был не прочь познакомиться поближе, однако не знал, как это сделать, и их отношения ограничивались обсуждением книжных новинок. Эта тема также интересует образованных девиц, но, насколько нам известно, лишь до поры до времени.

Когда же Андрей решился на более энергичные шаги и вознамерился заслать к ней сватов по полной форме, у библиотечной подруги уже пропал к нему всякий интерес.

Зато следующая попытка устроить личную жизнь оказалась успешной. Андрей Романович Чикатило сделал предложение руки и сердца, и оно было принято.

В 1963 году он женился на Фенечке — Феодосии Семеновне Одначевой.

У его сестры Татьяны была в Новошахтинске подруга, немного старше Андрея, девушка скромная и работящая, хорошая, по словам сестры, хозяйка. Татьяна свела ее с братом и сделала все от нее зависящее, чтобы они поженились.

Они прожили вместе двадцать семь лет, до дня ареста. Андрей Романович не уставал повторять — следователям, адвокату, интервьюерам, — что сохранил к Фенечке самые добрые чувства. Что всегда испытывал к ней признательность. После всего, что он совершал с другими женщинами, он возвращался к жене…

Дадим слово Феодосии Семеновне. Поскольку она сменила фамилию и место жительства, мы, надо надеяться, не поставим ее в неловкое положение.

> «До свадьбы никаких интимных отношений между нами не было… С первой же брачной ночи я почувствовала у него половую слабость, он не мог совершить половой акт без моей помощи. Тогда я воспринимала это как застенчивость или скромность с его стороны».

Наверное, он очень ей нравился, если половое бессилие она списывала на застенчивость и скромность.

Тривиальное нарушение здоровья, вот что у него было, нарушение многократно описанное, хорошо изученное, встречающееся гораздо чаще, чем полагают несведущие люди.

Комиссия сексопатологов Московского института психиатрии Минздрава России сделала такое заключение:

> «У Чикатило А. Р. выявлена слабая половая конституция на фоне органического снижения порогов возбудимости центров эякуляции. Этим обусловлено легкое достижение семяизвержения (без дополнительной стимуляции половых органов, без полового акта) при сексуально значимых действиях».

Можно только пожалеть молодоженов. Они не имели представления, как им поступить. Им негде было получить консультацию. Да они и не думали обращаться к врачам. Жили, как живется. Плохо ли, хорошо — но семьей. Есть и другие радости в семейной жизни.

Супругов можно пожалеть. И ее, и его.

А его жертвы? Довольно ли будет жалости?

Лет десять назад мы имели удовольствие познакомиться с блестящим рижским хирургом Виктором Калнберзом, директором Латвийского института травматологии и ортопедии. Он принимал нас в кабинете, увешанном фотопортретами с автографами. Многие лица узнавались сразу — актеры, писатели, политики. «Это конфиденциально», — предупредил нас профессор. Мы стали читать надписи на фотографиях: спасибо за возвращенную молодость… спасибо за продолжение мужского счастья… спасибо… спасибо… И по наивности спросили: неужто все эти знаменитости ломали себе руки и ноги? Профессор вообще-то большой специалист по лечению травм, но про руки и ноги этих пациентов он сказать ничего не мог. Достоверно он знал только о том их органе, от которого в немалой степени зависит мужское счастье. В некоторых случаях он знал, как его отремонтировать хирургическим путем. Эндофаллопротезирование — так это называется. Помогает не всегда, но тем не менее…

Вряд ли можно предположить, что рижский профессор с мировым именем сумеет принять тысячи обездоленных и обделенных судьбой парней и мужиков. Но есть же и другие врачи, пусть не с такой славой. И невдомек несчастным, что подлечивается и ремонтируется их мужское достоинство, что это — болезнь, с которой надо обращаться к врачу. Однако система

воспитания долгие годы была такой, что все, относящееся к половой сфере, считалось срамным, постыдным, не подлежащим обсуждению. А обратись тогда молодой муж — по своей ли инициативе, по настоянию жены — к приличному специалисту, глядишь, иначе бы обернулась вся его жизнь. До поста генсека он, наверное, все же не добрался бы, но и на тропу людоеда не вышел.

Все это, однако, из зыбкой сферы предположений. Вернемся к фактам.

Редкие удачи на супружеском ложе — по признанию обоих супругов — обернулись родительским счастьем. В 1965 году родилась дочь Люда — вылитый отец, в 1969-м сын Юра — весь в мать. Так часто бывает. И говорят — к счастью…

Незадолго до рождения дочери Андрей Романович поступил на филологический факультет Ростовского университета. Ему было тогда под тридцать. Бросить работу он не мог, надо кормить семью, и он поступил на заочное отделение. Учился вечерами, после работы. На общение с сослуживцами и соседями, на времяпрепровождение, обычное в провинциальных городках, сил просто не оставалось. Андрей Романович заслужил репутацию человека замкнутого и молчаливого. Возможно, он и был таким. Но даже окажись у него свободное время, вряд ли он стал бы общаться с этой публикой. Он человек современный, начитанный, стремящийся к образованию, без пяти минут специалист с университетским дипломом, внештатный корреспондент газеты.

Чтобы показать пропасть, которая отделяет его от приятелей юности, он говорил им при встречах, что давно закончил университет, защитил кандидатскую диссертацию и испытывает тягу к педагогической работе. Приятели выслушивали его, особенно не удивляясь: все может быть. И диссертацию защитить нынче не фокус.

Чем ближе был заветный диплом филолога, тем больше тяготила Андрея Романовича его служба в радиоузле, не очень-то престижная для человека его полета. И он меняет работу. В первый и последний раз в своей жизни он занимает пост, который можно занять только с согласия районного комитета партии. Пусть и невелика должность, однако номенклатурная: председатель районного комитета по делам физкультуры и спорта.

Из этой точки в самом низу административно-партийной иерархии его партийная карьера еще могла пойти по восходящей, но не настолько высоко, как виделось ему в юношеских мечтах. Поздновато занял номенклатурный пост товарищ Чикатило А. Р., аж в тридцать четыре года. В головной вагон он со всей

очевидностью не успел, однако вполне еще мог зацепиться за хвостовые, и партийный поезд, если не тормознуть где-нибудь по недомыслию, мог бы довезти его до станции назначения весьма почтенной. С малых районных постов начинались многие партийные карьеры.

Он еще не потерял последнего шанса.

Но и не смог им воспользоваться.

Черная персональная «Волга» с услужливым шофером районному физкультурному начальству, конечно, не полагалась. У Андрея Романовича был мотоцикл. На нем он и колесил по стадионам и спортивным площадкам своего сельского района, заботясь о спортивной жизни подрастающего поколения. О том, чтобы воспитать в Родионовке хоть одного чемпиона мира, и речи не заходило. Председателю приходилось общаться с чемпионами школ и юношеских спартакиад. Он окунулся в мир подростков и в нем почувствовал себя уютно. Этот мир ему понравился.

Подростки тоже его привлекали. По-разному.

В районной газете «Знамя» он излагал официальную версию:

> *ЮНОСТЬ ДЕРЖИТ ЭКЗАМЕН*
>
> Наше государство проявляет постоянную заботу о физическом воспитании молодежи. В Постановлении ЦК КПСС «О 50-летии ВЛКСМ и задачах коммунистического воспитания молодежи» подчеркивается, что комсомол призван (далее подробно перечисляется, что подчеркивает ЦК КПСС и что призван делать комсомол) … быть ведущей силой развития физической культуры и спорта, а комсомольцы активными участниками массового физкультурного движения (после чего следует информации о достижениях сельских спортсменов в выжимании гири, беге, толкании ядра, подтягивании на перекладине и стрельбе)… Метко стреляли ребята из колхоза «Рассвет» В. Дудка и Л. Матыченко. (По-партийному грамотно дозируя позитивную и негативную информацию, физкультурный публицист завершает статью строго.) К сожалению, не все комсомольцы приняли участие в проведении этого важного мероприятия. Секретари комсомольских организаций колхозов «Родина» и «Россия» не обеспечили явку своих комсомольцев для сдачи спортивных зачетов.

Это — из июльского «Знамени» за 1970 год. Следующий обнаруженный нами след, который Чикатило оставил в журналистике, посвящен иным проблемам, более жизненным.

«КОЛЬЦО» — ЭТО ХОРОШО!

Пассажирское автохозяйство ввело новый маршрут — «Кольцо». Эта новинка с одобрением встречена населением. Жители поселка шахты «Несветаевская» для поездки в центр теперь не тратят 40 минут, как раньше: автобус идет через Михайло-Леонтьевскую 20 минут.

Эту заметку за ее краткостью мы привели целиком, от первого слова до последнего. Напечатана она в ноябре 1971 года, но уже в другой газете — не в родионовском «Знамени», а в новошахтинском «Знамени шахтера».

Богатая фантазия у деятелей партийной печати. Как это только они не путали свои газеты?

Сменить же печатный орган нашего корреспондента заставили жизненные обстоятельства. Между цитированными выше публикациями в его жизни произошли значительные события:

— он закончил университет;

— он так и не достиг успехов на партийном поприще;

— он счел физкультурно-спортивную деятельность неперспективной и оставил ее навсегда;

— он переехал в город Новошахтинск;

— он стал педагогом.

Его криминальная биография начинается отсюда.

Глава XII
Мелкие шалости. 1970–1978

Его криминальная биография начинается с учительства.

Сама фраза звучит парадоксом, но это так.

Оставив спортивно-партийную стезю, он решает посвятить себя преподаванию русского языка и литературы. Для человека, окончившего университет, вполне естественно искать себе работу по новой специальности. В семидесятом году Андрей Романович Чикатило в соответствии с только что выданным дипломом стал школьным учителем.

Однако для смены профессии была у него по меньшей мере еще одна причина.

На спортивных соревнованиях, разглядывая разгоряченных бегунов и бегуний, толкателей и толкательниц, волейболистов и волейболисток, он, поначалу сам того не замечая, стал все более возбуждаться от вида полуобнаженных молодых тел. Его волновал запах пота в раздевалках и разбросанная на деревянных скамейках одежда. Девочки с едва намеченной под спортивной майкой грудью, узкобедрые мальчики с длинными ногами… Ему противна была мысль, что рано или поздно соревнования окончатся и придется возвращаться в свой кабинетик районного председателя. Его тянуло вслед за подопечными. В общежития, в училища, в школы.

Он колебался недолго.

Новошахтинской школе-интернату № 32 требовался учитель его специальности, и Андрея Романовича Чикатило, человека солидного, пусть и без педагогического опыта, но уже работавшего с детьми, взяли на работу охотно.

В трудовой книжке Андрея Романовича соседствуют две записи:

15 августа 1970 г. принят завучем в школу-интернат № 32 г. Новошахтинска;

1 сентября 1970 г. переведен учителем русского языка и литературы.

Может быть, сразу не нашлось вакансии учителя словесности, а через две недели, когда учебный год начался, кто-то из словесников на работу не вышел. Или была какая-то другая причина… Так или иначе, это первые «педагогические» записи и его трудовой книжке.

Трудовая книжка! Второй паспорт советского человека, сопровождающий его всю жизнь с начала общественной полезной

деятельности и до пенсии. Без нее не возьмут на работу, без нее не дадут пенсии. Без нее ты — ничто, лицо без определенных занятий, деклассированный элемент. Не приведи Господь потерять — беги собирай справки по старым местам службы, доказывай, что ты не дармоед без трудовой биографии, а трудяга, как всякий добропорядочный советский человек.

Приходишь в отдел кадров на новое место, а там сидит отставной полковник, гэбэшный стукач, да не тайный, а всем известный, стучит в открытую, по должности. И берет он у тебя трудовую книжку, листает не торопясь, а там, на линованных страничках, вся твоя подноготная: где служил, как служил, за что уволен. Если по собственному желанию — это еще ничего, по сокращению штатов — уже подозрительно — хорошего работника не сократят, а хуже всего по статье: это уже волчий билет.

И не пожалуешься, потому что все по закону: в этой самой книжке напечатано особое постановление Совнаркома, подписанное всесоюзной «железной задницей», самим Вячеславом Михайловичем Молотовым…

В общем, приняли Андрея Романовича на работу в школу-интернат и попал он в свою стихию.

Как хорошо, наверное, ему было, разбирая перед равнодушным к словесности классом образы Евгения Онегина и Пьера Безухова, пройти по классной комнате, положить ученице руку на плечо, обтянутое коричневой школьной формой, и снять руку так, чтобы она, словно нечаянно, скользнула по груди, ощутила выпуклость под грубой тканью. Как хорошо, объясняя глагольные формы, обвести класс глазами, подмечая раздвинутые коленки под короткими школьными юбочками. Как хорошо, записывая отметку в дневник, невзначай коснуться розовой ладошки…

Плохо только то, что от видений и касаний мгновенно вылетали из головы литературные образы и правила грамматики. Единственное, чего хотелось неудержимо, — схватить ученицу в охапку, мять ее, тискать, сдирать с нее фартук, платье и то тайное и манящее, что под ним.

«Так на чем я остановился, друзья?» — спрашивал он у учеников, усилием воли стряхнув наваждение и пытаясь погрузиться опять в стихию великой русской литературы.

По отзывам коллег, он в это время казался каким-то вялым, замкнутым. Ученики не принимали его всерьез, мальчишки в открытую курили при нем в классе. Чуть не целый урок он мог простоять молча у доски, заложив руки за спину и слегка раскачиваясь. За это прозвали его Антенной.

Дети подмечали и несколько навязчивую ласковость нового

учителя. Узнали о ней и коллеги. Но особого значения поначалу не придали, у каждого могут быть свои чудачества. И когда освободилась директорская должность, молодой педагог с университетским дипломом и партийным билетом показался самым подходящим кандидатом на вакансию. Его назначили исполнять обязанности директора и утвердили бы в этой должности, если бы не рассеянность Андрея Романовича. Она невероятно мешала делу. Он все на свете забывал и путал, запросто мог пропустить совещание в районном отделе народного образования, а то и в райкоме партии, — такой грех начальство не прощает. Да и самому Андрею Романовичу не по душе пришлась директорская должность, лишавшая его возможности живого общения с детьми. Исполняющим обязанности он пробыл недолго и с большой охотой перешел на должность воспитателя.

Щуку бросили в реку. Филолог Чикатило не раз цитировал своим воспитанникам это крылатое выражение знаменитого баснописца.

Из записок психиатра Дмитрия Вельтищева:

> «Во время работы преподавателем и воспитателем изменилась сексуальная направленность — наряду с аутоэротизмом он испытывал сексуальное удовлетворение от разглядывания, ощупывания девочек, а в последующем и мальчиков. Стал замечать, что сексуальное возбуждение резко возрастает при сопротивлении и криках партнера. Обычные сексуальные контакты не приносили удовлетворения, отмечалась слабость эрекции, ускоренная эякуляция. Выявилась амбивалентность сексуальности — влечение, любовь и ненависть, стремление унизить, причинить боль определили дальнейшее развитие садизма. Сексуальные действия постепенно освобождались от переживаний стыда и вины, нарастала эмоциональная холодность, раздвоение личности».

Стыд остался в прошлом. Можно представить, как, присаживаясь к девочкам за парту, якобы для того чтобы помочь с домашним заданием, он без малейшего стеснения клал руку на грудь, на коленки. Завел манеру неожиданно появляться в спальне по вечерам, когда девочки раздевались перед сном. Подымался страшный визг, а он стоял, безмолвный и неподвижный, пялился через очки на полуодетых своих воспитанниц, и сквозь стекла сверкали его безумные, ошалевшие от страсти глаза. Потом он резко поворачивался и уходил.

Девочки хорошо знали причуды своего воспитателя. И для

педагогов они не были секретом (то, что мягко обозначено здесь как «причуды», они называли своими именами). Многие видели, что учитель русского языка разгуливает по интернату с руками в карманах, и руки непрерывно движутся, теребя сами знаете что. Мальчишки чуть не в лицо называли его «карманным бильярдистом» — прозвище у подростков ходовое, но редко употребляемое по отношению к взрослым.

Всего этого оказалось мало для того, чтобы погнать его вон, от детей подальше. Потребовались два звонких скандала, прежде чем его поведение получило если не оценку, то по меньшей мере огласку.

Теплым майским днем 1973 года воспитатель школы-интерната Андрей Романович Чикатило повел своих воспитанников купаться на водоем у Кошкинской плотины. Дети быстро разделись и с визгом и гамом полезли в воду. Одни плескались у берега, другие заплывали подальше, что, впрочем, не беспокоило воспитателя: не так уж там и глубоко. Сам он тоже разделся, но остался на берегу. Крупный, жилистый, успевший к концу мая изрядно загореть, он сидел в черных синтетических плавках у самой кромки воды, переводя взгляд с одной воспитанницы на другую. Чаще всего задерживал он свой взор на четырнадцатилетней Любе Костиной: из всех девочек в классе она была самой развитой и ее формы, пока еще достаточно скромные, казались ему многообещающими.

Но ждать ему было невтерпеж. И его нетерпение было выше стыда.

Люба как раз стояла по щиколотку в воде и натягивала резиновую шапочку. Вода, еще не совсем прогревшаяся, казалась ей слишком холодной, и она не решалась окунуться и поплыть. Купальник, купленный, вероятно, в прошлом году, был ей заметно мал. В этом возрасте девочки не просто растут, они взрослеют. Голубые купальные трусы обтянули округлившийся задик, а чуть пониже, на белой, не тронутой солнцем коже, виднелся розовый след от белья.

Воспитателю жутко, непреодолимо остро захотелось провести пальцем по этому следу. Подняться выше и запустить руку под трусы.

Ему было тогда неполных тридцать семь лет. Он очень любил своих детей — и мальчика, и девочку. Совсем другой любовью, но — любил же.

— Пойди сюда, — негромко сказал он Любе. — Я тебе что-то скажу…

— А ну вас, Андрей Романыч!

На природе, не в классных стенах, дети могут ответить

воспитателю и так, не по форме.

Люба решилась наконец и бросилась в воду, подымая брызги. И поплыла от берега, медленно, по-собачьи.

— А вот я сейчас тебя догоню! — игриво произнес воспитатель. Не столько для нее, сколько для ребят, которые могли слышать их разговор.

Он еще пытался контролировать себя, но уже знал, что не удержится.

Тешил себя надеждой, что все удастся обернуть невинной пляжной шуткой.

Он с разбегу бросился в воду и поплыл саженками, загребал воду большими кистями. Из него мог бы получиться неплохой пловец.

В несколько гребков он настиг девочку и ухватил ее за скользкую в воде талию. Люба стала вырываться, дрыгая ногами и руками, но без испуга, а весело, не ожидая ничего дурного. «Отпустите, — кричала она, — отпустите, не то утону!»

Он и не думал отпускать. Не хотел отпускать. Не мог.

На него накатило.

Обеими руками он ухватил под водой ее грудь и стал мять, сначала несильно, с каким-то еще намеком на ласку, а потом сжал, сдавил остервенело. Люба поначалу не очень-то испугалась, мальчишки уже приступали к ней, и она их всегда отшивала, но, когда учитель стиснул ее так, что перехватило дыхание, она поняла, что сейчас все иначе. Всерьез.

Она пыталась отбиться от него, просила отпустить. Хлебнула воды, закашлялась. Он же бормотал что-то невнятное, лишь бы протянуть время, а сам, крепко прижав ее к себе левой рукой, правой сжимал бедра, ягодицы, лез под трусы…

Внезапно она почувствовала резкую боль: большая жесткая рука уже не тискала ее тело, а рвала его, терзала. Она закричала, и крик ее был слышен на берегу.

А он, не выпуская девочку из рук и отталкивая ее все дальше от берега, просил кричать громче.

Потом вдруг вытянулся в воде, будто тело его свела судорога, и отпустил Любу.

На мелководье ее, плачущую, подхватили подруги и увели от воды. Она лежала на согретой солнцем траве и стонала от боли, размазывала слезы по лицу.

Он вышел из воды минут через десять. Ни на кого не обращая внимания, быстро оделся и исчез.

Вполне возможно, что и на сей раз воспитатель интерната вышел бы из воды сухим.

Заплыв этот, более чем необычный, видели все Любины

одноклассники. О происшедшем в тот же день узнали родители. Девочка получила серьезную травму, когда ее терзали жилистые руки педагога. Однако на многое в его поступках закрывали глаза. Закрыли бы и на этот раз. Посчитали бы мелкой шалостью.

Но весенний месяц май сыграл с ним злую шутку. Накатила на Андрея Романовича злая похоть, лишила его разума, и пошел он в разнос.

Через несколько дней, в самом конце мая, педагог и воспитатель Чикатило оставил в классе после уроков свою ученицу Тоню Гульцеву, чтобы проверить ее не очень прочные знания русского языка и литературы. В педагогической практике дело обыденное, внимания не привлекающее. Трудно сказать, собирался ли он и в самом деле заниматься русским языком, или заранее планировал ублажить свою похоть, но не вышло ни того, ни другого.

Вышел конфуз.

Усадив девочку за парту, Андрей Романович велел ей раскрыть учебник и решительно направился к двери. Запер дверь на ключ, спрятал его в карман и только после этого вернулся к ученице.

Дальнейшее — в ее изложении: «Сел ко мне за парту, стал обнимать, целовать… хватал руками за грудь, пытался снять с меня трусы. Я испугалась, отталкивала его, сопротивлялась. Он поцарапал мне ноги, бедра… Он пошел открывать дверь. Воспользовавшись этим, я выпрыгнула в окно».

Весьма любопытно, что именно эта шалость педагога, не имевшая сколь-либо серьезных последствий, отчего-то всплывала на поверхность всякий раз, когда правоохранительные органы встречались с подозреваемым гражданином Чикатило лицом к лицу.

Вскоре после убийства Леночки Закотновой, в январе 1979 года, когда расследование только начиналось, филолог находился под подозрением, а версию Кравченко еще толком не раскручивали, — в те дни на допросах Андрей Романович лгал милиции, будто семиклассницу Тоню Гульцеву он запер в классной комнате единственно по той причине, чтобы она не отвлекалась от занятий, а сам направился в учительскую по каким-то педагогическим надобностям. Вернувшись же, ученицы в классе не нашел.

Когда его задержали в сентябре 1984 года, чтобы вскоре отпустить, он нехотя признался:

> «В школе-интернате у меня был неприятный случай… Я допустил недозволенные действия по

отношению к ученице».

На последнем следствии в 1991 году он рассказывает о том же случае по-иному и с подробностями:

> «Занимаясь с ней, я обратил внимание на то, что у нее задралось платье и видны были трусики и голые ноги… Эта картина меня возбудила и… появилось страстное желание потрогать руками ее груди, ноги, бедра, половые органы. Она сопротивлялась, отталкивала и кричала. Когда она стала кричать… я оставил ее… Об этом факте узнал директор интерната, и я вынужден был уйти с этой работы. Какой-либо другой мысли по отношению к Гульцевой, кроме как совершения в отношении нее развратных действий и получения от этого полового удовлетворения, я не имел…»

Какая память на собственную похоть! Ведь восемнадцать лет прошло, а он помнит, что видел и как хотел.

Этот человек потрясающе любит себя и лелеет в себе вожделение. В памяти, в ожиданиях. Кажется, он еще верит, что будет у него возможность бросать алчные взоры на голые детские ноги и шарить под юбками.

Будем все же держать в памяти, что последнее признание относится к тому времени, когда Андрей Чикатило уже находился в следственном изоляторе, когда он уже сделал главные свои признания, и теперь не осталось ни малейшей надежды, что пронесет, что сойдет с рук, как сходило прежде. Он истово признается во всем, он всячески показывает следствию, что делает это без понуждений, добровольно. Он выкладывает одну за другой страшные подробности своих зверств. Что по сравнению с ними мелкая, почти невинная шалость восемнадцатилетней давности? Так, пустячок, который ничего не прибавит к его вине. Ничтожная песчинка рядом с внушающей ужас глыбой.

Прибавит. К судьбе девочки — прибавит. К нашему пониманию, что значит отмахиваться от очевидного, — прибавит.

Опять и опять: если бы в начале он понял, если бы окружавшие его люди поняли — вот табу, запретная зона, линия, которую нельзя перейти, а если ты ее переступил, то становишься изгоем, презираемым человеком, ну что там для него самое страшное — из партии исключат! — может быть, и не случилось бы того, что было после?

Мелкие шалости…

Десятого августа 1992 года в судебном процессе по делу А. Р. Чикатило начались прения сторон. Обвинитель, требуя

исключительной меры наказания, а в переводе на простой язык, смертной казни через расстрел, просил суд не привлекать подсудимого к ответственности за присвоение вещей его жертв. Почему? По причине недоказанности вины по этим пунктам обвинения, в отличие от убийств. Мелкие шалости новошахтинского периода тоже не обязательно принимать во внимание, тем более что они подпадают под одну из амнистий семидесятых годов. И не судили его тогда. Он отделался небольшой служебной неприятностью:

> «Об этом факте узнал директор интерната, и я был вынужден уйти с этой работы».

Притом что была и есть в Уголовном кодексе статья, предусматривающая достаточно строгое наказание за развратные действия с несовершеннолетними. Что ж не пустили ее в ход, не уничтожили, не сломали преступную цепь в первом звене?

А зачем, скажите, выносить сор из избы? Подумаешь, бес в ребро. Дело внутреннее, семейное. Потому что в целом, как работник и коммунист, характеризуется положительно. Потому что внештатный корреспондент газеты (пока только газеты, внештатным сотрудником управления внутренних дел он станет год спустя). Потому что — но это опять из области догадок и домыслов — известные органы своих без особой нужды не сдают. Защищают до последнего.

А как же чистота партийных рядов? Партия на многое смотрела сквозь пальцы, но внешнюю, показную, моральную чистоту блюла и во всех характеристиках наряду с «политически грамотен» требовала формулировки «морально устойчив».

Он даже наименьшего партийного взыскания не получил.

Он ушел тихо и незаметно: написал заявление «по собственному желанию». Так и записано в его трудовой книжке. И сразу устроился на работу в очередное учебное заведение — Новошахтинское ГПТУ-39. Правда, не для того, чтобы сеять разумное, доброе, вечное, не учителем русского языка и литературы и не воспитателем, а мастером производственного обучения. Вспомнил, наверное, свои познания в области дальней и ближней связи.

А подростки — они что в школе, что в интернате, что в ремеслухе, то бишь ГПТУ…

Щука в очередной раз оказалась в реке.

Новошахтинск — городок небольшой. Всякие новости, а особенно скандальные, распространяются быстро, как их ни пытаются скрыть. Феодосия Семеновна очень скоро узнала о школьных шалостях своего супруга. Хорошо зная на собственном

опыте о его далеко не пылком темпераменте, она была поражена. Она не верила.

Ладно, решила Феодосия Семеновна. Пусть мужик перебесится. Тем более что в роли главы семейства он ее вполне устраивал. Впрочем, глава — она, а он — так, на вторых ролях. Зато хороший хозяин. Все в дом. Детей любит, балует, даже слишком. Мог бы с ними быть и построже, а то как наказывать, так ей. Немного прижимист, но и в этом есть свои достоинства. Не курит и не пьет, не то что другие, у которых получку приходится отнимать прямо у проходной, иначе до дому не донесут. Благодаря бережливости удается кое-что отложить. Если так и дальше пойдет, скоро можно будет машину купить. И в самом деле, появляется у дома новенький желтый «Москвич».

А что до постели, то… Лучше не вспоминать. И вот какая беда: в кои веки ее стараниями что-то у них получается и после этого она обязательно беременеет. Приходится тайком от него делать аборты. Избави Бог, чтобы он об этом узнал. Ему хочется, чтобы у них было побольше детей. Нет, ей не потянуть. И двоих-то на ноги поставить — из сил выбиваешься. Надо быть сумасшедшей, чтобы в таких условиях рожать одного за другим.

Как-то раз она проговорилась про аборт, и он устроил скандал. Потом плакал. От жалости. Но не к ней. Говорил: разорвали на части моего ребеночка. Убили несчастного.

Он любил детей.

Порою эта любовь принимала своеобразные формы. Осенью семьдесят третьего года во дворе своего дома номер 12 по улице Зои Космодемьянской он подозвал Мариночку, шестилетнюю племянницу собственной жены. Девочка оторвалась от игры и подошла к доброму дяде. Он всегда такой ласковый. Вот и сейчас принялся гладить ее, что-то приговаривал и зачем-то полез к ней под трусики. В этот момент кто-то вышел на крыльцо, добрый дядя с неохотой отпустил девочку. Но мысли о ней не оставил.

Позже Марина Одначева вспоминала о странной дядиной любви. Однажды она осталась ночевать в доме Чикатило, легла спать в одной кровати с Людой и Юрой, их детьми. Поздно вечером ее разбудила полоса света, упавшая внезапно на лицо из приоткрытой двери. Она увидела своего дядю, совершенно раздетого. Он что-то говорил ей шепотом, девочка не разобрала, что именно, но ужасно перепугалась и стала будить других детей. Голый дядя Андрей поспешно вышел комнаты и затворил дверь.

Он и позже, когда Марина подросла и стала красивой девушкой, не потерял к ней интереса: старался уединиться с нею, возил на машине в лесополосу, напрямую предлагал вступить с ним в интимные отношения (вполне возможно, что именно в

таких выражениях, — он же филолог), совал деньги. Он любил детей. Детей и подростков.

Из-за этой негасимой любви он до последнего цеплялся за сломанную педагогическую карьеру. Правда, в профтехучилище, где он теперь работал, учились одни мальчишки, но его чувствительную натуру волновали и подростки мужского пола.

Еще раз обратимся к запискам доктора Дмитрия Вельтищева:

> «Последующий период жизни характеризовался подавлением гетеросексуальности с нарциссической (аутоэротической) направленностью сексуальности. Таким образом, можно говорить об имевшемся нарциссическом конфликте у шизоидной личности — любовь к себе и враждебность окружающего мира, что, по мнению психоаналитиков, приводит к амбивалентности (двойственности): стремлению разрушить то, что любишь, к ненависти, агрессии. Скопление нарциссического либидо, затруднение переноса его на объект создает почву для его проявления в виде садизма и гомосексуального выбора, стоящего ближе к нарциссизму, нежели гетеросексуальный».

Несмотря на избыток профессиональных терминов сущность понятна и без комментариев. В основе — любовь к себе и враждебность окружающего мира. Садизм и гомосексуализм — как следствия, для специалиста вполне очевидные.

Если так, то, проглядывая биографию от конца к началу, можно было предположить, что новоявленный мастер производственного обучения немедленно набросится на мальчишек-подростков. Этого не случилось, хотя возможностей было предостаточно. Или если случилось, то осталось незамеченным. Последнее, впрочем, маловероятно: без слухов не обошлось бы.

Чикатило, по свидетельству его коллег, стал более замкнутым, держался в стороне от коллектива, что прежде было ему не свойственно. Но по работе замечаний не имел, даже производственная практика у черта на рогах, в Якутии, куда он вывозил свою группу, прошла без сучка без задоринки. Он по-прежнему писал статьи и заметки в газету «Знамя шахтера», предпочитая темы морали и патриотического воспитания молодежи.

В это же время он становится внештатным сотрудником управления внутренних дел. Бойцом невидимого фронта осведомителей.

Осведомительский институт существует, наверное, во всех

странах, и, по мнению полиции и милиции, он насущно необходим. Возможно, и так, что не мешает прочим гражданам относиться к этой общественно-полезной деятельности с известной долей презрения. Впрочем, насколько мы можем судить, и работодатели не испытывают к своим внештатным сотрудникам глубокой симпатии.

Что же случилось с Андреем Романовичем? Затаился ли он, напуганный скандалом в школе-интернате, или, что похвальнее, решил победить свою мерзкую плоть, утопить извращенную похоть в чистых водах общественно полезной работы?

Как бы не так. Мы уже знаем о том взрыве, который последует несколько лет спустя.

Тогда, может быть, в рассуждения доктора Вельтищева вкралась ошибка и Андрея Романовича уже не преследуют садистские желания, не волнуют мальчики?

Все гораздо проще и прозаичнее. У него наконец-то получилось с женщиной. Он завел себе любовницу.

Ее звали Валентина Ж., она была раньше женой его собственного шурина. Не самая близкая, но родственница. И — впервые в жизни — у него было все, как у остальных.

Почему так случилось? Не знаем. Основываясь на его и на ее словах, сообщаем заурядный факт заурядной биографии.

У Андрея Романовича было отличное настроение. Эйфория. Подъем духа. Высокие слова о моральном облике и патриотическом долге сами слетали с кончика пера.

И какие к черту мальчики, если все как у людей!

В кармане у него позвякивают ключи от пустой комнатенки в общежитии училища. Запирайся на сколько хочешь. Дама сердца ничем не связана, она в разводе, ее бывшего мужа и в городе-то нет, сидит, голубчик. Они, собственно говоря, оба свободны, Феодосия Семеновна давно его не спрашивает, когда придет домой и чем занимается вечерами. В редакции, например, задержался, срочно надо статью сдавать. Или с учениками поехал на практику. А еще вернее — отправили выполнять задание, о котором дома упоминать не положено.

Оставайся в общаге хоть до утра.

Это была у него первая и последняя обычная связь с обычной женщиной.

Дотошный Амурхан Хадрисович Яндиев уже в девяносто первом году разыщет Валентину и узнает от нее о дотоле не известном любовном романе своего подследственного. Он устроит бывшим любовникам очную ставку, пытаясь понять, каким образом школьный учитель превратился в сексуального маньяка. С нескрываемым ужасом будет смотреть постаревшая

женщина на своего давнего партнера, обвиняемого в страшных преступлениях. А он будет улыбаться во весь рот, не скрывая удовольствия от воспоминаний пятнадцатилетней давности.

Мотивы многих переездов семейства Чикатило остаются для нас (а может быть, и для следствия) тайной. Со всей достоверностью известно лишь то, что Андрей Романович был уволен из ГПТУ-39 по сокращению штатов: не тот работник, чтобы за него держаться. Или сверху поступило указание уволить. Как бы то ни было, в сентябре 1978 года семья, оставив за собой просторную (по российским меркам) новошахтинскую квартиру и не без выгоды сдав ее постояльцам, переезжает в соседний город Шахты, в общежитие тамошнего профтехучилища СГПТУ-33. Глава семьи принят на работу в это учебное заведение на хорошо знакомую ему и многообещающую должность воспитателя, его жена — на должность коменданта общежития.

> «В профессиональном отношении Чикатило к воспитательной работе был непригоден, — вспоминает его сослуживец И. А. Гуляк. — Уважением ни у коллег, ни у учащихся не пользовался. Всерьез его как-то не воспринимали. Он на учеников не обращал никакого внимания как педагог, но ходили упорные слухи, что он пристает к мальчикам, однако этим слухам мы как-то не придавали значения…
>
> Сын Чикатило вел себя дерзко по отношению к отцу, мог на него накричать при всех, а тот молчал, я этому всегда удивлялся. Директор училища часто ругал Чикатило за просчеты в работе, но тот все время отмалчивался. Однако Чикатило был как-то очень назойлив в разговорах. Встретит, бывало, и начинает что-то долго и нудно говорить…»

По ночам, как вспоминают бывшие воспитанники училища, заботливый воспитатель любил заглядывать в их спальни. Потихоньку, чтобы не разбудить жену и детей, выходил из своей комнаты, на цыпочках шел по коридору, открывал двери в комнаты воспитанников.

Десятилетний в ту пору Володя Щербаков очень хорошо запомнил эти ночные педагогические мероприятия. Однажды, вернувшись в общежитие из родительского дома, он привез с собой домашние лакомства и, опасаясь не без оснований, что ребята постарше отберут гостинцы, попросил, чтобы воспитатель разрешил ему переночевать в одной из пустующих комнат. Андрей Романович был добр к детям. Он поселил Володю в отдельной комнате и запер до утра на ключ. Чтобы всем было

спокойнее.

Проснувшись ночью, мальчишка почувствовал что-то неладное. Горячее вспотевшее лицо прижималось к его животу. Он открыл глаза и увидел своего воспитателя, склонившегося над ним. Мальчик испугался, вырвался, спрыгнул с постели. Чикатило незамедлительно ретировался. Наутро он не обмолвился о происшедшем, сделал вид, будто ничего не случилось. Мальчик тоже благоразумно промолчал.

А через несколько дней повторилось то же самое. Не понимая до конца, что все это значит, Володя почуял неладное и пригрозил, что начнет кричать и разбудит ребят в соседних спальнях. Только тогда педагог оставил его в покое.

Воспитанники Андрея Романовича все же узнали о его ночных педагогических бдениях. Кто-то видел, как воспитатель бродит крадучись по коридорам общежития, да и Володя Щербаков не давал обета молчания. Впрочем, причуды нового педагога давно уже не были секретом ни для учащихся, ни для коллег.

Чикатило ходил по училищу с рассеянным видом, не обращал внимания на шалости ребят, не призывал их к порядку. Его группа окончательно распустилась. Да и как требовать дисциплины, если ученики над тобой смеются, чуть ли не в лицо зовут тебя гусем да к тому же онанистом и голубым… Директор училища Андреев время от времени выговаривал воспитателю за служебные упущения, но всякий раз что об стену горох. И, без колебаний опознав Чикатило на рисованном портрете, предъявленном милицией, директор ничуть не удивился: от такого всего можно ждать.

Осенью семьдесят восьмого года, возбужденный близостью и недоступностью вожделенных детей, Чикатило рыскал по городу Шахты, болтался там и тут, словно неприкаянный. Скоро ему будет мало города и в поисках жертвы он начнет мотаться по области, по стране. Пока же он околачивается возле школьных туалетов — не дотронется, так подглядит, — он, совсем не щедрый, одаривает несмышленышей жвачкой в надежде рано или поздно завлечь, затащить в уединенное местечко, чтобы удовлетворить свою козлиную похоть.

Вполне допускаем, что тогда он и сам еще не ведал, как будет удовлетворять свою похоть. Он уже слышал возбуждавшие его крики, но не чуял запаха крови. Он мечтал о чужой боли, но, может быть, отгонял мысли о чужой смерти.

Все может быть.

Двадцать второго декабря 1978 года он наконец узнал, что ему нужно. В этот день он изнасиловал и убил Леночку

Закотнову.

В этот день его жизнь круто изменилась.

Он вышел на кровавую тропу.

Глава XIII
Чтоб к штыку приравняли перо… Обзор печати.1975–1978

Мы подошли к переломному моменту биографии, когда Чикатило от заурядных мерзостей перешел к кровавым злодеяниям. Не знаем, как вам, уважаемый читатель, но нам, прежде чем переступить границу, отделяющую блудливого педагога от вампира и «красного партизана», просто необходимо взять передышку. Слишком велика концентрация насилия, приходящегося на одну страницу. Чтобы не сойти с ума, их надо чем-то разбавить.

Например, его литературным творчеством.

Мы уже приводили образчики его стиля. Но — раннего периода. Так сказать, времен становления А. Р. Чикатило как журналиста.

Расцвет его публицистической деятельности приходится на 1975–1978 годы. На то самое время, когда он накапливал в себе темные, дьявольские силы для преступного броска, который выведет его на кровавую тропу. Но пока он ни на чью жизнь еще не покушался.

Трудно сказать, какую роль сыграла в этой трансформации его энергичная деятельность в местной газете. Во всяком случае, какую-то, но сыграла. В жизни все настолько взаимосвязано, что и тягу к сочинительству не следует сбрасывать со счетов.

У нас в руках несколько десятков статей корреспондента-внештатника. Они напечатаны в разных газетах Ростовской области, но больше всего — с новошахтинской городской газете «Знамя шахтера». Мы с удовольствием поделимся с читателями этим богатством. Если же приведенные здесь обширные цитаты покажутся кому-то не слишком интересными, то эту главу можно опустить.

Короткое пояснение для тех, кто решил дочитать главу до конца.

Некогда Владимир Маяковский выразил пожелание, «чтоб к штыку приравняли перо». Его просьбу уважили, и это не остаюсь без последствий: советских писателей и журналистов то и дело называли бойцами партии и работниками идеологического фронта, Маяковского же цитировали при всяком удобном случае, а иногда и без такового.

В контексте этой книги всякое упоминание всуе режущих и колющих инструментов не вполне уместно — примерно в той же

степени, что разговоры о веревке в доме повешенного. Тем не менее мы решили оставить в неприкосновенности заголовок о штыке и пере, ибо статьи, подписанные А. Чикатило, неизменно несут на себе отблески боевой, звонкой, рубящей наотмашь, пронзающей, нетерпимой партийной печати. Печати нашего недавнего прошлого.

О чем же пишет общественный корреспондент? О разном. О том и о сем. Для него нет закрытых или несущественных тем. Он сообщает читателям, как хорошо чинят часы городские часовщики, как быстро строят дома городские строители. Какую большую работу ведут в городе депутаты горсовета, как они воспитывают у людей уважение к правопорядку. Он дает нам понять, что, «голосуя за кандидатов нерушимого блока, мы обращаем свои помыслы к родной Коммунистической партии, которой безгранично верим, которую горячо поддерживаем».

Тема партии ему особенно близка. Она занимает в его публикациях важное место.

> «25 съезд КПСС четко определил средства и пути, которые ведут к выполнению задач, намеченных партией: динамичное и пропорциональное развитие общественного производства, повышение его эффективности… Партсобрание приняло решения, направленные на улучшение учебно-воспитательного процесса с тем, чтобы готовить достойную смену рабочему классу».

Умри — лучше не скажешь.

«С огромным вниманием следили учащиеся за работой съезда. Эти наблюдения легли в основу их сочинений „Берем с коммунистов пример“. „В. И. Ленин создал и вырастил нашу партию. По ленинскому пути партия ведет нас к коммунизму“, — пишет Виталий Бунин.

Все мы были очевидцами, как тепло встретили делегаты и гости съезда Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. В этом выразились уважение и любовь к Л. И. Брежневу как верному продолжателю ленинского дела, благодарность за его самоотверженный труд на благо советского народа, в защиту всеобщего мира…

Не смог прибыть на съезд партии Ленина Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан.

> „Фашистская клика заточила пламенного борца за народное счастье в тюремные застенки. Но народы мира требуют: «Свободу Луису Корвалану!»“ — пишут в своих

сочинениях Александр Реутов, Юрий Бунин…»

Как у корреспондента Чикатило, так и у обоих Буниных (братья? однофамильцы?) в каждой фразе звучит то партийная страстность, то боль за руководителя братской партии. Помните карты в учебниках Андрея — на каждой имя генерального секретаря? Очень похоже на то, что воспитатель и мастер производственного обучения передал свою страсть ученикам.

Но когда речь заходит о недостатках, его перо не знает пощады. Он бичует управление «Водоканала», которое зимой и летом заливает город водой. Он обрушивается на пьяниц со статьей «На волне „зеленого змия“». В беспощадной борьбе с алкоголизмом он не боится назвать имена плотников, слесарей и шоферов, попавших в медвытрезвитель. Его гнев перемежается сарказмом и иронией:

> «В результате оказались в таком невменяемом состоянии, что автофургон медвытрезвителя приняли за рейсовый автобус, везущий их к намеченной цели, и возмущались, что кондуктор не объявляет остановки».

В статьях, бичующих пьянство, он после своей фамилии ставил такое звание: общественный инспектор профилактики медвытрезвителя. Если вспомнить, что он и в управлении внутренних дел вел определенную работу, Чикатило следует признать крупным общественным деятелем.

Широта журналистских интересов не мешает ему раз за разом возвращаться к центральной для него теме: молодежь и ее наставники. Здесь он поднимается порой до высот теоретического обобщения.

> «В нашем социалистическом обществе рабочий класс находится в передовых рядах борцов за научно-технический прогресс. Современный уровень развития техники изменяет характер труда производственников — он становится все более творческим, требует от рабочего широких общих и специальных знаний. Для достижения мастерства, профессиональной зрелости работников современного предприятия надо учиться и учиться серьезно. Большой популярностью пользуются среди молодежи училища системы профессионально-технического образования, в которых учат варить металл и растить хлеб, водить поезда и строить новые города».

Отметим похвальное заимствование у В. И. Ленина,

ввернутое без кавычек, но к месту, и перейдем от теории к педагогической практике.

> «На БАМ, КамАЗ, Атоммаш едут сегодня посланцы комсомола. Весь жар своих комсомольских сердец они отдают родной Отчизне. Комсомольская организация горного профессионально-технического училища № 39 направила 10 лучших выпускников училища на Атоммаш… А через три дня после нашего прибытия в Волгодонск я вновь обхожу рабочие места, где трудятся питомцы нашего училища. Волнуюсь. Какой отзыв получат их первые трудовые шаги в бригадах прославленного коллектива? Оказывается, все в порядке. Наши выпускники так быстро включились в трудовой ритм завода, что, приходя в бригаду, я узнаю своих электрогазосварщиков только по свеженьким спецовкам с яркой эмблемой Атом-маша… С гордостью расстаюсь со своими учениками и в то же время доволен, что они нашли себя. В добрый трудовой путь, ребята!»

Послушайте, ведь все это написано на полном серьезе, без намека на ерничество, без пресловутой фиги в кармане. Он кроил свои малые газетные шедевры по стандартным лекалам коммунистической печати, которая — гляньте в «Правду» — мало изменилась, разве что закамуфлировалась; он полагал, что пишет недурно, и немного любовался собой, своим гладким письмом, ибо, как мы знаем, был не чужд нарциссизма.

Тех самых молодых, которые «весь жар своих комсомольских сердец отдают родной Отчизне», он вскоре начнет насиловать и убивать.

Безумное время. Несчастная страна.

Маньяки есть где угодно. Насилие расцветает то здесь, то там. И каждые десять, двадцать, тридцать — или сколько там — секунд в мире происходит очередное убийство.

Но кровавые маньяки, сексуальные уроды, каннибалы и совратители малолетних не пишут взахлеб патриотических статей, восхваляя собственных жертв.

Нет, не пропускайте этой главы! Вчитайтесь, бога ради, что пишет человек, обвиняемый в совращении и убийстве нескольких десятков молодых.

> «Теплой звездной августовской ночью проводил наш горняцкий город своих питомцев в далекие края… Возле утопающих в зелени корпусов ГПТУ № 39 собрались отъезжающие, провожающие их родители, любимые

девушки. Звучат гитары, баяны, комсомольские песни. С приветствиями и добрыми пожеланиями к своим питомцам обращаются ветераны труда, посвятившие четверть века своей жизни профессионально-техническому образованию…

Большое впечатление на ребят произвели исторические памятники Москвы, достопримечательности Московского Кремля, новые проспекты и районы города-героя… С замиранием сердца вступаем на брусчатку Красной площади. Тянется нескончаемая очередь к Мавзолею В. И. Ленина. Когда люди из очереди узнают, что наши ребята едут на БАМ и время у них ограничено, они пропускают нас вперед…

Захожу в четвертое купе. Оказывается, здесь едут ребята из второй комнаты нашего общежития. На столике возле окна — та же карта Советского Союза, что висела в их комнате. Только теперь на ней больше отметок…

По многим населенным и еще не населенным пунктам Амурской области и Якутской АССР разъехались наши молодые специалисты, чтобы своими молодыми руками и горячими сердцами согреть суровый Восточно-Сибирский край, поставить его несметные богатства на службу народу. Расставаясь с нами, они просили передать горячий привет родному городу и заверить, что они не подведут славное шахтерское племя».

Насчет молодых рук и горячих сердец: у одной из своих жертв он собственными руками вырежет сердце. Обычным кухонным ножом. Правда, хорошо заточенным.

Ножи он точил сам. Не специально к убийству, а по мере надобности. Когда они тупились.

Были поездки и менее романтические, ближние. Зато не со взрослыми парнями, к которым неизвестно как подступиться, а с доверчивыми подростками. Их можно в дороге и обнять по-отцовски, и погладить, и похлопать…

«В канун Нового года была организована поездка в Ростов-на-Дону. Ребятам понравились аттракционы, прогулка в парке имени Горького. Затем мы посетили планетарий и Краеведческий музей. И наконец, волнующее, увлекательное зрелище — цирк! Что может быть красивее этого представления сильных, ловких, смелых ведущих мастеров советского цирка! А особенно ребят обрадовала встреча с „любимым бабушкиным

внуком“ — народным артистом СССР Олегом Поповым».

Отцы и дети — без всяких там интеллигентских комплексов. Никаких противоречий. Полное единство взглядов. Прекрасные идеи и чистые побуждения. Светлая юность. «У московских студентов горячая кровь…» — словно в издевку вспомнилась эта набившая оскомину песня, которую сами московские студенты называли «песней вампира». И седовласые, умудренные опытом, закаленные борьбой и лишениями наставники. Им посвящает Андрей Чикатило добрый десяток увесистых газетных материалов. Вот статья «Воин, коммунист, наставник» о мастере производственного обучения Павле Логвиновиче Клещевском, который «всегда в окружении ребят». Вот другой мастер, Виктор Егорович Круговой, который «перед тем как обучать молодую смену, сам прошел жизненную школу на угольном предприятии». Вот славит он под рубрикой «Рассказы о коммунистах» Татьяну Захаровну Соболеву, у которой, помимо всего прочего, крепкая семья: «За любое дело они берутся сообща». Вот портрет повара ПТУ Натальи Николаевны Захаровой:

> «С волнением просматриваю многочисленные почетные грамоты, которыми награждалась Наталья Николаевна с 40-х годов и по настоящее время. Они наглядно показывают, что ее трудовая биография неразрывно связана с биографией Родины… Любят ребята своего повара».

Эти материалы подписаны иначе, чем отчеты из медвытрезвителя. Тут после своего имени он указывает: мастер производственного обучения. Последнему несмышленышу понятно, что автор этих звонких строк тоже всегда в окружении ребят, он тоже прошел жизненную школу, у него тоже крепкая семья и доблестная трудовая биография.

Не так он прост, этот общественный корреспондент газеты «Знамя шахтера». Образование даст себя знать. Образование и еще пылкие мечты занять когда-нибудь высокий пост в большом партийном здании.

Потом он отрешится от всего этого. Проклянет партию и бредни насчет светлого коммунистического будущего. Отряхнет прах старого большевистского мира со своих натруженных ног борца за справедливость.

«Они» будут во всем виноваты — те люди, которые сделали его таким. «Они» его обманули, предали, напичкали ложными идеями и оставили врагам на поругание. Он стал бы совсем другим, если бы не «они».

На самом деле «они» своим примером и жизненным опытом учили только одному: не брать на себя ответственность. И тут он оказался прилежным учеником.

А чему он так и не выучился — это журналистскому мастерству. Не добился в газетном мире известности. То ли таланта не хватило, то ли учителя оказались скверные.

Та известность, которую он получил, — да пропади она пропадом! Лучше бы он стал главным партийным обозревателем.

На худой конец даже генеральным секретарем.

Глава XIV
На кровавой тропе. 1979–1984

Несколько остыв за чтением верноподданнических газетных статеек, вернемся к делам криминальным.

В конце 1978 года заканчивается розовый период преступной жизни Андрея Чикатило. Начинается ярко-красный.

Из записок доктора Дмитрия Вельтищева:

> «С 1978 года у Ч. после усиленного переживания оргазма при виде крови жертвы возникает влечение к особо жестоким проявлениям садизма. Прежние сексуальные перверсии (фроттаж, педофилия, мастурбация) не доставляли подобного удовлетворения. Извращенное сексуальное влечение сочеталось с аффективными (эмоциональными) колебаниями — подавленностью, погруженностью в переживания, связанные с неудовлетворенным влечением, и душевным подъемом, приятным чувством усталости после содеянного. Таким образом, на этом этапе формировались выраженные нарушения сексуального влечения — извращенность, потеря контроля и критического отношения к себе — на фоне нарастания эмоциональной холодности и диссоциации. Сексуальные перверсии (садизм, педофилия) совершались с особой жестокостью, с проявлениями вампиризма, каннибализма и некрофилии. Следует отметить стереотипный характер совершенных преступлений — особый отбор жертв, повторяемость в последовательности действий (удары ножом, выкалывание глаз и т. п.). Наряду с этим сохранялись признаки извращенной шизоидной сенситивности (ранимости) — непереносимость взгляда жертвы.
>
> Нарастающая социальная дезадаптация при этом не была связана с характерными для таких перверсий агрессивностью и возбудимостью. Она проявлялась скорее в нарастании аутизма, шизоидности, сутяжного поведения…»

Эта оценка нашего эксперта носит достаточно специальный характер; она понадобилась нам как отправная точка для анализа преступной биографии. Есть и другие психиатрические сюжеты: официальное заключение Института имени Сербского, не раз

оспоренное на суде адвокатом Маратом Хабибулиным, особое мнение о преступнике ростовского психиатра Александра Бухановского. Но об этом — впереди, а пока вернемся в семьдесят девятый, к самому началу кровавой тропы.

Лены Закотновой уже нет в живых. Андрея Романовича потаскали в милицию и отпустили.

> «Я отрицал свое участие в этом преступлении, — сказал он на следствии, — и мне поверили».

Пусть так. Что с ним происходило дальше?

На какое-то время он исчезает из поля зрения следственных органов. Доподлинно известно, что Чикатило работает в том же профтехучилище мастером производственного обучения, живет по-прежнему в Шахтах, в том же общежитии на улице 50 лет ВЛКСМ — еще одно изящное название. И по-прежнему остается владельцем мазанки по Межевому переулку.

Нетрудно догадаться, почему о нем ничего не слышно. Он, вероятно, просто боится. Не высовывается. Ведет себя тише воды ниже травы. Даже свои служебные обязанности выполняет более или менее сносно, не вызывая нареканий начальства, что ему не очень свойственно. Он отчетливо понимает: в любую минуту его могут вызвать на допрос, откуда путь его не домой, а в камеру.

И тут по маленькому городу проходит слух, что убийца девочки арестован. Какой-то Кравченко, рецидивист, живет в Межевом переулке.

Андрей Романович может облегченно вздохнуть: пронесло. И, не в силах сдержать себя, опять ударяется в шалости, свойственные, скорее, розовому его периоду.

Три шестилетние девчушки — Лена, Ксюша и Ирина — заходят в комнату общежития, где в этот момент Андрей Романович пребывает в одиночестве. Надо же случиться такому везению! Чего хотят юные особы? Им, видите ли, нужны старые газеты, чтобы разжечь во дворе костерок.

Любой благоразумный взрослый человек стал бы отговаривать малолетних детей от такого опасного занятия. Но Андрей Романович к детям исключительно добр. Он ни в чем не может им отказать. Он по очереди берет девочек на руки и ласково приговаривает:

«Сейчас, сейчас… Где тут у нас газетки? Сейчас найдем газетки…»

А сам оглаживает, ощупывает… В свойственной ему манере он описывает эту историю в таких словах:

> «Это был летний период времени, все они были в

коротких платьицах, плавках, и у меня это вызвало какой-то сексуальный интерес… Поддаваясь этому интересу, шлепал их по ягодицам, залазил рукой под трусики…»

Любовь к детям отчего-то сконцентрировалась в области трусиков.

О конкретном интересе к трем маленьким девочкам стало известно их родителям, но дальше соседского выяснения отношений дело не пошло. В чем причина — в безразличии, в непонимании, что есть шалость, а что порок? В дремучем невежестве, безразличии к собственным детям? В самой обычной затюканности, замордованности? В стойком неверии в правопорядок и правосудие? Праздные вопросы. И в том, и в другом, и в третьем. А могли за милую душу посадить. Не отвертелся бы.

Это был, насколько нам известно, последний отголосок розового периода. Больше он не приставал к детям. А если приставал, то не оставлял в живых.

Совсем другой подход.

Один раз он уже убил. До следующего убийства осталось два с половиной года. Потом он станет убивать чаще.

Но и тогда время от времени будут возникать паузы. И все они получат объяснение. Чем вызвана эта, первая?

Допустим, сначала он боялся ареста. Но после того как посадили Кравченко, страх постепенно отпустил. И он нашел себе очередное утешение. Бесхитростное. Почти легальное.

У него снова женщина. Очередная пассия немощного мужчины в расцвете физических сил.

По невероятному стечению обстоятельств, которое в криминальном романе читатель счел бы грубой натяжкой, это старшая сестра Ирины Дуненковой, слабоумной девочки с волчьей пастью, которую он изнасилует и убьет два года спустя в парке Авиаторов.

Они встретились впервые весной восемьдесят первого года в пригородной электричке. Новая подруга и ее приятельница поселяются на Межевом, 26. Они снимают у Андрея Романовича его хибарку. Но не этот убогий домишко становится местом их интимных встреч. То ли приятельница подруги его стесняет, то ли увереннее чувствует он себя на лоне природы, среди деревьев. Во всяком случае, их свидания происходят за городом, в безлюдных местах, обычно — в лесопосадках. Он словно отрабатывает на будущее свои стандартные приемы. Проверяет тактику на модели.

К заранее намеченному месту свиданий они добирались вместе, однако при этом делали вид, будто не знакомы друг с другом: Андрей Романович требовал, чтобы их отношения хранились в полнейшей тайне. При нем всегда был портфель, в котором он возил угощение — бутылку вина — и две рюмочки. Даму от алкоголя не удерживал, сам же всегда ограничивался одной рюмкой.

Кстати, о портфеле, который играет столь важную роль в служебной и преступной жизни Андрея Романовича Чикатило. Его подруга, слегка захмелев, делала нескромные попытки заглянуть внутрь портфеля, игриво интересуясь, что там еще есть, кроме бутылки. Строгий любовник неизменно пресекал приставания такого рода, придвигал портфель к себе поближе и при этом сильно раздражался. Сведений о содержимом портфеля в ту пору у нас нет.

А о том, что он носил в нем позже, уже говорилось: нож и веревку.

Внимательный читатель, наверное, обратил внимание, что раньше мы говорили, будто Валентина Ж. была первой и последней любовницей нашего персонажа. А тут, вопреки прежнему утверждению, появляется еще одна. Что верно?

Строго говоря, и то и другое. Валентина была первой и последней, с которой у Чикатило что-то получалось по мужской части. С Дуненковой — увы. По ее свидетельству, Андрей Романович, выпив свою рюмочку и аккуратно спрятав ее в портфель, приступал к раздеванию, но довольно быстро убеждался, что его желания не соответствуют возможностям, после чего, с согласия подвыпившей партнерши, приступал к малозначительным действиям, которые в следственных документах стыдливо названы разного рода манипуляциями. И после всего без особых стеснений сам себя удовлетворял.

Это почти совпадает с оценкой его собственной супруги Феодосии Семеновны:

> «С 1981–1982 годов в интимном плане муж стал еще слабее. Я здоровая женщина и хотела быть с ним в интимной близости. Он, правда, пытался что-то делать, но не возбуждался. Последние 6–7 лет, когда я предлагала ему побыть со мной, он отказывался… В ответ на мое возмущение говорил: „Бездельница, зажирела. Тебе что, жеребца подать?“ Таким образом, последние 6–7 лет мы с ним почти в половой близости не были».

Она повторит это следствию еще раз почти теми же словами,

только вместо жеребца упомянет кобеля.

Но вот какой вопрос, однако: почему Чикатило не убил Дуненкову, как потом убивал женщин, добровольно шедших с ним в лесопосадки?

Без принуждения, ради денег или взаимного удовольствия уединялись с ним Марта Рябенко, Наталья Шалопинина, Татьяна Петросян, Сармите Цана. Есть немало женщин, которые полагают, что к делам интимным можно приступать достаточно быстро после знакомства, особенно если мужчина тебе приглянулся. Андрей Романович же был мужчиной видным. На что он способен, а на что — нет, это на лице не написано. Некоторых женщин, которые пошли с ним, ему и заманивать не пришлось.

Они погибли. Старшая Дуненкова осталась жива.

Почему?

Этот вопрос следователь Яндиев задавал Чикатило. И тот простодушно ответил, что она была славной бабой, терпимой к его слабости. Она не возмущалась, что вот, мол, привел на полянку, а сделать ничего не в состоянии. Она спокойно принимала его «разного рода манипуляции». Он ее и не тронул. А те, другие, возмущались, высмеивали, задевали его мужское самолюбие. За что и поплатились.

Возмездие сообразно вине.

Однако, на наш взгляд, есть еще одна причина, по которой старшей сестре Дуненковой выпал счастливый жребий — остаться в живых. Не умереть, как остальные, мучительной смертью. И заключается она в том, что единожды убившему и ушедшему от наказания требовалось какое-то время, чтобы убедиться в своей безнаказанности. В своем превосходстве над законом.

Андрей Чикатило — не первый серийный убийца на сексуальной почве. Увы, и не последний. В разгар ростовского суда появились сообщения, что на юге России и на Украине действует еще один кровавый маньяк со сходным почерком — он пока не пойман. Арестованы, осуждены и казнены Михасевич из Витебска и Сливко из Новочеркасска: многочисленные изнасилования и убийства, совершенные с особой жестокостью. В Москве был приговорен к расстрелу до того семь раз судимый и проведший в лагерях без малого пятнадцать лет Александр Тимофеев, на счету которого 11 жертв. Тимофеев, между прочим, не чужд был изящной словесности, он и стихи писал, и прозу. Книгу «Распутница» посвятил жизни в зоне, тем порядкам, которые, по его словам, «калечат, а не исправляют людей».

Все, все, все кругом виноваты. Система, милиция, большевики, проститутки, лагерное начальство, школа, очереди в магазинах, безденежье, газеты, телевидение, водка, красные,

коричневые, демократы, Брежнев, Горбачев, Ельцин, соседи, кавказцы, спекулянты, мини-юбки, радиация, вьетнамцы, кооператоры, кагэбэшники, дипломаты, начальники, дворники, интеллигенты, алкоголики, мусульмане, православные, иудеи, безбожники. Все. И я тоже — но не больше других.

Тимофеев не получил университетского образования, не успел за отсидками. Но он тоже филолог.

И те, кто еще в розыске, — навряд ли они совсем уж дремучие.

Английское serial killer — многократный убийца, совершивший несколько преступлений кряду, — уже проникло в отечественный профессиональный лексикон в виде дословного перевода: «серийный убийца». В родном языке определений уже не хватает.

Среди серийных убийц последнего времени Андрей Романович Чикатило ничем особенно не выделяется: личность вполне заурядная. «Убийцей века» он стал из-за огромного числа жертв. У Михасевича их было 33. Педро Алонсо Лопес из Колумбии, убивавший в семидесятые годы, взял на себя 300 жертв, но останки нашли только пятидесяти трех — странное совпадение…

Ему позволили стать серийным убийцей, отпустив на свободу по меньшей мере дважды.

В дни ростовского процесса мы беседовали с известным в Москве криминалистом Михаилом Ивановичем Слинько, следователем по особо важным делам Московской прокуратуры. Вместо того чтобы комментировать, как мы надеялись, дело Андрея Чикатило, он свел разговор к собственному расследованию, которое волновало его существенно больше. В производстве у него находился обвиняемый в серийных убийствах Олег Кузнецов, двадцати двух лет от роду.

Из нового поколения. Раньше начал.

Но и раньше кончил.

Вот как это дело представляется следствию.

Отслужив в армии, Кузнецов около полутора лет безнаказанно насиловал женщин в подмосковных городах Балашиха и Купавна. В отличие от Чикатило, он не испытывал никаких проблем по мужской части. Парень как парень, без комплексов, отклонений и слабостей. Нормально жил с нормальной женщиной, были друг другом вполне довольны. И сейчас, под арестом, ведет себя уверенно, даже нагло, считает себя личностью исключительной.

Он сначала насиловал, а потом, угрожая ножом, спрашивал: «Заявишь на меня?» Ни у одной не возникло сомнений, что он

пустит нож в дело, ни одна не обратилась в милицию.

Безнаказанность рождала уверенность в себе, освобождала от страха возмездия. Он продолжал насиловать. И вот что поразительно: по словам Слинько, Кузнецов — трус. Крепкий, физически сильный парень, но трус. В конфликтной ситуации сочтет за благо уйти, в драку не ввяжется. Но с женщинами, которых он заведомо превосходит силой, — он герой. Он чувствует себя хозяином положения.

Одна из его жертв угроз не испугалась. И была им убита. Из трусости.

Спусковой крючок кровавой серии был нечаянно нажат, и последовало десять страшных, садистских убийств. Удары ножом, удушение, деревянный кол внутрь. То ли прикидывается идиотом, то ли в самом деле невежествен до изумления, но кол, по его словам, всаживал для того, чтобы скрыть улику — следы собственной спермы.

По данным, которыми располагало следствие летом 1992 года, Кузнецов совершил десять убийств за неполных полтора месяца. Чикатило только однажды приблизился к такому результату — летом 1984 года.

Страшно подумать, сколько жертв было бы на совести Кузнецова, если бы ему дали 12 лет гулять на свободе! Но, с другой стороны, насколько меньше было бы жертв, если бы Чикатило, как Кузнецова, арестовали уже через полтора месяца…

Если бы.

Вот страшная, гибельная триада: чувство безнаказанности, трусость, гипертрофированное самомнение. И Чикатило, подобно Кузнецову, с юных лет верит в свою исключительность, грезит о самой высокой из мыслимых в этой стране должностей. Он физически силен (Яндиев рассказывает: «Он жилистый; как-то раз я случайно дотронулся до его руки — чугун…»), но не уверен в себе. По его собственным словам, в командировках по снабженческой части не он командовал шоферами и грузчиками, а они — им, своим начальником. Тушуется перед крепкими, уверенными в себе мужчинами, теряется в мужской компании, но смел со слабыми, с больными, с детьми.

После убийства Лены Закотновой, даже после того как его отпустили и больше не тревожили, он еще не уверился в своей безнаказанности. Он осторожен. Он откровенно трусит. Дело Кравченко еще тянется, один суд сменяется другим, дело возвращают на доследование. Чикатило следит за ходом событий, он держит дело под собственным контролем, пока оно не завершено. Пока Кравченко не отправится туда, откуда нет возврата.

Наверное, он был единственным, кто радовался от души расстрелу. Ведь не назовешь радостью то чувство, которые испытывали родители Лены Закотновой.

Но пока Кравченко был жив и в любую минуту могла быть доказана его невиновность, он, Чикатило, обязан лежать на дне.

И он лежит. Он даже меняет место работы: подальше от сослуживцев, которые все про него знают, подальше от малолеток, один вид которых вызывает у него вожделение, подальше от педагогического поприща, на котором он успел так нагадить.

От всех соблазнов — подальше.

Конечно же, дело не только и не столько в покладистой любовнице, которая не высмеивает партнера-импотента, и, конечно, не в том, что они с женой служили в одном учреждении, как он потом объяснял следствию. Он выжидает, затаившись, со звериной настороженностью. Терпеливо ждет своего часа.

Третьего сентября 1981 года он позволит себе второе убийство: Лариса Ткаченко, семнадцати лет, учащаяся ПТУ, левый берег Дона, единственное убийство, совершенное без ножа.

Он слишком долго лежал на дне и плохо подготовился.

* * *

Прежде чем вспомнить второе убийство, скажем несколько слов о новой работе Андрея Романовича.

В марте 1981 года он зачислен в отдел материально-технического снабжения и сбыта Шахтинского производственного объединения «Ростовнеруд» на должность старшего инженера, с тем чтобы исполнять обязанности начальника отдела. Пост не последний на предприятии. Вместе с ним поступает на работу в «Ростовнеруд» и Феодосия Семеновна, тоже по снабженческой части — экспедитором.

Смена профессии, надо признаться, неожиданная. Из учителей — в толкачи.

Что есть материально-техническое снабжение в условиях плановой социалистической экономики — ремесло, призвание, искусство? Трудно объяснить науку снабжения тем, кто не знаком с той уродливой системой хозяйствования, при которой все распределяется из центра. Москва командует, что, кому и сколько дать. До последнего гвоздя, до последней нитки, до самой распоследней лампочки.

Но это — по идее, по гениальному замыслу отцов плановой экономики. На практике же, распределяй — не распределяй, все

равно везде и всего не хватает. Даже на оборонных предприятиях, даже, поговаривают, и там, где делают атомные бомбы. У всех всего не хватает — и все как-то работают. И где брать это распределяемое и фондируемое, а также заначенное и припрятанное, о том ведают только пробивные снабженцы. Система тотального дефицита рождает людей особой пробивной способности, именуемых в народе толкачами. По всей необъятной стране блуждали и продолжают блуждать деятели промышленности и торговли, умеющие доставать, вышибать и выклянчивать.

В служебных анкетах они значатся работниками отдела снабжения. В частности, старшими инженерами — это такое иносказание. Никто в мире не объяснит вам, почему толкач, доставала — это старший инженер.

Чтобы стать хорошим снабженцем, вовсе не обязательно знать производство и быть техническим специалистом. Не помешает, конечно, но и пользы особой не принесет. Снабженцем высокого класса запросто может стать человек, не умеющий отличить коробку передач от парового котла. Порою на снабженческом поприще находит себя бывший цирковой жонглер, фармацевт, отставной капитан дальнего плавания, запятнавший свою репутацию партийный работник, неудачливый литератор, танцовщик на пенсии. И преуспевают в этом, давая сто очков вперед дипломированным инженерам. Ибо искусству снабженца в университетах не обучают. Это как талант — или он есть, или его нет.

Снабженец обязан быть легким на подъем — собраться в считаные минуты и мчаться на соседний завод или через всю страну на Дальний Восток, чтобы оказаться первым и перехватить то, что позарез нужно и достать негде. Ему необходимо умение находить общий язык с билетными кассирами и грузчиками, секретаршами и генеральными директорами, шоферами и телефонистками, кладовщиками и министерскими чинами. Он должен знать, как преподнести ненавязчиво презент, дать на лапу, повести в ресторан или вывезти нужного человека на пикник, но так, чтобы самому не напиться, не потерять голову, не заработать цирроза печени. Он должен быть ловким, оборотистым, смекалистым, обходительным, неприхотливым и, может быть, чуточку жуликоватым. Охваченная коррупцией система остро нуждается в мастерах личного контакта…

Снабженец — это больше, чем ремесло. Это, скорее, искусство.

Настоящих снабженцев мало, они на вес золота. Если появляется на заводе солидный человек, с партийным билетом в

кармане, с хорошо поставленной речью, при высшем образовании, пусть и совсем не техническом, — для отдела снабжения такой человек находка. А филолог он или ветеринар — дело десятое. Лишь бы снабжал.

Для производственного объединения «Ростовнеруд» старший инженер Андрей Романович Чикатило не стал находкой. Три года висел он у предприятия не то грузом на шее, не то гирей на ногах. Перекрестились, когда избавились. Хотя лично к нему претензий не было: человек в общении приятный, вежливый, обходительный, спокойный. Когда они прочитали в газетах о том, в чем его обвиняют, то были потрясены: не может быть, чтобы это был тот самый Андрей Романович, который… Не поверили.

А для Андрея Романовича, полагаем, новая работа оказалась сущим кладом.

Человек хозяйственный, он получил доступ к некоторым заводским благам. Мало ли что требуется для дома, а тут тебе и материалы, и инструменты. Все кругом берут, конечно, не по-крупному, а так, по мелочам; велика ли для огромного завода потеря, если прихватишь домой несколько досок, лист железа, набор гаечных ключей. И собственный автомобиль, когда работаешь на большом предприятии, обходится почти даром. При необходимости зайдешь в любой цех, начальнику снабжения никто не откажет.

В собственных же своих тратах Андрей Романович был скрупулезно точен. Вернувшись из командировки, пусть и самой ближней, аккуратно подкалывал к авансовому отчету все до единого билетики, даже пятикопеечные на местный автобус. Если же случалось доехать куда-нибудь бесплатно — к примеру, кто-то подбросил на попутке, — то выпрашивал у кого-нибудь ненужный билетик и тоже подкалывал к отчету.

А на собственном «Москвиче» не ездил. Не дурак.

На большом предприятии зарплата больше, чем в ПТУ, и премии дают время от времени, но не это главное. У разъездной работы есть свои, особые выгоды. Сегодня ты в Ростове, завтра в Батайске, послезавтра в Новочеркасске. Здесь купишь батон колбаски, там несколько метров ситчику, тут достанешь пару туфель для жены или деткам колготки. Кто дома сиднем сидит, у того и хата пуста. Вертеться надо.

Но и это, при всей важности, не самое главное. Работа по снабжению — она вольная.

Выписал себе командировку, взял денег под отчет, вышел за порог — и ты на свободе.

Ни тебе начальников, ни подчиненных. Дома предупредил: уезжаю по делам, вернусь послезавтра. Или на третий день — как

дела пойдут. А если приходится ехать с шофером и грузчиком, то они люди подневольные, безответные. Получишь свой груз и отправишь с ними назад. А сам останешься. Кто проверит — по делам ли остался или поболтаться просто так?

Потом Чикатило будет оправдываться, что в командировках одичал. Без семьи, без близких, одна пьянь вокруг. Ни отдохнуть, ни поесть по-домашнему, ни поспать в мягкой постели.

А сам не ехал домой до последнего. Шлялся по вокзалам, ночевал на скамейках, когда до дому — час на электричке.

Он упивался волей.

И завидовал тем, кого презирал.

> «Мне приходилось часто бывать на вокзалах, в поездах, электричках и автобусах… Там бывает очень много всяких бродяг, молодых и старых. Они и просят, и требуют, и отбирают. С утра где-то напиваются… Эти бродяги втягивают и несовершеннолетних. С вокзалов расползаются по электричкам в разные стороны. Приходилось видеть и сцены половой жизни этих бродяг на вокзалах и в электричках. И вспоминалось мне мое унижение, что я не мог никогда проявить себя как полноценный мужчина. И возникал вопрос, имеют ли право на существование эти деклассированные элементы… Знакомиться с этими людьми не составляет труда. Они сами не стесняются, лезут в душу, просят деньги, продукты, водку и предлагают себя для сексуальной жизни. Я видел, как они уходили с партнерами в укромные места…»

Это он расскажет на допросе 23 ноября 1990 года, за несколько дней до того, как начнет признаваться во всем.

Зависть его трансформируется в ненависть. Стремясь к свободе, он ненавидит свободных. Он убеждает себя и других, что он — не худший. Есть люди гораздо хуже. Пусть он виноват, но причина не в нем. В системе. И в них, его соблазнителях и совратителях, в этих деклассированных, распущенных элементах. Вот если бы их не было… Но они есть.

А в таком случае имеют ли они право быть?

Мысль не новая. Применительно к иным слоям населения она была в ходу при Гитлере, в несколько другом виде — при Сталине. Сегодня ее тоже случается слышать.

В дни ростовского процесса в одной кемеровской газете мы наткнулись на открытое письмо господину Владимиру Жириновскому, лидеру наших либеральных демократов, более смахивающих на нацистов, от некоего В. Харипова из города

Таштагол:

> «Здравствуйте, Владимир Вольфович! Я уже давно собирался Вам написать и вот решился. Я вижу, что Вы, словно гриб, пробиваетесь из земли. Вы, как восходящая звезда, сияете на черном коммунистическом небосводе… Надо опять создать Советский Союз, но уничтожить всех жуликов, хулиганов, воров, насильников, всех гомосексуалистов, лесбиянок, наркоманов. Надо уничтожить всех сумасшедших — от них уже тоже никакого толка не будет. Сколько много детей умственно неполноценных, целые интернаты, только убытки государству, они уже не могут быть полноценными людьми — надо всех таких уничтожить. Надо уничтожить всех цыган, от них толку нет никакого, они занимаются спекуляцией, торгуют водкой и сигаретами. Надо уничтожить в России человек миллионов сто, надо очистить общество, как это хотел сделать Гитлер. Никакого послабления, никакой свободы, гласности, демократии, надо людей взять в кулак. Но надо бороться за улучшение жизни людей, во главе государства поставить такого человека, как Гитлер. Вы бы могли им быть».

Конец цитаты.

Разные темпераменты, разные формулировки. Но между робким чикатиловским «имеют ли право на существование» и категоричным хариповским «надо всех таких уничтожить» дистанция не столь уж велика. Во всяком случае, легко преодолима. И не суть важно, для чего произнесено, — ради спасения собственной шкуры или во имя идеалов фашизма.

Дистанция не так уж велика, как может показаться. Многие преодолевали ее одним прыжком.

Среди жертв Чикатило наряду с чистыми душами есть и народ деклассированный. Бродяжки, как он их определяет. Люди второй категории. В том числе умственно неполноценные. Возможно, что и жулики, и наркоманы. Он внес, таким образом, посильный вклад в политическую программу «уничтожить в России человек миллионов сто». Уничтожил, сколько удалось.

Вот только цыгане ему, кажется, не попадались.

Но снабженец Чикатило не был теоретиком. Это он после ареста принялся подкладывать теоретическую базу под свои преступные действия. А в начале восьмидесятых годов он бродил по вокзалам и автобусным станциям, обуреваемый козлиной похотью, вожделеющий и ненавидящий, бродил без цели и без

смысла, осторожничал, боялся проявить себя — и ждал своего часа.

На беду Ларисы Ткаченко, 3 сентября он посетил центральную ростовскую библиотеку, где его знали как исправного читателя газет — московских и местных. А библиотека — на улице Энгельса. На главной улице города. Там полным-полно автобусных остановок. Ларису Ткаченко он увидел на той остановке, что на пересечении с проспектом Ворошилова.

У него не было в тот момент плана действий. Позже, когда убийства последуют одно за другим, иногда с недельным перерывом, он многое будет делать на грани автоматизма. Отрепетированно. Но сейчас он импровизировал.

Девочка была молода, легкомысленна, и охмурить ее, заговорить ей зубы большого труда не составило. На левый берег Дона, в прогулочные места возле пляжей, она пошла с ним по доброй воле.

Неизвестно, что он ей посулил. Она и впрямь была легкомысленна. Но это не смертный грех.

К этой встрече он специально не готовился. У него в портфеле не было даже ножа. Ларису он задушил.

Больше Чикатило так не поступал никогда. Это не возбуждало.

Или возбуждало, но не так, как хотелось. Не так сильно, как кровь.

С той поры он убивал только ножом. Иногда добивал камнем, если камень подворачивался под руку.

А в тот день он увел непутевую глупую девчонку в лесопосадки на Левбердоне, раздел ее без особого сопротивления, но на большее оказался не способен.

Из протокола допроса 1991 года:

> «Ясно было, что она на все согласна… Как я должен был любить и благодарить эту молодую девушку, что она доставляет удовольствие старику. Но, видно, мне не надо было полового удовольствия с ласками молодой девушки. Во мне жил другой, человек-зверь… Я не раздевался. А ее раздел, катался по ней…»

Он смиренно кается и называет себя стариком. В день убийства Ларисы Ткаченко ему было неполных сорок пять лет. На нем дрова возить можно было.

Если бы девушка повела себя смирно, глядишь, и отпустил бы ее с миром. Но он был болезненно самолюбив. И когда она послала его куда подальше и стала вырываться, он озверел.

«Преодолевая сопротивление, стал душить ее руками за горло, заталкивать в рот землю и наносить удары кулаками… При этом произошло семяизвержение. Сперму затолкал ей пальцами во влагалище и заднепроходное отверстие, а также воткнул во влагалище палку… откусил сосок».

Все было сделано жилистыми руками и крепкими, не по возрасту, зубами.

А могла бы и доставить удовольствие старику. Пожалела для него ласки. Вот и поплатилась.

Но без ножа он больше на охоту не выходил. Мало ли какой случай еще подвернется, надо, чтобы все было наготове.

Он продумывал заранее, что и как будет делать. И разговоры о том, что вот, мол, на меня накатило, не в силах был удержаться, — вранье. Когда наготове нож и веревка, это называется иначе. Между «накатило» и преднамеренным убийством есть определенная дистанция.

Нож он использовал десять месяцев спустя, 12 июня 1982 года, когда, не дождавшись автобуса в поселке Донской, на котором собирался ехать к паромной переправе через Дон, двинулся по шоссе пешком. По дороге нагнал тринадцатилетнюю девочку, которой тоже надоело ждать автобуса. Она возвращалась из магазина домой, в соседнюю станицу Заплавская. Он заговорил с ней, она что-то ему ответила. Ее звали Люба.

О том, что ее фамилия Бирюк, он узнает восемь с половиной лет спустя, от следователей.

Они прошли вместе с полкилометра, свернули в лесополосу, тянущуюся вдоль шоссе, — был жаркий летний день, когда приятнее идти под деревьями, — и здесь он ее остановил. Убедился, что никого поблизости нет, силой раздел и убил.

Он использовал складной нож с лезвием, заточенным с двух сторон. Первый в коллекции из двадцати трех ножей, изъятых у него при аресте.

Ему удалось отвести душу. На теле Любы Бирюк, обнаруженном несколько дней спустя, насчитали больше сорока ран.

«Выделение крови, агония жертвы доставляли мне наслаждение, и я продолжал наносить удары».

Теперь он точно знал, как преодолеть половую слабость. Как получать наслаждение.

А какой ценой — наплевать.

* * *

Андрей Романович Чикатило уже отработал на ниве снабжения больше года. Пришла пора законного отдыха.

Волка — то бишь снабженца — ноги кормят, а если добавить к этому страсть Андрея Романовича к пешему хождению по людным местам и пустынным шоссе, то не следует удивляться тому, что ноги его нуждались в лечении. С 21 июля ему предоставляется очередной месячный отпуск, и супруга собирает его на бальнеологическое лечение в курортный поселок Горячий Ключ под Краснодаром. Через девять дней после убийства Любы Бирюк он благополучно отбывает в направлении Краснодара.

Андрей Романович вернулся домой три недели спустя, не догуляв отпуска, и невнятно объяснил Феодосии Семеновне, что курсовку на лечение купить не удалось, что отдых с самого начала не заладился и вообще лучше дома сидеть, чем по курортам ездить. От вопроса о том, почему же в таком случае не вернулся домой сразу, он отвертелся.

По версии обвинения, на четвертый день отдыха изнасиловал и убил в засеянном сорго поле, неподалеку от краснодарского аэропорта, в каких-то ста пятидесяти метрах от мастерских, четырнадцатилетнюю Любу Волобуеву. Девочка из Новокузнецка ждала в аэропорту пересадки. Родители решились отпустить ее из дома одну, она летела к родственникам.

Сорго к августу вымахивает довольно высоко. Здесь его выращивают на веники.

Он связал девочку веревкой и нанес ей семь ножевых ран.

Почти три недели он болтался по Краснодару и окрестностям, не отдыхая толком, но и не делая попыток вернуться домой. Тринадцатого августа он отправился за город купаться на пруд. В автобусе познакомился с девятилетним Олегом Пожидаевым, сошел вместе с ним недалеко от пруда и завел его на опушку леса у поселка Энем.

Родители в тот же вечер заявили о пропаже сына, но долгие поиски ни к чему не привели.

Он еще не вышел на работу после неудавшегося отдыха в Краснодаре, когда убил шестнадцатилетнюю Ольгу Куприну. Увидел, как она смолит сигарету за сигаретой в тамбуре электрички, заговорил, узнал, что девушка после ссоры с матерью болтается без дела. Предложил ей денег.

Они вышли на первой же остановке — она называется платформа Казачьи Лагеря — и направились в лесополосу.

> «Крики девушки, — говорил он на следствии, — ее движения во время нанесения мной ножевых ударов доставляли мне половую разрядку…»

Трижды разрядившись во время отпуска, Андрей Романович Чикатило вернулся к исполнению служебных обязанностей.

Служебные обязанности, равно как и супружеские, удавались ему не блестяще.

Все, кто работал с ним вместе в «Ростовнеруде», говорят примерно одно и то же: он не знал производства и абсолютно им не интересовался. Как мягко выразился один из свидетелей, «он витал в облаках». Его сослуживцам казалось, что все происходящее на большом предприятии, где работают сотни людей, не имеет к нему никакого касательства. Робот-исполнитель. Скажут — сделает, если не забудет. Отчего же терпели его на руководящем посту заводского доставалы? Просто не было другой подходящей кандидатуры. Так, по крайней мере, объясняют руководители «Ростовнеруда».

На совещаниях у директора Чикатило сидел молча, неотрывно глядя куда-то в пространство. Дым столбом, кипят страсти, кого-то разносят, а кого-то возносят, решают, кому идти на повышение, выносятся взыскания, распределяют материальные блага, ругаются, тыкают друг другу, не глядя на должности, — а он сохраняет полнейшее спокойствие в этом кипении мелких страстей. Иногда, вспоминают бывшие его сослуживцы, он зевал во весь рот, и тогда крупные желваки играли под гладко выбритой кожей.

Половину судебного процесса, на котором он был главным действующим лицом, Андрей Романович провел примерно так же. Падали в обморок матери, свидетели давали против него показания, к нему обращался судья, щелкали фотоаппараты корреспондентов, а он зевал. Сидел, скособочившись, на своей скамье за прутьями клетки и судорожно раскрывал рот, будто ему не хватало воздуха.

После планерки у директора Чикатило шел к себе в отдел. С подчиненными был неизменно ровен и корректен, но дать им конкретные задания чаще всего затруднялся. Претензий к себе не запоминал. Даже когда записывал, не мог восстановить, что же от него требуется. Отзываясь о нем как о человеке спокойном и уравновешенном, сослуживцы вспоминают, что он мог часами, не вставая из-за рабочего стола, что-то чертить в блокноте. Один раз подсмотрели: он рисовал крестики.

Тогда и решили — витает в облаках.

Он действительно думал о своем — как бы побыстрее дернуть отсюда хоть в недалекую командировку, хоть на пару дней — в Ростов, Батайск, Новочеркасск, Новошахтинск, Красный Сулин. Куда угодно, лишь бы подальше от директорских выволочек, от обрыдшего кабинета, от подчиненных, которые подкладывают

ему кирпич в портфель.

Он оживлялся, когда приходил выправить командировку в канцелярию к Тамаре Александровне Жуковой. По ее словам, был отменно вежлив — через слово «спасибо», «пожалуйста». По всему видно, что командировка для него очень важна и не терпит отлагательств. Оформив бумаги, тут же исчезал. Потом, случалось, его, числящегося в командировке, сослуживцы встречали то на автовокзале, то в электричке. Он делал вид, будто не узнал, и исчезал при первой возможности. На худой конец переходил в соседний вагон. За ним вообще замечалось, что он любит шастать по вагонам — от головы до хвоста и обратно.

Когда он выезжал на машине с шофером и грузчиком, то обычно, сославшись на неотложные и внезапно возникшие дела, оставался ночевать в Ростове. Он мог себе это позволить: в областном центре ему была выделена служебная квартира по улице Петровского, 112. Там он и впрямь нередко ночевал, приводил себя в порядок после деловых разъездов.

Все чаще приходилось ему приводить себя в порядок.

* * *

Цифра «три» всегда значилась среди магических. Отчего-то она оказывает особое воздействие на тех, кто волею судьбы или собственным хотением лишает жизни себе подобных. На войне и на эшафоте, говорят, трудно убить первых трех. Дальше уже легче. Привычнее.

В деле серийного убийцы роковая тройка бросается в глаза.

Первые три жертвы — с большими, многомесячными интервалами, напуганно, осторожно, неумело.

Вторые три — за считаные недели отпуска, откровеннее, решительнее, и нож всегда с собой.

И с той поры пошло:

1982 год: 12 июня, 25 июля, 13 августа, вторая половина августа, сентябрь, еще раз сентябрь, 11 декабря…

1983 год: июнь, июль, еще раз июль, 9 августа, август — сентябрь, сентябрь — октябрь, 27 октября, 27 декабря…

1984 год: 9 января, 21 февраля, 24 марта, 25 мая, 10 июня, июнь — июль, 19 июля, конец июля, 2 августа, 7 августа, 8–15 августа, вторая половина августа, 29 августа, 6 сентября…

Не все даты точно установлены. В своем блокнотике он дат не помечал. Когда близкие объявляли о пропаже, когда труп находили вскоре после убийства, проблем с датировкой не

возникало. Однако по прошествии долгого времени судебно-медицинские эксперты затрудняются назвать точное время наступления смерти.

Бросается в глаза активность маньяка летом восемьдесят второго, летом восемьдесят третьего и весь восемьдесят четвертый по сентябрь включительно. Сбивки осенью восемьдесят второго и зимой восемьдесят третьего, двухмесячное затишье весной восемьдесят четвертого можно объяснить сезонными неудобствами для рысканья «одинокого волка».

Планировал ли он ритм выходов на охоту? Или это из области зоологии?

Можно представить себе, как он сидит на планерке у директора или у себя в отделе, рисует в блокноте крестики, заглядывает в календарь и вдруг понимает — пора! И отправляется в канцелярию оформлять командировку.

Он набирается опыта. Ищет новые способы завлечения жертв. Шлифует прежние.

К восемьдесят третьему году его почерк убийцы вполне сложился.

Если он находит девицу нестрогих правил или кого-то из тех, кого называет «бродяжками», то без обиняков предлагает пойти с ним в укромное местечко, чтобы заняться сама знаешь чем. За деньги. За выпивку, если на лице написана тяга к спиртному. За удовольствие, которое может доставить видный крепкий мужчина в расцвете сил.

Последнее предпочтительнее, потому что бесплатно. Он знал заранее, чем все кончится, знал, что платить не придется, но все равно жмотничал.

> «Денег, по-моему, я ей не предлагал, но давал понять, что услуги оплачу…»

Когда ему попадалась приличная молодая девушка, он, как правило, вызывался помочь ей добраться до места. Как попасть домой, люди и сами знают, поэтому он останавливал выбор на тех, кто едет из дома, в неизвестные края. Он отлично ориентировался на местности, знал маршруты городского транспорта, изучил расписание автобусов и электричек. Он всегда был готов указать самый короткий путь, довести до места, где чаще ходят автобусы или можно без труда поймать попутную машину. Его облик вызывал доверие.

С детьми он вел себя по-иному. Для них у него были наготове соблазны, реально существующие — в виде конфет и жвачек, — и гипотетические, лишь обещаемые: коллекционные марки, видеомагнитофон, яблоки с собственной дачи, вкусный

домашний обед.

В университете ему читали курс педагогики. Он сдавал экзамены — Песталоцци, Коменский, Макаренко.

И не забудем, что Андрей Романович много лет работал с детьми. Хорошо ли, плохо ли — но работал. Не всегда же он их совращал. Опыт воспитателя подсказывал ему, кому что посулить.

Это — про почерк знакомств. Был еще почерк насилия.

Удары ножом он неизменно наносил левой рукой, чуть отстраняясь от жертвы, чтобы не заляпаться кровью. Он уверяет, что убивал, находясь в каком-то затмении, некоем плотном тумане, однако выбирал вполне определенное положение относительно жертвы.

> «Я научился не пачкаться… Ножом я работал левой рукой. Пишу правой, а нож, когда режу продукты питания, держу левой…»

Во время многочисленных следственных экспериментов он не раз покажет на макете, как делал это. Он действительно резал людей точно так же, как еду. Тем же манером.

Правда, он утверждает, что человечину никогда не ел. Проверить это невозможно, очевидцев нет, но каннибальские черты со всей очевидностью присущи его криминальному почерку. Некоторые части тела он — правда, не всегда — откусывал зубами или отрезал одним из двадцати трех ножей («правой рукой оттягивал матку, левой резал…»). Иногда, по его словам, отрезанное выбрасывал, иногда запихивал внутрь ран. Подтверждает, что брал в рот и кусал, но, настаивает, никогда не проглатывал.

Почему же тогда отрезанное и откусанное ни разу не удалось обнаружить?

Куда девал?

«Не помню».

Со слов следователя Яндиева: на допросах Чикатило показывал, что время от времени клал в портфель кастрюльку. Зачем? Мало ли что может понадобиться в командировке. Сколько людей возят с собой кипятильники, никто их не спрашивает — зачем.

Предположим. Но почему тогда несколько раз находили неподалеку от мест убийств следы небольших костров?

У примитивных народов есть поверье, что, съев какую-то часть тела врага или убитого зверя, обретешь силу, ум, отвагу, здоровье…

От зависти и от порождаемой ею ненависти отрезал и выгрызал то, что служит для продолжения рода.

Однажды он скажет: меня всегда раздражало, что у каких-то мальчишек по мужской части все в порядке, а у меня, который на голову их выше, сплошные проблемы.

А без предположений, как доказанный факт, — еще один дикий ритуал: «партизанский». Он носился вокруг уже холодеющего истерзанного тела, размахивал кровавыми кусками плоти и представлял себя отважным партизанским разведчиком из любимых книг. В стане врага он сумел взять добычу…

На телах его жертв эксперты находят следы, свидетельствующие о том, что убийца, не вынимая ножа из раны, наносил десятки ударов в одно место, как бы воспроизводя движениями руки половой акт. Сексопатологи полагают это своего рода ритуальной мастурбацией. И по ней можно опознать почерк убийцы. И по следам от ножа в глазницах.

Что самое удивительное, он не заметал следов. Не закапывал, не прятал, не оттаскивал трупы в укромные места. Так, присыпал землей или палыми листьями, прикрывал старыми газетами. И быстро уходил.

Когда он возвращался домой из очередной командировки, то разбирал портфель и ножи прятал всякий раз в одно место. Не то чтобы даже прятал, просто клал. Там их и нашли при обыске после ареста.

> «Я после убийств ножи не выбрасывал, хотя всегда мог выкинуть из электрички. Хранил под мойкой на кухне».

Еще одно его показание на ту же тему:

> «У меня было три костюма — черный, серый и коричневый. В каждом держал по ножу, чтобы не перекладывать».

Покончив с портфелем и ножами, плотно поужинав, он, утомленный после нелегкого дня, укладывался спать. Спал всегда на одном и том же боку, за ночь ни разу не сменив позы. Засыпал мгновенно, спал до утра без сновидений. Проснувшись, шел на работу, где дремал на совещаниях и рисовал крестики. Нагоняи тем временем становились чаще и звучали грознее. Андрей Романович, прежде к выговорам безразличный, все чаще обижался и огрызался. Порою жаловался сослуживцам на несправедливость и гонения, чего раньше за ним не замечалось. Бывало, Феодосия Семеновна ходила к начальству просить за него.

Прокурор Анатолий Иванович Задорожный спросил на

судебном заседании у свидетеля Масальского, работавшего вместе с Чикатило в «Ростовнеруде», как тот держался на работе.

— Он мне казался каким-то обиженным.

— Обидчивым? — переспросил прокурор.

— Нет. Именно обиженным.

— А как он относился к своим обязанностям?

— Это вопрос не ко мне, а к директору. Он, по-моему, делал все, чтобы заставить Чикатило работать. Но все без толку.

Претензий к начальнику отдела снабжения становилось все больше. У директора кончалось терпение, Андрей Романович накапливал обиды. С сотрудниками он держался по-прежнему — вежливо, спокойно, хотя и немного замкнуто. Но в коридорах заводоуправления все чаще жаловался на несправедливость и притеснения.

Немногословный и сдержанный, он мог внезапно стать вполне компанейским человеком, особенно после рюмки водки за скромным служебным застольем. Но особенно разговорчивым становился, когда речь заходила о притеснениях на службе, о том, как его зажимают и не ценят. Во время следствия, когда он замыкался в себе и надо было его расшевелить, хватало одного вопроса об отношении к нему начальства «Ростовнеруда». Незамедлительно следовал долгий монолог о негодяях, которые его терроризировали. А взяв темп, он по инерции подробно и многословно отвечал и на другие вопросы.

Следовавшие одно за другим убийства восемьдесят третьего и восемьдесят четвертого годов он будет объяснять особенностями своей работы, служебными неурядицами и выдуманными преследованиями:

> «Бешеные эти командировки, ненормальные всякие… Одичал и озверел. Получилось, что с работы меня вытравили, как фашиста, свидетели есть, травили в коллективе, сфабриковали дело, что я линолеум похитил. И мне некуда деться, я оказался на вокзалах, в электричках… И жалобы писал и в ЦК, и в обком…»

Пудрит мозги. Переставляет местами причины и следствия.

На вокзалах и электричках он оказывался не потому, что его выгоняли в «бешеные командировки». Он сам рвался в поездки. Он придумывал их и подстраивал. И дело с линолеумом началось лишь в восемьдесят четвертом, когда на его совести уже было больше двадцати смертей. И не «вытравили» его с работы, а дали уйти подобру-поздорову. Уволился он с незапятнанной трудовой книжкой, по собственному желанию, да еще льготным манером, без перерыва в трудовом стаже, что сохранило за ним кое-какие

привилегии, которые причитаются советскому служащему, много лет вкалывающему на одном и том же месте.

Вот один из труднообъяснимых парадоксов советского бытия: при самой суровой эксплуатации, при мизерно оплачиваемом труде, при неограниченных возможностях для демагогии и ничегонеделанья под ее соусом, при всем этом избавиться от сутяги, лентяя, малограмотного, дурака — сложно неимоверно. Закон охраняет бездельника. Можно выпереть за грубейшие нарушения — систематические прогулы, пьянки на рабочем месте. Но если абсолютный бездельник и полнейший разгильдяй исправно ходит на службу, ничего не нарушает, если не числится за ним не то что прогулов — даже опозданий, то голыми руками его не возьмешь. Уволишь — подаст в суд, и, можете быть уверены, суд восстановит его на работе. И заставит оплатить ему вынужденный прогул.

Снабженца, который не обеспечивает завод материалами и деталями, выставить за ворота почти невозможно. Всегда найдет, чем оправдаться. Например: материалы распределяют по фондам, а фондов до сих пор не дали. Или дали, но на бумаге, а материалов как не было, так и нет. Советский человек, если хочет что-то раздобыть, обязан ловчить и выкручиваться, кого-то подмазывать, кого-то угощать, кому-то лезть в душу. Но в то же время нельзя приказать ему публично дать кому следует на лапу. Как-никак уголовное деяние.

Вот и получается, что ходит человек на работу, выслушивает распоряжения начальства, дает задания подчиненным, а когда становится ясно, что бурная деятельность дала смехотворный результат, то ничьей вины вроде бы и нет.

Если и не было хищения аккумулятора, его следовало придумать.

Нормальная директорская логика. Иначе от Чикатило не избавиться.

Его обвиняли в том, что он украл линолеум и аккумулятор. В части линолеума обвинение сняли за недоказанностью. Аккумулятор стоил ему партийного билета и короткой отсидки.

Спер он их или нет?

Вполне мог. Что за кухня без линолеума, что за «Москвич» без аккумулятора? И то и другое — товар дефицитный, каждый день на прилавках не лежит.

Но мог и полюбовно, за скромную мзду, договориться с кладовщиком. В тех, старых ценах аккумулятор тянул рублей на пятьдесят, а с заводов что ни день таскали на миллионы. Национальный спорт.

И это при том, что не так давно, при Сталине, за несколько

колосков, подобранных на поле в голодный год, за украденную картофелину или буханку хлеба без размышлений давали десять лет лагерей. Да и позже хищение «социалистической собственности» грозило всякому, на нее посягнувшему, долгой отсидкой. Берегли это таинственное «общее достояние», а поскольку оно как бы и ничье, то и разворовывали нещадно.

С линолеумом дело и вовсе темное. Чикатило держался версии, будто шофер не довез материал до склада, продал налево по дороге, а сваливают на начальника снабжения…

Возможно, так оно и было. Однако на фоне тех убийств, которые он, по версии следствия, уже совершил к тому времени, все эти проблемы не стоят выеденного яйца. Лучше бы он спер без наказания все аккумуляторы в Ростовской области.

Пусть он и не украл ничего, но отношения с начальством были испорчены, и директор счел за благо дать делу ход. Хозяйственник его ранга в небольшом городе, наподобие Шахт, — фигура заметная. К его мнению прислушиваются и в горкоме партии, и в прокуратуре.

Против Чикатило Андрея Романовича было заведено уголовное дело. Вел его старший следователь городского управления внутренних дел Валерий Степанович Таршин.

Андрея Романовича стали вызывать на допросы. Подозреваемый пытался внушить следователю, что он человек образованный, с интеллектуальными запросами и о хищениях какой-то ерунды смешно даже говорить. Однако на Таршина это не произвело никакого впечатления.

Чикатило перепугался. Он стал путаться в показаниях и юлить. А потом, неожиданно взяв отпуск, сбежал в Ростов.

Таршин посылал ему повестки; жена отвечала, что Андрей Романович уехал отдыхать. Чикатило тем временем, сидя в Ростове, строчил жалобы и искал себе новую работу.

Он нашел ее. В первых числах августа его оформили на должность начальника отдела снабжения в ростовском объединении «Спецэнергоавтоматика». Начальство в Шахтах, узнав об этом, вздохнуло с облегчением. Следователь Таршин, полагая, что подследственный в бегах, а дело не столь уж существенное, перестал слать повестки. По всей вероятности, дело о хищениях вскорости закрыли бы, как то случается сплошь и рядом.

Не успели.

На следствии Чикатило скажет:

> «Тогда, в 1984 году, в затравленном состоянии я сделал 15 убийств».

Положим, он привирает: последние шесть из них он «сделал» никак уж не в затравленном состоянии. Шахтинский кошмар остался позади, Андрей Романович нашел приличную работу и, главное, очень для него удобную. Практически бесконтрольная, она давала ему возможность не только ближних поездок по области, но и дальних, серьезных командировок. Перед ним открывались, так сказать, новые горизонты.

Уже 8 августа, едва приступив к работе, он слетал в Узбекистан.

Там за недельную командировку он оставил два трупа. Поехав из Ташкента за город, искупаться в реке Чирчик, встретил молодую пьяную женщину, имя которой так и не удалось установить, убил ее в своей обычной манере, а сверх того, отрезал голову жертвы и забросил в кусты. Несколько дней спустя отправился на электричке в сторону Сырдарьи за дынями — там они дешевле, чем в городе. В вагоне увидал десятилетнюю Акмарал Сайдалиеву, вышел с ней на первой же остановке и ударил на кукурузном поле кухонным ножом. Добивал камнями.

Дешевые дыни он под Ташкентом купил. В городе они существенно дороже. Дыни привез домой.

Из командировок он всегда что-то привозил в семью.

Перед визитом в Ташкент, но уже после того как его приняли на новую службу, Чикатило убил Наталью Голосовскую (2 августа); через пять дней, уже с авиабилетом в кармане, он встретил в Ростове, неподалеку от Ворошиловского моста, семнадцатилетнюю Людмилу Алексееву и «показал ей дорогу» на Левбердон. В лесопосадках у пансионата под названием «Тихий Дон» он нанес девушке 39 колотых и колото-резаных ран кухонным ножом с темной пластмассовой ручкой. Он также отрезал верхнюю губу и затолкал ее в рот трупа, искромсал грудь и вырезал низ живота. А с места убийства, как утверждало следствие, унес 90 рублей, спортивную сумку, косметическую сумочку ценой в пятерку и пластмассовые клипсы за два рубля.

После убийства Алексеевой — это было поздним вечером — Андрей Романович не стал возвращаться домой, а переночевал на работе. Его сослуживец И. А. Ковалев рассказывал, что утром, придя на службу, застал своего нового коллегу за стиркой: под краном в туалетной комнате тот отстирывал рубашку.

Все в том же «затравленном состоянии», вернувшись с дынями из командировки в Узбекистан, он убивает 28 августа одиннадцатилетнего Сашу Чепеля. Тоже после работы. Там же, где Алексееву, — у пансионата «Тихий Дон». Тем же ножом. И опять, чтобы не мотаться на электричке домой на ночь глядя, остается ночевать в конторе.

Кровь он и на этот раз отмывает в туалете «Спецэнергоавтоматики». Спать укладывается на своем письменном столе, где утром его обнаруживают сослуживцы.

Кому какое дело, если человек заработался и решил заночевать в конторе?

Шестого сентября в парке Авиаторов он убивает двадцатичетырехлетнюю Ирину Лучинскую. У него при себе тот же нож — вероятно, он все эти дни ходит в одном костюме.

Ночует на работе.

Тринадцатого сентября после долгого выслеживания его арестовывает Александр Заносовский. В портфеле Чикатило находят: грязное полотенце, моток крепкого шпагата, баночку вазелина, кухонный нож с темной пластмассовой ручкой, удостоверение внештатного сотрудника милиции.

Более чем сдержанный в оценках, скупой на похвалу Исса Магометович Костоев сказал нам:

> «Заносовский и Ахматханов сработали добросовестно и профессионально».

Александр Заносовский рассказывает:

> «Кажется, он меня узнал. На лице написан ужас, пот стекает по щекам. Я сразу подумал — это тот, кого мы ищем. Убийства в Шахтах, у него шахтинская прописка. Работает в Ростове, а в парке Авиаторов труп за трупом».

В отделении милиции при Центральном рынке открыли портфель задержанного. То, что в нем обнаружили, только укрепило подозрения Заносовского. Набор предметов говорил сам за себя.

Чикатило пытался что-то объяснить, но очень невнятно. Его отвезли в Первомайский райотдел милиции, оттуда передали оперативно-следственной бригаде, которая вела дело «Лесополоса». Ее сотрудники, изучив содержимое портфеля, тоже сказали — попался.

Областному уголовному розыску и оперативно-следственной бригаде предстояла достаточно кропотливая, но совершенно ясная работа: проверить задержанного Чикатило по всем известным тогда эпизодам. Это требует долгого времени, если не работать кое-как. А задерживать надолго, не предъявив обвинения, запрещает закон.

Если вспомнить историю с алиби Кравченко, можно без труда понять, что такие процессуальные нормы соблюдаются отнюдь не скрупулезно. У опытного оперативника или следователя всегда

есть в запасе приемы, как растянуть время пребывания задержанного за решеткой. Однако на этот раз решено было сделать все по закону. Чикатило дал достаточно поводов, чтобы можно было подержать его в камере столько времени, сколько нужно следствию.

Перво-наперво его подвергли административному аресту за приставания к женщинам в общественных местах. За это можно схлопотать самое большее пятнадцать суток — и он получит их как миленький. Пятнадцати дней должно было хватить, чтобы выяснить личность задержанного. Но обстоятельства складывались еще более удачно, чем поначалу думали оперативники: они сразу же наткнулись на заведенное в Шахтах уголовное дело по хищению аккумулятора и линолеума. Достаточно предъявить обвинение в хищении и можно держать Чикатило под стражей уже не дни, а недели или даже месяцы, если очень потребуется. А за это время без спешки узнать о подследственном все, вплоть до малейших деталей.

И разобрались. Копали не у поверхности, а вглубь, на добрый десяток лет. Докопались, в частности, до гнусных шалостей педагога в Новошахтинске и Шахтах, до похабства с девочкой в пруду, до грязных приставаний в запертом классе. Мерзко и нечистоплотно, но — дело прошлое, и никто не возьмется утверждать, что нечистоплотные поступки испуганного человека средних лет, который, напирая на жалость, застенчиво рассказывает следователю о своей мужской неполноценности, имеют хоть какое-то отношение к серии страшных убийств.

Оперативники по крупицам собирают сведения о бывшем педагоге: слыл среди учащихся голубым, над ним открыто насмехались, подглядывал за девочками в туалетах. В купленный им тайком от семьи флигелек водил девиц легкого поведения. Работая в «Ростовнеруде», вел себя не совсем обычно, был замкнут, не расставался с портфелем, любил мотаться по электричкам, ходил из вагона в вагон. Странная личность.

Но странных личностей на свете гораздо больше, чем убийц.

В 1991 году, когда Чикатило арестуют, чтобы уже не выпустить, следователь Исса Костоев проявит необычайное упорство и сумеет вырвать недоступные следователям прокуратуры секретные материалы оперативно-розыскного дела двенадцатилетней давности: город Шахты, тело Леночки Закотновой в речке Грушевке. После этого и закрутится старое дело по новой, и посмертно оправдают Кравченко, и предъявят обвинение Чикатило.

И до этого, оказывается, докопались оперативники в 1984 году, при первом аресте Чикатило. Но, говорят, не придали

значения. Позвольте усомниться.

Наконец, прокуратура Новошахтинска выясняет, причастен ли Андрей Романович к убийству Димы Пташникова, того самого десятилетнего филателиста, который доверчиво пошел вечером на свидание со щедрым степенным человеком. По всем статьям подходил Чикатило на роль подозреваемого. Все указывало прямо на него. За исключением одного: на теле убитого мальчика и на его одежде обнаружили следы спермы, анализ которой со всей определенностью показал, что по антигенному составу она относится к четвертой группе.

Напомним: у человека кровь и все выделения, будь то сперма или слюна, — одной группы. Каждый из нас вырос из одной-единственной оплодотворенной яйцеклетки. Генетика не признает чудес.

Андрея Романовича Чикатило проверили на группу крови. Как проверяли до этого сотню тысяч шоферов в Ростовской области.

И этого оказалось достаточно, чтобы снять с него обвинения в убийствах: кровь оказалась второй группы.

Сперму на анализ не брали.

И, как признался Виктор Васильевич Бураков, они тогда не знали толком, как ее, проклятую, брать. И можно ли прибегать к такой процедуре, когда перед тобой человек, чья вина не доказана, да еще человек партийный, семейный, положительный?

Не было оснований для анализа, повторяют много лет спустя, уже после приговора.

А портфельчик со своеобразным набором предметов? Зачем же обыкновенному снабженцу таскать с собой в недалекую командировку остро заточенный нож и веревку? Ладно, предположим, для того, чтобы что-то отрезать и что-то привязать. (Симпатичное объяснение, когда ищут человека, связывающего своих жертв и бьющих их ножом до смерти. Правдоподобное.) А вазелин для чего? Мало ли для чего… Для бритья!

Такое можно сказать только с испугу, когда ничего лучшего в голову не пришло. На всех мальчишечьих трупах были найдены недвусмысленные следы гомосексуальных актов.

Он и сказал с испугу: для бритья. Так и записали в протокол.

А портфельчик с вещественными доказательствами вдруг куда-то исчез. Словно испарился. Пропал бесследно.

Много лет спустя выясняется, что вовсе не бесследно. Очень даже хорошо известно, куда он подевался.

Подполковник милиции Марат Урманчиев, который в то время работал в Первомайском райотделе управления внутренних дел, заявил на суде: портфель со всем его

содержимым он лично передал из отдела милиции в бригаду по «Лесополосе». А работники бригады по не известной никому причине вернули его супруге арестованного.

За ненадобностью. Следствию портфель оказался ни к чему.

Бережливая и хозяйственная Феодосия Семеновна снесла ненужные сыщикам вещественные доказательства домой и приобщила хорошо заточенный нож к своей домашний утвари. Кухонный нож из портфеля естественным образом оказался на кухне.

Весной девяносто первого года Чикатило предъявили для опознания все 23 ножа, изъятые в его новочеркасской квартире. Вот выдержка из протокола показаний:

> «Нож под номером пятнадцать очень похож по размерам, форме лезвия, по форме и цвету рукоятки на тот, который у меня изымался и которым я совершил ряд убийств… Скорее всего, этим ножом мною были убиты Лучинская, Чепель, Алексеева, Голосовская…»

Г. Г. Бондаренко в 1984 году работал начальником уголовного розыска Первомайского отдела УВД. Вызванный в качестве свидетеля, он без колебаний опознал нож, который, по его словам, находился в портфеле Чикатило, когда его привезли в Первомайский отдел от Центрального рынка.

Такой вот пустячок отдали жене арестованного. И в самом деле, пригодится в хозяйстве.

Андрей Романович сидел тем временем в следственной камере и ждал своей участи. Поскольку им занимались всерьез, в камеру, как водится, подсадили «наседку» — глядишь, в задушевном разговоре, с участливым товарищем по несчастью что-нибудь да выболтает.

Новый сокамерник представился медиком. Андрей Романович и к этой области знаний проявил незаурядный интерес. Больше всего его волновало, можно ли определить преступника по сперме.

Чего же еще надо было тем, кто подсадил к нему стукача? Полного признания в преступлениях? Да какой же идиот признается в камере, что кого-то изнасиловал?!. За это и уголовники презирают, у насильников самая паскудная жизнь в тюрьмах и лагерях. Их редко оставляют в покое.

Подсадному он сказал более чем достаточно.

Тот, можно быть уверенным, доложил по инстанции, но его не услышали. Или не захотели услышать.

Мнение следователя по особо важным делам Ростовской прокуратуры Амурхана Хадрисовича Яндиева:

«Дело Чикатило ни в восемьдесят четвертом, ни в девяносто первом году нельзя было раскрыть обычным оперативным путем. Необходимо было найти с ним контакт, как это сделали мы. А тогда его просто упустили. Следователь оказался никудышный, оперативники ничего не смогли вытянуть. Тут требовался аналитик. Надо было поднимать одно за другим все преступления, которые накопились по „Лесополосе“, сопоставлять — где был Чикатило в тот день и в тот час, мог оказаться в этом месте или не мог. Нужен был не вообще аналитик, а класса Костоева».

Такого в деле Чикатило тогда не оказалось. Осенью восемьдесят четвертого года Исса Магометович Костоев, можно сказать, разминулся с ним.

Они встретятся несколько лет спустя.

Гражданина Чикатило Андрея Романовича за недоказанностью обвинения надо было выпускать. За что же, спрашивается, его столько держали? Чем оправдываться перед начальством?

Дело о хищении, шитое, как считает Яндиев, белыми нитками, вскорости было закончено и передано в суд Ленинского района города Шахты. Двенадцатого декабря 1984 года Чикатило был приговорен по статье 92 Уголовного кодекса РСФСР к одному году исправительных работ за хищение аккумулятора. Линолеум в приговоре не упомянут. С зачетом срока содержания под стражей от дальнейшего отбытия наказания гражданин Чикатило освобожден.

Просидел он три месяца, освободили его прямо в зале суда. Общественной опасности, следовательно, не представляет.

Гораздо хуже было исключение из коммунистической партии. Андрей Романович очень его переживал. Но — иначе нельзя. Ведь коммунист уже по определению есть существо кристально чистое, можно сказать, ангелоподобное. Ему не пристало быть не только осужденным, но и судимым. Даже под следствием желательно не находиться. Виновен или невиновен — дело десятое. Попал под суд — из партии долой.

Это было за год до начала перестройки. Переживать очень долго не пришлось. Близились времена, когда пребывание в ленинской партии станет для многих не почетом, а грустным воспоминанием. Андрей Романович довольно скоро начнет истово от нее открещиваться и проклинать тех, кто вбил в его голову ложные идеалы.

Единственный след всей этой истории с задержкой Чикатило

остался в особом бюллетене, который во время следствия по «Лесополосе» выпускали для служебного пользования. Виктор Васильевич Бураков показал нам книжицу в красном переплете, в которой собраны все сведения о людях, оказавшихся хоть в малой степени под подозрением. Там записано: Чикатило Андрей Романович, 1936 года рождения, прописан там-то, работает там-то, проверен по «Лесополосе».

Проверен и отпущен. Стало быть, ни при чем.

Может быть, единственным человеком, который не понял, отчего Чикатило снова оказался на свободе, был капитан Александр Заносовский. Он несколько раз интересовался у своего милицейского начальства, как там его «крестник» — раскололся или еще нет? Он был очень удивлен, когда узнал, что тот по группе крови никак не может быть тем насильником и убийцей, в поисках которого сбилась с ног вся милиция области.

Интуиция сыщика подсказывала ему: он арестовал того человека. Эксперты в чем-то ошиблись. Там люди знающие, сказали ему, как-нибудь без тебя разберутся. Ты делай свое дело.

Он и делал. Вышагивал по автовокзалу, куда его постоянно направляли, заглядывал в незнакомые лица, обращал внимание на все необычное, мало-мальски подозрительное. Он был внимателен, даже настырен. Он надеялся, что рано или поздно встретит «крестника» и возьмет его с поличным. Объяснения насчет группы крови его по-прежнему не устраивали.

Но вскоре Заносовскому пришлось оставить дежурства на автовокзале. Один из руководителей следственно-оперативной бригады настоял, чтобы его отстранили от «Лесополосы»: слишком настырен, от излишнего рвения порой нарушает требования конспирации, которая просто необходима, дабы тот, кого ищут, не заметил, что его ищут. Может быть, он и не знает, что за ним охотятся. Может быть, он очень наивен.

И невдомек им было, что профессионал Заносовский один раз уже нашел того, кого искали столько профессионалов.

Естественно, Александр Александрович не остался без дела. Он продолжал работать в райотделе, потом в городском уголовном розыске, раскрывал преступления, в том числе и сексуальные. Однажды вдвоем с напарником вышел ночью без оружия на вооруженных квартирных воров. Воров задержали. Напарник погиб. Заносовский получил восемь ножевых ран, но выжил. Был награжден Красной Звездой. Боевой орден, его не дают за выслугу лет.

Сейчас он, немногословный, рано поседевший, с грустью вспоминает восемьдесят четвертый год. Не кабинетный работник, а сыщик, из тех, кого ноги кормят, он верит в науку

криминалистику, но по-прежнему убежден, что на первом месте у сыщика — интуиция и здравый смысл. Если бы эти качества возобладали тогда, никто больше не погиб бы от ножей, которые хранились под раковиной в кухне.

Когда бы Чикатило отпустили с миром сразу после пятнадцатисуточной отсидки и определения группы крови, еще можно было бы как-то понять недальновидность оперативников. Ну закрутились, вон сколько было проверок, больше ста пятидесяти тысяч водителей на анализ крови послали. Ну пошли на поводу у обстоятельств — ведь в это самое время оговаривали себя, кололись почем зря в следственном изоляторе дураки. Ну прозевали. Обычное наше разгильдяйство. Но чтобы такого человека по разгильдяйству не уличили в более серьезных преступлениях? За три месяца, пока Чикатило сидел в следственном изоляторе, о его тайных грешках и явных прегрешениях стало известно все. И тем не менее его отпустили.

Позвольте усомниться. Если без экивоков — может быть, кому-то Андрей Романович нужен был не в камере, а на свободе? А если совсем без экивоков — не приложила ли к этому руку государственная безопасность, наша вездесущая Галина Борисовна?

Следователи по особо важным делам Исса Костоев и Амурхан Яндиев пожимают плечами и версию всерьез не рассматривают. Нас это не убеждает…

В своем кабинете на Октябрьской площади в Москве, в здании Министерства внутренних дел России, нас принимает бывший начальник ростовского уголовного розыска, бывший второй человек в Ростовской милиции, а ныне начальник уголовного розыска всей России генерал-майор Владимир Ильич Колесников. О нем строгий к милиции Костоев говорил: порядочный человек, профессионал, сильная личность.

Уже седовласый — всего-то сорок четыре года — здоровенного роста, руку жмет, как тисками сдавливает.

Так что вы думаете, Владимир Ильич, о недреманном оке Галины Борисовны? Не приглядывало ли оно и за делом Чикатило?

Генерал Колесников сосредоточенно молчит, обдумывая вопрос, затем медленно произносит:

— Я профессионал. Вот передо мной лежит пачка «Мальборо». — Достает сигарету, закуривает. — Я точно знаю, что это «Мальборо», а не «Столичные». — Кладет пачку на стол. — Утверждать можно только то, что знаешь точно. — Делает паузу. — Больше по этому вопросу ничего сказать не могу.

Он не хитрит. Он ведет профессиональный разговор.

Но мы профессионалы в другом ремесле. И у нас сомнения остаются.

Глава XV
О некоторых особенностях организма Чикатило А. Р. 1936—…

В школе нас приучили к мысли, что наука всесильна. Что земля круглая и в ядре каждой живой клетки есть хромосомы, что $E = mc^2$. Из детективных романов и полицейских историй мы знаем так же точно, что криминалистика есть часть науки и стоит преступнику оставить на месте преступления отпечатки пальцев или следы крови, как эксперты быстро дознаются, кому они принадлежат, а дальше дело сыщиков найти именно того индивида, который соответствует научному портрету.

Но если его найдут, и отпечатки пальцев совпадут, и кровь будет соответствовать — тут ему не отвертеться.

Своей крови Чикатило не оставлял. Отпечатки пальцев на клочьях одежды и листьях обнаружить практически невозможно, да и находили трупы большей частью нескоро.

Но все его преступления носили выраженный сексуальный характер, и сперму много раз находили. И отправляли ее на экспертизу. И выявляли групповую принадлежность.

Чикатило оказался вне подозрения, ибо анализ крови, взятый у него и сомнений не вызывающий, недвусмысленно говорил: другая группа.

А сыщики учились в тех же школах, что и мы, и они тоже знают, что наука всесильна. И если на трупе следы одной группы, а у подозреваемого группа другая, значит, его надо отпустить на все четыре стороны.

Вот если бы совпали, то, наверное, никакие черные колпаки ему не помогли бы.

Попробуем все же понять, почему так произошло. Откуда такое фатальное для детективов невезение?

Все, о чем говорится в этой небольшой главе, написано со слов заведующей судебно-биологическим отделением Бюро главной судебно-медицинской экспертизы Минздрава России С. В. Гуртовой, а также по некоторым, вполне авторитетным научным источникам.

Начнем с цитаты:

> «Групповые антигены, обнаруживаемые в выделениях людей, качественно всегда соответствуют их группе крови, они остаются неизменными на протяжении всей жизни человека лишь с небольшими колебаниями

количественного содержания»[1].

Совсем немного в пояснение — если вы после школьной скамьи успели забыть, что такое антигены и как они связаны с группой крови.

Всякий живой организм защищается от чужеродных ему веществ. Проникновение постороннего белка, устроенного иным образом, чем его собственный, он воспринимает как начало войны — и объявляет борьбу с ним не на жизнь, а на смерть. По этой причине каждый из нас на протяжении жизни не раз и не два дает бой микробам и вирусам (и выходит из него, как правило, победителем). И по той же причине отторгаются органы, пересаженные от чужого организма, а чтобы этого не происходило, врачи подбирают доноров, чей белок устроен достаточно похоже на белок реципиента, кроме того, дают очень сильные препараты — иммунодепрессанты, подавляющие реакцию отторжения.

Нечто похожее происходит и с донорской кровью. Не всякому больному подходит кровь того или иного человека. Из-за этого в старые времена попытки переливания крови нередко заканчивались смертельным исходом. Так продолжалось до той поры, когда в 1900 году тридцатидвухлетний австрийский ученый Карл Ландштейнер, впоследствии американец и лауреат Нобелевской премии, открыл группы крови человека.

Деление всего человечества на такие группы (обычно на четыре) возможно и практически осуществимо благодаря тому, что у людей присутствуют — или, напротив, отсутствуют — некоторые антигены в клетках крови, что можно довольно просто обнаружить, изучая под микроскопом поведение эритроцитов, красных кровяных клеток, тех самых, которые разносят по организму кислород. Чаще других используют достаточно простую и наглядную систему АВ0. В ней различают четыре основных антигена: А (в двух вариантах), В и 0, то есть отсутствие антигена. Они встречаются в крови в четырех сочетаниях: их нет вовсе (0, или 1-я группа крови), есть только А (2-я группа), есть только В (3-я группа), есть оба (АВ, 4-я группа).

Подобные антигены можно найти во всех выделениях человека, в которых присутствует белок, будь то пот, слюна или сперма. Распространены эти группы неодинаково. У жителей Европы распределение примерно такое: первая и вторая группы — по 35 %, третья группа — 20 % и четвертая — 10 %.

Анализ на группу крови или какого-либо выделения — его называют антигенным типированием по системе АВ0 — достаточно прост и тривиален, он даст однозначный результат,

но, конечно, высокой точностью не отличается. Внутри каждой группы — миллионы индивидов. Но если человек из другой группы, то можно совершенно точно сказать, что кровь (или сперма) принадлежит не ему.

Такие вот начальные предпосылки. А теперь вернемся к Андрею Романовичу.

Судебно-медицинские экспертизы по следам его преступлений проводились неоднократно, и не только в Ростове, но и в других городах, куда он выезжал на кровавые гастроли, в том числе в Ташкенте и Краснодаре. В этой работе принимали участие по меньшей мере семь независимых экспертов. Они работали с очень малым количеством спермы, потому что, по словам С. В. Гуртовой, «она была найдена, кажется, на девятнадцати трупах, но в очень небольших количествах».

Даже этих количеств было достаточно для антигенного типирования. И всякий раз анализ показывал: есть антигены как А, так и В, то есть четвертая группа.

А кровь у Чикатило — второй группы. В ней присутствуют только антигены А. Это кровь другого человека.

Вы свободны, гражданин Чикатило.

* * *

Еще в 1980 году Бюро главной судмедэкспертизы столкнулось с неожиданным случаем, когда группа крови и группа спермы разошлись. Преступник был установлен с полной достоверностью, анализ, проведенный для порядка, показал, что в крови обвиняемого отсутствуют антигены А и В, то есть это группа 0. А в следах, обнаруженных на месте насилия, оба антигена есть. То есть никак не группа 0. Проверили потерпевшую — у нее только антигены А. Откуда В?

С. В. Гуртовая:

> «Я было решила, что это ошибка эксперта. Проверила — все верно. Следствие зашло в тупик. Мы начали ломать голову и в конце концов решили проверить у подозреваемого не только кровь, но и выделения. Хотя, казалось, это было лишено смысла. А когда проверили, то с изумлением увидели, что у него и в сперме, и в слюне есть антиген В. Мы проверяли его ежемесячно в течение полугода. То же самое: в крови антигена В нет, в выделениях — есть».

После этого в журнале «Судебно-медицинская экспертиза», в

четвертом номере за 1981 год, была напечатана статья «О некоторых особенностях экспертизы вещественных доказательств в связи с половыми преступлениями». Позволим себе цитату из этой статьи:

> «В практике работы судебно-биологических отделений… отмечено несколько случаев обнаружения в выделениях человека антигенов системы АВ0, не выявлявшихся в крови… Причины подобного факта могут быть различными и должны, на наш взгляд, стать предметом научных изысканий. Однако само по себе это явление… может послужить предпосылкой для ошибочного вывода…
>
> Если в пятнах, содержащих сперму, эксперт выявляет антиген, не свойственный потерпевшему и подозреваемому, то эксперт категорически исключает проходящего по делу подозреваемого как участника преступления. Однако этот вывод может оказаться преждевременным. Возможное обнаружение в сперме подозреваемого (и даже в его слюне) антигена, не содержащегося в его крови, но найденного в пятнах спермы на вещественных доказательствах, полностью изменяет экспертный вывод…
>
> Для предотвращения подобных экспертных ошибок… при выявлении в пятнах на вещественных доказательствах антигена, не свойственного крови потерпевшей и проходящего по делу подозреваемого, исследование соответствующих образцов должно считаться обязательным».

Вряд ли до ростовских специалистов за три года не дошел журнал «Судебно-медицинская экспертиза». Но прямых указаний не поступало. А в журналах много чего пишут, за всем не уследишь. Они там теоретики, а у нас сто пятьдесят тысяч анализов.

Хотя, возможно, рассуждали иначе. Или вовсе на эту тему не рассуждали. Но и мысли не возникло — не то чтобы сперму взять на анализ, но хотя бы слюну. Сплюнуть-то можно было попросить. И даже приказать.

Один плевок — и его бы не выпустили в восемьдесят четвертом.

Впрочем, в таких случаях, кажется, не плюют, а полощут рот чистой водой.

Сейчас некоторые специалисты считают, что расхождение по антигенам может появляться и исчезать, например в результате

заболеваний или воздействия аллергенов. Однако есть и другие мнения. Японские врачи наблюдали за тремя поколениями одной семьи, у всех членов которой антиген В проявлялся только в выделениях, но не в крови. И по анализу крови они все были четвертой группы, а на самом деле — третьей.

Причина таких аномалий — надо сказать, довольно редких — заключается в том, что антиген в крови присутствует, но в очень малых количествах, которые просто не обнаруживаются обычным анализом. Этот антиген вырабатывается организмом, но по каким-то причинам, пока не очень понятным, как бы отфильтровывается кровью. Сыворотки, с помощью которых связывают антиген, не рассчитаны на столь малую концентрацию, они его просто не замечают. А в выделениях те же антигены содержатся в сотни раз больших количествах, нежели и крови. И обнаруживаются без труда.

Иными словами, организм не совершает ошибки. Ее невольно совершают те, кто делает анализ, когда стригут всех под одну гребенку.

А не замечали этого так долго потому, что расхождения такого рода чрезвычайно редки. Японцы считают, что у них — в одном случае из двадцати тысяч, а в Европе, вероятно, еще реже.

Тем не менее по настоянию судебно-медицинских экспертов прокуратура в 1988 году разослала письма следователям, чтобы они имели в виду такой феномен и учитывали его на практике. Из прокуратуры приходит много указаний…

Когда у следствия возникло подозрение, что многие убийства на сексуальной почве совершаются в Ростовской области одним человеком, дела прислали для оценки в Бюро главной судмедэкспертизы. Вопрос был сформулирован так: это может быть один человек?

Бюро ответило следователям примерно следующее. если это действительно один человек, то он четвертой группы, с обоими антигенами — А и В, причем свойство В выражено у него слабо. Этот случай встречается совсем редко: обычно в четвертой группе слабое свойство у антигена А.

Теперь С. В. Гуртовая считает, что допустила неточность. Надо было написать так:

«Человек, в сперме которого содержатся указанные антигены».

Классический пример неточности формулировки с трагическими последствиями описан у Льва Толстого в «Воскресении», когда присяжные, и в их числе князь Нехлюдов, написали в вердикте «виновна, но заслуживает снисхождения» вместо «виновна, но без злого умысла», в результате чего Катюша

Маслова отправилась на каторгу.

По словам Гуртовой, она рекомендовала следствию проверить сперму подозреваемого, если против него есть веские улики, а группа крови не совпадает. Но это, вероятно, была устная рекомендация, о которой забыли.

Чикатило Андрей Романович оказался одним случаем из двадцати тысяч. По анализу крови его отнесли ко второй группе (А), однако антиген В содержится у него и в слюне, и в поте, и даже в волосах. То есть он на самом деле из четвертой группы, но со слабо выраженным в крови антигеном В.

Он мог бы и не полоскать рот водой. Хватило бы вырвать волосок из его лысеющей головы.

Этой маленькой главой завершается опыт заурядной — по многим причинам заурядной — биографии. После ареста и короткой отсидки гражданин Чикатило вновь стал товарищем. Жизнь продолжается, товарищ убийца верен своим страшным привычкам, а следствие долго и почти безуспешно идет по его следам.

Но о финале этой затянувшейся истории — в следующей части. Последней. К счастью, последней.

Часть 3
Распрягайте, хлопцы, коней, или вставай, проклятьем заклейменный

Глава XVI
Будни убийцы, будни следователей. 1985–1987

Тоталитарные системы падки до лозунгов и призывов.

В фашистской Германии концентрационные лагеря украшала назидательная фраза «Труд делает свободным». Наши родные тюремщики изобрели свой, вполне советский лагерный лозунг, каждое слово которого дышит фарисейством: «На свободу — с чистой совестью».

Андрей Романович Чикатило вышел на свободу с чистой совестью в середине декабря 1984 года. Новый год, 1985-й, он встречал не в камере, а в семейном кругу.

На следствии он однажды признался, что каждый Новый год был для него особенным событием. С некоторых пор он завел обычай, подводя итоги, вспоминать, подсчитывать свои жертвы и непременно подымать рюмочку за помин их душ.

Рюмочку, может быть, две, но не больше — ведь он был борцом за трезвый образ жизни.

На суде государственный обвинитель Н. Ф. Герасименко задал ему вопрос:

— Подсудимый, вели ли вы учет убитых вами людей?

После небольшой паузы Чикатило ответил иносказательно:

— Считал те вражеские самолеты, что сбивал.

Он оставался верен своему давнему пристрастию к военно-патриотической теме.

Сбивать вражеские самолеты — не преступление, а дело чести и геройства. Так что совесть его была чиста.

В своих подсчетах Андрей Романович никогда не сбивался. Он знал, сколько у него на счету. Сам рассказывал, как и 1984 году, оказавшись в тюремной камере, увидел парашу с намалеванным инвентарным номером 32 и тут же подумал с ужасом, что милиции известно число его жертв и она хочет узнать его реакцию на роковое число.

Шесть лет спустя, незадолго до последнего убийства, он обратил внимание на другое случайное совпадение:

— Еду как-то в трамвае, смотрю — номер пятьдесят два. Думаю — вот и у меня пятьдесят два трупа…

Он считал вражеские самолеты.

Когда Андрей Романович с чистой совестью вышел на свободу, от прежних его страхов не осталось и следа. Он уже не обливался потом при виде одетых в штатское милиционеров, как

тогда, у Центрального рынка. Он не тревожился, как в тюремной камере, вычислят ли его по сперме. Все страхи остались позади. Его подержали, проверили, не вычислили и отпустили.

Он отпраздновал в кругу семьи Новый год и взялся за поиски новой работы. О возвращении в ростовскую «Спецэнергоавтоматику», откуда он угодил прямиком на тюремные нары, не могло быть и речи. На кой ляд им начальник снабжения, который, и трех месяцев не проработав, пошел под суд?!. Лучше всего устроиться не в Ростове и не у себя в городе, а в каком-то другом месте, где еще не успел наследить.

Чикатило выбрал хорошо знакомый ему город Новочеркасск, как раз на полдороге между Ростовом и Шахтами.

С января 1985 года он приступает к службе на Новочеркасском электровозостроительном заводе, сокращенно НЭВЗ. Поначалу рядовым инженером, потом начальником отдела металлов — тоже по снабженческой части.

Как и в «Ростовнеруде», на новом месте он быстро приобрел репутацию слабого работника. По своему обыкновению, на планерках отмалчивался, витал в облаках, любой вопрос начальства и товарищей по работе заставал его врасплох. Он забывал про данные ему поручения, путался в делах. Не было дня, чтобы он не получал нагоняя от начальства, нередко в присутствии родной дочери Людмилы, которая тоже работала на НЭВЗе. Трудовые династии долгие годы воспевались на все лады официальной прессой. И здесь все выглядело порядочно, как у людей: папа снабженец, мама снабженка, дочка пошла родительским путем.

Глядишь, подрастут внуки, встанут на ноги — их тоже приставят к полезному ремеслу…

Инженер Е. В. Губернаторов, работавший на НЭВЗе в те же годы, что и Чикатило, вспоминает: когда Андрею Романовичу выговаривали в присутствии дочери, он сохранял олимпийское спокойствие. Даже, можно сказать, безразличие. У него от природы крепкая, устойчивая нервная система. И крепкий сон без сновидений. Убил, не убил, а выспаться нужно.

Короче говоря, перебравшись в Новочеркасск, Чикатило работать лучше не стал и как снабженец-профессионал ничуть не прибавил. Правда, в воспоминаниях его сослуживцев есть небольшое противоречие. С одной стороны, говорят они, Чикатило не мог запомнить указаний начальства, не записав их на бумажку, да и записанное нередко вылетало у него из головы. С другой же стороны, он отлично помнил, что, где и когда ему удавалось достать для завода. На следствии он не раз будет жаловаться на плохую память, но в то же время совершенно точно

или с ошибкой в считаные метры выводить следователей на места преступлений, совершенных им десять лет назад. И жертв своих он помнил отчетливо — не только число, но и как выглядели, во что были одеты, куда он наносил им удары ножом и какое испытывал при этом удовольствие.

Впрочем, тут, пожалуй, и нет противоречия. Он не хотел запоминать ничего, что приходилось делать из-под палки, и крепко держал в памяти все, что относил к своим удачам.

Убийства шли по разряду удач.

В общении он нисколько не изменился. Новые коллеги в один голос говорят: в контакты старался не вступать, жил своей жизнью. При встрече поздоровается, улыбнется — и не более того. По-прежнему вежлив, «спасибо-пожалуйста-извините», аккуратный костюм, свежая рубашка, при галстуке.

И все же в воспоминаниях его новочеркасских сослуживцев появляется нечто такое, чего не упоминали знавшие его по Ростову и Шахтам. Как сказал Е. В. Губернаторов: «Никаких подозрений он ни у кого не вызывал, но вот улыбка у него, если смотреть в профиль, была страшная какая-то».

Вполне допускаем, что это аберрация памяти. Его преступления, о которых стало известно сегодня, невольно проецируются в прошлое. И кажется, что уже тогда было в нем что-то такое…

Смотрим на него сквозь железную решетку в зале суда и пытаемся убедить себя: человек как человек, встретишь такого на улице и не оглянешься. Заурядное лицо, обыкновенная улыбка, ничего запоминающегося, не говоря уж о зловещем. Разве что потертый он какой-то, сжавшийся, по это, надо думать, от тюремной жизни. И, почти убедив себя в его обыкновенности, слышишь, как судья монотонно, громко и быстро читает выдержки из обвинительного заключения:

«С особой жестокостью… тридцать семь колото-резаных ран… связал шпагатом… отрезал и выбросил… затолкал… рот забил землей… присыпал листьями…» —

и скучное, скучающее лицо обретает дьявольские черты, и взгляд кажется зловещим, и зевота — пугающей.

Не все сослуживцы Андрея Романовича замечали страшную его улыбку, но почти все сходились на том, что начальник отдела металлов — работник никудышный. Сам он эту точку зрения не разделял, считал себя незаменимым работником и ради службы готов был пожертвовать очередным отпуском. На следствии он заявил, что годы работы на электровозостроительном заводе отмечены для него лично большим трудовым подъемом, а в 1986 году, к пятидесятилетию, ему вручили приветственный адрес.

Это, конечно, высокая честь. Почти как премия.

В первые дни суда ему была предоставлена возможность излить душу, дать показания «в форме свободного рассказа». Он сказал:

«Я делал больше всех электровозов. Без меня производство давно бы остановилось…»

Сейчас в России повсеместный спад производства. Общей участи, должно быть, не избежал и НЭВЗ, электровозов там делают меньше, чем прежде. Или это оттого, что с ними нет больше Чикатило?..

Довольно о производстве. Каким бы выдающимся или никудышным снабженцем ни был Андрей Романович, никому в голову не пришло бы писать о нем книгу. Он убийца и маньяк, а все остальное — так, штрихи к портрету.

Совершенно прав Алексей Васильевич Масальский, тот самый свидетель, который назвал своего бывшего сослуживца Чикатило «каким-то обиженным». Показания Масальского и его собственная история, имеющая отношение к волнующим нас событиям, заслуживают небольшого отступления.

Алексей Васильевич Масальский в деле Чикатило считает себя пострадавшим.

В те годы, когда они вместе служили в шахтинском «Ростовнеруде» и попивали изредка водочку на мужские и женские праздники, инженер Масальский испытывал домашние трудности: у него сильно болела жена. Она требовала постоянного ухода. Чтобы за ней кто-то присматривал в его отсутствие, он решил сдать задешево или даже задаром угол какой-нибудь доброй женщине, чтобы жила у них в семье и приглядывала за больной. Дал об этом объявление, и среди немногих откликнувшихся оказалась, на его, Алексея Васильевича, беду, Анна Лемешева. Та самая двадцатилетняя девушка, которую несколько дней спустя Чикатило под предлогом купания заманил в лесополосу и там убил. На месте преступления нашли бумажку, на бумажке — адрес Масальского.

Из-за этой бумажки с адресом, которую Анна Лемешева просто забыла выбросить, инженера Масальского ни за что ни про что продержали в кутузке добрую неделю, пока не выяснили, что он ни в чем таком не замешан, разве только сделал Анне нескромное предложение, из-за которого, собственно, она и отказалась квартировать у супругов Масальских.

Но это не все. Пока Алексей Васильевич сидел в ожидании своей участи, милиция запросила у «Ростовнеруда» на него характеристику. Партийная организация ответила примерно так: работник он неплохой, коммунист со стажем, общественник,

политически грамотный, но убить, конечно, может. Не поручимся, что не убийца.

Хорошие у него оказались друзья по партии.

И это не все про Алексея Васильевича. Пока он страдал в камере следственного изолятора, у него на квартире учинили обыск, во время которого пропали самые дорогие его сердцу реликвии — знаки ударника труда и почетного железнодорожника. Со стороны милиции, таким образом, он тоже претерпел несправедливость.

Но больше всего задевает Алексея Васильевича не отсидка и даже не пропажа трудовых регалий, а то внимание, которое уделяют его сослуживцу Андрею Романовичу Чикатило средства массовой информации. С какой стати? Показания суду Масальский давал скупо и неохотно, ссылаясь на глухоту и скверную память, но в перерыве, оказавшись лицом к лицу с прессой, буквально преобразился. Небольшого роста, сухонький, он сразу стал значительным и даже с некоторым намеком на монументальность. Он говорил поучительно, с отцовской назидательностью.

«Вот скажите мне, а на кой хрен вам, писателям, такой герой, как Чикатило? На чьем примере собираетесь молодежь воспитывать? Разве о таком писал писатель Гайдар? Он бы не одобрил того, что творит его внук…»

Сбившегося с темы Алексея Васильевича, перешедшего с педагогики на экономику и с Гайдара-деда на Гайдара-внука, мы вежливо возвращаем к Чикатило. Но он опять сбивается — на себя:

> «Меня отец так учил: приди на работу на полчаса раньше других — чтобы люди, как придут, сами с тобой здоровались. Так больше уважать будут. И работай на совесть, оставь свой след на земле… А что я оставлю? Сколько ни вкалывал — ничего. Похоронят и забудут. А Чикатило не забудут. Хоть он и мерзавец, а в Книгу Гиннесса попадет…»

Слово «Гиннесса» он произносит с ударением на последнем слоге.

Он и сам не прочь попасть в эту книгу. На любых условиях, лишь бы его не забыли. Ну не на любых, уточняет он; то, что натворил Чикатило, — это слишком, но очень хочется, чтобы внуки прочитали, каким был дед.

В его словах слышится обида на несправедливость. И нота зависти к страшной известности бывшего сослуживца.

«Вы теперь молодежь на „Молодой гвардии“ уже не

воспитываете», —

продолжает он. И этому не даст покоя военная тема.

«Везде у вас насилие и секс».

Последнее слово он произносит с заметным отвращением, хотя из материалов дела мы уже знаем, что ничто человеческое ему не чуждо.

«Когда я приехал о Ростов в сорок шестом, была разруха, голод, народ раздет… Но был энтузиазм. За малое преступление расстреливали. Много расстреливали, смерть за смерть. Так и сейчас надо. А отмена смертной казни за взятки и валютные дела — это преступление против народа. Красиво жить захотели: воровать, торговать, убивать…»

Своеобразное понятие о красоте жизни.

До чего ему обидно, что пишущая братия слетелась сюда, чтобы узнать побольше о каком-то убийце, а о нем, труженике, из того же гнезда родом, тем же трудовым путем шагавшим, писать не собираются.

Желая хоть отчасти искупить вину своих коллег перед честным тружеником Масальским, мы и ему уделяем некоторое место в этой книге. Хотя и несравненно более скромное, нежели его коллеге Андрею Романовичу.

А вот ежели у Чикатило все было бы в порядке с ненавистным сексом, ежели собственное бессилие не толкало его к издевательствам и убийствам, кем бы он стал тогда? На кого походил бы?

И тогда, вызванный свидетелем в суд, он, возможно, попрекал бы журналистов тем, что они пренебрегают «Молодой гвардией». Что только и думают о сексе и насилии.

В застывшем сознании этих людей секс и насилие образуют устойчивое сочетание с откровенно дурным смыслом. И то и другое для них в равной мере достойно осуждения. Собственный сексуальный опыт не в счет.

Несчастные, замороченные люди.

* * *

После убийства в парке Авиаторов доброй и непутевой девушки Иры Лучинской (это случилось за неделю до ареста) Чикатило не убивал почти год.

Устроившись на электровозостроительный завод в Новочеркасске, он рассчитывал на командировки поинтереснее, нежели в ближние и уже надоевшие города. Первая серьезная деловая поездка состоялась у него в конце июля 1985 года. Его

направили в Москву, на столичный завод «Москабель».

Командировка складывалась удачно: ему дали удобную комнату в заводском общежитии, дела оказались нехлопотными, оставалось свободное время, чтобы побродить по городу и сделать покупки.

Среди шести фотоснимков, предъявленных следователем, комендант общежития Г. Ф. Ляпичева без колебаний опознала Чикатило. Она даже вспомнила его фамилию, потому что у нее на свадьбе свидетелем был знакомый с «Москабеля», тоже Чикатило, — удивительное совпадение для такой редкой фамилии. А еще ей запомнился Андрей Романович потому, что предлагал встретиться после работы, прогуляться и поговорить о том о сем.

На ее счастье, она отказалась. Сказала, что занята. Но немолодого солидного ухажера не забыла, он ей показался симпатичным: вежливый, начитанный, хорошо разбирается в художественной литературе. Так все и записали в протоколе.

На суде Андрей Романович сказал, что тоже помнит эту женщину.

> «Только я ее никуда не приглашал, — добавил он. — А за комплимент спасибо. Ее слова делают мне рекламу как мужчине».

Любая похвала доставляла ему удовольствие. Всякое сомнение он отметает: не приглашал, а если бы пригласил — пошла бы как миленькая.

Так или иначе, вечер 1 августа 1985 года оказался свободным. Андрей Романович решил использовать его для покупки билета в Ростов. Не совсем понятно, зачем ему понадобилось ради этого ехать в аэропорт — авиационных касс полно и в городе. Но всякое может быть — не знал, полагал, что в аэропорту надежнее… Или — не мог устоять перед соблазном прокатиться за город на электричке.

Опытные путешественники знают, что самолеты в южные города — и в Ростов тоже — летают из аэропорта Внуково, куда электричка не ходит. Но в те дни внуковская взлетно-посадочная полоса была на ремонте и рейсы перенесли в Домодедово.

Это стоило жизни восемнадцатилетней Нине Похлистовой.

Умственно отсталую девушку, жившую неподалеку от аэропорта, часто видели на платформе Авиационная. Она любила кататься на электричке.

> «В тамбуре я увидел девушку. На ней был старый облезлый плащ, она курила. Я с ней заговорил. Она

спросила, есть ли у меня выпить… Я ответил, что деньги есть и спиртное можно купить… Договорились, что девушка вступит со мной в половую связь. Мы вышли с ней на остановке, название которой я не знаю… прошли через небольшой поселок, мимо домов, перешли дорогу, вошли в лес, сели на траву… Она разделась… Я расстегнулся… хотел совершить половой акт… ничего не получалось…»

Дальше — как обычно, будто не просидел целый год затаившись. Связывал, душил, резал, отсекал. Тридцать восемь ножевых ран.

Названия станции он не запомнил, но позже безошибочно привел следователей в лес за поселком Вострякoво-1, неподалеку от платформы Авиационная, где грибники нашли прикрытый зеленым выношенным плащом обнаженный истерзанный труп.

В августе начинается в Подмосковье грибной сезон и тянется до середины осени.

Чикатило вернулся к платформе, доехал до аэропорта — это совсем близко, — но билета так и не купил. По магазинам в Москве он походил достаточно и, завершив командировочные дела, со столичными гостинцами вернулся домой поездом.

Вскоре после приезда из Москвы, а именно вечером 27 августа, он встретил на печально знакомом нам Шахтинском автовокзале восемнадцатилетнюю Инессу Гуляеву, девку непутевую, не раз сбегавшую из дому. Ее только что выпустили из спецприемника, куда она угодила за бродяжничество, с предписанием немедленно возвращаться домой, в село Отрадное. Ехать на ночь глядя ужасно не хотелось, в Шахтах переночевать было негде.

Солидный человек, в очках и с сединой, предложил ей бесплатный ночлег. Она согласилась: хоть ночь спокойно провести под крышей. И с мужиком.

Он довел ее только до ближней к автовокзалу рощи. Она оказалась бойкой на язык, посмеялась над его мужскими слабостями и вдобавок выматерила. Тогда он ее убил.

В 1985 году это было последнее его убийство.

Следующий год не дал следствию нового материала. Убийств с почерком ростовского маньяка не отмечено.

Шестнадцатого октября 1986 года Андрею Романовичу стукнуло пятьдесят. Он принимал поздравления от семьи и товарищей по работе.

К очередной, пятьдесят первой годовщине, он убил еще троих.

В начале мая 1987 года начальник отдела металлов Новочеркасского электровозостроительного завода направляется в служебную командировку в небольшой город Каменск-Уральский, к юго-востоку от Свердловска (ныне Екатеринбурга), на завод по обработке цветных металлов. К уголовному делу приобщены командировочные документы: удостоверение с отметками и печатями — прибыл 6, убыл 18 мая; проездные билеты, как обычно, до самого последнего, ценой гривенник; счет из гостиницы и квитанции за телефонные разговоры с Новочеркасском; авансовый отчет за номером 285 от 22 мая; собственноручно заполненная анкета в заводской гостинице.

Еще один след он оставил в городке Ревда, тоже недалеко от Свердловска, но по другую от Каменск-Уральского сторону — к западу.

Из обвинительного заключения по уголовному делу № 18/59639–85, подписанного И. М. Костоевым и утвержденного Генеральным прокурором России, государственным советником юстиции 2-го класса В. Г. Степанковым:

> «16 мая 1987 г., находясь в служебной командировке в г. Каменск-Уральский Свердловской области, Чикатило А. Р. в поисках очередной жертвы приехал в г. Ревду, где на железнодорожном вокзале встретил малолетнего Макаренкова Олега, 19 мая 1974 года рождения».

Неужто и в самом деле — в поисках жертвы? Но зачем же еще! От Каменск-Уральского до Ревды больше сотни километров, а если ехать через Екатеринбург — другого пути нет, — и того больше. Не было у Андрея Романовича в Ревде ни родственников, ни знакомых и дел там никаких не было.

Тринадцатилетний Олег (точнее, до тринадцатилетия ему оставалось три дня) учился во вспомогательной школе-интернате. Говоря проще — в школе для умственно отсталых детей. По заключению врачей, «страдал олигофренией в степени легкой дебильности неизвестного генезиса». В школе его нередко обижали соученики, и он не раз просил родителей забрать его из интерната. В тот день он ехал с приятелем в школу на автобусе, но сошел за несколько остановок — скорее всего, решил прогулять ненавистные занятия.

Педагогу нетрудно было уговорить такого мальчика следовать за собой — под любым предлогом. Чикатило выбрал самый простой: пригласил Олега к себе на дачу. Тот пошел не задумываясь — еще бы, школу прогулять и вкусно поесть!

Он был зверски убит в загородном лесу у станции Барановка, неподалеку от железнодорожного полотна. Совершив над

истерзанным телом традиционный «партизанский» ритуал, Чикатило присыпал труп землей и опавшими листьями. Изорванную одежду мальчика разбросал по дороге. Грибники тот лес не жалуют вниманием, и осенью никто не наткнулся на мертвое тело.

Андрей Романович переночевал на вокзале в Ревде, наутро поехал в Свердловск, а оттуда — в Каменск-Уральский. Закончил дела и вернулся домой.

Электровозостроительный завод — серьезная фирма, с большими связями. Дальние командировки здесь в обычае. И в каждой из них начальник отдела металлов, он же «красный партизан», берет «языка».

Двадцать девятого июля 1987 года, украинский город Запорожье.

> «Поехал в Запорожье, зная, что там можно купить продукты… одежду… обувь… Приехал на автобусе на окраину города. Когда возвращался к автобусной остановке, то в районе железной дороги увидел мальчика, он сидел и курил… Мы разговорились».

Что ему тогда надо было достать для завода, он не помнит. Для человека хозяйственного, для добытчика, очень важно, когда личные интересы совпадают с общественными: и задание выполнил, и кое-чего для дома подкупил. Но зачем ради этого переть на окраину города?

Скорее всего, потому, что была и третья задача, не производственная и не семейная. Личная.

«Мы разговорились…»

Разговор с двенадцатилетним курильщиком Ваней Биловецким опытный педагог Чикатило начал с нравоучения о вреде курения. Ваня, хоть и покуривал вместе с приятелями, сам не был уверен в том, что поступает правильно; возле железной дороги они прятались, чтобы взрослые не увидели их с сигаретой. Но в этом возрасте запретные плоды кажутся особенно сладкими. На всякий случай, чтобы не вступать в словопрения и не получать нагоняй от незнакомого надоедливого дядьки, мальчик решил убраться от него подальше.

> «Он, по всей видимости, стеснялся, что курит в моем присутствии, бросил сигарету и через лесопосадку пошел, как он сказал мне, домой… Я пошел за ним следом… Навалился на Биловецкого, он начал кричать… Я вынужден был почвой заполнить его ротовую полость…»

Жуткие подробности, как обычно, излагаются холодным казенным языком. Ничего нового, все как обычно. Единственная свежая деталь: на месте убийства милиция обнаружила обломок ножа. От клинка откололся кусок металла.

При обыске в 1990 году, после ареста, среди 23 ножей, найденных на квартире Чикатило, один — ему присвоят последний, 23-й, номер — окажется со сломанным лезвием. Первое побуждение — сложить тот, запорожский обломок с ножом номер 23 и убедиться, что некогда, а точнее, 29 июля 1987 года, они были единым целым.

Запорожские пинкертоны спрятали куда-то обломок ножа с места убийства, да так хорошо, что до сих пор не могут найти.

А начальник отдела металлов отправляется в новую командировку. С 7 по 27 сентября 1987 года он находится в Санкт-Петербурге, тогда еще Ленинграде. В середине своего пребывания на родине Октября Андрей Романович повстречал на Финляндском вокзале шестнадцатилетнего Юру Терешонка. Добродушный общительный паренек учился в одном из питерских ПТУ и жил в общаге. Он очень любил поесть, над его аппетитом и заметной полнотой часто посмеивались приятели, но Юра на них не обижался. Глупо обижаться на правду.

Звериным нюхом знаток подрастающего поколения почуял, чем завлечь паренька. Он пригласил его на дачу пообедать. Юра не устоял.

Они вышли там, где лес подходит прямо к железной дороге. Станция называлась Лемболово. За лесом, сказал он подростку, моя дача. Обед готов, только разогреть.

Чикатило напал на Юру сразу, едва они зашли в лес, «чтобы совершить его убийство и в процессе этого получить половое удовлетворение».

Проглядим перечень убийств в новочеркасский период жизни, после отсидки за вроде бы украденный аккумулятор и неожиданного освобождения:

1 августа 1985 года — Домодедово под Москвой;

27 августа 1985 года — лесопосадка возле Шахтинского автовокзала;

16 мая 1987 года — окрестности городка Ревда на Урале;

29 июля 1987 года — окраина Запорожья, возле улицы Чаривной, что значит «красивая»;

16 сентября 1987 года — станция Лемболово, под Ленинградом.

Полугодовое воздержание после отсидки объяснить нетрудно: Бог миловал, пронесло, теперь надо перевести дух и осмотреться. Но что сдерживало его партизанские порывы почти два года, с

августа 85-го по май 87-го? Откуда этот долгий перерыв в кровавом сериале?

Вот запись диалога из протокола допроса, который вел Исса Магометович Костоев.

> КОСТОЕВ. В 1986 году вы не совершили ни одного убийства.
>
> ЧИКАТИЛО. У меня был подъем в работе. В честь пятидесятилетия приветственный адрес мне вручили. Нормальная психика была.
>
> К. В 1987 году вы совершили три убийства. Все за пределами области. Вы же не можете сказать, что вас не «тянуло»?
>
> Ч. Ну, это уже было… Я не знаю…
>
> К. Разыскивали вас, следственные органы осуществляли сплошное физическое прикрытие в электричках, на автовокзалах и так далее.
>
> Ч. Знал, да, что ищут, знал…

Насчет приветственного адреса мы уже слышали. Лист глянцевой бумаги с казенными поздравлениями по случаю юбилея вряд ли удержал бы его от очередных насилий. Но вот когда обложили, как медведя в берлоге, тогда звериная настороженность вновь заставила Чикатило притаиться, залечь на дно — на добрых два года.

О том, как его обложили, мы сейчас и расскажем. От будней убийцы перейдем к будням следователей. Сейчас, конечно, легко говорить о заблуждениях и ошибках. Их было более чем достаточно и в этом деле. Одни истории с вещественными доказательствами, которые то возвращаются к жене обвиняемого, то теряются где-то в запорожской милиции, чего стоят…

Владимир Ильич Колесников, генерал, возглавляющий теперь всю розыскную службу России, поведал нам еще об одном случае, который ему вроде бы и ни к чему поминать вслух, памятуя о чести мундира, — ну, не своего, так прямых подчиненных. Честь ему и хвала, что он выше этого.

История эта такова. Двадцать восьмого августа 1985 года Колесников, тогда еще полковник и начальник угрозыска Ростовской области, узнает, что неподалеку от Шахтинского автовокзала обнаружен труп неизвестной женщины (позже выяснилось, что это Инесса Гуляева). Он выезжает на место происшествия и обращает внимание на кучу мусора возле лесопосадки. В этой куче находят небольшой узелок. Колесников берет его в руки: там сарафан, в который завернуто женское белье. Первая мысль — возможно, это одежда убитой. Он

немедленно отдает распоряжение доставить вещи в лабораторию. Несколько позже, когда личность убитой уже установили, вспомнили про сарафан и белье, кинулись искать — исчезли. И следов не осталось!

Ну, вообще, как говорят дети.

Разгильдяйство, ложно понятая честь мундира, стремление побыстрее закрыть дело и отчитаться перед начальством приводили не только к ошибкам — к трагедиям. О расстреле Александра Кравченко говорилось много. Но были и другие ошибки, пусть и не с таким необратимым исходом.

Один пример.

В августе восемьдесят четвертого года шофер Вадим Николаевич Кулевацкий, 27 лет, заявил об исчезновении семнадцатилетней сестры. Это была Людмила Алексеева, которую, как стало известно позже, Чикатило убил на левом берегу Дона накануне отъезда в Ташкент. Кулевацкий сразу же попал под подозрение. Следователь упорно заставлял его признаться в убийстве собственной сестры. Простоватому парню пришлось бы худо, когда бы обстоятельства убийства не вошли в вопиющее противоречие с обвинением. Его оставили в покое.

Восемь лет спустя шофер Кулевацкий окажется единственным, кто почти каждый день будет посещать суд над Чикатило.

Путаясь и ошибаясь, совершая неловкие ходы и принимая ложные следы за истинные, ростовская милиция все же не бездействовала.

«Люди работали добросовестно, — говорит генерал Колесников о сотрудниках областного УВД. — Это несомненно. Но вы не должны забывать, что милиция — часть общества и его отражение. Каково общество, таковы и органы общественного порядка. Подготовка кадров — никудышная, техническая оснащенность — каменный век… Однако люди Буракова работали как проклятые. А как еще мог вести себя нормальный человек, увидев изуродованные трупы, глядя на фотографии убитых детей? И на все это накладывается неимоверная сложность дела, отсутствие методик и теоретических разработок по раскрытию серийных сексуальных преступлений. В то время не было ни тактики, ни стратегии поиска такого человека, как Чикатило. Теперь есть. Но сначала мы шли по ложному следу…»

Это он опять о «деле дураков». И по сей день оно бередит честные милицейские души. Ложным этот след кажется из сегодняшнего далека, но в начале восьмидесятых они искренне верили, что попали в точку.

«Одного из этих парней привели как-то к Костоеву, —

продолжает генерал Колесников. — Исса его послушал и говорит: это он убил. Хорошо, что вы его взяли. Эти люди наговаривали на себя такое и так искренне, что трудно было им не поверить. Одного из них, Тяпкина, освидетельствовали в Институте Сербского. В заключении написали: неспособен усваивать и воспроизводить информацию, говорит лишь то, что видел собственными глазами. Пойди туда, где ты видел корову давеча, — тогда он пойдет. Иначе ни в какую. И такой человек точно выводил на места убийств. И Каленик выводил. Я лично ездил на трупы, потом допрашивал понятых и убеждался — никакого набоя не было. Вот почему я смело утверждаю: в те годы весь наш угрозыск добросовестно заблуждался. И первыми в этой версии засомневались тоже наши люди. Тот же Бураков».

А что за слово такое странное употребил генерал Колесников — «набой»? На милицейском жаргоне, пояснил Владимир Ильич, это показания, которые следователь подсказывает подследственному, навязывает их ему, заставляет повторить. Такое бывает — у нас и не у нас. Профессионально нечестный трюк. Все дело Кравченко построено на грубом и беззастенчивом набое.

Но если, по словам Колесникова, набоя не было, то что было?

«Могу предположить что. Эти люди вели бродячий образ жизни, мотались по области. Каждый случай убийства по „Лесополосе“ довольно быстро получал известность. Они вполне могли побывать на месте убийства, иногда даже до оперативников. Был, к примеру, эпизод в Сальске. Нашли мы труп — к Чикатило отношения не имеет, убийцу мы нашли довольно быстро. Так вот, Каленик утверждал, что убил он. Убил и засыпал труп ветками. Действительно, тело было спрятано под ветками. Позже мы разобрались: Каленик и его компания там действительно побывали, они вполне могли видеть труп. Их показания выглядели порой не менее точными, чем показания самого Чикатило. Поверьте мне, эти дураки, притом что они непричастны к убийствам, совершенным Чикатило, ох, доложу вам, не ангелы. Столько там грязи, столько мерзостей… И не надо удивляться, что мы так долго шли по этому грязному следу. А потом сами обратились в прокуратуру России: помогите».

Так предстало перед нами в новом свете подробно уже обрисованное «дело дураков». В поисках убийцы, двенадцать лет терроризировавшего целую область с четырехмиллионным населением, начался новый этап.

Осенью 1985 года в дело пришел Исса Магометович Костоев, в ту пору заместитель начальника отдела по расследованию особо важных дел прокуратуры России.

Он не был новичком в ростовских проблемах, прекрасно знал обстановку в городе и области. Только что Костоев после трех лет расследования завершил шумное ростовское дело, взволновавшее всю страну после вызывающе пышных похорон одного из лидеров местного преступного мира, можно сказать, крестного отца здешней мафии. Эта мафия цвела махровым цветом при полном попустительстве местных правоохранительных органов. А попустительство рано или поздно приводит к покровительству, особенно когда преступный мир не скупится. Мафиози одаривали местных блюстителей права весьма щедро. Костоев привлек к уголовной ответственности семьдесят человек. Для этого требовалось не только мастерство, но и мужество. Среди арестованных оказалось немало его коллег.

Разумеется, Костоев знал о «Лесополосе». У него на это дело давно чесались руки.

В ноябре восемьдесят пятого года он возглавил следственную бригаду российской прокуратуры. Зная прекрасно, кто чего стоит в следственных органах, он пригласил к себе в бригаду работников из Москвы, Курска, Улан-Удэ, Кировска и, конечно же, не забыл ростовских коллег. Так попал к нему в бригаду Амурхан Хадрисович Яндиев. Их пути пересекались и раньше: Яндиев участвовал в расследовании прокурорских злоупотреблений. Теперь он под началом Костоева берется за «Лесополосу».

Исса Костоев — человек честолюбивый, жесткий, порой жестокий. Но честный и не способный на компромиссы. Так отзываются о нем люди, которые с ним работают.

Уже после ареста Чикатило, когда стала очевидной невиновность расстрелянного Александра Кравченко, Костоева уговаривали: брось ворошить прошлое. Ну шлепнули бандита, пусть ни за что, но все равно он бандюга…

Для уговоров была серьезная причина: разоблачение мастеров набоя, которые выбили у Кравченко признание, компрометировало не только уголовный розыск, но и прокуратуру, ведомство самого Костоева. На него давили со всех сторон. Но если нажим снизу и сбоку выдержать нехитро, то под давлением сверху многие сгибаются. Костоев выстоял. Для него понятие чести и справедливости превыше всего.

«Посадить невиновного — несмываемый позор. Нужен не отчет, а убийца!»

Переехав в Москву, он остался горцем. И это прекрасно. Когда нам полощут мозги по поводу «кавказского засилья», «нашествия черных», «мусульманской угрозы» и прочего, у нас есть разрушительной силы контрпримеры: Исса Костоев, Амурхан

Яндиев.

И довольно о национальных мотивах. Надоело.

Исса Магометович разбил свою бригаду на три группы. Он не мог знать, что преступник живет и работает в Шахтах, но этот пыльный шахтерский город был в его глазах кровоточащей раной «Лесополосы». Сюда он и бросил главные силы под водительством Яндиева и Казакова. Другая группа следователей разрабатывала ростовские убийства. Третья, новошахтинская, завершала выглядевшую все менее убедительной «версию дураков».

Костоев не придумал ничего нового. Поначалу он лишь систематизировал и ужесточил поиски преступника. На местах, где совершались преступления, его подчиненные стали работать четко, внимательно, жестко. Вещественные доказательства больше не терялись.

А направления работы остались прежними. Скрупулезно проверяли всех, кто был ранее судим за преступления на сексуальной почве. В том числе и отбывающих наказания в тюрьмах и лагерях. Приглядывались к пациентам сексопатологов и венерологов. В поле зрения попали железнодорожники и военнослужащие из частей, расположенных вдоль железных дорог, — Костоев был убежден, что его клиент постоянно разъезжает на электричках. Вели наблюдение за работниками клубов и прочих культурно-просветительных, а также спортивных учреждений, за владельцами видеоаппаратуры и посетителями видеосалонов, особенно за любителями эротических видеофильмов и фильмов ужасов, за бывшими работниками правоохранительных органов, уволенными за неблаговидные поступки.

Позади были годы неудач, пусть и чужих неудач, — это не меняло дела. Всю нудную черновую работу предстояло выполнить заново. Костоев говорил подчиненным:

«Будем работать тяжело и медленно, но если мы ищем методом исключения, то всякий, кто попадет под подозрение, должен отрабатываться так тщательно, так скрупулезно, чтобы не оставалось ни тени сомнения. Это непреложный закон следствия».

Если бы знал он тогда, как обошлись с непреложным законом всего год назад, когда Андрей Романович, арестованный за приставания к женщинам, пребывал в следственном изоляторе, чтобы в конце концов получить пустячный приговор по делу о хищении аккумулятора. Если бы Костоев оказался в семьдесят восьмом году в Шахтах сразу после убийства Лены Закотновой. Если бы он — или кто-то под стать ему — находился поблизости,

когда педагог со странными наклонностями щупал малолетних девочек и мальчиков…

Если бы.

Костоев сделал то, что оказалось бы, скорее всего, не по силам его ростовским коллегам: он затребовал — и получил — сведения обо всех аналогичных убийствах по стране за последние двадцать лет. Кроме того, в следственную бригаду стали поступать сообщения о всех сколь-либо серьезных сексуальных преступлениях, совершенных в России.

До этого гастрольные убийства Чикатило выпадали из поля зрения бригады «Лесополоса». Так, два давних случая из отпускной жизни Андрея Романовича, когда он, отправившись лечить усталые ноги, убил под Краснодаром девушку и девятилетнего мальчика, не скоро стали достоянием следствия — и это при том, что Ростов совсем близко от Краснодара. Но про августовское убийство под Москвой, неподалеку от аэропорта Домодедово, следственная бригада Костоева информацию получила быстро. К тому времени они легко узнавали преступника по почерку, в двоичной системе: «наш — не наш». Домодедовский был типично «нашим».

Разобравшись, что в момент убийства самолеты в Ростов летали из Домодедова, с помощью Московской областной прокуратуры стали проверять корешки авиабилетов, выписывать пассажиров. В московских гостиницах взяли сведения о постояльцах из Ростова. Кто же мог знать, что преступник жил в заводском общежитии, а билет на самолет не достал и уехал поездом…

Костоев посылал запросы во все уголки страны. Он регулярно получал сводки местных угрозысков, в том числе из Узбекистана. Но о двух убийствах, совершенных во время ташкентской командировки, информация не поступила. Не сообщили Костоеву ни о неизвестной женщине, которой Чикатило отрезал голову на берегу Чирчика, ни о девочке Акмарал, чью смерть тамошние милиционеры списали на беспечность погибшей: сама, мол, по неосторожности попала под ножи кукурузоуборочного комбайна. Случись иначе, на Чикатило могли бы выйти еще в конце восемьдесят пятого года.

Опять не повезло.

Прицел был установлен верно, но выстрелы пришлись мимо цели.

В декабре 1985 года Костоев, верный идее поиска в электричках, вместе с Бураковым забрасывает целую сеть, уйти из-под которой, кажется, невозможно. То, что они в «Лесополосе» предприняли, на профессиональном языке называется массовым

следственным действием по физическому прикрытию. Проще говоря, это когда патрулируют и сопровождают силами милиции все электрички, вдоль хода которых обнаруживали в лесополосах женские и детские трупы.

Группы сопровождения передавали друг другу пригородные поезда от станции к станции, как на конвейере. Это продолжалось без перерыва полгода, до июля 1986 года. Милиционеры и самые надежные дружинники с раннего утра до поздней ночи вглядывались в мужские лица, сличали с рисованным портретом вероятного преступника, проверяли документы, задерживали подозрительных, устанавливали личность, тщательно эту личность проверяли. Потом извинялись и отпускали.

Убийца так и не попался в сеть.

Он и не мог в нее попасться, потому что сам участвовал в ее забрасывании.

Внештатный сотрудник управления внутренних дел Андрей Романович Чикатило, выпускник Ростовского университета, солидный работник большого завода, наряду с другими участвовал в патрулировании электричек, не испытывая ни малейшего желания быть пойманным или поймать самого себя.

Но он знал, что на него устроена облава.

Тысяча девятьсот восемьдесят шестой год выдался чистым. Трусливый и осторожный, он вновь стал убивать только летом 1987 года и подальше от дома — на Урале, в Запорожье, Ленинграде. К привычным домашним убийствам он вернется позже, когда убедится в своей неуязвимости и безнаказанности. Примерит свой черный колпак и вновь обнаружит, что он ему впору. А пока он залег на дно.

В апреле восемьдесят восьмого года он изнасилует и убьет молодую женщину, имя которой не установлено и по сей день. Если раньше мы несколько раз позволяли себе критику в адрес милиции — впрочем, генерал-майор милиции Колесников поступал так же, — то теперь, может показаться, излишне нахваливаем следователей прокуратуры. Чего, спрашивается, их хвалить — Чикатило-то по-прежнему не пойман!

Так уж сложилось, что сыщики уголовного розыска и следователи прокуратуры — стороны конкурирующие, ревниво относящиеся друг к другу. У двух ведомств, которые разными методами делают общее дело, это явление обычное. Милиция считает, что на ее долю выпадает черная, неблагодарная работа: первый контакт с преступлением и преступником, первая встреча с трупом, а следователи прокуратуры приходят на готовенькое. Последние упрекают милицию за топорную работу, недостаточную квалификацию, незнание процессуальных законов,

противозаконные, пусть даже из лучших побуждений, действия.

И в том, и в другом есть немалая доля правды. Нам не по чину брать на себя роль арбитров в этом извечном споре. Попробуем, насколько это возможно, сохранить объективность и рассказывать о событиях без прикрас. Тем более что есть милиция — и милиционеры, следствие — и следователи. Нам симпатичны не ведомства, а люди с обеих сторон. Сами же они относятся друг к другу с должным уважением. Как профессионалы к профессионалам.

У следственной бригады Костоева были некоторые преимущества: она подключилась к «Лесополосе», когда многое прояснилось — и еще больше было изломано дров. Вина за первые неудачи, как ни рассуждай, ложится на милицию. Но, с другой стороны, довести работу до конца одним работникам прокуратуры, без милиции, без бессонных ночей Буракова и его людей, тоже вряд ли удалось бы — не хватило бы рук и ног. Бесконечные массовые проверки, многомесячное патрулирование… Не надо считать, кто сделал больше, а кто меньше; оставим эту тему, ненужную и неблагодарную, газетам второго разбора.

Но за что, собственно, хвалить совместную работу двух ведомств, если хорошо продуманные и большими силами проведенные операции дали результат только через пять лет? Не слишком ли долго ловили монстра, который продолжал насиловать и убивать буквально под носом сыщиков и аналитиков?

Вопрос хорош, но позвольте задать и встречный вопрос: а есть ли нормативный срок ловли маньяков?

Мы не знаем — и никто не знает, — можно ли было сделать эту работу быстрее.

Во-первых, напуганный убийца залег на дно. Многие жизни были сохранены, а следствие получило драгоценное время для анализа и поиска новых ходов. Во-вторых, следователи не теряли времени зря: безуспешно преследуя филолога-людоеда, они раскрыли попутно более тысячи других преступлений. В деле Чикатило есть потрясающая воображение цифра: на причастность к «Лесополосе» проверены полмиллиона человек.

Рассказывает Амурхан Яндиев:

> «Мы получили сообщение, что некий молодой мужчина пытался затащить прохожую в свою машину. Сорвалось. Потом приставал к другой, к третьей. Вместе с Сизенко, тогдашним замначальника батайского угро, мы взяли в Батайске этого человека. Поначалу я решил

— „наш“. Работал снабженцем, много ездил. Электрички никто со счетов не сбрасывал, но нельзя исключить, что разыскиваемый нами человек разъезжает на автомобиле. Не зря же мы столько автомобилистов проверили…

За этого парня мы взялись крепко. Нет, никаких запрещенных методов дознания, я категорически против этого. Но когда с аргументами в руках припираешь к стенке, выкрутиться очень трудно. Иногда мне казалось, что вот-вот — и он признается в „наших“ убийствах.

Мы его основательно проверяли. И сняли с него подозрения по „Лесополосе“.

Я считаю так: если ты честный сыщик или следователь, то обязан не семь, а сто раз отмерить, прежде чем отрезать. Режешь ведь по живому. Я раньше был коммунистом, но и тогда истинную веру, полученную от родителей, не потерял. Когда-то придется уйти на тот свет со всеми своими грехами. Самый страшный — страдания невинного человека.

Позже под подозрение попал еще один человек, пожилой железнодорожник. Мы вообще-то отрабатывали тысячи подозреваемых, но этот почему-то запомнился особенно. Получили информацию, что объявился некий тип, который ловит детей и хлещет их хворостиной. Садистские наклонности налицо. Ну, думаю, объявился, мерзавец. Искали мы его, искали — и нашли. Он и в самом деле получал сексуальное удовлетворение, когда стегал детишек. К „Лесополосе“ не имел ни малейшего отношения. Привлекли его к ответственности за истязание малолетних».

Дед-садист вошел в число 1062 преступников, пойманных попутно. Но убийцы?

Яндиев продолжает рассказ:

«Я в ту пору выезжал на все убийства без исключения, даже если они по первому описанию никак не подходили под „наши“. Если оказывалось „чужое“, передавал местным следователям. Дождь не дождь, мороз не мороз, ботинки сухие или мокрые — надо ехать. Как-то схватил воспаление легких. Лежу дома с высокой температурой, жена меня колет. Тут приходит Сизенко и говорит, что в Таганроге убита воспитательница детского сада по фамилии Яковенко, похоже, на сексуальной почве. Просит, чтобы я подключился. Судя по тем подробностям, которые он

мне рассказал, убийство опять „чужое“. Но я чувствовал какой-то дискомфорт, когда совершались преступления, а я как бы в стороне. Все же представитель прокуратуры России.

Жена сделала мне на дорожку укол, и мы поехали. Стал анализировать по обычной методике: где была жертва в последнее время, кто ее видел, какие у преступника есть возможные пути для отхода. Рисуешь кружок на карте города, от него стрелки. Почти сразу попали в точку. Нашли свидетеля, который показал, что некий парень просил подвезти его на машине, мол, срочно надо уехать. Пришли к тому парню домой, там мать и жена. Жена и рассказала бы, куда уехал муж, да не знает. А мать, похоже, знает, но — кремень. Я спрашиваю у нее: из-за чего хоть сыр-бор, в чем вашего сына подозревают? В изнасиловании и убийстве, отвечает. Я ей говорю: при такой красавице, как ваша невестка, кто ж насиловать станет? Глупости это все. Но теперь, когда он в бега ударился, могут ненароком и подстрелить. К тому же подозрение в убийстве — дело серьезное, тут уж точно церемониться не станут. Если он невиновен, то лучше сами скажите, куда уехал, ему же поможете. Она и рассказала, что пришел домой весь в крови, сказал, что подрался, она дала ему денег, и он уехал в Пензенскую область к троюродной родне.

Мы вернулись в областное управление, я дал ребятам адрес: езжайте и берите. Поехали и взяли. Он сам протянул руки, чтобы надели наручники».

Убийство в Сальске, которое упоминал генерал Колесников. Десятилетней давности, списанное в архив убийство в Днепропетровске — два собирателя опийного мака не поделили выручку. Убийство молодой секретарши суда в Батайске. В том же Батайске закололи девятилетнюю девочку… Каждая такая история может дать леденящий душу сюжет для криминальной повести — но другой повести, не этой…

И все эти убийства раскрыты.

А главный убийца, черный герой «Лесополосы», оставался на свободе.

В поисках преступника нередко помогает случай. Но когда случай не помогает, сыщик не поймает убийцу, если не проникнет в ход и образ его мыслей, не поймет мотивов поведения, не заглянет во внутренний мир, каким бы отвратительным тот ни был.

Пытаясь представить себя на месте монстра, увидеть его внутренний мир, чтобы найти убийцу в мире внешнем, следователи приглашали в Ростов и Шахты знатоков извращенной психики. Сюда приезжали психиатры и психологи из Института общей и судебной психиатрии имени Сербского, из Института криминалистики, Института МВД; был здесь и главный сексопатолог страны профессор Г. С. Васильченко. Каждый из них добавлял какие-то черточки к портрету разыскиваемого преступника. Но, пожалуй, самый заметный след в этом разбирательстве оставил никому не известный в ту пору доцент Ростовского медицинского института Александр Олимпиевич Бухановский.

«Не я привлек к себе внимание, — объясняет он свою популярность у прессы. — Это Чикатило привлек ко мне внимание».

В восемьдесят втором году сыщики столкнулись с ужасным фактом: насильник и убийца вырезает и нередко уносит с места происшествия части тела своих жертв. Чаще всего — соски, половые органы. Зачем?

Одна из возможных версий заключалась в том, что преступник — врач, которым движет дьявольский научный интерес к проблемам жизни и смерти. Другая версия тоже носила медицинский характер: некая преступная организация собирает таким образом органы для трансплантации.

И хотя эти предположения выглядят довольно сомнительно, если не смехотворно, отвергать их с порога было нельзя: гуманность профессии — это само собой, но никакая клятва Гиппократа не даст гарантий от корысти или безумия.

В список медиков, подлежавших проверке (все, естественно, оказались невиновными), попал и доктор Бухановский. Почему он очутился в этом списке, сейчас никто толком не вспомнит. Может быть, сыграла роль запоминающаяся внешность: черные с проседью волнистые волосы, пронзительный взгляд, что-то такое мефистофельское в облике. Но скорее всего, оказался случайно в потоке проверяемых.

А когда подозрение было снято (произошло это довольно быстро), Бураков, оценив профессионализм врача и его готовность к сотрудничеству, памятуя о теме его кандидатской диссертации, посвященной проблемам транссексуальности, предложил Александру Олимпиевичу работать вместе. Так начались контакты уголовного розыска с кафедрой психиатрии.

В 1984 и 1986 годах Бухановский составил два психологических портрета преступника. В первом портрете, который занял семь машинописных страниц, он уточнил возраст

и рост — в описании московских специалистов эти сведения были слишком расплывчатыми. Скромный доцент провинциального мединститута, даже не профессор, взял на себя смелость оспорить мнение светил психиатрии и криминалистики, которые не исключали, что преступников двое (Институт Сербского) — один убивает мальчиков, другой девочек и женщин, или даже трое (Институт судебной медицины). И оказался прав.

Бухановский был первым среди тех, кто окончательно вывел из-под подозрения гомосексуалистов, врачей и дураков.

«Когда врач ставит диагноз, — говорил нам Александр Олимпиевич Бухановский, — он берет на себя большую ответственность. Но медик, дающий заключение в деле вроде ростовского, рискует большим, нежели здоровье и даже жизнь пациента. Своим выводом он может ускорить поимку опасного преступника и спасти многие жизни. Но он же может пустить следствие по ложному следу».

Конечно, специалист только советует, он не принимает решения. Но редко какой следователь не прислушается к его словам.

Бухановский не побоялся ответственности.

Он попытался объяснить мотивы, по которым убийца вырезал органы у своих жертв. Ничего научного — и ничего ритуального: явный случай сексуального фетишизма. Страшное сочетание садизма и некросадизма, фетишизма и вампиризма.

Второй созданный им портрет (85 страниц на машинке) пугающе точен. Это стало понятно сейчас, тогда никто не мог проверить. У преступника астеническое телосложение (так и есть, достаточно взглянуть на фотографии), у него воспаление предстательной железы или вегетососудистая дистония (от второго недуга Чикатило лечился в 1984 году). Столичные ученые полагали, что убийца либо неквалифицированный рабочий (холодно), либо имеет профессиональное отношение к детским учреждениям (чуть теплее), а в заключении одного из институтов о предполагаемой профессии вообще не было сказано, зато оказались поистине пророческие слова:

«Достиг половой зрелости и является хорошо физически развитым мужчиной».

Бухановский же попал в самую точку:

«Предполагаемый преступник имеет среднее специальное или высшее образование. Ему лучше должны даваться философия, история, психология; работает в условиях производства с четко соблюдаемым графиком, например в снабженческой организации».

Горячо. Горячее не бывает.

Но это еще не все. Он и портфель, с которым Чикатило не расставался, тоже предсказал.

Когда начался процесс, прогнозы доктора Бухановского попали в печать, о нем заговорили. Кто-то доверительно сообщил в газете, что Бухановский своим провидческим взором проник в содержимое портфеля.

«Чего нет, того нет, — отрицает предположение Александр Олимпиевич. — Психиатрия и психология портфелей — не моя область».

При разработке портрета сексуального маньяка он опирался на известные методики, которые прежде в криминалистике не использовались. И арестован был Чикатило не по его психологическому портрету. Но портрет этот оказал следствию неоценимую помощь, ибо с его помощью отсекались ложные версии и ведущие в тупик ходы. А когда Чикатило задержат, ростовский психиатр сумеет разговорить его так, что обвиняемый сам даст следствию признания, страшные для любого человека.

Объективности ради надо повторить, что отношение к Бухановскому и его методам двоякое: от восторженного приятия до полного отрицания какой бы то ни было их роли в «Лесополосе». Соперничество между ведомствами тоже наложило на это свой отпечаток: доктор Бухановский тесно сотрудничал с Бураковым и его сыщиками, но не с Костоевым и его следователями. Не пытаясь стать над схваткой, не высказывал личного мнения, мы попросили Александра Олимпиевича о встрече, чтобы понять, как он сумел вычислить преступника.

Он принял нас в Ростове, в психиатрической клинике мединститута.

Специальным ключом-квадратом, которыми пользуются, наверное, во всех психбольницах, нам открывали дверь за дверью, не забывая их тут же закрывать за нашей спиной. Это смахивало на тюрьму, только персонал был в белой форме. Нас провели через палаты, по которым слонялись одетые в больничные халаты несчастные люди, и привели в маленький кабинет, каковой и положен, надо полагать, доценту кафедры психиатрии. Мы обменялись приветствиями и любезностями, и беседа, едва начавшись, тут же зашла в тупик.

Александр Олимпиевич Бухановский пишет свою книгу о деле Чикатило. Никакой информации по существу вопроса дать не может.

Многие участники «Лесополосы» берутся сейчас за перо — им есть что рассказать. И Буракову, и Костоеву, и Яндиеву. Бог им в помощь! Нам ли не знать, какой труд они берут на себя.

Ладно, мы не настаиваем на откровенности. Но хоть что-

нибудь о личности Чикатило…

По мнению Бухановского, есть не один Чикатило, а три человека в одном: первый — тот, кто жил обычной человеческой жизнью, работал, растил детей, заботился о доме, любил сытно поесть и выпить рюмочку в праздник; второй — тот, кто насиловал, терзал, убивал; и третий — он сидит за решеткой, то и дело несет околесицу, поет в зале суда «Интернационал», норовит прилюдно спустить штаны и изображает из себя полного недоумка.

Информация о трех Чикатило весьма любопытна, но ее, как говорят на Украине, треба разжуваты. Бухановский категорически отказывается.

Зато мы узнаем, чем занят Александр Олимпиевич сейчас, и это, может быть, интереснее, чем анализ психики отдельно взятого преступника. После «Лесополосы» он вместе с коллегами и учениками создал негосударственный лечебно-реабилитационный научный центр «Феникс». Они занимаются тем, что пытаются предупредить сексуальные преступления, психологически разгрузить склонных к ним людей.

«И у Чикатило не было такого момента, что он уснул нормальным человеком, а проснулся убийцей, — говорит Бухановский. — Прежде чем почувствовать вкус крови, он долго эволюционировал. Мы изучаем эту эволюцию — нормального члена общества в страшного преступника. Есть чисто медицинская предрасположенность к сексуальному преступлению, к патологии, но есть и условия жизни, внешняя среда, особенности обстановки. От них зависит развитие болезни и те формы, которые она примет. Социальная среда, в которой вызревают такие люди, не внушает оптимизма: то и дело вспыхивают межнациональные конфликты, человеческая жизнь обесценивается. Я боюсь роста сексуальных преступлений, в том числе и серийных, в ближайшие годы. Остановить такого преступника, оборвать серию могут полицейский или врач. Но оба они пока не готовы к такому развитию событий».

В Таганроге, втором по величине городе Ростовской области, расследуется серия убийств сексуального характера, отмеченных одним преступным почерком. Убийца до сих пор не найден. При поддержке начальника Ростовского УВД генерала Фетисова (без него не разрешили бы) Бухановский вместе с Бураковым подготовили короткий, минут на пятнадцать, телесюжет, в котором неявно был заложен приказ преступнику — прекратить убийства и обратиться к врачу. Людям с сексуальными отклонениями давался неявный совет немедленно начать лечение и уже в открытую — адрес «Феникса».

Сюжет прокрутили по местному ТВ дважды. Про использованные приемы авторы сообщить отказались, известно только, что серия прервалась и таганрогский чикатило лег на дно.

А может быть, начал лечиться у Бухановского.

Недавняя история. Александр Олимпиевич, нагруженный покупками, продирался в толчее ростовского Центрального рынка к своей машине. К нему подошел незнакомец и предложил помочь. Бухановский отказался, незнакомец настаивал. Слово за слово, и выяснилось, что этот человек видел его передачу. Прийти в клинику побоялся. Выследил и подошел на рынке. Хотя бы так…

В «Феникс» уже обратились больше ста анонимных пациентов. Доктор Бухановский готов допустить, что среди них могут быть не только потенциальные, но и состоявшиеся убийцы.

Мы заканчивали беседу, когда в кабинет Александра Олимпиевича постучала женщина в белом халате и доложила, что пришел Васильев.

Бухановский сказал:

«Один из моих анонимных пациентов. Настоящих имени и фамилии я не знаю. Адреса тоже. В истории болезни он под псевдонимом. Но для лечения это никакой роли не играет».

Как и следует врачу, он пренебрег посетителями ради больного. Он повел нас через ту же анфиладу психушечных комнат, отпирая и запирая двери ключом-квадратом. На лестничной площадке стоял малый лет двадцати пяти, может быть, моложе или старше, — уж больно неопределенная внешность, размытые черты лица: однажды увидев, во второй раз не узнаешь. Светлые волосенки, средний рост, тощенький, незаметный, застенчивый, ходит как-то бочком.

Александр Олимпиевич кивнул белобрысому: «Пошли, Саша», — и они удалились в глубь дома скорби.

Интересно, Саша — тоже псевдоним?

По солнечным улицам мы возвращались в гостиницу и раскидывали — не тот ли это таганрогский, весь в крови своих жертв? И как быть с моральной стороной дела: лечить, конечно, надо, но…

При следующей встрече мы выложили эти сомнения Александру Олимпиевичу. Он ответил:

«Я врач и обязан соблюдать врачебную тайну. Но я — гражданин и обязан сообщить куда следует, если узнаю о готовящемся преступлении. Но — хорош врач, который доносит на своего пациента! Положение деликатное, и вот как я из него выхожу. Лечу больных под номерами и псевдонимами. Не знаю — и знать не хочу! — их имен. Если прокуратура вздумает изъять

истории болезней, она найдет лишь коды, под которыми скрываются неизвестные люди.

Ростовская милиция меня поняла и работать не мешает. Иначе — как лечить? Кто пойдет ко мне, если я начну стучать?

Мы не переоцениваем своих сил. Но анонимные больные у нас лечатся, и есть положительные результаты. Я знаю и такую точку зрения: таганрогский убийца залег, а после того как он сменит тактику, поймать его будет еще труднее. По-моему, важнее всего, что он не убивает. И может быть, больше не будет. Что лучше: предупредить преступление или всем миром ловить преступника?»

Вопрос, не требующий ответа. И еще он высказал такую мысль:

«Не делайте акцента на сексуальном характере преступления. Это лишь одно из проявлений преступного перерождения человека. Сексопатология и преступность связаны, как Бородино и Бородинское сражение, как сущность и место ее проявления».

К загадке о трех людях в одном Чикатило добавилась еще одна — о деревне Бородино и Бородинском сражении. Мы привели их в надежде, что кто-нибудь из читателей найдет разгадки. У нас, сколько мы ни ломали головы, не вышло.

* * *

Итак: следователи и сыщики работали в полную силу. Им помогали психологи, психиатры, сексопатологи, патологоанатомы, иммунологи, эксперты по холодному оружию и все другие специалисты, которые могли ответить на вопросы, возникающие в ходе следствия. Милиция расставляла посты и патрулировала подозрительные районы. А преступник оставался непойманным и неопознанным.

Чем же он занимался?

Все тем же, только до поры до времени не убивал. Он ходил на работу, с большим или меньшим успехом раздобывал металлы для завода (во всяком случае, из-за нехватки стали завод не стоял, продолжал клепать электровозы). Когда он уходил в отпуск, занимался квартирой — что-то переделывал, ремонтировал, хлопотал по хозяйству. Как-то в Институте Сербского он сказал врачам, что физической работой пытался обуздать вожделение. Еще он стоял в очередях за продуктами, тому есть немало свидетелей. Проявлял себя чадолюбивым человеком: как-то раз отправился в гости к дочери, а возвращаясь домой, взял с собой внука. Когда же Феодосия Семеновна

принялась его корить — ты хоть подумал, с кем мы его оставлять будем? — он рассердился: ты совсем не любишь детей, только о себе и думаешь.

Он, следовательно, любил. И думал о других.

А еще Андрей Романович беззаветно занимался своим жильем. Жилплощадью, как говорят советские люди. Он пробивал, доставал, обменивал, переменивал. Ему хотелось жить получше.

Никаких претензий. Вполне разумное желание.

Можно работать в Ростове и жить в Шахтах. Или в Новошахтинске. Или в Новочеркасске. Или наоборот, в любом сочетании. Это близко, можно доехать автобусом или электричкой. Многие москвичи или петербуржцы ездят на работу дольше и с бол́ ьшими неудобствами. Но всем хочется как получше, и, устроившись работать в Новочеркасске, Андрей Романович захотел переехать куда-нибудь поближе.

В 1986 году у семьи Чикатило были две двухкомнатные квартиры в Шахтах. Злополучный флигелек на Межевом Андрей Романович давно уже продал.

Двадцать шестого сентября 1986 года он получает комнату в Новочеркасске, в доме 9 по Транспортной улице. Ничего себе название.

В декабре 1987 года Феодосия Семеновна меняет одну из шахтинских квартир на двухкомнатную квартиру в Новочеркасске — Гвардейская, 36. Тоже боевое название.

Двадцать третьего июня 1988 года их дочь Людмила Андреевна меняет оставленную ей шахтинскую квартиру на другую — тоже в Шахтах, тоже двухкомнатную — улица Ленина, 206. Когда она разведется с мужем и переедет к родителям в Новочеркасск, эта квартира останется в распоряжении отца. И он ей воспользуется.

Наконец, 27 декабря 1989 года Андрей Романович еще раз меняет квартиру дочери. На сей раз адрес — улица Красной Армии, 123. Туда он прописывает Феодосию Семеновну, для чего ему приходится фиктивно с нею развестись. Мужу и жене, как знают наши граждане, двух квартир не дадут. Наверху виднее, в скольких квартирах должна жить семья. А разведенные — это уже две семьи.

Голь чрезвычайно хитра на выдумки.

Кому только не приходилось ловчить с жильем! Меняли шило на мыло, разводились, сходились, вызывали к себе дальних и ближних родственников, лишь бы выкроить еще несколько квадратных метров, да пошире коридор, да побольше кухоньку, да попросторнее переднюю. Но не слишком ли много хитростей

для одной семьи на таком ограниченном пространстве и в такие сжатые сроки?

Но больше всего удивляет скорость, с которой новоиспеченному работнику отдела металлов предоставили жилье: у других на это уходят годы. Алексея Васильевича Масальского тоже удивила эта быстрота, когда он, встретив Чикатило в электричке, узнал о его успехах на квартирном поприще. Ему же, Алексею Васильевичу, и после долгих лет беспорочной службы не досталось ни одного квадратного метра, отчего он и перешел на другую работу, в «Ростовнеруд».

И в самом деле, отчего это у Андрея Романовича так удачно складывалось с жильем?

Вот перед нами страничка с адресами Андрея Романовича, со всеми его разъездами, обменами и разводами. Вот другая страничка, с записями, сделанными на суде: «Я работал в КГБ на правительственной связи…» И хотя произносил он эти слова среди всякой чуши, которую нес, то ли окончательно спятив, то ли прикидываясь спятившим, — про каких-то крыс, которыми его травят в камере, про абиссинскую мафию, вознамерившуюся его засудить, — фраза о службе во всесильной организации не идет из головы.

Но, как говорил генерал Колесников, когда я вижу пачку «Мальборо», я знаю, что это не «Столичные». Уголовный розыск не имеет права на домыслы.

А мы?

По отдаленному дуновению мы ощущаем знакомый запах московских сигарет, но пачки «Столичных» по-прежнему не видим. Будем считать, что ее нет.

Глава XVII
Возвращение. 1988–1990

Включили телевизор, крутим видеосюжет. Короткий, не больше минуты. Снят как-то по-любительски: картинка подрагивает, планы меняются рывком. И видимость не ахти.

Может быть, потому, что снимали осенним днем, сырым и неприветливым, уже под вечер.

Невзрачное одноэтажное строение, из тех, что зовут стекляшками. Похоже на второразрядное кафе или пельменную. Так и есть: мелькнула вывеска «Лакомка». Знаем мы тамошние лакомства… Прохожие. Вроде бы знакомые лица. Так и есть, промелькнул Колесников в штатском. Снова фасад стекляшки. Дверь крупно. Выходит высокий, немного сутулящийся человек в темной куртке и фуражке под капитанскую, но из дешевого кожзаменителя. В руке у него авоська со стеклянной банкой, в банке, видимо, пиво, до половины. Мальчишка в замызганной куртке. Еще один. Человек с авоськой подходит к первому мальчишке, что-то ему говорит. Средним планом улица, не очень опрятная, приближается старуха с кошелкой. Высокий мужчина быстро отходит от мальчика. Старуха проходит мимо. Человек с авоськой обращается к другому мальчику. Окно. В окне чье-то лицо, мальчика окликают, может быть, зовут домой. Человек быстро отходит. Оглядывается по сторонам, медлит, словно чего-то ждет, потом, по-прежнему сутулясь, поворачивается и уходит. Трое мужчин идут ему навстречу. Еще двое настигают сзади, он их не видит. Те, что идут навстречу, поравнявшись с ним, что-то ему говорят. Идущие сзади подходят вплотную со спины. Все останавливаются посреди улицы. Короткий разговор, без жестов.

Финал: высокого ведут под локти, у него на запястьях наручники. Затемнение. Конец фильма.

Через двенадцать лет после первого убийства он наконец арестован. По обвинению в убийстве.

Это произошло 20 ноября 1990 года, под вечер. Но было еще светло, иначе и этого не сняли бы. Техника у нашей милиции сами знаете какая.

Приплыли, гражданин Чикатило.

* * *

Отмотаем пленку. Еще только начался восемьдесят восьмой

год, и от ареста, снятого на видеопленку, нас отделяют тридцать месяцев и шестнадцать смертей.

Андрей Романович Чикатило пока на свободе.

Переждав бурю, он вернулся. Он поднялся со дна, когда его меньше всего ждали, всплыл на поверхность, когда следователи уже решили, что он умер или покончил с собой. Его не жалели, но оставалось горькое чувство от профессиональной неудачи. От нераскрытой тайны. От того, что правосудие так и не восторжествовало.

Люди Костоева и Буракова сделали все, что было в их силах. Они ходили по школам, предупреждали учителей, детей и родителей. Взамен они получали информацию о подозрительных людях и случаях, которые тут же проверяли. Теперь, когда жители области знали о грозящей им опасности, преступник, казалось, просто не рискнет подойти к жертве. Или сразу будет замечен. Не раз случалось так, что, увидев, как незнакомый человек сажает к себе в машину ребенка, тут же звонили или шли в милицию: марка автомобиля, цвет, номер. Выезды из города блокировали, машину находили, водителя проверяли.

И все без результата.

Места, где насильник и убийца оставил свои кровавые следы, держали под неусыпным контролем. В Ростове патрулировали парк Авиаторов и выставили посты на Левбердоне. Роковые километры железной дороги между Ростовом и Шахтами, где в лесополосах было найдено столько изуродованных трупов, милиция перекрыла наглухо. И подступы к ним, и отходы.

А на вокзалах были выставлены «манки». Когда начальник Ростовского областного УВД генерал-майор Михаил Григорьевич Фетисов впервые произнес это слово, мы не сразу сообразили, о чем речь. Потом догадались: о приманке, на которую мог клюнуть убийца.

В местах, где преступник находил свои жертвы, несли вахту молодые женщины, переодетые, загримированные под бродяжек, пьяниц, вокзальных проституток. Убийца отдавал предпочтение светлорусым девушкам среднего роста и среднего телосложения — это знали. Не знали другого: как он уводит жертву, как затаскивает в лесополосу. «Манки» со всей очевидностью рисковали собственной жизнью. Кто же они такие, эти отчаянные женщины?

Михаил Григорьевич представил нам Марину Николаевну Ланько.

Чуть выше среднего роста, светловолосая, миловидная, со вкусом одетая, она, на наш взгляд, никак не подходила на роль, которую ей приходилось играть два с половиной года, и не на

театральных подмостках, а в толчее провинциального вокзала. Все же не актриса драмтеатра, а старший лейтенант (теперь капитан) милиции, тогда — двадцати четырех лет от роду.

«Мы дежурили на вокзалах Ростова, Новочеркасска, Шахт, Новошахтинска, — рассказывает Марина, — барражировали и парк Авиаторов. Добирались до Красного Сулина. В общем, прикрывали все места, возле которых находили трупы и где мог появиться преступник, все подходы и отходы. Порой дежурили сутками, на вокзалах и ночевали. Мы чаще всего переодевались под… — Смущенная пауза. — …женщин легкого поведения. Порой даже приставали к мужчинам. — Она еще больше смущается. — Ну, сама я не приставала, больше приставали ко мне. Носили ли мы с собой оружие? Нет, конечно. Табельная „черемуха“, и все. Нас прикрывали сотрудники с рацией. Если что, мы должны были дать условный знак…»

Их прикрывали, но кто мог поручиться, что прикрытие поможет, если вдруг, словно из-под земли, выскочит зверь, заграбастает, бросит, скажем, в машину, увезет в неизвестном направлении. Вся надежда на баллончик с «черемухой».

— Позвольте вас сфотографировать, Марина Николаевна. Для книги.

— Нет, нельзя. Ни в коем случае. И сейчас приходится участвовать в таких операциях. Известность нам ни к чему.

К тому же она занимается в милиции и детьми, а их вовсе не обязательно оповещать, какие щекотливые задания выполняет Марина Николаевна.

Чикатило все это знал. И как ему было не знать, если он по-прежнему рыскал по автобусам и электричкам. Когда его похождения получат огласку, десятки людей вспомнят, что встречали его, здоровались, получали в ответ вежливый кивок, иногда удивлялись — с чего это Андрей Романович ходит из вагона в вагон? И напрочь забывали о встрече с ним, своим неразговорчивым знакомым, сослуживцем, соседом.

Он видел расставленные ловушки. Знал, где их расставляют. И сделал то, чего от него не ожидали: сменил место убийств.

Он вернулся к своим кровавым делам не то 4, не то 5 апреля 1988 года — точная дата так и не установлена. Равно как и имя его очередной жертвы. В деле Чикатило этот эпизод обозначен так: «Убийство неизвестной женщины в городе Красный Сулин».

В шахтинской электричке он познакомился с женщиной, возраст которой оценил на глазок от двадцати двух до тридцати. Она направлялась в Красный Сулин, это за Шахтами, если ехать от Ростова. Чикатило последовал за ней, уговорил зайти к нему в гости. Было светло, но уже под вечер, они шли минут сорок, и на

пустыре, в районе завода металлоконструкций, — это не самое красивое в Ростовской области место — он предложил ей присесть и отдохнуть.

Все было, как много раз раньше. По его словам, он предложил, она согласилась. Он попытался получить удовольствие нормальным путем, ничего не вышло, она стала огрызаться…

Труп был найден 6 апреля. Он был страшно изуродован. Рядом обнаружили след мужской обуви 43–44 размера с прямым срезом каблука.

«В процессе расследования были предприняты все возможные следственные и оперативные действия по установлению личности потерпевшей, однако положительного результата достичь не удалось».

Между Новочеркасским электровозостроительным заводом, где работал Чикатило, и местным Красносулинским заводом металлоконструкций были налажены деловые связи, и начальник отдела металлов бывал здесь не раз. Он знал, куда вести незнакомую женщину, чтобы никто их не заметил, и не пожалел на это сорока минут. Можно только представить, как он трясся от нетерпения — набравшись храбрости после стольких месяцев воздержания в подполье.

Что побудило его вернуться — не сумел совладать с похотью? Принял решение загодя или сразу, пользуясь стечением обстоятельств?

«Я знал, что занимаюсь презренным делом, давал себе клятвы, что больше не буду».

Это его слова.

«Больше не буду» говорят нашкодившие дети, чтобы избежать наказания. Из хроники убийств, в которой есть перерывы по году и более, мы знаем, что он мог обуздать себя. Похоже, что в апреле восемьдесят восьмого года он понял, что ушел от преследования, и почувствовал безнаказанность. Еще раз убедился в существовании черного колпака, который оберегает его от несчастий, и решил: можно. Его плоть требовала крови. И он вернулся.

Прошло чуть больше месяца, и наступило 14 мая 1988 года. Для девятилетнего Алеши Воронько это был последний день жизни.

Об этом дне убийца рассказывал так:

> «Я находился в командировке в городе Артемовске, автобусом доехал до станции Никитовка, а оттуда локомотивом до станции Иловайск. На привокзальной

станции на остановке увидел мальчика. Мы разговорились, он мне рассказывал о лечебных травах. Я предложил ему показать, где они растут, хотя ничего в них не понимаю… Помню, что бил мальчика ножом, раздел его. Он вырывался. Я еще помню, бил по голове и телу каким-то твердым предметом… Когда у меня наступил оргазм, мальчик был полуживым».

На всякий случай он приготовил алиби. В его командировочном удостоверении отметки: 14-го выбыл из Артемовска, 15-го прибыл в Ростов прямым маршрутом, без пересадок. Приложен железнодорожный билет на поезд Харьков — Ростов. Видимо, он купил его на ростовском вокзале у проводника.

Артемовск находится в Донецкой области, на Украине. Чикатило пока держался подальше от мест, где его выслеживали. Потом он потеряет бдительность. Или, может быть, обнаглеет.

Ровно два месяца спустя, 14 июля 1988 года, он убил шестнадцатилетнего Евгения Муратова.

«Во второй половине дня я ехал в Новочеркасск электричкой Ростов — Зверево. Там познакомился с мальчиком. Он сказал, что поступает в техникум в Ростове. Волновался, что не поступит. Я успокаивал его, говорил, что сам в свое время окончил институт. Предложил ему выйти на станции Лесхоз, помочь на даче и поехать следующей электричкой. Он согласился. Мы вышли и пошли по направлению к поселку Донлесхоз… Веревкой я связал ему руки, оголил грудь и стал резать живот. А перед этим сначала открыл ему рот и отрезал кончик языка, который проглотил. После ударов ножом он умер… Получив, таким образом, половое удовлетворение, стал его раздевать, освободив руки от веревки. Одежду вынес ближе к просеке. Хорошо помню, что у Муратова были часы. Хорошие, большие, современные, корпус металлический. Я их снял, втоптал в землю».

Про часы, которые он втоптал в землю, мог бы не упоминать. За часы, даже если украл, ему ничего не будет.

О Жене Муратове осталась добрая память. Веселый, хороший парень, любил играть в шахматы, умный и отзывчивый. Его не заманить было ни на видеофильмы, ни на обед, ни на подарки. Но в помощи он отказать не мог.

У филолога были приманки на разные случаи жизни.

Он вернулся и стал убивать методично, не изменяя свой почерк. Его уже почти не ждали. Надеялись, что исчез, сгинул, умер. А теперь следственная машина закрутилась с новой силой. Очередные версии: вернулся домой после долгой отлучки? Освободился из мест заключения? Вышел из больницы? Из психушки?

Все, кто подходил под эти категории, проверены и перепроверены. Под другие категории — тоже.

Наступило самое черное время для «Лесополосы». Были собраны лучшие силы, проработаны действия, каждый оперативник знал свой маневр, каждый постовой милиционер получил ориентировку и неотступно следовал инструкциям. У сыщиков гудели ноги: из школы в школу, от станции к станции, вдоль автотрасс и железных дорог. Иногда казалось, что пропустить этого человека невозможно, если только какое-то чудо…

А вдруг и в самом деле так? Кто-то уверял, что видел НЛО над лесом, возле которого недавно нашли новый труп. Не космические ли пришельцы объявили войну ростовчанам и жителям окрестных городов?

Стряхивали с себя космический бред и продолжали работать, тяжело и методично, как требовал Костоев на ориентировках.

Вспоминает Амурхан Яндиев:

> «В то время я был руководителем ростовской группы и проводил раз в неделю совещания, чтобы оценить ситуацию и наметить дальнейшие действия. По утрам в течение часа обменивались мнениями — что сделано, что надо сделать. Это было нужно, пожалуй, для самоутверждения, потому что от безысходности у многих опускались руки. Даже у меня. Вот вышел на подозреваемого, кажется, — тот, начинаешь работать, нет, концы с концами не сходятся. Настроение портится, хотя вроде бы дальше некуда. Приходишь домой, там дети, у меня две девочки. Посмотрю на детей, на своих и соседских, и думаю: живой еще шакал, на свободе ходит, нельзя его так оставлять… Не раз приходила мысль подать рапорт и уйти, но я гнал ее прочь. Один раз сорвался…»

О срыве он рассказывает смущаясь.

> «Был у нас один. Не подготовил очередной отчет. Я ему говорю: идите и подготовьте. А он меня по матушке — и вышел. Я закончил планерку, иду к нему в кабинет.

> Он там не один. Прошу повторить, что он мне сказал, а он улыбается и снова посылает меня куда подальше. Самолюбие свое тешит. У меня в глазах потемнело, я отвесил ему оплеуху, схватил стул, чтобы об его голову разбить. Но тут нас растащили. До сих пор жалею, что не дали стул об него сломать».

Темперамент, однако.

Но больше, насколько мы знаем, Яндиев не срывался. Не было времени на срывы.

После короткого затишья убийства начались вновь.

Следующей жертвой была шестнадцатилетняя Татьяна Рыжова. Бросила ПТУ, бродяжничала, вступала в случайные связи. Словом, не лучшей репутации. Андрей Романович был охоч до таких.

В конце февраля 1989 года он встретил ее под вечер на шахтинском железнодорожном вокзале. Квартира дочери пустовала, и он привел ее туда. Налил спирта, предложил прилечь. Дальше — по старому сценарию.

> «Убедившись, что она мертва, думал, куда девать труп. Поблизости от дома я нигде не мог найти санки. Через квартал в одном из частных домов нашел детские, легкие, фабричного производства. На кухне взял столовый нож, первоначально отрезал обе ноги, затем отчленил голову. Ноги упаковал в ее трико, верх которого завязал шнурком. Туловище завернул в шубу, голову — в тряпки и порванное одеяло».

Старушка, которой принадлежали санки, на суде будет утверждать, что пропали еще и доски. Он искренне возмутится: досок не брал.

Соседи по дому Ф. И. Брошевская и И. А. Сухомлинова слышали вечером душераздирающий женский крик, который раздавался из сороковой квартиры. Потом все смолкло.

Мать Татьяны, доярка, говорит:

«Этот утверждает, будто она сама согласилась. Но из дому она уезжала совсем ребенком. Может быть, доверилась ему, как отцу…»

Из обвинительного заключения:

> «При обработке пола люминолом наблюдалось характерное для крови свечение».

Опыт, полученный в хибарке на Межевом переулке, кое-чему

его научил, и кровь он старательно замывал. Но кровь хорошо впитывается, и следы ее остаются надолго.

Три месяца спустя, 11 мая 1989 года. Ростов. Восьмилетний Саша Дьяконов.

Чикатило ездил в областной центр за покупками, убил походя — случай подвернулся.

> «Я возвращался пешком из магазина стройматериалов, расположенного и районе Каменки. Когда подходил к Комсомольской площади, увидел впереди мальчика в школьной форме с портфелем в руке. Я догнал его. Вокруг никого не было. Рядом с мостом была роща, вдоль автодороги по улице Шеболдаева. Мальчик был настолько маленький, что я молча взял и занес его в эту рощу на глубину приблизительно три метра от дороги. Здесь нанес большое количество ударов перочинным ножом».

В магазине стройматериалов он намеревался купить обои для ремонта квартиры. Возможно, хотел подновить ее для очередного обмена.

Мальчик был настолько мал, что Андрею Романовичу не понадобился богатый педагогический опыт. Просто взял, как вещь, и отнес в кусты. Мальчик звал на помощь, но из-за шума машин его крики никто не услышал. Убил, вырезал половые органы, завернул в шапочку, закопал.

> «Это единственный случай, когда между мной и жертвой не было сказано ни слова».

Двадцатого июня 1989 года. Город Кольчугино Владимирской области. Алеша Макаров одиннадцати лет.

Чикатило послали в командировку на завод имени Серго Орджоникидзе. Он жил в кольчугинской гостинице «Дружба». В конце июня стояли теплые дни, и Андрей Романович, не очень обремененный служебными обязанностями, решил искупаться. Поехал на водохранилище, оно недалеко от города. Увидел не совсем нормального парнишку, которого гоняли рыбаки, — он им мешал. Увел в лес. Вся история.

На следующий день в Кольчугино приехали его сослуживцы — Е. П. Казачковский и С. А. Залесов. Они вспоминают, что их начальник был сильно пьян. Такого за ним прежде не наблюдалось, поэтому хорошо запомнилось.

Переживал очередное свое злодеяние? Но ни раньше, ни позже он не позволял себе так распуститься. Поминал души

невинно им убиенных за прошедшее десятилетие?

Они загрузили машину продукцией для своего завода и погнали ее в Новочеркасск. Чикатило задержался в Кольчугино и вернулся домой только двадцать пятого июня.

Девятнадцатое августа 1989 года. Лесополоса в полутора километрах от хутора Краснознаменка Родионово-Несветайского района. Елена Варга девятнадцати лет.

Андрей Романович ехал на день рождения к старику отцу, тому самому, про которого он вспоминал так:

«Мы вместе с батькой воевали на баррикадах за победу коммунизма в мировом масштабе».

Доехал вовремя, сидел за праздничным столом, пил умеренно. Хороший сын. Преданный.

Он убил по дороге к отцу. Не удержался и убил. Времени было полно, он не опоздал.

Елена Варга с двухлетним сыном жила в Краснознаменке. Ее послали учиться в Новочеркасск. В тот день из Новочеркасска она возвращалась домой. Чикатило увидел ее на автобусной остановке и предложил проводить. Хотел приступить к делу сразу, но помешали люди — рядом на бахче убирали арбузы. Завел в лесополосу. Убил. У мертвой отсек часть лица, вырезал матку, завернул в одежду убитой. Был возбужден больше обычного: никак не мог успокоиться и ножом долбил ствол дерева.

Потом сидел за праздничным столом.

На следствии его спросили, есть ли у него специальные медицинские познания — ведь он быстро находил и вырезал вполне определенные органы. Знание анатомии не утверждалось, но как бы предполагалось. Он ответил:

> «Специальных медицинских знаний у меня нет. Примерно знаю, где что расположено. А матка — она такая красная, с сигаретную пачку».

Двадцать восьмое августа 1989 года. Город Шахты. Алеша Хоботов десяти лет.

Он встретил мальчика на углу Советской и Карла Маркса, около видеосалона, неподалеку от кинотеатра «Аврора».

Чикатило:

> «Хоботов пошел по моему предложению посмотреть дома видеофильм».

Крючок самый простой — в видеосалоне показывают всякую ерунду и за деньги. А у дедушки дома — высший класс и

бесплатно. В десять лет да не клюнуть на такое!

> «А у меня мысль — идти с ним на кладбище… Примерно в восемьдесят седьмом — восемьдесят восьмом я приходил на центральное городское кладбище… брал лопату и копал себе могилу».

Фантасмагория. Неужто он задумывался о том, где найдет успокоение? Не так уж и стар, пятьдесят три ему было тогда. Или мистика одолела?

Про Алешу Хоботова он рассказал следователям после ареста. Это убийство среди тех, которые до его признания за ним не числились. Он привел следователей на центральное кладбище в Шахтах, и там, в указанном им месте, под тонким слоем земли нашли истлевшую одежду и останки мальчика, которого давно и безуспешно разыскивали. Рядом — старые лопаты. Похоже, что не врал, действительно рыл себе могилу. Вырыл другому.

Еще одно его воспоминание:

> «Когда меня мучили угрызения совести, я ходил на кладбище».

Мать Алеши Хоботова, рабочая-штамповщица:

> «Леша до обеда был дома. Потом подошел ко мне и сказал, что пойдет в парк качаться на качелях. Я ему сказала, что отец придет и пойдем вместе. Но уж очень он просил меня. Отпустила. Вечером стали искать. Пришли в милицию, говорим: „Сын пропал“. А нам в ответ: „Ждите“. Через несколько дней пришли опять в милицию, а там говорят: „Ваш следователь в отпуск ушел. Пишите заявление по новой“. Потом мне и мужу предлагали признаться в том, что мы сами убили сына. Я стала сама его искать по электричкам с фотографией. Всем показывала, может, кто видел. В ноябре восемьдесят девятого года ездила в Москву к экстрасенсу. Труп обнаружили только 12 декабря 1990 года. В морге меня матом обложили, сказали, что поздно приехали. Никому мы, простые люди, не нужны. С ним надо посадить рядом много милиционеров и судить».

С ним — это с Чикатило.

Все силы ростовской милиции были брошены на поимку убийцы, и подробные ориентировки доведены до каждого милиционера. Но встречались ленивые, равнодушные,

бездеятельные. Надо иметь особый талант, чтобы заподозрить в убийстве отца с матерью, когда детей то здесь, то там убивают одним и тем же зверским способом. А если добавить немного набоя — глядишь, и признаются…

Яндиев не зря замахивался стулом.

Однако не надо валить все грехи на милицию. Как верно говорил генерал Колесников, милиция — отражение общества.

В деле Алеши Хоботова есть еще одно невероятное обстоятельство. Когда его мать, отчаявшись добиться правды, моталась по электричкам с фотографией пропавшего сына, она вполне могла встретиться с убийцей, который был любителем именно этого вида транспорта. И они встретились!

Андрей Романович ехал не один, а с женой. Хоботова протянула ему фотокарточку, и Феодосия Семеновна схватила мужа за руку и увела его из вагона. Тому есть свидетели. Знала ли жена о преступлениях мужа? Убежденные в этом приводят в подтверждение случай в электричке. Нам же что-то не верится в причастность Феодосии Семеновны. Очень уж искренне было ее отчаяние, когда она узнала о преступлениях мужа. И она всегда была уверена в его любви к внуку.

«Кроме того, — говорит Феодосия Семеновна, — мы длительное время не жили половой жизнью. При таких обстоятельствах разве я могла допустить, что он может совершить преступление на сексуальной почве?»

Во время следствия она вспомнит, что на его одежде иногда замечала следы крови. Объяснения мужа выглядели правдоподобными: сама знаешь, что за работа у снабженца — разгрузки, погрузки, за что-то зацепишься, где-то обрежешься или поцарапаешься. Она знала, что так может быть. И если бы совесть ее была нечиста, зачем ей вспоминать о кровавых пятнах?

Что же до московского экстрасенса, то он заверил Хоботову, что ее сын жив и найдется.

Алеша Хоботов был последней жертвой Чикатило в восемьдесят девятом году. До ближайшего января он не убивал. Чем он был занят это время?

Приставать — приставал. Но без ножа.

Из свидетельских показаний Е. В. Казакевич, хорошо знавшей семью Чикатило.

Ехал в троллейбусе. В давке его притиснули к девушке, запустил ей руку под юбку. Схлопотал по мордасам. Не смутившись, перебрался поближе к другой. Еле выскочил на ближайшей остановке — пассажиры собирались намять ему бока.

Из показаний сослуживцев.

Возвращался в машине из недалекой командировки. Между

Ростовом и Аксаем неожиданно велел шоферу остановиться и, сославшись на неотложные дела, выбрался из машины. Попрощался и ушел неизвестно куда. Место было безлюдное.

Студентки шахтинского медицинского училища С. В. Напрасникова и Г. В. Абасян ехали на электричке из Новошахтинска домой. Рядом с ними сидели высокий мужчина и мальчик лет четырнадцати-пятнадцати. Девушки прислушались к разговору. Мужчина уговаривал подростка выйти из поезда на ближайшей станции, тот отказывался — его ждет мать. Мужчина настаивал, обещал, что позже они поедут к матери вместе и все ей объяснят. Когда поезд остановился, мальчик выбежал из вагона и помчался к трамвайной остановке. Впоследствии студентки без колебаний опознали Чикатило.

Парню выпал счастливый билет. Надо полагать, были и другие, которые сорвались у Чикатило с крючка.

Цепь его преступлений восемьдесят девятого и девяностого годов прервалась по двум причинам. Во-первых, у него опять не заладилось на работе: на электровозостроительном заводе его тоже раскусили, и пора было сматывать удочки. Он спорил с начальством, пытался доказать, что как снабженец чего-то стоит, и в то же время искал новую работу. Вскоре он ее нашел.

Другие неприятности носили характер житейский.

Под окнами одной из его квартир, где была прописана Феодосия Семеновна, фиктивно с ним разведенная, воздвигли деревянный общественный туалет. Мало того — соседи вознамерились почти возле дома построить кооперативные гаражи. Туалет он еще как-нибудь да вынес, но на гараже терпение Андрея Романовича лопнуло. Он стал писать жалобы и разносить их по учреждениям, начав с Ростовской железной дороги, которой принадлежал дом.

В присутственных местах Андрей Романович поначалу вел себя вежливо, передавал заявления, подписанные Феодосией Семеновной, просил перенести туалет на свободный участок по соседству, принадлежавший музыкальной школе. Иногда в его посланиях начинали звучать патетические ноты. «Я воздвигну здесь баррикады», — писал он по поводу строительства гаражей.

Революционная тематика, баррикадная в частности, то и дело возникает в его речи. На суде он к месту и не к месту будет возвращаться к теме революционной борьбы.

Ростовская железная дорога ничем ему не помогла, и он, распаляясь все больше, дошел до обкома партии, а потом и до ЦК, до самого Горбачева. Как выяснилось, высокие инстанции и Михаил Сергеевич лично провинциальными туалетами и кооперативными гаражами не занимались, и жалобы

направлялись тем, на кого Чикатило жаловался. Высокий слог не помогал. Андрей Романович ожесточился на весь мир, но особенно на кавказцев: в строительстве гаражей были замешаны не то армяне, не то азербайджанцы. В последующих жалобах Чикатило стал рассуждать об армянской мафии, потом об азербайджанской, потом об абхазской, потом об ассирийской. На суде все они почему-то трансформировались в абиссинскую мафию. Жалоб он писал много, при удобном случае лично доставлял соответствующему чиновнику, а если это было невозможно, отправлял заказным письмом с ростовского почтамта, куда не ленился для этого ездить.

Ему уже мерещилось, что «ассирийская мафия» следит за ним, чудились машины, которые его преследуют, чтобы сбить. Он стал запирать квартиру на несколько замков, не открывал дверь, не выяснив, кто к нему пришел.

Занятый борьбой с «мафией», он несколько снизил наступательный порыв на сексуальном фронте.

В заботах и хлопотах, большей частью не особенно приятных, закончился восемьдесят девятый год. Наступил девяностый — последний его год на свободе.

В начале января Чикатило перешел работать на Ростовский электровозоремонтный завод, неподалеку от центрального вокзала, того самого, где несколько лет назад капитан Заносовский выслеживал его перед первым арестом. Его зачислили в отдел внешней кооперации и комплектации, опять по снабженческой части.

Ремонтом электровозов он занимался чуть больше десяти месяцев. Его арестовали в ноябре. Январь отделяют от ноября девять убийств.

Четырнадцатое января 1990 года. Город Шахты, лесопосадки напротив кладбища. Андрей Кравченко одиннадцати лет.

> «В Шахты я в тот день приехал ремонтировать печку. Был один из выходных дней, зимой. На пересечении улиц Победы и Советской, у кинотеатра „Аврора“, стоял мальчик лет 12–13 в зимнем пальто серого цвета, в спортивной шапочке „петушок“, рост примерно 150 сантиметров, нормального телосложения, волосы русые. Я хорошо его запомнил. Он смотрел на афишу, и я сразу решил его убить».

Потрясающей силы причинно-следственная связь!

> «Заговорили о кино. Он сказал, что пересмотрел уже все фильмы… Сказал, что видел недавно фильм и

пересказал содержание, что-то было про кровь и резню… Неподалеку была лесополоса, но редкая. Пошли дальше. Вокруг были жилые дома, но мы к ним не подходили. Мое сознание было напряжено. Я напал на мальчика неожиданно… Было холодно, я пригрозил ему ножом, потом несколько раз ударил. Но он еще дергался. Тут у меня произошло семяизвержение. Я кричал, что я партизан и мне командир велел взять „языка“… Потом на здании университета видел плакат с фотографией Кравченко, текст читать не стал. Решил больше не убивать людей, но затем убил опять».

Седьмое марта 1990 года. Ростов, Ботанический сад. Ярослав Макаров десяти лет.

Чикатило приехал на прием к заместителю председателя Ростовского облисполкома с очередной жалобой насчет гаражей. В тот день его не приняли, жалобу он отправил заказным письмом с главпочтамта, копию послал в «Известия». С почтамта махнул на привокзальную площадь купить продуктов — был канун женского праздника. На площади увидел мальчика, просившего у прохожих мелочь. Голодный малец, решил он, соблазнится на обед. Соблазнился. Чикатило привел мальчика в университетский Ботанический сад, изнасиловал, отрезал кончик языка, мертвому вспорол живот. Орудовал ножом номер 20. Наносил множество ударов в одно и то же место, двигал клинок в ране туда и сюда. Возвращаясь к вокзалу, попал под сильный дождь, весь вымок. Электричкой уехал домой в Новочеркасск. Обсушился, принял рюмочку от простуды. На следующий день поздравлял женщин с днем 8 марта.

Апрель — май 1990 года. Лесопосадки близ платформы Лесхоз в Красносулинском районе под Ростовом. Любовь Васильевна Зуева, тридцати двух лет, психически неполноценная.

> «Сделал с ней то же самое, что и с другими женщинами… Стал резать, кусать, по-моему, распорол живот, отсек матку».

Об этом убийстве Чикатило сам сообщил следствию. Время указано приблизительно — как вспомнил. По трупу, когда его нашли, точнее установить было невозможно.

Он будет возвращаться к знакомым местам — Ботанический сад, платформа Лесхоз. Он человек устойчивых привычек. Пока безопасно, лучше места не менять.

Двадцать девятое июля 1990 года. Ростов, Ботанический сад. Виктор Петров тринадцати лет.

Его мать Л. Н. Петрова свидетельствует:

> «28 июля я с тремя младшими детьми — Витя, который погиб, из них самый старший — возвращалась из станицы Обливской, где гостила у старшего сына. Ночью приехали в Ростов, а утром должны были пересесть на другой автобус, чтобы ехать в Несветаевку. С автовокзала пошли на железнодорожный вокзал. Дети пить захотели. Когда подошли к входной двери, нам навстречу бросился мужчина, грубый такой, детей толкнул и даже не извинился. Когда пришли на вокзал, я стала мелочь для автоматов искать. Ее не оказалось. Вдруг опять появился этот мужчина, но на этот раз он был очень вежливый. Подошел, так сочувственно сказал: „Что, у вас, мамаша, мелочи нет?“ И предложил разменять. Я с младшими детьми осталась в зале ожидания, а Витя взял стаканчик и за водой пошел. Двадцать минут прошло, а его нет. Через полчаса я пошла искать сына. Обошла весь вокзал, потом к милиционеру пошла. Говорю: „Сын пропал“. А он спросонья спрашивает: „Росту большого? Ну, значит, с девочками гуляет“. Я ему говорю, что девочками он пока не интересуется, что вообще ни в каких компаниях не состоит, тихий мальчик, очень домашний — и корову подоит, и блинов напечет. А милиционер вдруг рассердился и говорит: „Иди-ка ты отсюда! Сама присматривай за своими ангелочками!“ Труп Вити нашли через два месяца. А мужчину я потом опознала, это был Чикатило».

Тихий мальчик Витя, мамина радость…

Интересно, где сейчас тот милиционер? Вот уже и Андрея Романовича выследили, и труп обнаружили. А тот, в форме и при оружии, по-прежнему где-то дежурит и посылает многодетных крестьянок куда подальше.

От убийства к убийству наглеет Андрей Романович. Он уводит Витю Петрова буквально на глазах его матери, обещая напоить газировкой и посулив показать видеофильм. Домашний, доверчивый мальчик пошел: чем сидеть всю ночь на вокзале с матерью, с Сашей и Женей, лучше посмотреть кино у доброго дядьки.

Чикатило в тот день побывал в Новочеркасске, на старом месте работы, получил там кое-какие детали, отправил их в Ростов машиной, пообедал дома и поехал на ростовский почтамт рассылать жалобы. На ближайшую электричку опоздал. Чтобы

скоротать время, зашел в видеосалон на вокзале. Его там часто видели и раньше, иногда он приходил с детьми, покупал им билеты — при его-то бережливости! Он посмотрел несколько фильмов и прозевал последнюю электричку. Решил заночевать на вокзале — не впервой. Встретил Витю Петрова, привел в Ботанический сад, убил.

Четырнадцатое августа 1990 года. Новочеркасск, городской пляж на правом берегу реки Аксай. Ваня Фомин одиннадцати лет.

Все, рассказывавшие о Ване Фомине, говорили, что он был хороший, спокойный мальчик. Он бы на посулы, на жвачку или кино не поддался.

Андрей Романович обожал пляжные места, потому что там люди раздетые. Заодно он также купался и загорал. Иногда он предлагал своим жертвам пойти вместе на пляж и убивал по дороге. Иногда его охватывало необузданное желание прямо на пляже.

Чикатило видел, как мальчик вышел из воды и направился в камыши переодеться. Догнал, набросился, резал складным ножом. О партизанских подвигах не кричал, — неподалеку были люди.

Камыши растут густо, к августу вымахивают высоко, на три шага зайдешь — и уже ничего не видно.

> «Я считаю, что сперма на трико Фомина принадлежит мне. После убийства я вытирал свой половой член об одежду мальчика».

Вы устали считать? Не сбились? Ваня Фомин — пятидесятый. Скоро, совсем скоро этот ад закончится…

Семнадцатое октября 1990 года. Лесополоса у платформы Лесхоз. Вадим Громов шестнадцати лет.

> «Из Новочеркасска поехал к сыну в Шахты. При мне был коричневый портфель. Времени было часов пятнадцать. Сел в предпоследний вагон, посередине. В тамбуре, когда уже собрался выходить, увидел подростка лет пятнадцати. Лицо худощавое, стрижка школьная, телосложения нормального, курил… Я ему сказал, что курить вредно. Он оказался словоохотливым. Я решил, что он из вспомогательной школы. Он сказал, что катается в электричках, так как не хочет ходить в школу. Я ему ответил: „Раз делать тебе все равно нечего, поехали ко мне в сад“. Вернулись в вагон. Он спросил, будут ли на даче девочки. Стал хвастаться своими половыми контактами. Я пообещал ему девочек. Вышли

на остановке Донлесхоз. Шли медленно и отстали от других пассажиров.

Громов не кричал, когда я напал на него. Он сказал, если что надо, то он не против… Я достал веревку и скрутил ему руки. Угрожая ножом, потребовал, чтобы он высунул язык. Когда он высунул язык, я откусил кончик и сразу проглотил. Потом нанес ему удар по голове и множество ударов ножом. Нож был перочинный с короткой ручкой. После убийства пошел на станцию и уехал».

Перечитайте воспоминания Чикатило и найдите хоть какие-нибудь признаки волнения, возбуждения, потери контроля. Хоть намек на сожаление, не говоря уже о раскаянии.

Фрагмент с подробностями, щадя вас, мы из середины убрали. Мы уже делали так много раз.

Труп Вадима Громова был найден 30 октября. Дальше события раскручиваются быстро.

Амурхан Яндиев, его коллега Евгений Бакин, тоже следователь по особо важным делам, оперативники, криминалисты метр за метром прочесывают лес у платформы Лесхоз. До Громова здесь нашли свою смерть еще три жертвы. Убийца должен сюда вернуться, он всегда возвращается. Промокшие до нитки, продрогшие — уже поздняя осень, — они выходят из леса, садятся в машины.

В тот же день, когда они выезжали на место убийства, исчез еще один подросток.

Тридцатое октября 1990 года. Лесополоса на окраине Шахт, на 1128-м километре перегона Кирпичная — Сады; излюбленное место убийцы в начале восьмидесятых годов. Вадим Тищенко шестнадцати лет.

«В тот день меня пригласили в горисполком города Шахты по поводу того, что я якобы захламил территорию музыкальной школы. В городе Шахты на железнодорожном вокзале был уже примерно в 14–15 часов… Когда шел по перрону до туалета, обратил внимание на одиноко стоящего паренька лет семнадцати… По дороге он рассказал, что в этих местах бывал с ребятами, что они даже ездили как-то за орехами, яблоками в район остановки Кирпичная… Вышли к саду, орехов не видели… И тут Тищенко захотел оправиться. Я сразу подбежал и свалил его на землю… Он сильный оказался, укусил меня за палец и так ударил по ноге, что я потом долго прихрамывал».

Прихрамывая, с кое-как завязанным пальцем, Чикатило вышел из лесополосы неподалеку от платформы Кирпичная, умылся в луже и уселся на пенек ждать электричку.

Его видели там под утро — рослого мужчину лет пятидесяти в темно-коричневой синтетической куртке и кепке, с сумкой через плечо.

Тело Вадима обнаружили 3 ноября. Евгений Бакин стоял над ним, кусая губы. По настоянию следователей, несколько дней назад именно здесь, у платформы Кирпичная, были расставлены посты физического прикрытия. Только что он узнал: посты сняли, потому что в Новочеркасске не хватало милиционеров для патрулирования.

Яндиев вспоминает, что три недели, оставшиеся до взятия Чикатило, его переполняла ярость. Но ярость не отчаяния, а предчувствия скорой встречи с преступником. Профессиональный нюх человека, много раз шедшего по кровавому следу, подсказывал ему — осталось совсем немного. Он позвонил в Москву Костоеву и сказал:

«Исса Магометович, приезжайте немедленно, убийца пошел ва-банк».

Костоев вел не только «Лесополосу», на его плечах были сложнейшие дела по всей России. Он приезжал из Москвы на несколько дней, знакомился с положением дел, анализировал ситуацию, набрасывал план действий — и возвращался в столицу. Яндиев, Казаков, Бакин оставались. Они не беспокоили его по мелочам. Если Яндиев позвонил, значит, дело приняло серьезный оборот.

Костоев прилетел в тот же день.

К его приезду было сделано много. Усилены посты физического прикрытия на платформах и автобусных остановках, на каждом посту круглосуточно дежурили по два человека. Кое-где установили приборы ночного видения. Патрулировали электрички — как несколько лет назад, когда Чикатило залег на дно. Светловолосые, среднего роста, молодые сотрудницы милиции под видом бродяжек ездили из конца в конец области — вкусы убийцы были хорошо известны.

Знал ли обо всем этом Чикатило? Наверное, знал. Почему же не залег опять? Понадеялся на черный колпак? Так или иначе, он продолжал играть в открытую.

Свидетельница И. П. Белова, лаборантка Шахтинского лесхоза:

> «Поздней осенью я ехала из Новочеркасска, где училась в техникуме пищевой промышленности, в

Шахты, где жили мои родители. На вокзале увидела мужчину, который как-то странно на меня смотрел. Я села в вагон, он сел рядом. Положил мне руку на колено. Я возмутилась. Он сказал: „Что, не нравится? А раньше это женщинам нравилось“. Когда проехали остановку Персиановка, мужчина (теперь я знаю, что это был Чикатило) сказал, что проехал свою остановку и теперь поедет в Шахты. Там мы оба вышли из вагона. Он вызвался меня проводить. Хотел понести мою сумку, но я не дала, подумала: „Сейчас возьмет сумку и убежит с ней“.

Путь к дому был мимо стройки, но я решила пойти обходной дорогой — там место людное. Почти возле моего дома он предложил: „Пойдем со мной в кино на последний сеанс. Отпросись у матери и приходи“. На прощание попросил разрешения поцеловать меня, сказал, что вечером будет ждать у кинотеатра.

Боязни он у меня не вызвал, был очень общительный, сказал, что работает преподавателем в институте. Поэтому я с ним разговорилась».

Очень романтично. Завязка провинциального романа.

Она глядела в лицо смерти, ни о чем не догадываясь; никому не рассказала тогда о встрече, даже матери. На свидание не пошла и осталась свидетельницей. Живой осталась.

Чикатило она опознала мгновенно.

Промокшие под непрерывными осенними дождями, Яндиев и его постоянный спутник тех дней майор милиции Иван Васильевич Воробьинский, падая с ног от усталости, искали новых свидетелей. Опрашивая одну за другой железнодорожных кассирш, они нашли наконец женщину, продавшую Вадиму Тищенко билет до Новороссийска, за которым его послала мать в последний день его жизни. Билет обнаружили среди клочков одежды неподалеку от трупа. Еще там были кусочки мела и магнитики. Не нашли авторучку и сдачу, вписали четыре рубля и стоимость ручки в обвинительное заключение, Чикатило возмущался, прокурор в обвинительной речи на краже настаивать не стал, и в приговор она не попала. Ручка, кстати, стоила рубль восемьдесят.

Кассирша первой кассы шахтинского вокзала Л. А. Прищепа опознала Вадима по фотографии и вспомнила, что продала ему билет. Проверили по контрольной ленте — номер 880780, совпадает с тем, что найден в лесополосе. Взяла у парня червонец одной бумажкой, дала четыре рубля сдачи. У кассы в это время

вертелся высокий мужик в очках. Каков из себя?

Она описала приметы, и Яндиев встрепенулся.

Впервые в их руках появилась свежая улика — очевидец, который, пусть и за несколько часов до убийства, видел вместе преступника и жертву. Скажем корректнее: жертву и вероятного преступника.

Еще кассирша припомнила, что дочь как-то рассказывала ей о мужчине, который при ней, при дочери, прошлой осенью пытался увести парнишку из электрички. Эта тема была у всех на устах, милиция постаралась, чтобы как можно больше людей знали об опасности. И теперь кассирша сочла необходимым рассказать об этом случае.

Яндиев и Воробьинский попросили разрешения встретиться с дочерью. Подождали немного, пока у кассирши закончится смена, и вместе пошли к ней домой.

Дочь Светлана Напрасникова была одной из двух студенток-медичек, которые сидели рядом с пареньком и настырным мужчиной. Паренек, если помните, убежал. Светлана не только списала подробно внешность мужчины, но и добавила, что по-прежнему часто встречает его в пригородных поездах. Он то и дело попадается на глаза. Как будто катается…

Не надо быть специалистом в области следствия и сыска, чтобы понять: после таких показаний Чикатило был обречен. Его арест оставался теперь вопросом времени.

Чикатило арестовали две недели спустя. За эти дни он совершил еще одно убийство.

Последнее.

Глава XVIII
Последняя жертва. 6 ноября 1990

Его последнюю жертву звали Светлана Коростик. Ей было двадцать два года. Он убил ее в хорошо знакомом месте — у платформы Лесхоз, в лесном массиве. Это произошло 6 ноября 1990 года, ровно за две недели до ареста.

Светлана Коростик была женщиной больной, несчастной, неустроенной. Таких на его пути встречалось немало, она была не лучше других, но и не хуже. Жизнь разделяет, смерть уравнивает.

> «С утра на работу не пошел, решил ехать в Шахты. В тот период ездил и горисполком по поводу квартиры сына. Одет был в синий костюм, коричневую болоньевую куртку, фуражку из кожзаменителя, коричневые ботинки на толстой резиновой подошве… Обратил внимание на женщину в рваной одежде… У мужчин что-то спрашивала, говорила, что едет до конечной остановки, а потом поедет назад. Решил познакомиться… Зная себя, допускал, что в процессе полового акта могу пойти на убийство… Свернули в лесной массив, где до этого совершил убийство Громова, Муратова… Она согласилась, легла на куртку. Пробовал возбудиться… Ей не понравилось, стала ругаться, оскорблять… Женщина была здоровая, крепкая, могла убежать. Я вытащил нож…»

Кончик языка он проглотил, соски — тоже. Остальное, что вырезал после смерти, по его словам, выбросил. Присыпал труп землей и темными ноябрьскими листьями. Убивал и резал складным ножом с розовой пластмассовой фигурной ручкой. Этим же ножом он убил Вадима Громова, Виктора Тищенко и Ваню Фомина.

> «Одежду взял с собой… где-то выбросил. Нож не выбрасывал… На платформе Лесхоз находились три-четыре женщины, грибники, подошел работник милиции…»

Имя работника — Игорь Рыбаков, звание — сержант. Его, как и многих других, откомандировали в распоряжение ростовской милиции для укрепления «Лесополосы». Шестого ноября ему выпало дежурить на станции Лесхоз, вблизи которой в последнее

время то и дело объявлялся убийца.

По инструкции полагалось патрулировать по двое, однако его напарник сегодня почему-то не пришел. Это было жутко неудобно — нельзя отлучиться ни на минуту. То есть, конечно, можно, начальство далеко, никто не узнает, нарушил сержант инструкцию или нет. Однако он строго ее соблюдал, и не потому, что опасался взысканий. Просто был честным парнем.

Неукоснительно соблюдать инструкцию было не так уж обременительно. Игорь Рыбаков, одетый в штатское, сидел неподалеку от платформы у костерка, который разожгли поджидающие электричку грибники, грелся и сушился — промозглым ноябрьским днем это было вовсе не лишним, — болтал с грибниками о том о сем.

Сержант глянул на часы: четверть второго. Скоро должны сменить. Сидеть под нудным осенним дождем у костра — мало радости. Скорее бы домой. Он собрался было перейти путь, чтобы посмотреть у кассы расписание, когда увидел вышедшего из леса высокого мужчину в куртке и фуражке, с сумкой через плечо. Должно быть, еще один грибник.

Что-то в облике мужчины, в его экипировке насторожило Игоря. Нет, не одежда — что же тогда?

Сумка. Надо быть ненормальным, чтобы класть грибы в мягкую сумку. Они там превратятся в труху.

Значит, не грибник. Но он явно вышел из леса, от деревни обычно идут по аллейке. Что же в такую погоду делать в лесу, если не собирать грибы?

Мужчина в фуражке прошел вдоль железнодорожного полотна и скрылся за кассой. Игорь подождал несколько минут, размышляя, не двинуться ли за ним. Но тот появился сам, пересек пути и неторопливо направился к костерку. Шел он сутулясь, на ходу протирал запотевшие очки.

Сутулый подошел вплотную к группке, поздоровался и спросил:

— Много набрали?

Одна из женщин показала на полупустую корзину, другая шутливо ответила:

— Что ни набрали — все наше. А у вас какие успехи? Сутулый как-то кривовато улыбнулся и развел руками — мол, какие в такую погоду грибы. А Игорь не мог оторвать взгляда от его одежды. Собственно говоря, ничего необычного в ней не было. Вот только к спине прилипли веточки и листья. И к сумке тоже. Это объяснимо, человек пришел из леса. Но почему тогда у него чистые, будто только что вымытые ботинки? И вот что еще: следы крови на щеке и мочке уха, перевязанный палец на правой руке.

Мог, конечно, оцарапаться о сучья или ветки. И все же…

Игорь встал и сделал несколько шагов в сторону. Сутулый продолжал беседовать с грибниками.

— Гражданин, — негромко позвал его Игорь.

Мужчина вздрогнул и обернулся. Игорь поманил его пальцем, тот как-то нерешительно подошел.

Повернувшись спиной к грибникам, сержант негромко представился и показал сутулому свое удостоверение. И тут же попросил мужчину предъявить документы. Тот суетливо расстегнул куртку, полез во внутренний карман пиджака, долго в нем рылся. На худом лице, туго обтянутом желтой кожей, играли желваки.

Рыбаков внимательно наблюдал, как мужчина роется в кармане, подмечая и мешки под глазами, и седоватую щетину на щеках, и грязную повязку на пальце, и бурый мазок на щеке. А незнакомец, вытаскивая документы, все отводил глаза, упорно смотрел в сторону.

Внимательно, точно следуя инструкции, сержант пролистал паспорт на имя Андрея Романовича Чикатило, удостоверение старшего инженера Ростовского электровозоремонтного завода, еще одно удостоверение — железнодорожное, дающее право на бесплатный проезд в электричке. У Игоря екнуло сердце: по ориентировкам, разыскиваемый мог быть железнодорожником.

Из тумана в полукилометре от станции показалась подслеповатая зеленая голова электрички.

А если и железнодорожник — что из того? Мужчину надо было отпускать, не было причин его задерживать. Он уже поглядывал в сторону платформы, как бы давая понять сержанту, что опаздывает и боится упустить электричку.

Рыбакову очень хотелось задержать мужчину хоть ненадолго, чтобы задать ему несколько вопросов, которые пока не приходили в голову. И он спросил первое, что пришло в голову: как очутились здесь в рабочий день, куда направляетесь? Чикатило вполне вежливо, но уже уверенно объяснил, что едет в Ростов, что с утра, воспользовавшись отгулом на службе, заехал к приятелю в Шахты, а потом решил побродить по лесу, подышать свежим воздухом.

На мгновение Игорю почудилось, что блуждающий взгляд мужчины застыл, в глазах мелькнула тревога — и тут же, будто сбросив наваждение, Чикатило отдернул рукав куртки и ногтем постучал по циферблату часов, давая понять, что время ему дорого.

— Можете идти, — сухо сказал сержант и впервые нарушил порядок: не извинился, что задержал добропорядочного

гражданина, старшего инженера и жителя славного города Новочеркасска.

Чикатило уже скрылся в дверях электрички, а Рыбакова все мучили сомнения: не зря ли он отпустил сутулого. Хотел даже вскочить в поезд, но автоматические двери закрылись, электричка дернулась и плавно отошла от перрона. Хвост ее уже исчез в тумане, а Игорь все стоял на опустевшей платформе, повторяя редкую фамилию: Чикатило… Чикатило…

Он пересек путь, подошел к станции и спросил у мальчишек возле кассы, не заметили ли они высокого мужчины с сумкой. Как же, только что был здесь, мыл под колонкой туфли, потом руки. И на поезд пошел.

Сержант Рыбаков знал службу и доложил подъехавшему в скорости начальству о проверенном мужчине. Сменившись, он написал и рапорт. Он полагал, что гражданин Чикатило чем-то подозрителен, но не ведал, что именно он, сержант Рыбаков, остановил того, кого ищут уже двенадцать лет.

Сейчас Рыбаков служит в городе Донецк Ростовской области в вытрезвителе — милицейскую работу чистой не назовешь. На наш вопрос, были ли у него еще похожие случаи, со снисходительной улыбкой отвечает, такое выпадает раз в жизни…

Из обвинительного заключения:

> «Показаниями свидетелей… данными расписания фактического движения электропоездов на перегоне Новочеркасск — Красный Сулин за 06.11.90 установлено, что пост работников милиции в этот день из-за задержки поездов на ст. Лесостепь выдвинулся после 10 час. 30 мин., в связи с чем Чикатило беспрепятственно прошел со своей жертвой к месту убийства».

На станции Лесостепь он вышел из электрички вместе со Светланой Коростик раньше, до 10.30. После ее убийства прошел лесом к соседней станции Лесхоз, где уже дежурил Рыбаков. Если бы пост с утра был на месте, милиция, несомненно, заметила бы мужчину с бродяжкой в рваной одежде, удаляющихся в лес. И предпоследняя жертва оказалась бы последней, а Светлана осталась бы в живых.

У Костоева и Яндиева есть немало претензий к тому, как милиция организовала в те дни патрульную службу и физическое прикрытие пригородных платформ. Вот и Рыбаков дежурил на станции один — где был его напарник? Чикатило скажет на следствии: много раз выходил на станциях, а там никого из милиции нет, но даже если кто-то и дежурит, то документов у меня не спрашивают.

Дельные, хорошо продуманные приказы выполнились спустя рукава. Вот и гулял Андрей Романович на свободе.

Милиция — отражение общества…

Двенадцать лет свободы, прошедшие между первым убийством и последним, заканчивались. Долгие двенадцать лет, отпущенные Андрею Романовичу судьбой или чьими-то ошибками, промахами, попустительством (но это тоже судьба). Время сжималось, и в его масштабной сетке оставались считаные клеточки. Если быть точными — четырнадцать дней.

Последние события попытаемся изложить устами очевидцев, или, говоря точнее, главных действующих лиц.

Генерал В. И. Колесников:

> «Позвольте начать издалека, но с очень важного далека. В восемьдесят четвертом году, когда Заносовский задержал Чикатило, я случайно зашел в кабинет номер один ИВС — так мы называем изолятор временного содержании, — в котором важняк областной прокуратуры, запамятовал фамилию, вел допрос. С его разрешении я тоже задал Чикатило несколько вопросов, каких — тоже не помню. Но помню точно, что его ответы показались мне путаными, неадекватными. Позже мне сказали, что по группе крови Чикатило вне подозрений. До этого я выезжал на трупы Петросян — матери и дочери, убитых в лесополосе под Шахтами в мае восемьдесят четвертого. Обратил внимание на то, что убийца хорошо ориентируется в лесополосе, и подумал — это местный, шахтинский.
>
> Осенью девяностого года приехал на труп Громова и почему-то вспомнил старые эпизоды. Позвонил Буракову: помнишь того человека, которого взял Заносовский? Через десять минут Виктор Васильевич мне перезванивает: фамилия того человека Чикатило, он отработан.
>
> В начале ноября в Ростов приезжает Костоев. Я ему говорю: Исса, давай еще раз отработаем этого Чикатило. Он согласился — только закончим, говорит, начатое. Была в те дни одна версия, которая казалась перспективной.
>
> Когда мы приступили к физическому прикрытию в районе Донлесхоза, то ежедневно собирались в одиннадцать вечера и заслушивали доклады с мест. Так вот, шестого ноября начальник Красносулинского РУВД назвал несколько имен задержанных в тот день, но

имени Чикатило не упомянул. Ровно через неделю, тринадцатого ноября, я выезжаю на место убийства Тищенко — хотел осмотреть ложе трупа, место, где обнаружили тело. Льет проливной дождь, и едва заставил себя выйти из машины. Мы доходим до метки-маяка: красный бант на кусте, чтобы найти нужное место. Вижу — валяется тряпочка, вроде лацкана пальто. А мне уже успели доложить, что все вещдоки собраны. Я спрашиваю: куда смотрели? И тут же приказываю прочесать местность в радиусе полукилометра.

За полчаса нашли одежду и тело Коростик. Я стал выговаривать начальнику Красносулинского райотдела, он со мной ездил: как же вы местность отрабатываете, где ваши глаза? А он что-то смущенно отвечает, знаете, как бывает, когда ругает начальство. И лезет в карман, вытаскивает бумажку: вот, мол, еще одного на днях задержали, хотели сами отработать. И протягивает мне бумажку с записью про Чикатило.

Дальнейшее было делом техники».

Амурхан Хадрисович Яндиев:

«Шестого ноября я передал Костоеву показания кассирши и ее дочери о высоком мужчине, который пытался увести парнишку из электрички, а потом стоял у кассы за спиной Тищенко. Исса Магометович был просто счастлив. Он уже не сомневался, что убийца у нас в руках.

По портрету, который нам дали Светлана Напрасникова и ее мать, двенадцатого ноября задержали человека, похожего по описанию. Предъявили им — нет, не тот. Решили на следующий день вместе с ними покататься на электричках. Хотел поехать и Костоев, настолько он был уверен, что сегодня же задержит преступника. Но вместо этого ему пришлось ехать в Лесхоз на труп Коростик, только что найденный. Он там буквально разнес милицию: где посты, где проверки, вы работаете или спите? Они отвечают, что не спят, вот неделю назад одного задержали, документы проверили, но он оказался отработанным.

Так тринадцатого ноября вновь всплыла фамилия Чикатило. Костоев был вне себя. Он все время говорил нам, что одной проверки по крови и сперме мало, особенно после того как в восемьдесят восьмом мы получили разъяснения об аномальных случаях. Исса

Магометович всегда говорил: нельзя проверять подозреваемых только по физиологии — могут быть ошибки, не исключено, что эксперты что-нибудь напутают. Обязательно надо выяснить, где был человек в момент совершения убийства, мог ли он оказаться на месте преступления.

Значит, Чикатило зафиксирован, получена справка из областного управления, что он уже проверен. Костоев вызвал меня и велел не шуметь до поры до времени, а выяснить, что делал этот самый Чикатило четырнадцатого мая восемьдесят восьмого года, в день убийства Воронько в Иловайске. Без шума узнали, где он работает и где работал, послали сотрудницу в Новочеркасск на электровозостроительный завод проверить в отделе кадров командировки. И все совпало.

После этого не нужны были ни кровь, ни сперма. Его можно было брать.

Но в милиции предложили другое. Пусть погуляет, сказали они, а мы его будем пасти, чтобы взять с поличным. Он найдет очередную жертву, заведет в лес, а мы тут как тут. Конечно, есть известный риск, но при аккуратной работе мы его опередим.

Мы с Костоевым несколько раз обсуждали эти варианты и решили: нечего ждать, надо брать немедля. И вот почему. А вдруг за убийство, которое совершил Чикатило, за одно из его убийств осужден невинный человек? Тогда кому-то может быть выгодно убрать настоящего убийцу, чтобы не всплыло преступное головотяпство. Все могут устроить, пока его будут пасти. Наезд хотя бы. Собьют машиной с липовыми номерами, и концы в воду. Так мы рискуем упустить убийцу, причем безвозвратно. Потом локти будем кусать — он или не он?

Еще раз посовещались и решили брать. Не откладывая, двадцатого».

Вторник 20 ноября. Серый осенний день. Туман, моросит дождь, иногда промелькнут первые снежинки. Андрей Романович с утра на работе.

«Хотя какая тут работа — палец ноет, весь распух. Вот поганец, три недели назад укусил, а болит до сих пор. И с каждым днем все сильнее. По дому ничего не сделаешь, на работе места себе не находишь, даже карандаш в руку взять больно! Вот уж действительно мерзавец!

В заводской поликлинике сделали рентген. Оказалось — перелом. Надо же! Загипсовали, перевязали, сделали укол. Немного полегчало.

Пришел домой. Фени нет, не вернулась с работы. Залез в холодильник, что-то нашел и пожевал, не разогревая. Послонялся по квартире. За пивом сходить, что ли? По соседству в „Лакомке“ дают в разлив.

Взял чистую трехлитровую банку, которую всегда держал наготове, сунул в авоську. Вышел из квартиры. На лестнице хватился — оставил дома кошелек. Теперь пути не будет…

Все обошлось. Пиво есть, очередь маленькая.

Хотел взять три литра. Потом передумал: сразу все не выпьешь, а пиво вкус теряет. Продавщица нацедила полбанки, дала сдачу. Молодуха ничего себе с виду, с такой можно пойти в разведку. В лесок то есть, попробовать, может быть, с такой и получится. Надо бы с ней как-нибудь заговорить. Не сейчас, народу много. Обхамят, как пить дать обхамит. Им бы только поскорее налакаться. Вот быдло! Ладно, в другой раз.

Вышел на улицу. Домой можно и не торопиться, что там делать, в пустой квартире. Огляделся. Ага, вот мальчик бегает. Иди сюда, парень. Жвачку хочешь? Могу угостить. Нет, не везет, люди идут. И мальчишка какой-то нелюдимый. Вот еще один. Подошел к нему, начал разговор — а мальца, как назло, позвали домой. Ну и хрен бы с ним. Опять палец заныл, пора домой, в тепло. Надо же, как он меня укусил! Здоровый, гад, таких у меня никогда не было…

Домой, домой. Там тепло, уютно, газеты нечитаные, телевизор. Пива налью, разверну газету.

Навстречу шли трое. Смотрели как-то странно, вроде того, в Лесхозе, который документы проверял. Не хотел отпускать, чуть на электричку из-за него не опоздал, а там рядом труп лежал, теплый. Хорошо, когда внушаешь доверие. Не то забрал бы за милую душу.

И эти чего-то на меня уставились. Ждут, что я посторонюсь. Молоды еще, чтобы им дорогу уступать…

— Чикатило Андрей Романович?

Откуда они меня знают? Вроде бы я их раньше не встречал. И сзади какие-то подошли, окружили. Чего им надо?

— Вы арестованы.

Щелкнули наручники. Взяли под локти. Повели к машине».

Глава XIX
Романыч под конвоем. 1990–1991

Обращение к человеку по отчеству — Иваныч, Кузьмич, Егорыч — носит в русском языке оттенок просторечный и несколько фамильярный. Люди, достаточно близкие, называют друг друга по именам, официальные отношения предполагают величание по имени-отчеству. Трудно представить, чтобы к Толстому обращались «Николаич», а к Чайковскому — «Ильич».

Знакомые и сослуживцы часто называли Чикатило Романычем. Это не хорошо и не плохо. Можно называть и так.

Пока его разыскивали и ловили, он был для всех злодеем, извергом, вампиром. Заочно, между собой, называли его «гад», «сволочь», «этот мерзавец». Или еще хлеще.

Потом его поймали, посадили в тюрьму, стали вызывать на допросы и вывозить на места преступлений, ставили следственные эксперименты. С ним работали одни и те же люди. Они задавали ему вопросы и записывали ответы. Они надевали и снимали наручники. Сопровождали его в поездах и самолетах. Спали на соседних койках.

Они ни на минуту не сомневались, что в их руках убийца, каких немного было в истории.

Но проходил день, другой, третий, и он привыкал к ним, а они — к нему. Память человеческая склонна к самоочищению. Иначе невозможно было бы жить на этой исполненной греха земле.

Монстр ел, спал, справлял нужду, читал газеты, играл в шахматы, тосковал по семье, жаловался на здоровье, ждал свидания с женой, что-то писал, мылся в бане, брился, просил принести из дому одежду, плакал, смеялся, пил чай с сахаром. Не то ли делают все люди?

Когда обстоятельства не требовали официального обращения «гражданин Чикатило», не на людях, а где-нибудь в лесу, в вагоне, в камере, — несколько месяцев спустя его уже называли «Романыч».

* * *

Группой задержания, работу которой сняли на видеопленку, руководил, как мы знаем, Владимир Ильич Колесников. А защелкивал наручники один из самых надежных работников

ростовского уголовного розыска, старший оперуполномоченный следственно-оперативного отдела по расследованию тяжких преступлений майор милиции Анатолий Иванович Евсеев.

Вот его воспоминания о том осеннем дне.

> «С гражданином Чикатило я познакомился одним из первых. Могу назвать точную дату и время знакомства: 20 ноября 1990 года, 15 часов 40 минут.
>
> Все было прозаично. Брали его в Новочеркасске, прямо на улице. Мы шли ему навстречу. Я — с правой стороны, Владимир Семенович Першиков — слева, Колесников — посередине. Владимир Ильич спросил фамилию, Чикатило ответил. Мы с Першиковым перехватили его руки и защелкнули наручники. Арестованный не сделал ни малейшей попытки к сопротивлению, не вымолвил ни единого слова. Даже не удивился.
>
> Он молчал и в машине. Складывалось впечатление, что он ко всему безразличен и его не интересует, почему его задержали. Как будто полностью ушел в себя. Первые слова он произнес по дороге в Ростов, когда мы проезжали поселок „Рассвет“. Он сказал: „Это лишний раз говорит о том, что не надо ссориться с начальством“.
>
> Мы запретили ему разговаривать, но через некоторое время он повторил: „Все-таки с начальством ссориться нельзя“. И замолчал. И больше в машине не произнес ни слова.
>
> Его провели прямо в кабинет Михаила Григорьевича Фетисова, начальника областного УВД. Там были еще Исса Магометович Костоев — руководитель следственной бригады прокуратуры России, прокурор области, его заместитель, начальник бюро судебно-медицинской экспертизы».

Прием королевский. Не многим персонам из уголовного мира оказывали такие почести. Сопровождающие лица, Евсеев с Першиковым, неотступно следовали за ним. Впрочем, караул был не почетным, а самым что ни на есть настоящим.

Первый допрос начался незамедлительно. Как полагается, с формальных вопросов: фамилия, имя и отчество, возраст, где живете, где работаете. Арестованный стал нервничать, он был не просто растерян — ошарашен. Потное лицо, блуждающие глаза, губы дергаются. И еще он все время зевал — бывает такая нервная реакция. Чикатило мычал, заикался, забывал самые простые слова. Не смог вспомнить, где работает, с усилием соображал,

когда вступил в брак.

После месяцев изнурительного следствия, после допросов сотен свидетелей, очных ставок, следственных экспериментов и доверительных бесед Амурхан Яндиев придет к выводу, который кажется ошеломляющим, невероятным: убийца и насильник, долгие годы терроризировавший область с четырехмиллионным населением, человек, которым матери пугали детей, опаснейший преступник, на задержание которого выехали с оружием самые опытные сотрудники милиции, этот внушающий ужас человек — заурядный трус.

Но в ноябре 1990 года этого еще никто не знал. Люди, много повидавшие в своей жизни, знающие о кровавых преступлениях столько, сколько остальным — не приведи Господь знать, эти мастера следствия и сыска не могли понять, кто перед ними.

Они тщетно пытались поймать его взгляд. Рассматривали вещи, разложенные на столе: метр крепкой тесьмы, остро заточенный, без зазубрин на лезвии складной нож с игривой розовой рукояткой, любимые газеты, зеркальце, должно быть, для бритья в походных условиях. Все это было распихано по карманам арестованного — почти тот же набор, который был при нем шесть лет назад, в восемьдесят четвертом году, когда его профессионально выследили и взяли Заносовский с Ахматхановым.

Тогда он шастал по вокзалам и электричкам в надежде найти добычу. Сейчас он всего-то и сделал, что вышел из дому за пивом. Зачем нож, зачем тесьма?

Значит, он не терял надежды на поживу. Готов был ублажать свою плоть ценой чужих мучений всякий раз, когда выходил за дверь.

Из материалов дела неясно только, куда девалась банка с пивом. На столе с предметами, изъятыми у арестованного, ее, кажется, не было. И когда ему наручники надевали — кто банку перехватывал?

Остальное сомнений не вызывает.

* * *

Взяв первые показания, сфотографировав анфас и в профиль, гражданина Чикатило отправили в следственный изолятор КГБ. Почему? Потому что нет места надежнее. А зачем надежное место? Чтобы не сбежал?

Никуда бы не делся арестованный Чикатило, и сидя в обыкновенном изоляторе временного содержания.

Смешно подумать, что такой способен на дерзкий побег: пилка в хлебе, веревочная лестница, подкуп стражи… Романтическая белиберда. Достаточно одного взгляда, чтобы понять — это не граф Монте-Кристо. Тем не менее его заточили в кагэбэшный замок Иф, который, как знает в Ростове всяк и каждый, расположен на улице Энгельса, теперь Большой Садовой.

Причину объяснил Яндиев. Она оказалась сродни той, по которой они с Костоевым решили брать Чикатило, не откладывая в долгий ящик: некоторым людям предстоящее следствие, а потом и суд могут стать поперек горла. Им желательно иметь настоящего убийцу не живым, а мертвым. Не ровен час, найдут его повесившимся в камере. Так бывает — совесть не выдержала, мальчики кровавые в глазах… Или повешенным — тогда можно объяснить местью родственников, гневом сокамерников. Как бы то ни было, его поместили в следственный изолятор госбезопасности. Теперь надо было отметить тех, кто способствовал его поимке.

Первым по справедливости вспомнили сержанта Рыбакова и выдали ему неплохую по ценам девяностого года премию — восемь тысяч рублей. У милиции, конечно, таких денег на премии нет, их предоставил фонд «Ребенок в беде», учрежденный лихой газетой «Московский комсомолец». Узнав об этом, забеспокоилось начальство бдительного сержанта: не жирно ли? Игорю посоветовали сдать половину премии в какой-то фонд, в какой — он не помнит. Но Рыбаков был тверд: нет, не жирно, особенно когда живешь на сержантское жалованье с женой и малолетним ребенком в девятиметровой комнатенке в общаге. Настоял и получил сполна причитающееся ему и только ему. Молодец, сержант!

Отметили и подполковника Заносовского. От бюджетных щедрот отвалили ему царский подарок — премию в триста сорок рублей. Как сказал по другому поводу сам Александр Александрович — ну, приплыли…

Но это между прочим. Следствие шло своим чередом, независимо от наград и выплат.

В доме Андрея Романовича, естественно, произвели обыск. Изъяли двадцать три ножа, не раз уже здесь упомянутые, и еще молоток, которым он добивал свои жертвы, и обувь, отпечатки подошв которой он однажды оставил у трупа. Весь его гардероб, описанный свидетелями, — пальто, куртку, даже съеденную молью нутриевую шапку, в которой он изображал филателиста перед Димой Пташниковым, — пронумеровали, описали и увезли куда следует.

А как выглядело пристанище убийцы, что за обстановка была

в квартире?

Яндиев:

«Какая там обстановка! Стандартная советская нищета. Старенький черно-белый телевизор, все остальное ему под стать. Жили от получки до получки. Экономил в командировках: картошку с капустой варил, копеечные билеты собирал для отчета… Такая и обстановка».

Живший от получки до получки обретался теперь в казенном доме. Следственный изолятор КГБ — место чистое и достаточно удобное, насколько может быть удобной тюрьма. Койка, а не нары, умывальник и унитаз, кормят получше, чем в обычной тюрьме, быт отлаженный. Персонал корректен и строг. «Мой курорт», — говаривал склонный к шуткам Чикатило.

Сидел Андрей Романович не в одиночке, а с сокамерником, который сказал ему, что взят по крупному хозяйственному делу, за экономическое преступление. Можно предположить, что это был не совсем обычный подследственный, а специально подобранный для такого случая. За время следствия и суда соседи у Чикатило менялись не раз, но, судя по всему, много информации они не передали: Романыч не собирался откровенничать с товарищами по камере. При первом аресте он вел себя не очень осторожно, интересовался, может ли сперма быть доказательством вины. Теперь он поумнел. Больше всего его волновало — вдруг узнают, кто он?

Он боялся, что его убьют.

Однажды на суде он сказал:

«Я пришел сюда на собственные похороны. Скорее бы все кончилось — хочу умереть».

То была либо минутная слабость, либо хорошо разыгранная сцена. Чикатило хотел жить. Когда его возили по стране, из города в город, по местам убийств, он просил конвой, чтобы в камеру его помещали под вымышленным именем и с вымышленной статьей. Скажем, за крупное хищение или растрату.

Анатолий Иванович Евсеев командовал конвоем на «выводках» — так на профессиональном языке называют поездки заключенного. Он вспоминает:

«Ехали в Запорожье. Чикатило говорит мне: „Я скажу, что у меня девяносто вторая — хищение социалистической собственности“. Я отвечаю: „Не спеши, на месте видно будет“. Врать ему не пришлось — поместили в одиночку. Спрашиваю украинского следователя: „А что по вашему Уголовному кодексу девяносто вторая статья?“ Оказалось — убийство. „Вот видишь, — говорю я потом Чикатило, — как мог влипнуть…“

В Шахтах его поместили в изолятор временного содержания под чужой фамилией. Настоящую знал только начальник изолятора. Но Чикатило не успокаивался: „Я долго жил в этом городе, меня здесь многие знают в лицо. Пройдет слух, что я здесь, и убьют“. Просил, чтобы при посторонних его называли Николаем Ивановичем. А в самолете старался чем-нибудь прикрыть наручники. Мы сначала думали, что ему стыдно. А потом поняли: это не стыд, а страх. Боится, что узнают и убьют.

И он не зря боялся. В Новочеркасске мы работали на месте убийства мальчика. Собралась толпа женщин, главным образом работниц соседнего мелькомбината. Ума не приложу, откуда они узнали. Еле удалось их сдержать. В Шахтах я всю ночь дежурил возле его камеры. А он мирно спал.

Был еще случай. Ехали мы на машине из Запорожья. Дорога долгая, холодно, ноги-руки затекли. Остановились за Таганрогом немного поразмяться. Темнело, мы вышли из машины. Я снял с него наручники и предложил побегать немного для согрева. „Нет уж, — отвечает, — лучше я на месте поприседаю, а то побежишь, а вы мне триста пуль в спину и влепите!“ Почему триста — не знаю. Но вообще бегать он не любит. Любит ходить пешком. Особенно по шпалам».

Еще один случай на «выводке». На Урале искали останки Олега Макаренкова. Чтобы срезать дорогу, решили пройти через железнодорожный тоннель. Вошли в него, углубились на несколько десятков метров и внезапно увидели приближающийся поезд. Бросились бежать, чтобы успеть выбраться из ловушки. Впереди всех, быстрее всех бежал подследственный.

Он хочет жить. Боится попасть под поезд. Боится, что его застрелят при попытке к бегству. И, что бы он там ни говорил про желание поскорее умереть, цепляется за жизнь.

Допросы начались на следующий после ареста день. Их вел Костоев. Первое время он и близко никого не подпускал к арестованному. Даже Яндиева и Казакова. Он знал, как важно наладить первый контакт, завоевать доверие, заставить говорить честно и подробно. Это делается с глазу на глаз, третий человек — помеха.

Костоев успел изучить биографию Чикатило. Он знал про него все — может быть, даже чуть больше, чем сам Андрей Романович. Его вопросы били в цель, но Чикатило ни в чем не признавался. Никаких преступлений не совершал, за историю с аккумулятором отсидел, хоть и невинно, по убийствам был проверен раньше, чист как стеклышко. Не в первый уже раз его травят и преследуют.

«Возникшие против меня подозрения считаю полностью

ошибочными», — заявляет он следствию. И в тот же день казенным слогом, отшлифованным не столько в газетных публикациях, сколько в тяжбах, пишет первую жалобу в прокуратуру:

«Считаю, что меня преследуют следственные органы из-за того, что я написал жалобы в различные инстанции на незаконные действия отдельных руководящих работников г. Шахты, которые решили построить гаражи во дворе дома, в котором проживает мой сын».

Передав заявление, Чикатило отказывается отвечать на вопросы. Костоев возвращается домой после допроса, как будто на нем возили воду.

Через два дня Чикатило подаст новое заявление — на имя Генерального прокурора России:

«В извращенных сексуальных проявлениях я чувствовал какое-то бешенство, необузданность, не мог контролировать свои действия, потому что с детских лет не мог проявить себя как мужчина и полноценный человек. Это давало мне уже не половое, а психическое, душевное успокоение на длительный срок. Особенно после просмотра видеофильмов, где показывают извращенные половые сношения и всякие жестокости, ужасы…»

Он начинает писать, словно графоман. Его распирает желание что-то поведать миру. Он копается в своих переживаниях. Но сказать что-либо серьезное не решается.

На следующий день он пишет дополнение к прежнему своему заявлению. Как-то мы приводили из него большую цитату — про бродяг, которые шастают по вокзалам, напиваются, втягивают несовершеннолетних в свои грязные дела, демонстрируют ему, целомудренному, «сцены половой жизни», унижая его достоинство.

Это еще не признание, но шаг к нему. Не исповедь, но размышление — а не исповедаться ли?

Первое признание он сделает 27 ноября: расскажет Костоеву о своих мелких шалостях с учениками ПТУ. Зачем? Пытается отвести более серьезные подозрения? Помаленьку сдается?

Двадцать восьмого ноября следует новое заявление Генеральному прокурору России:

«Мое непоследовательное поведение нельзя рассматривать как попытку уйти от ответственности за содеянное. Может создаться мнение, будто я и после ареста не осознал опасности и тяжести совершенного. Дело мое исключительное по своему характеру. Не боязнь за ответственность меня заставляет так вести себя, а мое внутреннее психическое и нервное напряжение… Я готов давать показания о совершенных

преступлениях, но прошу не терзать меня деталями, подробностями, так как моя психика этого не выдержит… У меня и в мыслях не было что-то скрывать от следствия… От всего, что я совершил, меня бросает в дрожь… Только чувствую благодарность к органам за то, что меня схватили…»

Он говорит про совершенные преступления. Стало быть — признание? Простите, в чем? Ни слова о насилиях и убийствах, так, общие соображения. Его психика, видите ли, не выдержит подробностей. Но без подробностей все обернется фарсом. Или бессмысленной трагедией, как в деле Кравченко, — там тоже было «без подробностей».

Обратим внимание, что он благодарит органы. По привычке, что ли? Когда надо спасать шкуру, все средства хороши, даже примитивные…

Пройдет немного времени, и Чикатило хладнокровно, без особых эмоций, выложит все подробности. И психика его выдержит, и ничего с ним не произойдет — будет спать охране на зависть и сохранит волчий аппетит. Но пока — «прошу не терзать меня деталями».

Первым Костоев стал раскручивать убийство Алеши Воронько в Иловайске Донецкой области, совершенное как раз в те дни, когда Чикатило ездил в Артемовск по служебным делам. Все обстоятельства совпадали настолько, что не могли быть простым совпадением. Но Чикатило упорствует — не знаю, не видел, не был.

Он отрицает и совсем очевидные вещи. Например, что 6 ноября на платформе Лесхоз сержант Рыбаков проверял у него документы. И как не отрицать — он-то знает лучше других, что совсем рядом, в лесу, лежал труп Светланы Коростик. Такие подробности наносят ужасные удары по его хрупкой, легко ранимой психике.

Костоев тратит день, чтобы разобраться, не терял ли Андрей Романович паспорт: вдруг кто-то другой предъявил его паспорт сержанту?

Не терял. Сам и предъявлял. Двигаемся дальше.

Чикатило уже опознан девушками, видевшими, как он приставал к мальчику в электричке. В нем уже признали мужчину, который вертелся возле Вадима Тищенко в день его смерти. Он соответствует словесному портрету и фотороботу, давно переданному милиции. Но, с другой стороны, его исключили из списка подозреваемых из-за несовпадении группы крови. И главное: никто не видел, как он убивал, ни одна живая душа не может засвидетельствовать, что он нанес смертельный удар ножом. Никто не видел даже, как он входил в лес с жертвой,

а выходил — один.

А как же ножи? Конечно, это серьезная улика, но эксперты не могут дать окончательного заключения: убийство совершено именно этим ножом. Они говорят лишь, что изученным ими ножом могло быть совершено то или иное убийство. Между «совершено» и «могло быть совершено» есть известная дистанция, верно?

Чикатило уже признался, что совершил некие преступления, рассуждал Костоев. Допустим, он возьмет на себя несколько убийств. Но что из того? Кравченко, хоть и путал орудие убийства, возраст жертвы и все остальное, что можно было спутать, тоже взял убийство на себя. Грош цена таким признаниям.

Костоев, как выяснилось, настоял на изоляторе КГБ и по той причине, что опасался очередного набоя. Бывают такие «оперативные действия», после которых сибирский тракторист, видевший заграницу только по телевизору, возьмет на себя ограбление банка в Лас-Вегасе.

Андрей Романович написал тем временем еще несколько жалоб, в каждой из которых повторял, что «возникшие против меня подозрения считаю ошибочными», сделал несколько смутных, неопределенных полупризнаний, после чего внезапно замолчал. Словно язык проглотил. Свой собственный.

Амурхан Яндиев:

«Каждый вечер Исса Магометович уходил с допроса как выжатый лимон. Чикатило молчал. Ему, как я понимаю, просто было страшно начать рассказывать. Он был подавлен. Есть протоколы допросов, есть магнитофонные записи, где он просит: погодите немного, дайте мне время, мне страшно говорить. А потом взмолился: дайте врача! Только врачу могу рассказать, что меня мучает».

Из обвинительного заключения:

> «30 ноября 1990 г. Чикатило предъявлено обвинение в совершении в 1982–1990 гг. 36 умышленных убийств женщин и детей обоего пола, сопряженных с изнасилованием жертв и гомосексуальными актами».

Тогда знали о тридцати шести. И только с 1982 года. Ни Лены Закотновой, ни Ларисы Ткаченко…

Ему дали врача.

Доктор Александр Олимпиевич Бухановский:

> «29 ноября я находился в клинике. Рано утром за мной приехала машина, и меня пригласили в УВД, не

объясняя, в чем дело. В УВД на втором этаже находилась оперативно-розыскная группа. Там я узнал, что еще двадцатого числа был задержан человек. Его подозревают в убийствах на сексуальной почве. Они были убеждены, что это тот самый человек.

Мне не в первый раз предстояла такая работа. Я дал согласие. Но поставил условие: я врач, а не следователь, поэтому буду вести записи только для себя. Я работаю не для протокола. У меня был чистый бланк истории болезни, и я заявил, что эти данные не могут быть использованы против больного.

Работа пошла. Нас несколько раз прерывали, так как в тюрьме КГБ очень строгий режим. И вечером нас прерывали. Мы работали в кабинете Костоева. Там же был портрет, ранее составленный мною. Он лежал на столе.

Работая с Чикатило, я сказал ему, что считаю все случившееся следствием психического расстройства. Что постараюсь объяснить в суде механизм ломки психики. Я обещал Чикатило, что объясню семье, что с ним происходит. Для него была крайне важна семья. Он горько переживал, что причинил ей горе. Я встретился с женой и родственниками Чикатило. Был свидетелем того, как он искренне плакал, получив 30 ноября первую записку от жены…»

Чтобы завершить тему семьи, добавим, что позже, когда Чикатило начал давать подробные показания, связь с семьей не прерывалась. Яндиев убедил Феодосию Семеновну носить мужу передачи. Им разрешили свидания.

Амурхан Яндиев:

«Я устраивал его свидания с женой. Она не хотела идти, но я ее упросил… Он, как вошел в комнату, сразу глаза опустил — жену увидел. Потом подошел к ней, смотрит виновато, глаза прячет. Приблизился, обнял неуклюже, в шею тычется, как котенок новорожденный. Она ему только и сказала: „Как же так, Андрей?“ А он боится глаза поднять, взгляд ее встретить, и говорит: „Фенечка, я тебя не послушался. Ты говорила — лечись, а я не послушался“. Я предложил им сесть, просил жену поговорить с ним о сыне. Чтобы не забывал: он отец, муж, и это остается — что бы ни случилось…»

Добрейший Амурхан Хадрисович прошел сквозь ад

чудовищных показаний и сохранил человеческое отношение к тому, кто, казалось бы, не заслуживает не то что сострадания — снисхождения. Именно он улаживал хлопотные дела со сменой фамилий для членов семьи Чикатило, с их переездом в другой город.

«В другую страну, — усмехается Яндиев. — Теперь это ближнее зарубежье…»

За месяцы работы с Чикатило следователь по особо важным делам Яндиев незаметно перешел с ним на «ты» и порой тоже звал его Романычем. Такое обращение с человеком из преисподней выглядит странным, но не забудем, что они общались изо дня в день, их разделял только стол с бумагами, и в этом убийце, которому, как выкрикнул в зале суда один из потерпевших, мало пятидесяти трех пуль, он видел еще и надломанную личность с перекрученной психикой.

Мы видим следствия, и лишь немногие умеют заглядывать в причины.

Амурхан Яндиев:

> «Я вызывал его любовницу, ту, что жила в Новошахтинске, помните? Она про него говорила: „Он такой образованный, обходительный, культурный, не могла ему отказать“. Я устроил им очную ставку. И понял, что он гордится этой старой связью. Стал ему подыгрывать: „Надо же, Романыч, какую женщину ты себе нашел“. Конечно, преувеличивал — женщина как женщина, ничего особенного. Но видел в его глазах гордость. Раз в кои-то веки почувствовал себя мужчиной. Он экспертам ничего не хотел говорить, но я его убедил, что они и сами до всего докопаются, вот он мне и рассказывал о своих ощущениях, когда убивал. Костоев специально мне это поручил: знал, что я в душу Романычу влезу. Следователю необходимо вжиться в роль. Без этого нельзя. Иногда работаю с подследственным и чувствую слезы на глазах — переживаю вместе с ним. И Чикатило мне до сих пор бывает жаль. Погано у него сложилась жизнь. Про репрессированного отца он не придумал, это проверено. Моего отца тоже репрессировали».

Доктор Бухановский:

> «30 ноября мы выяснили, что происходило с вырезанными органами. Мы говорили почти весь день. И тогда он — впервые в жизни — рассказал вслух о

страшных злодеяниях, которые лежат на его совести. У меня сложилось впечатление, что при этом он испытал облегчение. У него была большая потребность выговориться, исповедаться. Просто нужен был особый подход, методы ведения беседы, которыми обладает только специалист».

Подход специалиста он продемонстрирует уже в дни суда. Его цель — предостеречь от эйфории по поводу того, что преступник схвачен и сидит за решеткой. Даже в Ростове, где буквально все, от мала до велика, знают, как Чикатило заманивал детей, то же самое можно проделать средь бела дня, на глазах у людей. Бухановский подъезжает на машине к гостинице «Интурист», в пяти минутах хода от Дома правосудия. К нему подбегают мальчишки с предложением вымыть машину, протереть стекла, сделать что угодно — за деньги. Они там дежурят с утра до вечера, это клан, цех, братство, шайка. Бухановский отказывается. Тогда, дяденька, дай закурить. С собой нет, бросил, но дома осталась пачка. Поехали? Поехали! Парень садится в машину к незнакомому человеку и едет — куда? Доктор отвозит его в милицию, чтобы там ему втолковали насчет излишней доверчивости.

Мораль: на каждого ребенка найдется человек, который переиграет его психологически.

Доктор Бухановский:

«После первого дня, когда я вышел от него, сказал: „Это тот самый человек, и он, видимо, будет говорить“. На следующий день он начал давать показания.

Вторая беседа у нас была 18 января. В тот день мы выясняли легенды Чикатило, его способы завлечения жертв. Беседовал я с ним и 25 января.

По ходу следствия я давал также рекомендации следователям, как работать с Чикатило с учетом его психических особенностей. В начале судебного разбирательства он был таким же, как в начале следствия. При работе с ним я использовал такой способ, как сочинение на заданную тему. В томах дела есть письменная продукция Чикатило. Ее характерные особенности: соскальзывание мысли, витиеватость, многочисленные жалобы на сексуальные и бытовые проблемы автора.

Чикатило в тюрьме содержали хорошо. У него был конфликт с соседом по камере. По просьбе Чикатило соседа перевели в другую камеру, и Чикатило остался один: слушал радио, читал газеты.

То, что с ним происходило, — даже не сексуальная

патология, а некий ее аналог, эрзац. Это можно сравнить с тем, что человек пьет вместо алкоголя тормозную жидкость.

Он рассказывал мне о своем психическом состоянии до и после убийства. До убийства — тяжелый психоэмоциональный дискомфорт. После — состояние возбужденности. В этом состоянии у него появлялись мысли о самоубийстве. Умиротворения не было.

Он склонен к переоценке собственной личности и недооценке других. Это человек, который плохо адаптировался к жизни. Иногда в беседах он делал тонкие замечания, но порой, казалось, не понимал элементарных вещей. Он неизменно напирал на то, что в качестве жертв выбирал социально деградировавших людей. Про детей говорил: ходят, просят деньги на мороженое — это же будущие преступники.

Чикатило считал, что с жертвой его сводил рок. Он вообще мистически настроенный человек.

Он понимал, что делал. Но есть два ограничителя — интеллектуальный и волевой. Волевой у него не работал.

За работу с Чикатило я не получил ни копейки. Милиция наградила меня электронными часами. Они дороги мне как память».

Мы не пожалели места на показания Бухановского в суде — Александру Олимпиевичу есть что сказать. Однако нам так и не удалось узнать, как он разговорил Чикатило. Впрочем, помня о научных и коммерческих интересах его фирмы «Феникс», мы и не настаивали. Интеллектуальная собственность — это капитал, который не раздают направо и налево.

Как бы то ни было, на следующий день после беседы с психиатром Чикатило заговорил. Он рассказывал подробно, почти ничего не утаивая, но даже то немногое, о чем он поначалу умалчивал, следователи постепенно вытягивали из него.

С 30 ноября по 5 декабря Чикатило признался в совершении 34 из 36 предъявленных ему убийств.

Он наотрез отказался от двух убийств 1986 года — Л. П. Головахи в Мясниковском районе Ростовской области и И. Н. Погореловой в Батайске. Оба эти убийства сейчас раскрыты.

Поначалу неохотно, Чикатило все же признал сексуальный характер своих преступлений. Поделился мужской бедой, оправдывался ею. Шаг за шагом он уступал позиции под напором жестких вопросов Костоева.

КОСТОЕВ. Вы меняли места?

ЧИКАТИЛО. Я не выбирал, нет… Были случаи, по пять километров ходил в лесу, вместе шли и шли, а

потом задергался, затрясло.

К. Вы вели с собой жертвы, чтобы совершить убийства?

Ч. Ну, получалось, конечно, так, убивал. Я думал, уже так выработалось, с целью физической разрядки… С этой целью уводил, а то, что убивать, я не формулировал, нет. Как вижу одинокого человека, так уже должен увести его в лес.

К. Что было для вас критерием выбора жертв? Возраст? Внешность?

Ч. Я никакого значения не придавал…

К. Если не выбирали, то чем объяснить, что, когда вас так «затрясло», вы ни разу не напали на мужчину, на пятидесятилетнюю женщину? Более того, почти все женщины, которых вы уводили, были либо опустившиеся, бродяги, либо с психическими отклонениями. Значит, был выбор?

Ч. Значит, да, получается… Которые шли со мной…

К. Вы искали их?

Ч. Нет, я жертв не искал, без дела ходил, как затравленный волк…

Признаваясь, он еще юлит, ищет себе оправдания, избегает подробностей. Но вот всплывают вновь его «мелкие шалости» семидесятых годов, и он, как бы подкрепляя довод о своей сексуальной неполноценности — это, по его мнению, может быть смягчающим обстоятельством, — вспоминает Леночку Закотнову. Позвольте, а почему вы мне тот старый эпизод не предъявляете? Из него произросли все мои грехи.

Он считает, что эволюция мелкого пакостника в убийцу закономерна и, стало быть, служит ему оправданием. Мотивы первого убийства — в оправдание всех последующих!

Проходит день — он признается еще в двух убийствах. Оба следствию неизвестны.

На другой день — еще. И снова. И опять. Так набираются 18 признаний в убийствах. Плюс 34, которые он признал раньше. Итого 52. Несколько месяцев спустя, уже весной 1991 года, когда его вывезут в парк Авиаторов и он станет водить следователей с места на место — от Голосовской к Лучинской, от Лучинской к Рябенко, — он вспомнит еще одну жертву: двадцатилетнюю латышку Сармите Цану, которую встретил в июле восемьдесят четвертого. И с этим итогом в 53 смерти он придет на скамью подсудимых, в железную клетку, установленную в зале номер пять ростовского Дома правосудия.

Дальнейшее для Костоева, Яндиева, Казакова было делом техники. И времени: чтобы исключить неточности, недоговоренности и подтасовки, надо было пройти вслед за обвиняемым по натоптанной им кровавой тропе, проверяя все и вся.

Под тихий шелест магнитофонной пленки шли неторопливые беседы с Романычем. Следователи быстро поняли, что он словоохотлив, но о страшном спрашивать его напрямую бесполезно. Пусть себе говорит. Когда он вдруг замолкал, достаточно было напомнить ему о гонениях на службе, о злосчастных гаражах и оставшихся без ответа жалобах, — и он снова начинал рассказывать, охотно и многословно.

Тем временем работали эксперты, сличали группы крови и спермы; следователи подбирали документы в канцеляриях, гостиницах и кассах, проверяли по метеосводкам погоду в дни убийств, вызывали свидетелей на очные ставки и опознания. Так, Андрея Романовича несколько раз опознавали в ряду мужчин, близких ему по возрасту и внешности. Он, в свою очередь, опознавал убитых по фототаблицам: ему показывали несколько фотографий на одном листе, и всякий раз он без ошибок показывал свою жертву. И лишь однажды не то чтобы засомневался, но проявил неуверенность: «Как будто похожа…» Это — про Лауру Саркисян, убитую в восемьдесят третьем. Всякие мелочи, которые он вспоминал попутно, тут же проверялись; так нашли пожилую аптекаршу, которая в январе восемьдесят четвертого года продала ему мазь от постыдных насекомых.

Вот Чикатило, спокойный и немного торжественный — ведь он в центре внимания, — стоит перед столом, на котором разложены кухонные и складные ножи. Он уверенно показывает пальцем — убил вот этим. С розовой рукояткой. Чикатило доволен собой, его вдохновляет значительность момента. Возможно, он представляет себя преподавателем университета, который проводит семинар. На худой конец — мастером производственного обучения на практических занятиях. Одежда на нем, правда, неподходящая. И немного смущают висящие на вешалке для пальто наручники, которые сняли на минуту с преподавателя, чтобы он мог показать орудие убийства.

Заканчивалась зима. Он немного осунулся: тюрьма не санаторий. Но ближе к весне он получил возможность подолгу бывать на свежем воздухе: начались следственные эксперименты. «Выводки».

Фотографии любительского уровня, неважная четкость, пленка — ох не «Кодак». На снимках группы людей: то на опушке леса, то в городе, то на шоссе. Часто виден снег, снимали в

феврале и в начале марта. Фотографии сделаны так, чтобы в кадре оказался высокий человек в меховой шапке и наглухо застегнутой коричневой куртке, из-под которой выглядывает клетчатый шарф. Обычно он стоит с простертой рукой, немного напоминая известное скульптурное изображение, но указывает не дорогу в светлое будущее, а конкретное место: здесь я убил Лемешеву, там Дуненкову, а вот тут Шалопинину. Нет, нет, правее, вы не туда смотрите, я сейчас покажу.

Он показывал с фантастической точностью. Если место убийства не было известно следствию, он приводил к останкам, к клочьям одежды, ошибаясь на считаные метры. Щелкали затворы фотоаппаратов загорались глазки видеокамер, криминалисты брали пробы. Он был в центре событий и понимал значимость момента. Он входил в историю.

Может быть, и он подумывал о Книге Гиннесса?

Романыч показывал, где встретил жертву, вел следователей к месту убийства тем же путем, которым шел когда-то, останавливался на месте убийства, на манекене демонстрировал, что и как совершил. Тогда-то и выяснилось, что «продукты питания» и людей он резал левой рукой, что был осторожен и старался не запачкаться кровью, поэтому удары наносил, чуть отстранясь. Подробности вносили в протокол уже в кабинете следователя. Там он припоминал, где отмывал кровь и грязь после убийства, куда ехал, где ночевал.

Едва ли не больше других общался с Романычем в те дни уже знакомый нам Анатолий Иванович Евсеев, начальник конвоя на «выводках» (но не в самом Ростове — там Чикатило охраняли люди из КГБ). Майор Евсеев рассказывает:

«Для „выводок“ были изготовлены специальные наручники, которые мы с него снимали на месте.

Он очень любил поговорить на разные темы, а то и пошутить. Например, в Москве: „Не помещайте меня в Бутырки. Определите лучше в «Матросскую тишину», попаду в одну камеру с Лукьяновым — пусть хоть там ответит на письма, которые я писал в Верховный Совет“».

Смешно

Другая шутка Чикатило:

«Как следует называть жителей города Карло-Либкнехтовска?»

Вдвойне смешно, потому что в Донецкой области действительно есть такой город.

О том, что Чикатило любит пошутить, говорил и Яндиев. Романыч, по его словам, от души смеялся над бородатыми анекдотами, которые сам же и рассказывал.

А. И. Евсеев:

«Когда начинали говорить о его убийствах, он тут же становился замкнутым, косноязычным. Но только заканчивалась „выводка“, он как будто сразу забывал, зачем приезжали на это место. В Иловайске, где убил Алешу Воронько, по дороге увидел пруд и говорит: „Какой хороший пруд. Вот бы здесь искупаться или рыбку половить“. Аппетит у него был превосходный. Когда приехали в тот же Иловайск, съел за обедом две тарелки борща, второе, выпил половину трехлитровой банки компота.

Пока его искали, мы представляли его мрачным чудовищем. Оказался серым и ничтожным. Вызывал у нас не ужас, а брезгливость, недоумение: как он мог столько времени действовать безнаказанно?

И внешность у него заурядная, невыразительная. Но этим-то и опасная: он не вызывал чувства тревоги. О нем многие говорили, что он неуживчивый, малоприятный человек. Но он мог быть и другим, умел расположить к себе собеседника, разговорить его, показать начитанность. Во время поездок Чикатило часто вмешивался в наши разговоры, он любил порассуждать на разные темы. Правда, оригинальностью суждений не блистал. Его мысли были явно почерпнуты из газет. Он любил читать газеты, просил, чтобы на ночь у него не забирали очки. Куда бы мы ни приехали — в милицию, прокуратуру, — первым делом начинал искать газеты.

В своих показаниях он жаловался на забывчивость, утверждал, что все время ходил с записной книжкой, служебные дела записывал. Это подтверждают его сослуживцы. Но во время следствия демонстрировал чудеса памяти.

На месте убийства Елены Бакулиной у поселка Багаевский, на берегу Дона, следователь закопал в лесу „маяк“, чтобы проверить точность показаний Чикатило. Когда прибыли на место, Романыч, не задумываясь, указал — здесь! Стали копать — ничего нет. А следователь забыл, куда „маяк“ закопал. Наконец нашли: выяснилось, что Чикатило ошибся всего на шесть метров. После убийства прошло шесть лет.

Другой случай. В Ревде, на Урале, труп вообще не нашли, было известно только, что четыре года назад пропал мальчик. Чикатило сам признался в этом убийстве. Километра четыре мы шли от вокзала, через реку Чусовую, потом по заросшему лесом склону горы Волчиха. Местность такая монотонная, однообразная. И вдруг Чикатило нас останавливает: „Здесь. Ищите в радиусе ста метров“. Останки мальчика и носок, который потом опознала мать, нашли в ста тридцати шести шагах.

Другой случай, под Ташкентом. Он там в восемьдесят

четвертом году убил девочку. Идем к месту убийства полем люцерны. Чикатило бросает: „Здесь росла кукуруза“. Спрашиваем у председателя колхоза — действительно, тогда сеяли кукурузу…»

Избирательная память. Служебное, скучное, чужое забывал. Помнил то, что касалось его лично, хорошее и плохое: премии, удовольствия, тяжбы, склоки…

А. И. Евсеев:

> «Судя по его поведению, никаких угрызений совести, никакого раскаяния или жалости к жертвам он не испытывал. Не терял ни аппетита, ни сна. Когда ехали в поезде, просил не пристегивать его наручниками к столику, это мешает спать. Засыпал всегда моментально, во сне не ворочался, кошмары его не мучили».

В чужую голову во время сна не заглянешь, но и сам Чикатило говорил, что снов обычно не видит, только иногда ему снятся «продукты питания».

Амурхан Яндиев:

> «Он каждый день брился. Следил за своей внешностью. Костюмы менял. Просил, чтобы ему принесли в изолятор голубой костюм, а тот, что на нем, отослали сыну.
>
> Ехали мы из Питера в Москву после „выводки“ по эпизоду с убийством Юры Терешонка. Поездом, в одном купе. Обычно в дороге ели вместе, но на этот раз не успели ничего с собой захватить. Я вижу, что он голоден. Приехали в Москву, должны сдать его в Бутырки, а там то еще питание. Я сбегал в магазин и купил для него палку сырокопченой колбасы, твердой такой, ее и ножом еле разрежешь. Протягиваю — уминай, Романыч, а я пока запишу кое-что из твоих показаний. Он схватил колбасу и давай зубами рвать. Со шкуркой. Как хищник. Лицевые мышцы напряжены, руки дрожат, глаза горят. Я тогда о жертвах подумал. Как он их, еще живых…
>
> Он весь каменный, жилистый. Худощавый такой и полусогнутый. Как Квазимодо».

До суда Андрею Романовичу Чикатило предстояло еще пройти психиатрическую экспертизу, которая должна была установить, можно ли его судить вообще.

Клиника Института общей и судебной психиатрии имени профессора В. П. Сербского в Москве — это вам не обычный дом

скорби. Здесь обследуют преступников, чтобы сделать вывод, в своем ли они были уме, когда совершали преступления. И не заурядные сумасшедшие (и симулянты) собираются под крышей здания в тихом переулке старой Москвы, а люди с черным прошлым, среди которых хватает и убийц. Об этом доме ходила по миру дурная слава: по «социальному заказу», то бишь по команде с Лубянки и со Старой площади, здесь ставили ложные диагнозы тем, кто говорил правду, восставал против конформизма и бился головой о стену.

Стена в конце концов рухнула. Теперь другие времена и, будем надеяться, другие нравы.

Высокая, почти тюремная ограда, мрачное здание во внутреннем дворике, узкие лестницы, общие палаты для безопасных пациентов и палаты-камеры на двоих. В одной из таких палат провел осень девяносто первого года Андрей Романович Чикатило — три месяца вместо положенного на экспертизу месяца.

О главной психушке страны у него сохранились приятные воспоминания. Он полагает, что его там лечили, во всяком случае, давали лекарства. Но главное (для него главное) — он был там в центре внимания. Старался произвести приятное впечатление, был подчеркнуто вежлив и никак не походил на маньяка, которого ожидали увидеть. Он охотно рассказывал психиатрам о своем тяжелом детстве, о мужских проблемах, делился служебными и бытовыми неурядицами, в свободное от обследований время читал любимые газеты. Психиатры, кажется, обрадовались, когда узнали про его юношескую мечту стать политическим лидером. Здесь навидались наполеонов. Что ж, одним больше.

Чикатило прошел все положенные тесты, интервью, анализы.

«Мы проследили весь его путь от рождения до сегодняшнего момента и выявили ряд психических расстройств. Кроме того, результаты исследований указывают на органические поражения головного мозга. Случай рассматривался на общей конференции врачей института, и только после этого шесть психиатров подписали заключение о его вменяемости», — так сказал старший научный сотрудник института Андрей Ткаченко.

Он входит в число тех шестерых, кто взял на себя ответственность и признал Чикатило вменяемым, то есть подлежащим суду. Остальные пятеро: председатель комиссии профессор Б. В. Шостакович и члены комиссии профессор Ф. В. Кондратьева, доктор медицинских наук Ю. Л. Метелица, кандидат психологических наук М. Б. Симоненко, врач И. Н. Ушакова.

Выдержки из заключения комиссии:

«Чикатило А. Р. хроническим психическим заболеванием не страдает, обнаруживает признаки психопатии мозаичного круга с сексуальными перверсиями, развившейся на органически неполноценной почве… В подростковом возрасте на фоне явлений психического инфантилизма выявились нарушения полового развития, которые выразились в нарушении биологической базы сексуальности… с фиксацией на эротической фазе формирования сексуальности и склонностью к эротическому фантазированию садистского характера. В дальнейшем у Чикатило… произошло формирование сексуальных перверсий, которые на ранних этапах (до 1978 г.) проявлялись частичной реализацией садистских фантазий… В последующем наблюдалась прогрессирующая динамика… с полной реализацией садистического влечения, некро-садизмом и каннибализмом… Указанные особенности психики при отсутствии… болезненных нарушений мышления, памяти, интеллекта и сохранности психических способностей… не мешали Чикатило А. Р. во время совершения инкриминируемых ему деяний отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими… В периоды, относящиеся к совершению инкриминируемых ему деяний, Чикатило А. Р. не обнаруживал также и признаков какого-либо временного расстройства душевной деятельности…

Чикатило А. Р…как не страдавшего каким-либо психическим заболеванием и сохранявшего способность отдавать себе отчет в своих действиях… следует признать вменяемым».

Из этой пространной цитаты мы изъяли, заменив многоточиями, все, что читатель без специального образования может понять только с очень большим словарем в руках. Суть же видна из оставленного: это, собственно говоря, увертюра к приговору.

Мы не испытываем симпатии к Чикатило. Напротив. Содеянное им страшно и омерзительно. Но если он невменяем, если у него отсутствовали механизмы, удерживающие людей от запретного, если он перешел грань не по своей воле, — он невиновен. Он заслуживает не наказания, а лечения.

Он вменяем, сказали в Институте имени Сербского. Ответствен за свои поступки.

В вопросе вменяемости есть много неясного, и разные психиатрические школы ведут по этому поводу серьезные споры. На этом поле разгорелись баталии между обвинением и защитой во время суда. Однако ничто не может изменить простого факта: хороша или плоха научная школа, которую представляет Институт имени Сербского, но она трактует вменяемость так, а не иначе.

Из психиатрической клиники Чикатило вернули в следственный изолятор КГБ.

Следователи прокуратуры России поставили точку на 369-й странице обвинительного заключения.

Обвинительное заключение подписал И. М. Костоев и утвердил Генеральный прокурор России В. Г. Степанков.

Потом был суд.

Глава XX
В клетке. 14 апреля–15 октября 1992

«Какой мог быть процесс!» — восклицает Костоев, и в его голосе слышится искреннее сожаление человека, который рассчитывал, что хорошо начатая им работа будет так же красиво завершена, но расчеты не оправдались.

Это был несколько странный, по мнению многих, суд, хотя есть и другая точка зрения: процесс прошел нормально. Ход его широко освещался в печати. Нам остается напомнить лишь главные события.

Четырнадцатое апреля, первый день суда. Около десяти утра. Секретарь суда Елена Георгиевна Храмова, которую чаще называют просто Леной, у входа в зал номер 5 отмечает повестки, вполголоса отвечает на вопросы потерпевших и журналистов. Никто не знает, как все будет выглядеть; тревожное ожидание, как будто перед экзаменом.

Десять. Всех приглашают в зал. И тут же тишину раскалывает лязг засова, а потом топот шагов по лестнице. Впервые перед людьми появляется из преисподней Андрей Романович Чикатило.

Впервые его увидели потерпевшие — матери, отцы, братья. Одна из женщин шагнула к клетке и тут же упала. Первый обморок. Первый стакан воды.

Впервые звучит звонкий голос Лены Храмовой: «Прошу всех встать. Суд идет!»

Впервые в зал входит суд. Леонид Акубжанов, судья с четырнадцатилетним стажем, заседатели — Александр Лево, водитель автобуса, и Владимир Александров, инженер, работает слесарем. Они словно нарочно подобраны по росту, по крепости фигур, даже по масти: темный шатен Акубжанов, очень светлый блондин Александров, жгучий брюнет, с усами и бакенбардами Лево.

К процессу все это отношения не имеет. Так, первые впечатления…

Судья открывает заседание. Процесс пошел.

Первые два дня — чтение обвинительного заключения. Акустика в зале жуткая, дикция у судьи неважная. В третьем ряду слов почти не разобрать.

Пятнадцатое апреля. Подсудимый заявляет, что не знаком с делом, ему, дескать, давали по пять минут на один том, грозит объявить голодовку: «Все объявляют, и я хочу».

Кто знает его аппетит, в это не верит.

Тем временем обвинительное заключение дочитано.

«Я провожу судебное разбирательство открытым, никаких тайн не будет, — посулил журналистам до начала процесса судья Акубжанов. — Пусть этот суд нас хоть чему-нибудь научит… Чтобы такое больше не повторилось никогда и нигде. В газетах имя того, кому предъявлено обвинение, до сих пор не названо. Я считаю, все надо называть своими именами…»

И газеты назвали все своими именами: открыли имя обвиняемого, назвали его убийцей. Задолго до того, как убийцей его признал суд.

Шестнадцатое апреля. Судья предоставляет подсудимому право «излить душу в форме свободного рассказа». Воспользовавшись этой возможностью, Чикатило два часа говорит монотонным, занудным, как верно отмечали его сослуживцы, голосом. Вот несколько отрывков из его излияний:

«Падал в обморок, меня отвозили в больницу. И в психбольницах я лечился. Носил всегда на груди фанеру, чтобы защищаться от милиции…

Был на приемах у Горбачева и Рыжкова, в редакциях центральных газет…

Тихий, женский характер у меня…

Сражался на баррикадах с красным знаменем, когда мне армяне замуровали хату. Жил в палаточном городке у гостиницы „Россия“. В психбольнице лечился, думал, что меня отравят, как „языка“, и отведут в партизанский отряд. Я говорил врачам, что в полуобморочном состоянии бросался на жертв. А потом чувствовал себя победителем, как партизан. У меня головные боли на погоду, все случаи связаны с переменой погоды, у меня тогда все болело…

Куда меня партия посылала, я всегда был впереди…

В армии приставали ко мне, как к женщине. Солдаты говорили, что у меня талия женская и бедра, и груди есть, советовали операцию сделать… Когда у меня кровь брали, я падал в обморок…

И от психа, и от секса лечился. Меня плохо лечили. Мания такая у меня была — „языка“ увести в лес. Я вот роман теперь пишу, выборочно тяжелую свою жизнь описываю… После того как разоблачили коммунистов, у меня никакого дела в жизни не осталось. Меня воспитывали, как Павлика Морозова, я девушек лапал везде и при всех…»

Признаться, мы вздрогнули, когда услышали про роман, который он пишет. Не хватало еще одного конкурента! Но потом успокоились, ибо признание в литературных занятиях было сделано походя, в ряду такой откровенной чуши, что нельзя было

принять его всерьез. А он нудил и нудил — про Павлика Морозова и свои четыре университета марксизма-ленинизма, про свою женственность и затравленность, про одинокого волка и про жалобы, которые рассылал по инстанциям. И все чаще, все явственнее слышался откровенный рефрен: травмы головы, метеоневрозы, головные боли, лечение в психбольницах, сомнения в собственной половой принадлежности. «Я ошибка природы!»

Возникало ощущение, что этот человек, по всем признакам житейски неглупый, даже хитроватый, рассказав на следствии все о своих преступлениях, подготовил тактику для суда: не просто изображать из себя жертву общества, коммунистической идеи, всеобщей травли и несправедливости, а также фильмов, несущих в массы секс и насилие, — всего этого для спасения шкуры не хватит, нет, он решил в придачу прикинуться ненормальным и отрепетировал линию поведения.

Мы не специалисты, и наше мнение может оказаться ошибочным, но нас не покидало ощущение явной симуляции. Чем дольше шел процесс, тем сильнее оно становилось. Чикатило все чаще нес откровенную чушь, не давал говорить судье, жаловался на радиацию в камере, прилюдно снимал штаны, пел «Интернационал». И не надо, наверное, быть психиатром, чтобы заподозрить неладное, когда человек, вернувшись после таких эскапад в родную камеру, усаживается за партию в шахматы с сокамерником, причем играет не просто прилично, а хорошо, ведет разговоры о том о сем — о литературе, политике, газетных новостях, — потом ест с отменным аппетитом и спит непробудным сном до утра. Эти сведения неофициальные, но получены из надежных источников. Из них же реплика партнера Чикатило по шахматам и трапезам в камере: «Знал бы, кто он такой, задушил бы собственными руками!»

После того как Чикатило излил душу «в форме свободного рассказа», ему задали вопросы, он на них ответил.

— Зачем носили с собой вазелин?

— Использовал как крем для бритья.

— Почему предпочитали мальчиков?

— Было все равно, делал предложения и женщинам, с которыми работал.

— Как поступали с вырезанными органами жертв?

— Разбрасывал по дороге, затаптывал, смешивал с грязью — ничего не соображал.

— Куда девали деньги, часы, украшения?

С возмущением:

— Конечно, выбрасывал, втаптывал в землю, а вообще не

помню.

— Неужто никогда не задумывались, что жертвам больно, неужто, убивая мальчиков, ни разу не подумали о своем сыне?

— Не приходило в голову.

Двадцатое апреля. Судья приступает к допросу подсудимого, и Чикатило замолкает. Акубжанов читает его показания на следствии, он не раз еще будет вынужден прибегать к такому варианту судоговорения. Подсудимый недоволен судьей, сердится:

«Я пришел сюда на собственные похороны. Все ненавидят меня… А вы успешно сами себе вопросы задаете и сами на них отвечаете. И оставьте меня в покое…»

Скажите на милость, его ненавидят! И все же возникает странное ощущение, будто в отлаженном механизме суда что-то понемногу расстраивается. Потерпевшие не выдерживают ужасных подробностей — кто-то теряет сознание, кого-то отпаивают лекарствами врачи. Льются на изверга проклятья из зала. Но не слишком ли резок тот, кто должен оставаться беспристрастным, как сам закон?

Леонид Акубжанов строг и порою не очень тактичен. Он может прикрикнуть на зарубежного журналиста за то, что тот, пристроив магнитофон рядом с судейским столом (единственное место, где хоть что-то слышно), сам тем временем жует жвачку: «Немедленно прекратите! У себя дома будете жевать!» Услышав шум в зале, может рявкнуть: «Разговоры!» — как старшина на плацу. С подсудимым он совершенно не церемонится: «Не делайте нам одолжения, Чикатило, отвечайте, когда вас спрашивают…»

А подсудимый имеет полное право не отвечать. Даже если его обвиняют в убийстве.

«Закройте рот, Чикатило, а то в газетах пишут, что вы ненормальный! Вы — нормальный!»

Были и другие реплики, которые могли быть истолкованы неоднозначно. Это дало защите повод говорить об обвинительном характере процесса и о пристрастности суда. Как бы спохватившись, через десять дней после начала процесса Акубжанов сделал заявление для печати.

«Журналисты, в нарушение принципа презумпции невиновности, уже однозначно оценили действия подсудимого Чикатило, безапелляционно признав его виновным по всем пунктам предъявленного ему обвинения, хотя до приговора суда никто этого делать не вправе. Больше того, эту однозначность и безапелляционность средства массовой информации приписывают и мне, что не имеет под собой никаких оснований.

Понимая, что такая тональность публикаций вызвана в основном слабой правовой подготовкой журналистов, я тем не менее считаю необходимым сделать настоящее заявление, чтобы у общественности не возникло недоумения по поводу заявлений, сделанных якобы от моего имени».

Заявление правильное, но несколько запоздалое. Неточное судейское слово уже вылетело в первые дни процесса. Теперь не поймаешь…

Двадцать первое апреля. Первая настоящая сенсация процесса. Очередной бессвязный монолог Чикатило, и — неожиданное заявление: Лену Закотнову он не убивал, всех жертв ему на следствии «подсунули оптом», а он и подписал. Что-то здесь не так: первое убийство как раз из числа тех, в которых он сам добровольно признался. Судья напоминает про обстоятельства, которые никто, кроме убийцы, знать не мог: завязанные шарфом глаза…

Двадцать первое — двадцать четвертое апреля. Допрос по эпизодам.

Чикатило:

«Я везде расписался. Ничего не помню… Вот Лукьянов сидит в „Матросской тишине“, стихи пишет и знакомится с делом сколько захочет. А от меня всю правду скрывают».

Судья предлагает начальнику конвоя показать подсудимому том дела с цветными фотографиями трупа Сармите Цаны — может быть это заставит Чикатило давать показания. Прапорщик подносит к клетке том, Чикатило недовольно отворачивается…

Судья: «Не отвешивайте челюсть…»

Адвокат Марат Хабибулин просит допустить к участию в процессе в качестве специалиста психиатра Александра Бухановского: во враждебно настроенном зале только этот человек может воздействовать на Чикатило, помочь ему сотрудничать с судом. В просьбе отказано. Днем позже прокурор Н. Ф. Герасименко предложит Бухановскому покинуть зал, поскольку суду еще предстоит заслушать его в качестве свидетеля.

Чикатило вновь угрожает голодовкой.

Двадцать седьмое апреля. Леонид Акубжанов принимает решение не допрашивать Чикатило по эпизодам, если тот не хочет. Пусть обвинение, защита, потерпевшие сами задают вопросы. Как обычно, начинает прокурор.

ГЕРАСИМЕНКО. Подсудимый, я знаю, вы закончили филфак Ростовского университета, писали статьи в газеты. Какой жанр вы предпочитали?

Г. Объективно ли, по вашему мнению, велось предварительное следствие?

Ч. Да.

Г. После 1978 года вы сотрудничали с милицией?

Ч. Да.

Г. Подсудимый, а куда подевались часы «Заря» и «Ракета», бывшие у ваших жертв?

Ч. Может, я еще должен помнить, не было ли у них мандавошек?

Г. Зачем вы, филолог, подглядывали в туалет к девочкам?

Ч. Спросите у врачей. Там обо мне много написано. Там еще написано, что я сутками рук из карманов не вынимал, дрочил с утра до вечера.

Ничего не скажешь — филолог.

Прокурор предлагает проводить дальнейшие заседания за закрытыми дверями. Его аргументы: во-первых, согласно статье 18 УПК такие дела вообще нельзя слушать в открытом процессе, во-вторых, пресса не в ладах с презумпцией невиновности.

Чикатило:

«Мне публика не мешает. Пресса верно пишет, что я во всем виноват. А что, конечно, преступник. Я же не отказываюсь, что убивал. Закрытый или открытый суд — мне все равно. А гражданин прокурор меня обо всем спрашивает просто из любопытства…»

После короткого совещания суд постановляет: заседания продолжать за закрытыми дверями. Прессу удаляют из зала.

Двадцать восьмое и двадцать девятое апреля. Закрытые заседания суда. Чикатило делает очередное заявление:

«Я заявляю отвод всему составу суда. В суде нарушаются мои права… Судья уже признал меня виновным и много раз высказал эту мысль… Это нашло отражение и в прессе… Не рассмотрев дело, не запросив экспертов, судья заявил: у меня — железная психика, стальные нервы… Считаю, что вывод о моей вине судом уже сделан и моя судьба уже предрешена. Поэтому не буду давать никаких показаний…»

Обратите внимание: он уже не «косит под дурака», а говорит по-деловому четко. Защита нашла у обвинения уязвимое место и выработала линию поведения. Отбросив ненужную маску, Чикатило намерен этой линии придерживаться. Говорить в деталях о содеянном не хочется, это ему и невыгодно, — лучше уж молчать, благо есть повод.

Чем ответит на этот демарш судья? Акубжанов зачитывает свое строгое заявление для прессы. Но поздно, Чикатило замолкает и до конца процесса толком не скажет ни слова.

Марат Хабибулин поддерживает заявление своего подзащитного об отводе всего состава суда. Герасименко выступает против. Суд отклоняет заявление как необоснованное, вызванное желанием затянуть процесс. И еще: Акубжанов считает, что Чикатило защищается четко и продуманно, и поэтому нет нужды назначать новую психиатрическую экспертизу.

Закрытые заседания закончены, двери вновь распахиваются для публики и журналистов. Но публики все меньше: неинтересно.

Тридцатое апреля. Акубжанов объявляет перерыв на две недели.

Тринадцатое мая. Новое заявление Чикатило:

«Вот я это время работал над романом своим и вспомнил, что убил еще четырех женщин. Ну, одну я встретил в Шахтах, на железнодорожном вокзале, бродягу, пьяную. Договорились на половой акт по-хорошему. Пришли в балку. Она разделась, но у меня ничего не получилось. Она стала на меня кричать, унижать: „Вот, старый. И машины у тебя нет, и машинка не работает“. Я разозлился и убил ее».

Новые эпизоды, неожиданно подброшенные им суду, он помнит смутно, не может назвать ни даты, ни даже года убийства, хотя прежде демонстрировал великолепную память. Где трупы? Не найти:

«Труп, я потом узнал, нашли и вместе с мусором увезли, а это место заасфальтировали».

Что-то не верится. Скорее всего, просто борьба за жизнь, за спасение шкуры. Новые эпизоды потребуют доследования, отсрочки суда, а там видно будет. Неглупо.

«Я хочу ускорить суд и свой конец…»

Со всей очевидностью он добивается обратного.

«Роман писал, рукопись иностранцам хотел продать, возле „Интуриста“ все ходил. Всякие спидоносители везде ходят, бродяги всякие болтаются, я с ними всю жизнь боролся. Я тогда был как сумасшедший, не совсем вменяемый. Ну, было у меня сексуально-социальное расстройство. Здесь мои похороны, я много раз в жизни умирал, еще когда голодовки были на Украине и в тридцать третьем, и в сорок седьмом. Брата моего Степана Романовича с голодухи съели, а теперь памятник поставили на Украине жертвам этого голода. У меня и сотрясения мозга… Я похож на заводную мышь, ее в Японии изобрели. Я понимаю, что от меня пора избавляться. И зачем меня только послали на эту

планету, чтоб людям только горе приносить. Эту, что из Риги, не помню. А может, и убил. Да, да, все-таки убил. Надо все, что я сказал, проверить. Ну не помню, сколько я „языков“ в лес уволок. Может, и все семьдесят наберется».

Опять завел шарманку: не совсем вменяемый, сотрясения мозга. Вы обращаете внимание на дозировку сведений о своих болезнях? Но добавляется и кое-что новое: «языков» уже семьдесят, надо проверить, а это требует времени. Неглупо.

Продолжается допрос потерпевших.

Вадим Кулевацкий, брат убитой Людмилы Алексеевой:

«Мне хочется, чтобы и работники милиции понесли ответ. Мне следователь предлагал, чтобы я показал, что убил родную сестру. Я бы хотел, чтобы убийца получил по заслугам. Для него расстрел — слишком легкое наказание. После всех зверств, которые он сотворил, он не имеет права жить на свете! Очень жаль, что я сам не могу наказать его».

Адвокат Хабибулин вновь настаивает на повторной экспертизе: не болен ли психически его подзащитный, не нуждается ли в принудительном лечении?

Чикатило охотно поддерживает ходатайство своего защитника. Потерпевшие возражают.

Н. И. Биловецкая, мать покойного Вани:

«Давайте выстроим в этом зале погибших женщин и детей — они здесь не поместятся. А теперь ему жить захотелось. А о нас кто подумал? Какие у него там нарушения в психике? Почему он своих детей не убивал? Я возражаю против экспертизы».

Н. И. Можухина, мать Виктора Тищенко:

«Я Витю не раз предупреждала, чтобы с незнакомыми не общался. Я знала, что пропал Громов. Уже взрослый парень, шестнадцати лет. И Кравченко Андрей пропал. Об этом писали в нашей газете. А он мне в ответ: „Да что ты, мама, волнуешься! Я сильный!“».

Она спрашивает Чикатило, как он заманил ее сына в лес. Тот молчит. Она просит его сказать, какие были последние слова ее ребенка. Тот молчит. Это детали, а о деталях он говорить не хочет.

Четырнадцатое мая. Неожиданный поворот дела. Государственный обвинитель Н. Ф. Герасименко поддерживает ходатайство защиты о новой психиатрической экспертизе: суд обязан был пригласить экспертов, чтобы они постоянно находились в зале суда. Таков закон.

«Пусть психиатр понаблюдает, а потом сообщит нам свои выводы».

Суд удаляется на совещание. Решение: ходатайство

отклонить за необоснованностью.

Марат Хабибулин вновь подымается со своего места перед клеткой с подсудимым и дает отвод всему составу суда, который не сомневается в психическом состоянии его подзащитного, а потому не может продолжать слушание дела.

Акубжанов опрашивает участников процесса. Чикатило поддерживает своего адвоката. Слово потерпевшим.

О. А. Фомин, отец Вани Фомина:

«Зачем этот спектакль? Ясно, что хотят сорвать процесс над убийцей. Прокурор в этом участвует. Я возражаю против удовлетворения этого ходатайства. Надо продолжать суд».

Слово прокурору. Никто не ожидает, что он поддержит защиту, такое бывает очень редко, они же противоборствующие стороны в процессе.

Заявление прокурора Герасименко — как гром среди ясного неба:

«Я поддерживаю ходатайство об отводе состава суда, заявленное защитой. Как пишет пресса, председательствующий уже высказал свое мнение о виновности подсудимого».

Прокурор говорит о процессуальных нарушениях, допущенных судьей Акубжановым: например, не полностью зачитано обвинительное заключение. Что ж, это прямая обязанность прокурора — следить за точным соблюдением закона. Но он, подумать только, вступается за подсудимого: судья, по мнению Герасименко, ущемляет достоинство Чикатило, ведет себя бестактно, читает подсудимому нотации, некоторые его высказывания наводят на мысль, что суд и впрямь уже принял решение.

Все ошарашены: прокурор заодно с защитой.

Суд удаляется на совещание, а вернувшись, оглашает решение: отвод самим себе отклонить — за надуманностью. И переходит к допросу свидетелей.

Свидетелей вызвано свыше четырехсот, но придет всего несколько десятков: кто-то не дожил до суда, кто-то болен или в отъезде. Да и не любит наш народ свидетельствовать, от суда лучше держаться подальше…

Пятнадцатое мая. Самое короткое заседание. Открыв его, судья Акубжанов сразу объявил перерыв:

«Один из заседателей по семейным обстоятельствам должен немедленно выехать за пределы Ростова».

Что ж, и заседатели тоже люди, и у них семейные обстоятельства, пусть съездит. Следующее заседание 19 мая. Для суда небольшая передышка более чем кстати. Надо подумать, как быть со строптивым прокурором.

Восемнадцатое мая, вечер. По Дому правосудия поползли слухи: «процесс века» пошел вкривь и вкось, президиум облсуда в некоторой растерянности, обсуждает, что предпринять.

Девятнадцатое мая. Не просто неожиданность, а настоящая сенсация.

* * *

Потерпевший О. А. Фомин: «У меня ходатайство. Я заявляю отвод прокурору Герасименко. Прокурор с защитником разыграли спектакль, чтобы сорвать суд. Прокурор заботится о Чикатило, а кто подумал о нас, потерпевших, у которых он поубивал детей? Если прокурор останется, я больше в суд не приду».

Потерпевшая Н. И. Биловецкая: «Поддерживаю. Прокурор Герасименко участвует в срыве дела».

Подсудимый Чикатило: «Не знаю, решайте сами».

Адвокат Хабибулин: «Возражаю против отвода».

Прокурор Герасименко: «Могу понять чувства потерпевших, но я против отвода».

* * *

Суд удаляется на совещание. Вернувшись, судья Акубжанов сообщает, что ходатайство потерпевшего Фомина удовлетворено.

«Вы свободны, товарищ прокурор».

Герасименко уходит.

С точки зрения закона, ситуация выглядит несколько странной — процесс без прокурора… Тем не менее продолжается допрос свидетелей. Акубжанов готов объявить перерыв до следующего утра. Но перерыв объявляет не он, а заведующая канцелярией, и не до утра, а на целую неделю.

В Доме правосудия кто-то пролил ртуть, грешат на судмедэкспертов. В здании работать опасно, его надо очистить от разбежавшихся по полу капель и ядовитых паров. На это как раз и уйдет неделя.

Все растеряны, особенно потерпевшие и вызванные к определенному сроку свидетели. Хотели как побыстрее, для того и прокурора выгнали, чтобы он не затягивал суд своими заботами об изверге. И вот — надо же! Растерянность сменяется взрывом гнева против Чикатило. Опрокидываются тяжелые скамьи, толпа обступает клетку. Выкрики, угрожающие жесты. Если бы не охрана, подсудимому пришлось бы туго.

Прав Костоев: какой мог быть процесс… Пока же процесс остался без прокурора. На наш недоуменный вопрос: «Разве так бывает?» Юристы отвечают: «Пожалуй, нет, даже у нас не бывает…»

Еще категоричнее прокурор Ростовской области А. А. Посиделов. Без всяких «пожалуй» он направляет председателю облсуда А. Ф. Извариной представление «О нарушении законности при рассмотрении уголовного дела по обвинению А. Р. Чикатило». Перед уголовным процессом, согласно закону, должно состояться так называемое распорядительное заседание суда, на котором присутствие прокурора обязательно. Это требование Л. Б. Акубжанов не выполнил. Значит, Чикатило предан суду с нарушением статьи 221 УПК России. Это уже непорядок.

Второе. Оказывается, обвинительное заключение оглашено не полностью, в нем были опущены не только собранные следствием доказательства, но и, что самое важное, последняя, так называемая резолютивная часть. еще больший непорядок.

И третье. Как можно без сколько-нибудь серьезной причины удалять, будто провинившегося школяра, государственного обвинителя и в его отсутствие продолжать допрос свидетелей? Не то время сейчас, чтобы отмахиваться от хрестоматийных процессуальных норм, да еще в таком процессе. И что за спешка? Надо ли вести процесс при открытых дверях, собирая в зале досужих зевак? Не подумать ли о полной безопасности обвиняемого, посадив его в пуленепробиваемую клетку?

Двадцать пятое мая. С ртутью управились, но процесс застыл. Судья Акубжанов открывает заседание в 10.00 и тут же его закрывает еще на неделю. Он послал телеграмму Генеральному прокурору России, чтобы тот назначил государственного обвинителя вместо изгнанного Герасименко. Из Москвы пока не ответили.

Второе июня. Как это ни грустно, придется работать без прокурора. Из Москвы назначили было государственным обвинителем Н. Воскресова из областной прокуратуры, но он, оказывается, ничего об этом не знал и только что уехал в отпуск.

Третье июня. Прокурорское место наконец занято. Л. Б. Акубжанов представляет сразу двух государственных обвинителей — Анатолия Ивановича Задорожного и Александра Борисовича Куюмджи. До конца процесса они будут сидеть рядом напротив клетки, лицом к лицу с Чикатило.

Начальник конвоя передает судье справку о состоянии здоровья подсудимого, Акубжанов ее оглашает: практически здоров.

Чикатило:

«Отводы у меня обоим прокурорам. А судья связан с ассирийской мафией. Правду затирает. И справка фальшивая. Мне врача не давали. Это судья пишет фальшивки, что я здоров. А меня надо лечить. Судья работает на мафию».

Акубжанов предупреждает Чикатило об ответственности за оскорбление суда, предлагает ему сесть. Тот остается на ногах и что-то кричит. Акубжанов снова предупреждает: подсудимый может быть удален из зала суда. Теперь он старается быть корректным — видно, что ему, человеку резкому и горячему, это дается нелегко. Словесным сражением судьи и подсудимого будет отныне начинаться едва ли не каждое заседание суда. Чикатило станет нести свою околесицу, а Леонид Борисович, после нескольких предупреждений, отправлять его в преисподнюю.

Сегодня обошлось без этого. Короткий демарш обвиняемого, поддержанный защитником: почему обвинителей двое? Судья ненадолго удаляется с заседателями в совещательную комнату. Решение: ничего незаконного, можно продолжать. Допрос одного из потерпевших, и — новый недельный перерыв. Обвинителям надо как следует познакомиться с делом: как-никак 222 тома.

Суд шел ни шатко ни валко. Говорили горькие слова родители убитых, выступали немногочисленные свидетели. Мы приходили в зал заседаний, как на работу, в перерывах стояли на крылечке с людьми, уже ставшими нашими добрыми знакомыми, — адвокатом Маратом Хабибулиным, корреспондентом «Известий» Владимиром Бутом и другими журналистами, раскланивались с Леонидом Борисовичем Акубжановым; иногда подходили Бураков, Яндиев, Бухановский. Потом все поглядывали на часы и проходили в зал, где порой, кроме участников процесса да двух-трех человек из пишущей братии, никого и не было. Тихо и скучно. Судья просил кого-нибудь из зала выйти за дверь и глянуть, не подошли ли свидетели. Не подошли. Заседание окончено. На часах — двенадцать.

Чикатило сидел молча, зевал, играл желваками.

Отчаявшись услышать что-нибудь интересное, мы уезжали в столицу и каждый день звонили в Ростов. Осведомились о погоде — она была совсем не ростовской, зарядили дожди, — потом переходили к процессу: не случилось ли чего-нибудь новенького. Все по-прежнему.

В очередной раз прилетев в Ростов — кажется, 26 июня, — узнаем, что сенсация все же состоялась: Чикатило устроил в клетке стриптиз. Расстегнул и сбросил брюки, повернувшись лицом к публике. Ближе всех к клетке сидела молодая женщина

— психолог из «Феникса».

Одна из медицинских дам, при этом присутствовавшая, сказала нам сурово: «Он не только сам женоподобный — и пенис у него такой же». Можно только догадываться, что она имела в виду.

На следующее утро в Доме правосудия состоялось очередное представление.

Чикатило смирненько сидит в своей обычной позе — бочком, изогнувшись и ссутулившись. Он, как всегда, отчаянно зевает, и Вадим Кулевацкий, как всегда, выкрикивает: «Что ночью-то делал?» Появляется суд. Все встают, Чикатило тоже. Все садятся. Он стоит. И вдруг одним движением сдергивает рубашку с олимпийской символикой, другим — расстегивает брюки, они падают, под ними ничего нет. Он стоит совершенно голый, белый, каким бывает человек после долгой зимы или многих месяцев тюрьмы. Секундная растерянность. Первыми спохватываются конвойные — они врываются в клетку, натягивают на Чикатило брюки, выволакивают и буквально сбрасывают его вниз по лестнице, скатываясь вместе с ним. Через несколько минут его водворяют на место, уже одетого и в наручниках — чтоб не мог снова расстегнуться.

Судья Акубжанов приказывает конвою впредь в подобных случаях применять силу, вплоть до дубинок. И удаляет Чикатило из зала суда до 2 июля. Заседания пойдут своим чередом, а обвиняемый будет тем временем сидеть у себя в преисподней и ждать. Если понадобится, его в любую минуту могут поднять в клетку.

Все пошло вкривь и вкось. Он еще не раз попытается оголиться и предъявить публике свои женоподобные части тела. Что это — очередная демонстрация помешательства? Если так, то демонстрация тщательно продуманная и отрепетированная: легко ли мгновенно разоблачиться, да еще в наручниках — а он устраивал стриптиз и со скованными руками. Всякий раз перед раздеванием он зорко оглядывал зал, оценивал аудиторию и только после этого принимал решение: спустить штаны или воздержаться. Раздевался лишь тогда, когда в зале присутствовали корреспонденты, желательно зарубежные, и стояли на местах видеокамеры.

Постепенно он меняет тактику поведения, становится резок и агрессивен. Если в мае он еще давал показания, если в июне больше молчал и с деланым безразличием зевал, то в июле он пользуется любой возможностью, чтобы заговорить. С первой же минуты заседания из клетки разносится глухой голос Чикатило, он никому не даст говорить и мешает слушать. Он — главный

человек в зале суда.

О чем же говорил Чикатило? О том, что остается борцом на баррикадах, что скоро родит, что Окуджава (так он стал называть Акубжанова) подкуплен ассирийской мафией и устроил тайное судилище, о том, что первые девять глав его автобиографического романа, позволяющие считать автора великим писателем современности, уже написаны и надежно спрятаны верными людьми, а Окуджаве он не позволит примазываться к своей литературной славе. Все это уже было. Но появилось и кое-что новое. Чикатило время от времени переходит на украинский язык, в котором, как нам кажется, не очень тверд. Он требует переводчиков (с русского на украинский и с украинского то ли на абиссинский, то ли на ассирийский — это для Акубжанова). Требует нового адвоката. Обычно он не настаивал на отставке Марата Хабибулина. Но теперь в суде два прокурора, а с судьей и заседателями против него уже пятеро; у него же только один защитник. Пусть введут в процесс второго адвоката, его выделил специально для Чикатило украинский Рух. Живет адвокат в Киеве, зовут его Шевченко Степан Романович.

Всякому, кто хоть немного знаком с украинской культурой, фамилия Шевченко приходит в голову первой. А Степаном Романовичем звали якобы съеденного брата.

В истории с адвокатом Степаном Романовичем судья и прокуроры проявили чудеса терпения. Они раз за разом выслушивали требования ввести в процесс защитника Шевченко, просили дать на этот счет соответствующую бумагу или на худой конец хоть адрес Степана Романовича, чтобы можно было с ним списаться. А Чикатило продолжал хамить и откровенно работать под дурака.

Впрочем, когда он чувствовал, что может упустить нечто для себя важное, то преображался — становился внимательным и спокойным.

В один из июньских дней допрашивали свидетелей-детей, как положено по закону, в присутствии родителей и педагога. Чикатило почувствовал себя в родной педагогической стихии. Он знал, как можно детей завлечь и как — запугать. Он смотрел на них угрюмым взглядом и что-то неразборчиво бормотал. Младший брат убитого им Вити Петрова, одиннадцатилетний Саша, который видел Чикатило на ночном вокзале, вдруг захрипел и стал синеть, будто его душили. Он так и не смог дать показания.

Допрашивали старушку, со двора которой он унес санки, чтобы вывезти расчлененный труп Татьяны Рыжовой. Старушка сказала, что у нее пропали не только санки, но еще и доски. Что

тут началось! Нет, досок твоих не брал! А если досок не брал, значит, и все остальные показания престарелой свидетельницы следует поставить под сомнение. Он не хотел упустить ни единого шанса.

Он крыл Акубжанова нецензурными словами, хотя утверждал прежде, что всегда краснеет, услышав подобное. Он не давал судье говорить и после очередного, пятого или десятого предупреждения удалялся из зала. Когда конвой выволакивал его из клетки, он хрипло пел на родном украинском языке: «Распрягайте, хлопцы, коней…»

Время от времени вместо украинской народной песни он затягивал куплет из пролетарского гимна: «Вставай, проклятьем заклейменный…»

В те дни мы взяли интервью у Леонида Борисовича Акубжанова и Анатолия Ивановича Задорожного.

Акубжанов курил сигарету за сигаретой, выглядел усталым и, пожалуй, нервным — право, было от чего. Он объяснил, почему процесс сделали открытым: «В свое время столько скрывали, может, от того и трупов так много». Закончить суд он рассчитывал к осени, дело кошмарно тяжелое — он указал рукой на сейф с человеческий рост, где, должно быть, хранилось дело. А о слухах, что он-де заткнул рот подсудимому, ответил:

«Чепуха. Дело велось на срыв. Когда надо спасать свою шкуру, он говорит прекрасно. Но на конкретные вопросы с самого начала не отвечал. Из него не выжать, как он резал, что откусывал. Вот закончится суд, соберу журналистов, еще одно заявление сделаю. Пока же — больше ни слова».

Анатолий Иванович Задорожный принял нас в своем кабинете под портретом Дзержинского, который то ли по забывчивости, то ли еще по какой-то причине продолжает украшать многие кабинеты. На Лубянской площади статую своротили, а с портретами никак не сладят.

На вопросы прокурор отвечал спокойно и уверенно.

По поводу истории с Герасименко:

«У нас сложные процессуальные законы. Тонкости вас вряд ли интересуют, это внутреннее дело прокуратуры. Процесс трудный, но ситуация выглядит конфликтной только внешне. Нормальная рабочая обстановка. Театральности, которую многие ждали, нет, но она и не нужна».

По поводу работы судьи:

«Не вижу у него особых промахов. Конечно, если понадергать, можно кого угодно представить в дурном свете. Ажиотаж первых дней заметно спал. Многих свидетелей нет. Не так агрессивны потерпевшие. В общем, все вошло в деловое русло. Надеюсь,

скоро подойдем к прениям сторон».

По поводу стриптизов подсудимого:

«Манера защиты. Другого способа у него нет».

Что было интересного в июле? Пожалуй, три события.

Первое. Второго июля Чикатило, прежде дававший отвод судье и заседателям, вдруг ополчился на секретаря — Елену Храмову, потребовал заменить ее секретарем мужского пола. В ее присутствии им, видите ли, овладевает страсть. После обсуждения деликатного вопроса в ходатайстве было отказано, ибо, приняв его, суд тем самым подтвердил бы сексуальные патологии Чикатило. В тот же день Андрей Романович вновь поведал о своей беременности и о том, что его, «беременную хохлушку», конвойные бьют палкой по животу. Было решено освидетельствовать подсудимого — разумеется, не на предмет беременности, а по поводу телесных повреждений, которые ему якобы нанесли.

Второе. Третьего июля давал свидетельские показания Александр Олимпиевич Бухановский. Его наконец вызвали в суд, он говорил три часа, долго отвечал на вопросы судьи, прокуроров, адвоката. О его показаниях мы уже писали.

И третье событие. Акубжанов все-таки удовлетворил многократные требования защиты о повторной психиатрической экспертизе. Она состоялась.

Из Москвы, из Института имени Сербского, приехали кандидат медицинских наук Андрей Анатольевич Ткаченко и врач-эксперт Инна Михайловна Ушакова, чьи имена среди прочих стояли и под первым заключением института, составленным год назад. Именно они непосредственно обследовали Андрея Романовича в 1991 году, когда он пребывал в институте, были рядом с ним ежедневно.

Московский НИИ психиатрии прислал эксперта-сексопатолога Ирину Леонидовну Ботневу, она тоже работала с Чикатило во время следствия. Еще в экспертизе участвовал ростовский специалист, главный врач областного психоневрологического диспансера Иван Васильевич Бакуменко.

Эксперты работали целый день, они изучили материалы дела и показания Чикатило на суде, ознакомились с характеристикой, которую дали ему работники изолятора, побеседовали с ним самим и на следующий день доложили свои выводы суду.

Чикатило опять отсутствовал: поскандалил в начале заседания и был удален из зала. Адвокат Хабибулин заявил отвод экспертам, а потом и суду, но оба ходатайства защитника были, естественно, отклонены судебной коллегией.

А эксперты вновь признали Андрея Романовича вменяемым.

Жалуясь на дурной сон и головные боли, он явно симулирует, потому что в камере съедает все с отменным аппетитом, да еще просит у сокамерника чего-нибудь пожевать, предпочитая любой снеди сало с чесноком. Спит хорошо, но может проснуться среди ночи, чтобы перекусить, после чего опять мгновенно засыпает. Со всеми, кто в разное время делил с ним двухместную камеру, общителен, в суждениях здрав, с сотрудниками изолятора вежлив. Последователен в письменных заявлениях, серьезно откликается на все вопросы, имеющие касательство к его делу, здоровью, быту. А странное поведение на суде — не более чем способ психологической защиты. Мышление обстоятельное, галлюцинаций и бреда нет. Заветное желание — вновь попасть в Институт Сербского, где ему было так хорошо. Но это излишне.

Что же касается отклонений в сексуальной сфере, то эксперт Ботнева считает их весьма распространенными: многие мужчины страдают подобными расстройствами, но не совершают преступлений, а остаются законопослушными гражданами.

На том экспертиза и закончилась.

Чувство какой-то недоговоренности, неполноты осталось. Может быть, прав адвокат Марат Хабибулин — надо бы суду пригласить экспертов не из Института Сербского, а из какого-нибудь другого научного учреждения? Не потому, что кто-то не доверяет врачам Ткаченко и Ушаковой, но ради объективности. Иначе получается, как невесело пошутил наш коллега, что Дзержинскому пожаловались на Феликса Эдмундовича…

Была середина июля, суд неумолимо катился к завершению. Интерес к нему стал понемногу угасать. Газеты удовлетворили любопытство страждущих сенсаций подписчиков и теперь ограничивались короткими сообщениями.

На заседаниях суда царила скука. Подсудимого ежедневно удаляли из зала, судья Акубжанов монотонно читал следственные материалы. И лишь изредка рассеянный слух выхватывал из плохо различимой речи страшную деталь, жуткую подробность, колющую сердце картинку…

По темной улице на окраине провинциального городка идут немолодой мужчина и маленькая девочка со школьным ранцем. Мужчина что-то строго говорит ей, девочка плачет. Из окна на них смотрит женщина и равнодушно думает: чего это старый на малую взъелся? А они уходят, их фигуры размываются в полумраке, исчезают из виду…

* * *

Рано или поздно все кончается. Вот и процесс века подошел к концу.

Десятое августа. Кульминация суда: прения сторон.

Заседание открылось пением «Интернационала». «Вставай, проклятьем заклейменный…» — начал глухой голос из клетки и сразу умолк. Андрей Романович выбирал самые подходящие слова из пролетарского гимна. И нашел, и пропел суду: «Это есть наш последний и решительный бой…»

Бой, который он дал суду, ничем не отличался от прежних. Его в очередной раз выдворили из зала. Он выкрикнул «Хай живе вильна Украйна», будто на свободу Украины кто-то намеревался покуситься прямо в зале суда, запел «Распрягайте, хлопцы, коней…» и, исчерпав свой песенный репертуар, скрылся из вида.

Судья Акубжанов предоставил слово обвинению.

Прокуроры Задорожный и Куюмджи поделили между собой эпизоды дела. Не сомневаясь в виновности подсудимого и не оставляя сомнений у слушателей, они излагали обстоятельства каждого преступления, ссылались на показания свидетелей и заключения экспертов, на признания самого Чикатило. Каждый эпизод неумолимо завершался выводом: считаю, что вина подсудимого является доказанной и его действия правильно квалифицированы по статье 102 Уголовного кодекса Российской Федерации как умышленное убийство, совершенное с особой жестокостью лицом, ранее совершившим умышленное убийство.

Оба прокурора не мелочились. Задорожный отметил, что развратные действия подсудимого, совершенные в 1973 году, подпадают под амнистию 1975 года, поэтому рассматриваться не будут. Куюмджи просил не привлекать подсудимого к ответственности за кражу имущества своих жертв. В конце обвинительной речи он сказал:

«Если брать каждое из приведенных здесь доказательств вины Чикатило по конкретным эпизодам в отдельности, то оно составит как бы маленькую черточку в написании целого слова. Скрупулезно складывая эти черточки, вы сможете получить только одно слово, характеризующее подсудимого. Это слово — убийца».

Оба прокурора настаивали на смертной казни.

На следующий день держал речь адвокат.

Тридцатишестилетний Марат Заидович Хабибулин просидел весь процесс на одном из самых видных мест в зале — перед клеткой с подсудимым. Он попал во многие кадры, снятые фотокорреспондентами десятков газет и телеграфных агентств. И оставался при этом почти незаметным — или незамеченным. У него доброе округлое лицо, мягкие манеры. Казалось, что этот

человек попал сюда случайно, что ему не место в казенном мире судопроизводства, и уж тем более когда рассматриваются такие кровавые дела.

Он и впрямь попал в процесс не по своей воле: защищать Чикатило его назначила областная коллегия адвокатов. В таких случаях не отказываются, как не отказывается врач ехать на вызов к тяжелобольному. «Если бы мог, наверно, отказался», — признался Марат Заидович при первом нашем разговоре. Не было нужды расспрашивать, почему не в радость ему казенное назначение: ни малейших шансов на благоприятный исход дела. И подзащитный — не подарок, и общественное мнение о нем определенное. Блестящей адвокатской победы ждать не приходится. И на гонорар нет надежды, а то, что платят у нас назначенным защитникам, иначе как вдовьими слезами не назовешь. Какая там слава! Закончится процесс — и снова рядовая работа в городской консультации. Нет, если бы не долг, отказался бы…

Он сидел на своем месте спокойно, не проявляя эмоций, с каким-то отсутствующим выражением лица; казалось, будто он думает о чем-то своем. Сделав очередное заявление суду и получив очередной отказ, он не пытался настаивать или протестовать. В самые драматические моменты суда он оставался сдержанным. Но это только казалось. Перед всеми, кто следил за «процессом века», он предстал адвокатом, который безукоризненно выполнил свой нелегкий долг. Он делал для своего подзащитного все, что мог сделать, что диктовал ход процесса. После каждого заседания, разве что за редким исключением, направлялся в тюрьму к своему клиенту, чтобы поговорить с ним, внушить, что не все потеряно и что «странное поведение» ему только во вред. Не вина Марата Хабибулина, что подзащитный не следовал его советам.

Слишком часто общественное мнение распространяет на защитника свою неприязнь к подсудимому. Нам кажется, в ростовском процессе этого не было. Даже истерзанные горем потерпевшие, люди простые, не обремененные юридическими знаниями, понимали, что адвокат Хабибулин работает не за деньги, защищает не за страх, а за совесть. Они не считали его своим противником.

Его речь отметили все газеты, писавшие о суде. Традиция адвокатского убедительного красноречия, к счастью, еще жива.

Процитируем несколько строк из его речи:

«Задолго до суда в умах простых граждан и лиц, интересующихся делом по роду занятий, засела мысль: пойман преступник, — а значит, вопрос о вине Чикатило для них

предрешен… И эта мысль, несущаяся телегой впереди лошади, выражена до того, как могла сказать свое слово юстиция, до того, как произнесла свое невнятное заключение наука. Эта точка зрения тяжелым, огромным прессом придавила суд, хотел он того или нет, сознает это или нет…»

Если коротко, то аргументы адвоката Хабибулина сводились к следующему:

— Ни один из эпизодов следствием и судом полностью не доказан, нет ни одного свидетеля, видевшего, как его подзащитный совершает инкриминируемые ему преступления, обвинение по-прежнему основано лишь на признаниях обвиняемого…

— Нет ни одного вещественного доказательства, неопровержимо связывающего Чикатило с преступлениями, а те, что есть, не так вески, как кажется: 23 ножа могут быть, а могут и не быть орудиями убийства, и в какой семье нет кухонных ножей…

— Психиатрическая экспертиза не может считаться объективной и независимой, ибо научное учреждение, где служат эксперты, не раз демонстрировало всему миру свою зависимость от власти…

И потому он просит суд полностью оправдать его подзащитного.

Всего этого Чикатило не слышал. В самом начале заседания он продемонстрировал трюк в духе легендарного Гарри Гудини: в наручниках умудрился скинуть штаны. Сверкая голым задом, путаясь в спущенных штанах, он по распоряжению судьи покинул зал привычным образом — из клетки по лестнице в преисподнюю.

Его вернули после речи адвоката для положенного подсудимому последнего слова. От последнего слова Чикатило отказался, но, вопреки обыкновению, скандалить не стал, а тихо сидел в клетке, уставившись куда-то вдаль.

Судья объявил двухмесячный перерыв на написание приговора. Все встали, чтобы проводить удаляющийся суд.

Вместе со всеми встал и знакомый нам Вадим Кулевацкий, худощавый, светловолосый, с коротко подстриженными усами. Он направился к клетке. Через несколько секунд будет совершено покушение, которого опасались с самого начала.

До клетки уже не более двух метров. Кулевацкий взмахивает рукой, и в Чикатило летит небольшой темный предмет. Глухой удар, голова человека в клетке запрокидывается назад, но выражение лица не меняется, остается таким же отсутствующим.

Чикатило с небольшой царапиной на щеке уводят, Кулевацкого задерживают, но тут же отпускают.

Темный предмет лежит на столе возле клетки: кусок железного прута длиной сантиметров десять. Попади в висок — конец Андрею Романовичу. Нелепое, театральное, наивное покушение. В самый раз для такого процесса.

* * *

В те два месяца, которые отделяли речь защитника от вынесения приговора, нам десятки раз задавали один и тот же вопрос: ну что, его еще не расстреляли? И удивлялись: разве он еще жив?

И хотя мы знали о его зверствах гораздо больше, чем спрашивающие, от таких вопросов коробило.

С презумпцией невиновности общественное мнение у нас не особенно считается. В июне 1992 года бульварная газета (так и написано на первой ее полосе) «Клюква» сообщила:

«Знаменитое „Ростовское дело“ закончилось смертным приговором…»

Эта газета шутейная, хотя, наверное, смертный приговор не дает повода для шуток, и номер, который попал к нам в руки, датирован 1999-м годом. Однако и умная, демократичная «Комсомолка» немногим позже писала:

«Чикатило, конечно же, будет расстрелян. Он и сам это прекрасно знает».

Примерно в это же время, кажется, с легкой руки «Московских новостей», пошла гулять идея: не расстреливать Чикатило, а продать его японцам, которые, говорят, готовы его купить для изучения мозга, чуть ли не для поисков некоей преступной субстанции. Эта идея получила политическое продолжение — отдать его восточному соседу вместо спорных Курильских островов…

Мы не уставали повторять, что расстреляют, если расстреляют, не раньше, чем к расстрелу приговорят. И не юридическое невежество сограждан раздражало нас, а какое-то легкое, безразличное отношение к той пропасти, которая отделяет жизнь от смерти, — пусть даже это жизнь и смерть преступника.

Окунувшись с головой в ростовское дело, мы стали всерьез задумываться: возможна ли смертная казнь в цивилизованном обществе? Не дикость ли это?

В Доме правосудия такие вопросы казались неуместными. Мнения пострадавших о судьбе Чикатило разнились лишь способом лишения его жизни. Пожалуй, только отец Вани

Фомина был согласен, чтобы убийца отделался долгим сроком, но лишь потому, что он, отец, достанет мерзавца в любом лагере и сам свершит правосудие.

Но за пределами здания суда эти вопросы возникали вновь и вновь.

Смертная казнь не уменьшает преступности, не страшит злодеев, не останавливает их перед тем шагом, за которым ждет пуля, виселица, газовая камера, плаха, гильотина, электрический стул. Противники любых способов смертной казни приводят наглядный аргумент: на средневековой площади казнят карманного вора, а в толпе зевак, наблюдающих за казнью, орудуют вовсю другие воры, необычайно довольные тем, что собралась толпа — не важно, по какому поводу.

Это — прагматический подход: смертная казнь бесполезна; но есть и доводы морального свойства. Давать жизнь и лишать жизни — не человеческая, а Божественная прерогатива. Бог дарует жизнь, и только Он вправе ее отнять. Другой довод: казня преступника, общество становится с ним на одну доску. Еще: лишая жизни кого угодно, общество демонстрирует собственную слабость и собственные ошибки.

Мы выслушивали все эти суждения, соглашались с ними, кивали и поддакивали. А потом вспоминали Лену Закотнову, Диму Пташникова, Олю Стальмаченок… Совершивший все это — не человек, он не Богом послан на Землю, а дьяволом!

* * *

А потом маятник совершал очередное колебание: любое умышленное убийство — это отклонение от нормы, аномалия, может быть, болезнь. Таких людей надо не расстреливать, а запирать в специальных медицинских учреждениях, лечить, изучать, выделять какие-то вещества, которые повинны в аномалии.

Мы почти утвердились в этой точке зрения, как генерал Колесников изложил нам свою. Как-то у него зашел разговор с другом, ярым противником смертной казни. И Владимир Ильич спросил у него: «А ты был в Освенциме?» На это контраргументов не нашлось.

И еще начальник российского уголовного розыска рассказал нам такую историю. Из детского сада пропал пятилетний мальчик. Дней через десять нашли его труп — весь в красных отметинах. Убийцу вскоре поймали, им оказался живший неподалеку мужичонка. Заманил мальчика, увел к себе и там

несколько дней насиловал, измывался. Ребенок не выдержал и умер.

— А что за красные отметины? — спросил убийцу Колесников.

— Я его огнем прижигал.

— Зачем?

— Интересно было, как станет реагировать.

— И как же?

— Кричал…

Владимир Ильич сидел за столом, вцепившись в столешницу побелевшими пальцами. У него такие руки, что смог бы задушить запросто. «Бог дал сил сдержаться», — так закончил рассказ генерал Колесников.

У каждого хватило бы сил сдержаться?

А насчет смертной казни — спросите у кого-нибудь еще.

* * *

Запершись в совещательной комнате для соблюдения судебной тайны — по крайней мере считалось, что они заперлись, так полагается, — судья и заседатели два месяца писали приговор. Наступило 14 октября, и в зале номер пять вновь собралась публика. На сей раз зал был переполнен.

Помимо причастных к процессу, пришла тьма народу, и негде было яблоку упасть. С наших мест ничего толком не было видно, но кое-что слышно: понаставили микрофонов и динамиков.

Подсудимого, изрядно уже обросшего и постаревшего, втолкнули в клетку. И снова, как в первые дни процесса, защелкали фотоаппараты, зажужжали кино- и видеокамеры, включились софиты. И опять кричали матери убитых:

— Улыбается, тварь такая! Пустите нас к нему, сами исполним свой приговор… Где ты была раньше, милиция?

Чикатило сидел бочком и улыбался.

Вошел суд. Все встали и остались стоять до окончания оглашения приговора. Акубжанов разрешил сидеть только потерпевшим. Им не выстоять было два дня — врачи отпаивали то одну, то другую женщину, под руки выводили из зала тех, кого не удалось привести в чувство лекарствами.

Громким голосом, заметно волнуясь, судья начал читать приговор. И тут же другой голос, глухой и монотонный, раздался из клетки. Несколько минут длился дуэт, потом Акубжанов распорядился отправить подсудимого в камеру. Время от времени его приводили в зал суда — он должен был слушать приговор, —

и тогда звучали знакомые слова о Рухе и свободной Украине, о беременности и баррикадах, об ассирийской мафии и партизанах.

Судья читал приговор. Этому строгому официальному документу, как мы полагали, приличествует строгая форма, но зачитанный Акубжановым приговор оказался неожиданно эмоциональным. В нем были гневные слова о цинизме и расчетливости, о низости и трусости, о серости и заурядности.

Потом судья исследовал подробно все преступления Чикатило, раскрытые следствием. Только одно из них — убийство Лауры Саркисян — суд снял из-за недоказанности: обвиняемый не смог уверенно опознать свою жертву по фотоснимкам, косвенные улики оказались недостаточно вескими.

Во время очередного посещения зала Чикатило прокричал, что хочет сделать заявление: у него, дескать, есть ходатайство суду. Акубжанов резко его оборвал:

— Поздно. Никаких ходатайств сегодня не будет. Сегодня — приговор.

Чикатило в ответ выкрикнул:

— Мошенник! Я ничего не признавал!

Его в который раз отправили в преисподнюю, Акубжанов продолжил чтение.

Второй день, 15 октября, стал последним днем «процесса века».

Чем дальше читал приговор Акубжанов, тем больше было напряжения в зале. Чаще обмороки на скамьях потерпевших. То там, то здесь нетерпеливая публика вставала на скамейки, чтобы лучше видеть. Акубжанов строго, порою резко наводил порядок в зале. Подсудимого поднимали в клетку и отправляли назад.

Из выкриков Чикатило:

— Я — честная хохлушка! Ни первого, ни последнего слова мне не давали… И линолеум не воровал… Подписал под пытками и наркотиками…

Судья подошел к завершающей части приговора. Чикатило в клетке: он обязан выслушать последние слова. Он говорит одновременно с судьей. Сквозь его бормотание удастся расслышать:

— Что вину Чикатило в убийстве 52 детей и женщин суд считает доказанной;

— Что суд признает его вменяемым;

— Что, учитывая чудовищные злодеяния подсудимого, судебная коллегия приговаривает его к исключительной мере наказания.

В зале одобрительные выкрики, аплодисменты. Сквозь шум пробивается хриплый голос:

— Мошенничество! Не буду брехню твою слушать!

Чикатило в последний раз удаляют из зала.

Теперь Акубжанов зачитывает статьи из Уголовных кодексов России, Украины и Узбекистана — тех республик, где подсудимый совершал преступления, — и наказания, которые предусмотрены этими кодексами за изнасилование и умышленное убийство: смертная казнь, 15 лет заключения, смертная казнь…

Позже, на пресс-конференции, кто-то из иностранных журналистов спросит судью:

— К скольким же смертным казням вы его приговорили?

И получит ответ:

— К одной.

Акубжанов распоряжается в последний раз поднять Чикатило в клетку и при нем произносит заключительную формулу приговора:

— приговорить к смертной казни;

— вещественные доказательства уничтожить;

— судебные расходы отнести на счет государства.

АКУБЖАНОВ. Чикатило, суд приговорил вас к смертной казни. Вам ясен приговор?

ЧИКАТИЛО. Мошенник!

А. Вам приговор ясен?

Ч. Свободу России и Украине! Мошенник!

Его уводят из зала. Точка.

Еще было зачитано частное определение суда, где досталось милиции и прокуратуре. Потом состоялась пресс-конференция Акубжанова, во время которой он сказал две примечательные фразы.

Первая:

«Я умышленно не произнес слова „расстрел“, хотя у нас нет другого способа исполнения, — ему мало расстрела».

Вторая:

«Чикатило обязательно обжалует приговор. Не было ни одного приговора, вынесенного под моим председательством, который не был бы обжалован».

Бесконечно длинный день закончился вечерней пресс-конференцией у генерала Фетисова. Областное Управление внутренних дел в Ростове расположено по соседству с бывшим КГБ, ныне Управлением безопасности, где находится следственный изолятор, о котором Чикатило говорил: «Это мой курорт».

В тот вечер «на курорте» его уже не было — прямо из зала

суда Чикатило повезли в Новочеркасск, в другой изолятор, где содержат приговоренных к смерти.

* * *

Юристы, с которыми мы консультировались, считают, что для обжалования приговора Ростовского областного суда в суде высшей инстанции были все основания. Пусть люди в Верховном суде России решают, по закону ли вынесен приговор. И есть кое-что повыше закона: как говорил Амурхан Яндиев, страшнее всего уйти Туда, неся на себе грех осуждения невинного.

Говорят, что Верховный суд, скорее всего, согласился бы с Акубжановым и его решение не отменил бы.

Тогда осужденный и его адвокат используют последний шанс — обращаются к Президенту России с просьбой о помиловании.

При президенте была особая комиссия по помилованию. Входят в нее не юристы, не администраторы, а просто порядочные люди. Дел у комиссии — сверх головы.

Затем комиссия сможет представить свои соображения Борису Николаевичу Ельцину в конце девяносто третьего года.

Президент человек суровый и не склонный к сантиментам.

Послесловие
Чистосердечное признание и глубокая благодарность

В апреле 1992 года мы впервые услышали о ростовском деле. В июле задумались — не написать ли об этом книгу. Мы сели за нее в конце июля, вчерне закончили к сентябрю, а в середине октября, едва был зачитан приговор, поставили точку.

До сих пор не верим, что уложились в такой срок.

Конечно, нас подгоняли обстоятельства. Мы хотели прийти к финишу первыми. И в то же время боялись, как бы наша лодка не перевернулась, — разгоряченные гонкой, мы набрали немыслимое количество фактов, высказываний, интервью, документов. Мы лавировали между ними, иногда бросали весла, чтобы немного поразмышлять о произошедшем и передохнуть от хлынувшего на нас потока ужасных и грязных подробностей, и снова двигались вперед.

Нас торопили, мы торопились.

Впрочем, если о таком писать неторопливо, можно и не выдержать.

Еще в школе нас учили, что, выигрывая в скорости, обязательно проиграешь в чем-то другом. В чем мы проиграли? На собственную работу трудно глядеть непредвзято: со стороны всегда виднее. Если в этой книге что-то упущено, потеряно, напутано, если вы не нашли в ней всего, что рассчитывали найти, вина наша и только наша. В чем авторы, понаторевшие в терминах уголовного права, признаются добровольно и чистосердечно, надеясь на ваше снисхождение.

И еще одно чистосердечное признание: одни мы никогда не справились бы с этой работой. Нам помогали и друзья, в которых мы всегда были уверены, и не знакомые прежде люди.

Наша искренняя признательность — тем людям, которые, не жалея своего времени, откровенно и щедро делились с нами воспоминаниями, наблюдениями, мыслями. Ни у кого из них мы не просили исключительных прав на предоставленные нам сведения, полагая, что гонка должна давать всем участникам равные возможности. С нас довольно и того, что с нами разговаривали дружески, откровенно и с пониманием.

Спасибо Виктору Буракову, Александру Бухановскому, Дмитрию Вельтищеву, Александру Заносовскому, Владимиру Казакову, Владимиру Колесникову, Иссе Костоеву, Игорю

Рыбакову, Ирине Стадниченко, Марату Хабибулину, Елене Храмовой, Амурхану Яндиеву — и всем тем, кто упомянут и не упомянут в этой книге. Пожалуйста, обратите внимание, что фамилии расположены по алфавиту, независимо от чинов и званий: каждое суждение имело для нас свою, особую ценность.

Спасибо коллегам из газет и журналов, которые делились с нами впечатлениями, фактами и наблюдениями.

Спасибо Линн Фрэнклин, которая со свойственной ей энергией дала такой импульс нашей работе, что в один прекрасный момент мы вдруг обнаружили, что нам уже некуда отступать.

Спасибо Марку Когану, который вот уже столько лет борется с нашим правовым невежеством и, будем надеяться, кое в чем преуспел.

Мы благодарны Андрею Гаврилову и Давиду Фельдману за их неоценимую помощь в сборе материала — в Москве и Ростове. Особую признательность мы испытываем к Юлии Зварич, которая читала по ночам еще не правленную рукопись и с утра пораньше указывала нам на неточности, и к Владимиру Любарову, отдавшему столько энергии оформлению этой книги. Мы говорим спасибо Анне Гусевой, Наталье и Ольге Гуве, Павлу Евсюкову, Геннадию Закирову, Татьяне Калининой, Вадиму Каплуну, Альфие Кашафутдиновой, Вере Малышевой, Эдуарду Михлину, Владимиру Прищепе, Наталье Пущиной, Андрею Спирягину и всем нашим коллегам.

Июль — октябрь 1992 года

Послесловие
Публике спина маньяка интереснее лица оперативника

Я преподаю криминологию в юридическом вузе, и, когда мы со студентами приступаем к изучению серийных преступлений, выясняется, что про Чикатило знают все, и многие даже узнают его на фотографии. И я всегда задаю студентам вопрос: а можете назвать имена оперативников, раскрывших эти преступления, и имена следователей, которые направили дело Чикатило в суд? Молчание мне в ответ.

В 1993 году я, работая «важняком»[2] в следственной части прокуратуры города, вела расследование дела о жестоком нападении на мальчика: насильник после удовлетворения половой страсти вырвал ребенку кишечник; сотрудник милиции, наткнувшийся на кишки при осмотре парадной, где произошло нападение, потом долго приходил в себя. Мальчик после нападения (уникальный случай) смог дойти до дома со словами, что у него «пуля в животе». Он бы не выжил, но его родители сумели срочно организовать транспортировку в Америку; с диагнозом «травма, несовместимая с жизнью», под капельницей, его погрузили в самолет и доставили в детский госпиталь в Питтсбурге. После операции он прожил пять лет. Хотя какая это была жизнь… Вскоре после этого меня попросили выступить перед сотрудниками ФБР, приезжавшими к нам с учебной программой для следователей и экспертов, и рассказать о необычных расследованиях. Я рассказала им, с иллюстрациями, о том, как судебно-медицинским экспертам был направлен для исследования найденный на месте преступления кишечник, и они, по характеру повреждений, высказались о наличии похожих случаев. Эфбээровцы хмыкнули — ну и что такого? У нас, мол, тоже эксперты исследуют отдельные органы человеческого тела, если находят части расчлененных трупов. Пришлось сказать, что это — единственный известный мне случай, когда эксперты исследовали полностью отделенный от тела орган *живого* человека.

Так вот, в ходе следствия мы нашли в разных районах Санкт-Петербурга больше десятка дел об аналогичных преступлениях, и стало понятно, что действует маньяк. Дело было громким, средства массовой информации во всеуслышание задавали следственным органам вопрос, когда же, наконец, будет найден

виновный, а мне лично этот вопрос каждый день задавал начальник следственного управления. И когда мы задержали преступника (Игоря Иртышева), ко мне в кабинет выстроилась очередь из журналистов. Три дня я, в перерывах между допросами и опознаниями, раздавала интервью, но все хотели еще и пообщаться с маньяком. Пришел корреспондент «Ассошиэйтед Пресс» и стал настаивать на фото задержанного. Я не могла этого позволить, так как предстояли опознания, и если бы фотографию опубликовали, предъявлять Иртышева потерпевшим и свидетелям было бы уже бессмысленно. Корреспондент молил: ну хотя бы издали, один разочек, со спины… Я удивилась — зачем вам спина маньяка, и предложила вместо этого снять оперативников, поймавших злодея (они не возражали и своих лиц не скрывали бы), но сотрудник «Ассошиэйтед Пресс» с гневом отверг это предложение, срезав меня сакраментальной фразой: «*Публике спина маньяка интереснее лица оперативника*».

Так что спасибо Михаилу Кривичу и Ольгерту Ольгину за то, что из книги мы узнаем не только кровавые детали жестоких преступлений и подробности жизни маньяка, но еще и видим людей, благодаря которым Чикатило все-таки был остановлен: оперативников, следователей, судей.

И еще: книга интересна не только тем, что как в триллере разворачивает перед нами жуткое полотно операции «Лесополоса», но и тем, что представляет читателям, уже успевшим забыть, а то и вовсе не знавшим, многие реалии 1990-х, срез жизни тех времен, то, что сегодняшнему россиянину трудно понять. Например, о существовании целой армии снабженцев (коим был и Чикатило), колесивших по стране, правдами и неправдами добывавших запчасти и материалы для социалистических предприятий; о вокзалах как рассаднике пьянства, бродяжничества и преступности, с «тяжелой, неизбывной вонью», кучами барахла в проходах, перебранкой из-за мест и прочим. А главное, авторы без прикрас описали повседневную жизнь милиции, следствия и судов. Да, с тех пор много воды утекло…

А ведь я работала следователем как раз в те годы, когда адвокат допускался в процесс только с момента окончания следствия. А задержание, арест, предъявление обвинения — все это права на участие защитника не давало, исключение делалось только для несовершеннолетних и инвалидов, физические и психические недостатки которых лишали их возможности самостоятельно осуществлять свою защиту (иными словами, если инвалид без рук, без ног или парализован, но голова работает, эти физические недостатки еще не повод для приглашения

защитника), и не с момента задержания, а только через три дня. Разумеется, подозреваемый становился заложником добросовестности следователя. И человечности оперов.

Да и в судах не все было гладко. *«Суд в советские годы обеднел и обветшал: и суд как действо, и суд как здание… По всей стране, на окраинах и в столице, судебные процессы, как при Горбачеве, Брежневе, Хрущеве и Сталине, идут в тесноте и неуюте».* Мне в те годы тоже доводилось бывать в судах, где двум посетителям не разойтись было в узком коридоре, судье на голову прямо во время заседания мог упасть кусок штукатурки с прохудившегося потолка, а роль совещательной комнаты играл закуток за шкафами, отгороженный ситцевой занавеской. Сейчас-то по всей России суды обрели наконец достойные помещения, но, к сожалению, на наличие маньяков это не влияет. Они были, есть и будут.

> *СРЕДНИХ ЛЕТ УГРЮМЫЙ ЧЕЛОВЕК В ОЧКАХ*
>
> *«Газеты печатали его фотографии. На одной, снятой сразу после ареста, — средних лет угрюмый человек в очках, с помятым лицом и недобрыми маленькими глазками. Смахивает на технаря средней руки из заштатного конструкторского бюро. Другой снимок: подсудимый в клетке в первый день процесса. Бритая головка микроцефала, диковатый и бессмысленный взгляд, непомерно длинные — и сильные — руки орангутана, пестрая рубаха с расстегнутым воротом. Вот на этом фото он похож на убийцу».*

Конечно, если смотреть на фотографии Чикатило, сделанные в суде, становится странно, как этому отталкивающему персонажу удавалось заманивать своих жертв, почему они добровольно шли за злобным уродом в лесополосу… Но надо понимать, что в суде народ увидел Чикатило после длительного следствия, после полутора лет в предварительном заключении, а это не красит человека и здоровье не укрепляет. В книге приводятся слова сотрудника милиции Александра Германова: «Полтора года одиночки кому хочешь роста убавят». А на свободе он был совсем другим — обаятельным, легким, харизматичным. Маньяк того типа, к которому принадлежал Чикатило, должен легко нравиться, ему нужно войти в доверие к жертве, очаровать, чтобы без помех увести туда, где он с ней расправится. Посмотрите на его фотографии лет юности и молодости, их полно в Интернете: да он просто красавец!

Иногда мои студенты интересуются: а можно как-то узнать в толпе маньяка? Вряд ли. Вот и в книге авторы замечают: «Он был

обыкновенным человеком. Как все. Советским человеком. Сыном своей невразумительной эпохи. Учителем, снабженцем. Читателем газет, слушателем радио, телезрителем. Мужем, отцом, дедом». Вам даже в голову не придет, что это маньяк, если вы столкнетесь с ним на улице — да что там на улице, работая бок о бок, живя по соседству, никто не думал так про Чикатило. Я видела в своей профессиональной жизни маньяков, допрашивала их, и могу признаться, что в них не было ничего демонического. Одному из них оперативник в тюрьму носил шоколадные конфеты — надо же было контакт как-то устанавливать, и тот их с благодарностью брал. Другой как ребенок, настоящими слезами, плакал у опера на груди, рассказывая о своей несчастной жизни, а опер его утешал — по той же самой причине: от задержанного надо получить показания, узнать то, что можно узнать только от преступника. (Может быть, кому-то это покажется кощунственным, а по мне — честь и хвала тем сотрудникам уголовного розыска, что добиваются признания таким путем, кормя шоколадом и утешая, а не с помощью паяльника и дыбы. Хотя доводилось слышать от оперов — да что с ними церемониться, они с потерпевшими не церемонились… Но мы же не они, правда?)

Возможно, хорошо подготовленный и очень опытный специалист как-то выделит в толпе серийного преступника, но это на уровне подсознания, практически звериным чутьем, которое вырабатывается у талантливых оперативников. Как-то мы с нашим известным питерским профайлером Дмитрием Кирюхиным, вычислившим множество маньяков, обсуждали дело Максима Петрова, Доктора Смерть. Петров под видом фельдшера «скорой помощи» убивал доверчивых старичков, впускавших его в квартиры, и грабил их. Об этом деле был снят документальный фильм, в котором реконструированы сцены допросов и признаний Петрова. Когда я его смотрела, мне в голову не приходило, что это реконструкция, что роль Петрова исполняет актер. А Кирюхин сразу понял, что в фильме нам показывают не самого убийцу.

— Почему? Как понял? — приставала я к Кирюхину.

— Не знаю, — пожал он плечами, — глаза у него не маньяка.

НЕ БЫЛО ЕЩЕ, ПОЖАЛУЙ, ТАКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ТАКИХ ПРЕСТУПНИКОВ

Да, дело Чикатило — пожалуй, первое дело в истории советской криминалистики, получившее широкую огласку. Конечно, и до него в Советском Союзе были серийные убийцы. В 1935 году за совершение 15 убийств был расстрелян Александр Лабуткин; в 1963–1964 годах ходил по квартирам Ионесян —

Мосгаз; в 1969–1970 годах в Ростове-на-Дону и Ворошиловграде убивал женщин сексуальный маньяк Алмазян (Стальные Пальцы). Но подробности об этих преступниках знали только криминалисты, а в народе лишь из уст в уста передавали страшные слухи. Рассказывать об этом в прессе, а уж тем более муссировать кошмарные детали преступлений, как сейчас, было невозможно по идеологическим причинам: мы должны были показывать всему миру, что «социализм не порождает преступности», как выразился назначенный в 1935 году Генеральным прокурором Советского Союза Андрей Януарьевич Вышинский. Преступность, как учили тогда коммунисты, порождена исключительно двумя обстоятельствами: тяжелым наследием прошлого (царского самодержавия) и враждебным капиталистическим окружением. Не дай бог было заикнуться о том, что причины преступности могут корениться не только в социальных факторах, а еще и в самом человеке, его психофизиологических качествах, наследственности. Криминологи знают, как в 1974 году началась травля уважаемого саратовского профессора И. С. Ноя — за невиннейшее упоминание в монографии о том, что не только социальные детерминанты обусловливают преступность, но некоторые причины преступности носят биологический характер. Всего один робкий абзац про то, что да, преступность — это результат действия социальных факторов, но все же не надо сбрасывать со счетов достижения великих ученых, с которых начиналась криминология (Чезаре Ломброзо, Энрико Ферри, отечественных Д. А. Дриля, И. Я. Фойницкого и других), — и профессора И. С. Ноя выкинули с работы, изъяли его книгу из библиотек и категорически запретили на нее ссылаться. И страна семимильными шагами двигалась к светлому коммунистическому будущему, туда, где, по словам В. И. Ленина, преступность сама собой исчезнет, останутся лишь отдельные эксцессы отдельных личностей, для борьбы с которыми не будет нужды в содержании милиции и судов. И это будущее, как предсказывал Никита Сергеевич Хрущёв, не за горами: «Уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», который обещали построить к 1980 году. Но, как известно, история рассудила Вышинского и Ломброзо: прямо по анекдоту, в программе произошли изменения, и вместо ранее обещанного коммунизма состоялись Олимпийские игры, а мы сейчас понимаем, что преступность будет всегда, и в ее корнях перемешано социальное и биологическое. Забавно видеть, как отдельные столпы советской криминологии, в своих учебниках семидесятых годов XX века истово доказывавшие, что нет никаких биологических

причин преступности, а только пресловутое наследие царизма да буржуазные соблазны, теперь так же истово убеждают, что люди совершают преступления из-за того, что Господь вложил в человеческую душу и хорошее, и плохое (клянусь! своими глазами читала!).

А ведь именно Ломброзо первым обратил внимание на некоторые антропологические признаки, указывающие на возможность отклоняющегося поведения, на черты, характерные для определенных типов преступников, то есть фактически именно он стоял у истоков психологического профилирования — составления психологического портрета, «профиля» преступника исходя из характера преступления. Этот портрет формируется на основе информации об обстановке места обнаружения трупа, о повреждениях, причиненных жертве, их количестве, расположении, силе нанесения; о внешнем облике самой жертвы и особенностях ее поведения и тому подобном. Все эти сведения дают возможность выдвинуть версии о чертах личности преступника, о его внешности, привычках, о его месте в социуме. Но до относительно недавнего времени наши криминалисты не слыхали о профилировании, это была американская экзотика.

В 1991 году вышел блистательный голливудский фильм «Молчание ягнят» с Джоди Фостер и Энтони Хопкинсом, основанный на книге Томаса Харриса. Наши особо продвинутые следователи упивались этим сюжетом, разбирали его по косточкам, понимая, что фактически это учебное пособие по поиску серийных убийц. По этому произведению действительно можно изучать основы профилирования, поскольку консультантом писателя, а затем и режиссера, а также соавтором сценария и прообразом одного из главных действующих лиц был легендарный спецагент ФБР, человек, вошедший в историю криминалистики как один из основателей и разработчиков концепции психологического профилирования, Джон Дуглас. Его фигура и сейчас продолжает привлекать создателей произведений криминального жанра: им, к примеру, навеяны образы спецагентов ФБР, главных героев популярного сериала «Мыслить как преступник» («Криминальные умы»).

НИЧЕГО НОВОГО В МОЙ ОПЫТ ЭТО РАССЛЕДОВАНИЕ НЕ ДОБАВИЛО

Так нужно ли было это самое профилирование? Или надежнее было действовать по старинке? Ведь как-то справлялись, и в 1930-е годы, и в 1950-е… Самое обидное, что поначалу в советской России активно изучали общественно-опасное поведение, связанное с психическими отклонениями,

учитывали роль особенностей личности и антропологических признаков в преступном поведении. В 1922 году был создан Кабинет криминальной антропологии; в 1925 году на базе клиник, собиравших статистику преступлений и клинические данные преступников в разных городах РСФСР, начал работу Государственный институт по изучению преступности и преступника. В этих учреждениях уже в двадцатые годы XX века наши специалисты в области психиатрии и криминалистики сформировали психологические портреты отдельных криминальных типов — сексуальных преступников, пироманьяков, детоубийц. И если бы эти исследования продолжились, мы бы давно были впереди всей планеты и, в частности, Америки с ее отделом поведенческих наук и криминалистическим профилированием. Но в тридцатые годы XX века эти научные направления прикрыли, а учреждения расформировали по причине того, что уж у нас-то никаких маньяков быть не может. А если совершаются однотипные жестокие преступления, то это просто рецидивисты, а значит, виновных надо искать старыми проверенными способами: поквартирный обход, выявление лиц, склонных к антиобщественному поведению, проверка ранее судимых и тому подобными. (Маленькое лирическое отступление: когда в августе 1997 года в Санкт-Петербурге застрелили вице-губернатора Михаила Маневича, к нам сразу приехал, для оказания методической помощи в раскрытии, один из руководителей Главного управления уголовного розыска, сыщик старой, советской закалки, и приказал срочно проверить на причастность к убийству «лиц, ранее судимых за аналогичные преступления», — есть такая стандартная формулировка в планах расследования. Один из наших оперов ему резонно возразил: а нет у нас лиц, осужденных за аналогичные преступления, так как вице-губернаторов у нас еще не убивали.) Но к серийным преступникам эти стандартные методы неприменимы. Поскольку они сами никогда не остановятся, самый действенный способ их поимки — предсказать их дальнейшее поведение. Найти наиболее вероятную будущую жертву и не спускать с нее глаз; понять, где и когда может появиться преступник.

Следователь Исса Костоев в интервью, опубликованном в газете «Совершенно секретно» в сентябре 2017 года, признавался журналисту Игорю Королькову, что использовал «способы и методы организации поиска и следствия, которыми руководствовался прежде» (*«через сито проверок пропустить тысячи людей»*), и убедился, что они были верны; «ничего нового в мой опыт это расследование не добавило». Но затем он говорит:

«До меня Чикатило искали семь лет. Я его искал четыре года. Почему так долго?»

У Костоева свое объяснение, почему так долго: халатность оперов и следователей, ошибка, допущенная экспертом при определении группы крови преступника. Ну не без этого… Но у меня есть и другое объяснение: они смотрели назад, в прошлое, выявляли, кто *мог* быть на местах убийств и совершить такое. А надо было смотреть вперед, понять, кого они ищут, какие у него привычки, где и как он *будет* искать *новую* жертву. И вот если бы они воспользовались психологическим профилированием…

На чем основан метод психологического профилирования по делам о насильственных преступлениях? Сотрудники ФБР всесторонне изучали материалы уголовных дел о серийных преступлениях, подробно опрашивали осужденных маньяков. Джон Дуглас, например, лично проинтервьюировал самых печально знаменитых монстров: Дэвида Берковица — Сына Сэма, Теда Банди — обаяшку с университетской степенью по психологии, на счету которого более тридцати извращенных убийств, Чарльза Мэнсона — лидера секты «Семья», жестоко расправившейся с беременной женой режиссера Полански, актрисой Шерон Тейт, Эдмунда Кемпера, убившего, помимо шести девушек, своих бабушку и дедушку, мать и ее подругу. Изучение огромного массива уголовных дел и личностей преступников позволило выявить статистически значимые связи, жесткие корреляции между характеристикой лица, совершившего преступление, и признаками его криминального деяния.

Что касается дела Чикатило, Костоев жаловался: «53 убийства — и ни одного свидетеля! Ни вещи, брошенной преступником, ни отпечатка пальца. Мы не представляли, как он выглядит: высокий, низкий, худой, лысый?» А вот профайлер рассказал бы, как выглядит тот, кого они искали.

Опытный профайлер может дать не только общую характеристику личности преступника. Он расскажет нам о мотивации поведения того, кого мы ищем; назовет его привычки, склонности, определит возраст, скажет, в каком районе тот проживает и где работает, какое у него образование, в какой семье он вырос, есть ли у него жена и дети, судим ли он в прошлом и даже какую одежду носит. Один из первых опытов применения психологического портрета для поимки преступника был предпринят нью-йоркской полицией в 1956 году, когда там искали Безумного Бомбиста (Жоржа Метески), закладывавшего взрывные устройства в общественных местах. Привлеченный полицией (от отчаяния) психиатр Джеймс Бруссель изучил письма, которые Безумный Бомбист отправлял в газеты, и на

основании психолингвистического анализа текста составил портрет предполагаемого преступника: хорошо сложенный, аккуратный, чисто выбритый, белый мужчина, выходец из Восточной Европы, скорее всего — славянин, закоренелый холостяк в возрасте от 35 до 50 лет, живет с сестрой или теткой в собственном доме, страдает серьезным заболеванием. Бруссель по просьбе полицейских даже сказал, во что преступник одевается: «вероятнее всего, это двубортный костюм. Застегнутый на все пуговицы». Да, когда преступника нашли, отсеяв лишних, не имеющих подобных примет, он открыл полицейским дверь, одетый в синий двубортный костюм. Застегнутый на все пуговицы.

Это кажется фантастикой, но сегодня наука обеспечила нам возможность, если речь идет о серии преступлений, по характеру и локализации ранений на трупе судить о… социальном статусе преступника и его семейном положении. Например, способ убийства — удушение вкупе с нанесением ножевых ранений, с повреждениями в области половых органов или молочных желез (то, что было характерно именно для Чикатило) укажет нам на то, что у преступника высокий уровень образования — высшее или незаконченное высшее, он занят на квалифицированной работе и положительно характеризуется по месту работы; скорее всего, служил в армии, поддерживает обширные контакты с женщинами, женат и имеет детей. Вот он вам, Андрей Романович, собственной персоной, как на ладони. Так что профайлер справился бы с поиском Чикатило гораздо быстрее чем за 11 лет, поскольку материала для составления профиля в этом деле было более чем достаточно.

Правда, есть еще одна версия, почему Чикатило так долго не могли изобличить, несколько раз задерживали и отпускали, и откуда «растут ноги» у одиозной путаницы с группой крови преступника.

Этой версии авторы книги осторожно касаются, упоминая о том, что Чикатило, скорее всего, негласно сотрудничал с органами, и намекая при этом на КГБ. Документальных подтверждений этому нет. Но так часто бывает, особенно с лицами, привлекавшимися к уголовной ответственности (а Чикатило был осужден за растрату). Их склоняют к сотрудничеству, и они становятся теми, кого по-обывательски называют стукачами. Действительно, розыск не может существовать без таких стукачей, они являются бесценным источником оперативной информации. Иногда их оформляют официально — разумеется, секретно, сведения о лицах, негласно сотрудничающих с органами, являются государственной тайной.

Иногда сотрудничество происходит на неформальной основе, без каких-либо бумажек, и, как правило, именно те агенты являются самыми надежными и ценными, данные о которых опера хранят у себя в голове, а не в картотеке. Вполне вероятно, что Чикатило был агентом КГБ, или, что больше похоже на правду, — уголовного розыска. В таком негласном сотрудничестве есть одна фишка: если с агентом происходит что-то из ряда вон выходящее, например его задерживают, то об этом в первую очередь сообщают куратору, тому сотруднику, чьим агентом он является. И тот может вмешаться и принять меры к тому, чтобы от агента отстали. Конечно, за ценного осведомителя куратор будет биться всеми правдами и неправдами.

Я когда-то расследовала дело о шести убийствах в одном из районов города; все убитые были из одной компании, и каждый раз на месте происшествия присутствовал один и тот же персонаж, часто — весь в кровище потерпевшего. И всякий раз он выступал в роли свидетеля, неся откровенный бред по поводу явившихся среди ночи убивцев, и его отпускали, а очередное убийство «глухарили». Ларчик просто открывался: многократно судимый, он был на крючке в местном розыске и регулярно поставлял туда информацию. Поэтому местный розыск предпочитал иметь в активе пусть и лишние «глухие» убийства, зато ценного агента на свободе.

И здесь уже непринципиально, был Чикатило агентом КГБ или милицейским. Я могу допустить, что когда его задерживали, то ставили в известность куратора, и тот находил способ объяснить коллегам, что задержанного надо освободить. А вот когда дело всерьез запахло жареным, когда речь пошла о проверке группы крови и спермы, что тут делать? Несколько оперов, с которыми я обсуждала ситуацию, говорили, что тут могли тупо подменить образцы выделений, взятые у Чикатило, чтобы уж наверняка его отмазать. Вот такая конспирологическая версия, и подтвердить ее, наверное, невозможно.

> *«Группа же спермы, которая была обнаружена на трупе одной из жертв, была четвертой. Позже это обстоятельство объяснят тем, что у Чикатило якобы было так называемое „парадоксальное выделительство“: кровь у него была второй группы, а выделения организма — четвертой, и это обеспечивало ему своеобразное алиби. После суда Чикатило станет фигурировать в СМИ как „парадоксальный выделитель“ — человек с крайне редкой особенностью организма („один на несколько миллионов“). На самом же деле, анализ обнаруженной*

спермы дал неправильный результат из-за микробной обсемененности материала».

Вот эта официальная версия — про микробную обсемененность материала — кажется мне наименее убедительной. Если бы материал был загублен, ничего вообще, никакой группы установить бы не удалось. Вряд ли эксперты стали рисковать, называя группу крови наобум. Кроме того, я лично знаю эксперта, проводившую анализ; она — специалист высочайшей квалификации, и это не только мое мнение. В экспертных кулуарах говорят, что Чикатило, скорее всего, относительно редкий образец так называемого слабого выделительства: в его крови антиген сильно выражен, а в других выделениях — слабо. И в этих случаях анализы нужно повторять несколько раз, в течение нескольких дней, так как сыворотка, вводимая в образец, может выдать ошибочный результат. Чикатило задерживали дважды, и могли оба раза сделать выводы по одной пробе. Но, учитывая, как уже сказано, высочайшую квалификацию эксперта, да еще сильный резонанс дела, мне это представляется маловероятным.

ВСЕ ЭТИ УБИЙСТВА ПО СУТИ СВОЕЙ ДО ОМЕРЗЕНИЯ СХОЖИ, ТОЛЬКО ЖЕРТВЫ РАЗНЫЕ

Иногда думают, что серийный убийца развлекается, подбирая жертв, устраивая на них охоту и затем измываясь над ними. Сидит эдак у камина и думает: ночка-то какая лунная; а не пойти ли мне поискать какую-нибудь беззащитную девушку в черных колготках для удовлетворения низменных потребностей? Нет, сегодня «Тайны следствия» по телику; не пойду.

Конечно, это не так. На самом деле жизнь маньяка не менее мучительна, чем те испытания, которым он подвергает потерпевших. Питерский серийный преступник Лишонок, в 1990-х годах убивавший мальчиков после сексуальных надругательств, рассказывал психиатру В. И. Иванову, что в голове у него живет огромный удав, свернувшийся кольцами. Будучи голоден, он шевелится, расправляя кольца и причиняя тем самым невероятные страдания хозяину, а успокаивается только после того, как хозяин совершит убийство. Так что жизнь маньяка от убийства до убийства подобна жизни наркомана в ломке, когда плохо не только морально, но и физически, когда весь организм скручивает так, что жить невмоготу, и отпускает только после убийства. Ненадолго. А потом хочется повторить это облегчение.

Сейчас уже известно, что все серийные преступники в детстве сами были жертвами насилия, часто сексуального. Да, не все

жертвы насилия становятся маньяками, но все маньяки в детстве через это прошли. И Андрей Чикатило — не исключение, его детские годы переполнены жестокостью, и может быть, ужасы, совершавшиеся на его глазах, оказались для детской психики пострашнее прямого насилия.

Авторы книги приводят его слова: *«Мы жили на оккупированной территории в 1941–1943 годах. После боев собирали трупы, по частям, в крови… И детей разорванных видел на улицах. Свист пуль, взрывы, пожары — хаты горели. Прятались в подвалы… В 1933 году, по рассказам отца и матери, моего старшего брата Степана в голодовку украли и съели».* А по некоторым источникам, старшего брата Андрея Чикатило съели в голод сами родители. Можно также встретить предположение, что он был свидетелем изнасилования его матери немецкими солдатами, после чего родилась его сестра. Наверное, даже этого достаточно, чтобы психика ребенка необратимо изменилась. И лучше не представлять, что чувствует ребенок, живущий в атмосфере насилия и жестокости. Он один во враждебном мире взрослых; часто его мучитель является его же родителем или опекуном, и ему некуда деться, никак не убежать от этой убийственной опеки. Тяжелые, давящие матери, ломающие волю своего ребенка (вспомните «Мертвую зону» Стивена Кинга); отцы или отчимы, или даже случайные сожители матери, годами насилующие детей обоего пола… В роли мучителей могут выступать и ровесники, объединившиеся против слабого и безвольного подростка. Или фашистские солдаты, расправляющиеся с мирными жителями — женщинами и детьми. Тот, кого мучают, не может дать отпор и постоянно, каждую минуту, каждую секунду, пребывает в тяжелейшем психологическом состоянии. Наверное, каждый переживал, хоть и недолго, такое отчаянную ситуацию, когда ничего не исправить, остается только биться головой о стену в буквальном смысле. Но у большинства это проходит. А если из этого ада нет выхода? Правда, добрая природа предусмотрела возможность облегчения такого положения: адекватным ответом на агрессию является агрессия; состояние человека, которого ударили, а он утерся и пошел, несравнимо с состоянием того, кого ударили, а он дал сдачи. А если нет возможности ответить агрессору агрессией же? Маленький ребенок не может ответить адекватной агрессией взрослому или группе мучителей-ровесников, ему остается только утираться. Или проявлять агрессию по отношению к тому, кто не сможет ответить ему, в свою очередь. Поэтому начинающие маньяки мучают животных. В 1963 году Д. Макдональд описал так называемую «триаду маньяка»: все известные серийные

убийцы в детстве обнаруживали три психические девиации одновременно — страсть к поджогам или взрывам, жестокость к животным и ночной энурез. У Чикатило, кстати, все эти отклонения присутствовали.

Так что, если нет возможности ответить насилием тому, кто является источником фрустрации, наше подсознание услужливо предложит нам вариант замещения. Воспитанный жестокой матерью Эд Кемпер будет убивать девушек, доверчиво садившихся к нему в машину, потому что мать все время внушала ему — кому ты нужен, ты урод, с тобой не пойдет ни одна нормальная девушка. А если они пошли, то это плохие девушки. Правда, логичнее было бы убить мать; но его воля настолько подавлена именно матерью, что проявить насилие по отношению к ней он не может. Зато может обратить агрессию на тех, кого мать не одобряет. И только после того, как он совершит восемь убийств, натренируется, привыкнет, раскрепостится, он наконец расправится с той, которая ввергла его в пучину этого ужаса.

В теории криминалистики считается, что серийный убийца в своих фантазиях формирует некий образ, типаж, который влияет на выбор жертвы. «Переживания и проблемы, запечатлевшиеся в душе в период оформления характера будущего серийного киллера, переносятся на людей, чем-то похожих на тех, кто был некогда первопричиной этих переживаний», — пишут в книге «Криминалистическая психология» В. Образцов и С. Богомолова. Давящая мать — значит, маньяк будет искать женщин, похожих на мать, и убивать их, в своих фантазиях каждый раз ликвидируя источник своих проблем — мать. Иногда уже и матери на свете нет, а сын все убивает этот образ. Ну, Хичкок на этот счет все сказал уже давно. Отвергнувшая девушка — значит, жертвы будут похожи на нее…

А как же укладывается в эту теорию Чикатило? Среди его жертв — и маленькие девочки, и девушки, и женщины разных возрастов, и мужчины, и мальчики. Что за типаж он преследовал, кого убивал каждый раз? Разумеется, следует учитывать, что чаще всего первыми жертвами маньяков становятся дети, по одной простой причине: с детьми легко справиться. Юные девушки — из-за того же. Потом маньяк оттачивает modus operandi, способ действия, и осмеливается убивать взрослых. Но Чикатило и после совершения многих убийств продолжал нападать на детей, на мальчиков. Психиатр Александр Бухановский считал, что Чикатило был гетеросексуалом, а мальчики для него «выступали в качестве „символических объектов“, на которых он, возможно, вымещал обиды и унижения, перенесенные в детстве и подростковом возрасте». Но отчего именно мальчики играли роль

этих «символических объектов»?

«В школе от голодных обмороков я падал под парту, — продолжают авторы книги интервью с маньяком. — Ходил в лохмотьях. Был предметом насмешек и не мог защититься. Был слишком стеснительным, робким, застенчивым. Если у меня в классе не было ручки или чернил, я просто сидел за партой и плакал». Его дразнили «скелетом» и били, преследовали. Значит, повзрослев, он искал подростков, похожих на тех, кто его дразнил и бил?

Осмелюсь предположить, что «символический объект» в данном случае для Чикатило — это он сам. Он сам в прошлом, в своем детстве. Это себе он мстил за то, что не сумел противостоять насмешкам и преследованиям, не давал отпор мучителям, а просто плакал тогда, в школьные годы.

РАССТРЕЛЯЛИ ПО ОШИБКЕ

Казалось бы, дело Чикатило изучено, описано и разобрано по буквам вдоль и поперек, и в нем все ясно и понятно. Но нет. До сих пор не утихают споры о том, совершал ли он первое приписанное ему убийство, 9-летней девочки Лены Закотновой, в Шахтах. Авторы книги убеждены, что именно он убил Лену, и довольно аргументированно излагают эту версию. Но не все так однозначно.

Об этом убийстве рассказал следователю сам Чикатило. Следствие и не думало проверять его на причастность к убийству девочки в 1978 году, просто потому, что за это преступление уже был осужден и даже расстрелян другой человек — Александр Кравченко. Но Чикатило настаивает, что девочку убил именно он. Что-то в его рассказе подтверждается, что-то противоречит известным обстоятельствам происшествия. А в суде он отказывается от этого эпизода, утверждает, что себя оговорил, хотя, казалось бы, какая ему разница, 53 или 54 убийства; ведь даже если бы не пятьдесят, а двадцать или даже пять, — это все равно «вышка», смертная казнь.

Следователь Исса Костоев был убежден, что Лену Закотнову убил Чикатило, и проявил невероятную активность по отмене приговора в отношении Кравченко, и еще до приговора выступал в прессе, называя Чикатило подлинным убийцей Лены Закотновой. Значит, все-таки Чикатило?

А вот один из прокуроров, участвовавших в процессе, А. Куюмджи, после оглашения обвинительного заключения отказался поддерживать обвинение по эпизоду с убийством Закотновой, потому что счел вину Чикатило в данном эпизоде недоказанной. Это очень серьезный довод: чтобы прокурор, не

дожидаясь прений, в самом начале процесса, усомнился в одном из эпизодов преступной деятельности, да еще по такому громкому делу — неслыханно! Значит, не Чикатило?

Ростовский суд осудил Чикатило за это убийство. Но затем кассационная инстанция, рассматривая дело Чикатило, признанного виновным в нескольких десятках убийств, исключает именно это преступление, в отношении Закотновой, из обвинения. Значит, не он?

Фактически этот эпизод Верховный суд РФ исключил из его обвинения за недоказанностью. Но осторожно формулируя: «При таких данных судебная коллегия находит вывод суда первой инстанции о виновности Чикатило в убийстве Закотновой и попытке ее изнасилования *не основанным на бесспорных доказательствах*». То есть все-таки доказательства худо-бедно есть. Но они не бесспорные. Тогда, может быть, он?..

На мой взгляд, в определении Верховного суда РФ есть по меньшей мере одно бесспорное доказательство, только оно доказывает не вину, а наоборот, невиновность Чикатило. «Экспертами установлено, — пишет судебная коллегия, — что в выделениях Чикатило содержится антиген „В“, который не был выявлен при исследовании содержимого влагалища и прямой кишки потерпевшей. Такой вывод экспертов фактически исключает происхождение спермы, обнаруженной у потерпевшей, от Чикатило».

Авторы книги сами указывают, правда, в главе, не относящейся к убийству Лены Закотновой, что всякий раз при обнаружении трупов потерпевших, если был материал для исследования, «медицинская экспертиза давала заключение, что сперма относится к антигенной группе АВ, то есть содержит оба характерных для крови человека и его выделений антигена — А и В». То есть антиген В имелся во всех случаях, кроме первого?

Учитывая, что потерпевшая — все же не взрослая женщина, а ребенок, трудно предположить, что сперма в ее половых путях взялась не от убийцы, а от кого-то другого. Значит, не он?..

МЫ ХОТЕЛИ ПРИЙТИ К ФИНИШУ ПЕРВЫМИ

Книга заканчивается благодарностями тем, кто помог в работе над ней: следователям, оперативникам, экспертам, издателям, журналистам… А мне хочется сказать спасибо авторам за вдумчивое, глубокое повествование, в котором им удалось избежать смакования кровавых подробностей и очень взвешенно, но в то же время и эмоционально показать нам героев этой драмы. И антигероев тоже. Столько лет прошло, а читать книгу интересно. Говоря о том, что они хотели прийти к финишу

первыми, авторы имели в виду чрезвычайно сжатые сроки, в которые она была написана: «В апреле 1992 года мы впервые услышали о ростовском деле. В июле задумались — не написать ли об этом книгу. Мы сели за нее в конце июля, вчерне закончили к сентябрю, а в середине октября, едва был зачитан приговор, поставили точку». По-моему, им удалось прийти к финишу первыми и в другом смысле: в смысле создания хорошего публицистического произведения, в относительно редком у нас жанре true crime story.

Елена Топильская

notes

Примечания

1

Барсегянц Л. О., Левченко Б. Д. Судебно-медицинская экспертиза выделений организма. Москва, 1978. С. 104.

2

Следователем по особо важным делам.